

Планы
древних
славян

Составление А. И. Башенковой, В. И. Вардугина

Художник Г. М. Панфёров

ISBN 5-88618-017-6

Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А.

Мифы древних славян. Велесова книга. — Сост. А. И. Башенкова, В. И. Вардугин. — Саратов, «Надежда», 1993. — 320 с., ил.

Издание, которое вы держите в руках, — уникальное. Таким его делают две небольшие, вошедшие в сборник, книги, — памятники нашей старины, впервые изданные около двухсот лет назад (1804—1810) и никогда не переиздававшиеся. Это «Славянская и российская мифология» А. С. Кайсарова — первый и единственный до сего дня словарь славянских мифов, и «Древняя религия славян» Г. А. Глинки. Оба автора были первыми русскими дворянами — профессорами, замечательными для своего времени филологами-славистами и писателями раннепушкинской эпохи. Завершающие сборник главы «Рождение богов и богинь» из книги современного русского академика Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» делают его ещё более весомым и доказательным, а впервые издающаяся в провинции «Велесова книга» (дохристианская летопись Руси) позволяет сопоставить мифологические сюжеты с реальными событиями II тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.

«Мифы древних славян» станут для любого русского человека незаменимым справочным изданием, которое будет служить долго: детям, внукам и правнукам.

ISBN 5-88618-017-6

М 0403404400
321(03) — 93 без объявл.

СОЛНЕЧНЫЕ БОГИ СЛАВЯН

Слово «культура» происходит от слова «культ» — вера, обычай и традиции предков. Тот, кто забывает это, — не имеет права считаться культурным человеком.

До христианства и других монотеистических религий все народы были язычниками. Культура земляни насчитывает тысячелетия. У нас же отсчёт отечественной культуры, в лучшем случае, ведётся от крещения Руси, в худшем — с 1917 года. И в том, и в другом случае древнейшая история народов, а, главное, — их воззрений на космос, природу и человека, исключаются из сферы знаний простых людей. В частности, о язычестве в школах не говорят ни слова. О язычестве не имеют представления не только ученики, но и учителя. А между тем школьную программу надо бы начинать со сказок, песни, мифов своих предков.

Делая вид, что у древних наших предков никаких воззрений, идеалов и культов не было, мы тем самым втискиваем понимание истории народа, и, особенно, его духовности, в прокрустово ложе дарвинизма, отрицающего всякую духовность (Божественное происхождение духа) человека и последующего лишь его отобезьянную физиологию.

Язычество окружено, с одной стороны, тайнами забвения и многих утрат, словно древний материнский и потому совершенно незнакомый мир. С другой — на него наложено негласное «табу». Это последнее — явление вытесывания, стирания из сознания людей основной их культуры началось у восточных славян с введением христианства и не было отменено с пришествием на Русь безбожников в 1917. Поэтому, если кто относится к язычеству и к атеизму как к одинаково безбожным явлениям, — глубоко ошибается.

Атеизм противопоставит любой религии и духовности. Язычество — религия, а ближе любой другой религии уже по своей этой главной сути — в е р ы в Б о г а. Именно поэтому язычество, одновременно сближаясь меж собой своими разными руслами, сближалось и с другими, более поздними, пришедшими эволюционным путём (усложнялся человек, усложнялись его представления о Космосе, Боге) монотеистическими религиями, слеплось с ними и во многом в них растворялось.

Язычество — от «языки» (суть: народы, племена); это слово объединяет в себе принципы веры разных народов. Сама же вера этих народов, даже в рамках союза племен, могла быть меж собой весьма различной.

Славянское язычество развивалось по разным руслам: одни племена верили в силы космоса и природы; другие — в Рода и Рожаниц, третьи — в души умерших предков и в духов (одухотворённые силы); четвёртые — в тотемных животных.

прищуров и т. д. Одни хоронили (хранили) своих умерших предков в земле, считая, что те потом помогают живым с Того Света, оставляли им что-нибудь в пищу. Другие — сжигали умерших в ладьях (лодках), отправляли их души в небесное плавание, полагали, что, если тело сжечь, — душа быстрее поднимется на небо и там встретится нашедя к своей знаменде (откуда — представлялся).

Для сжигания умерших и для приношения языческих жертв в древности у славян существовали определённые места — алтари под открытым небом в виде треугольника, квадрата или круга, которые именовались *к рада* (ср. самнитское сакральная жертва в честь мёртвых), *к радой* назывался также горящий жертвенный костёр. «Крады и требища идольские», — писал Нестор-летописец. Было и божество, охранявшее алтари, вероятно, оно называлось *Крада* (*Кrado*).

Существовало поверье, что скончившийся уносится в рай-вырий (*ирай*, *арай*; отсюда древнее название *арийцев*) немедленно, на глазах любящих его близких. Душа ассоциировалась с дыханием и дымом (о том, у кого прекратилось дыхание, говорили: отдал Богу душу). Далее душу подхватывали жаворонок, первые птицы, прилетающие весной из вырия-рая. День прилёта жаворонок — 9 марта — считался днём поминовения предков и назывался *Радуница*. В период борьбы с языческими богами им приписывались худшие демонические черты: говоря современным языком, создавался образ врага, поэтому день поминовения умерших по славянским обычаям вначале, в связи с насаждавшимся пасхальным календарём, был перенесён на 1 мая и считался бесовским, нечистым днём, вернее — ночью (*Вальпургиева ночь*). Но позже, незаметно славянский день поминовения умерших и христианская Пасха сближались.

Христианство, зародившееся адали от славянских племён, восприняло славянское язычество как чуждую религию, и она жестоко уничтожалась сверху. Народ же несколько веков сопротивлялся этому и разными путями вносил язычество в христианство (путём иносказания, подражания, наёмки, переименования по созвучию или внутренней близости сущности и т. д.), в конце концов народное (изначально языческое) мировоззрение, этика, растворилась в христианстве, создав уникальный сплав — Русское Православие.

Так или иначе, но сегодня древняя вера наших предков (разных племён) похожа на клочки старинных ируней, забытый узор которых надо восстановить по обрывкам. Полной картины славянских языческих мифов ещё никто не восстановил, хотя существует немало серьёзных исследований (см. список литературы в конце книги).

Сегодня можно дать лишь общее (собранное из того, что удалось сохранить) представление о славянском языческом мире. Причём, если отдельных богов можно более или менее подробно охарактеризовать, то от других сохранились лишь имена.

Наиболее древние неперсонифицированные боги славян — Род и Рожаницы. Род иногда отождествлялся с фаллосом, иногда с зерном (в т. ч. солнечным и дождевым зерном, оплодотворяющим землю). Рожаницы — женское рождающее начало, дающее жизнь всему живому: человеку, растительному и животному миру. Позже Род и Рожаницы стали выполнять больше функций, унифицировались в верховных богов и в разных племенах славян персонифицировались — получали имена собственные: Яригат, Светомлад, Ригетат, Маношь, Златая Баба, Дядиля, Зизя и т. д.

К древнеславянским относятся поклонения ушьям и берегиням. Там же

направленными божествами, олицетворяющим души умерших некогда людей — добрых и злых, помогающих и вредящих. Особенно неприкаянными, переселенными считались души умерших на чужбине, болевшие убитых или не погребённых по обычаям своих предков. Лишь под семью обычая предков человек даже после смерти мог чувствовать себя спокойно. Такие души ещё навывали навыв и старались их задобрить, всегда выставляя им жертвы — еду.

Берегини (наподобие греческих пенатов) хранили благополучие разных мест и видов природы, а также дом. Домовых духов было множество: домовый, кутный бог, дед, спорыши и спехи (духи, способствовавшие человеческим делам), дрема (домашнее мирное божество сна), блявок (сказочник, сказочник ночной, весельщик колыбельный), лена, отеть (крайняя ступень лени), ономы, прокураты, прокуды (плуты, неслузи, проказники), банник (дух бани), злыдни (украинское «бодай нас злыдни побыли!»), бесы, черта, шашаги (черта с торчащими шипом волосами), кикимора или шипимора (черта с торчащими шипом волосами, божество беспокойных сна и ночных явлений). Праславянское «чъертъ» значит прибранный, перешедший черту, границу.

Берегинь было много: они оберегали человека всюду: дома, в лесу, в поле, на воде, оберегали посевы, скотные дворы, детей, пели им колыбельные песни, рассказывали сказки (байки), навывали сны. Позднее они получали кто собственные имена, кто — соборные-групповые, например, соборные Дед, Баба — прародители; групповые — русалки, лешие и т. д. Приведём здесь некоторые из них.

Дед (дядя) — прародитель, предок. Для тех, кто считали, что ведут свой род от Перуна (Ольговичи и др.), это ещё и синоним Перуна. Дед — хранитель рода и, прежде всего, детей, конечно. Старший мужчина, представитель родового старейшинства, который усмиряет страсти внутри клана, хранит основные принципы морали рода, строго следя за их исполнением. Белорусы, украинцы и др. называли дедом (дядом) домовое божество, охраняющее домашний очаг (уклад), печной огня, как бы малый перунов огонь, в отличие от большого — на небе. Дедом называли и лесное божество — хранителя Перуноваклада (золота, серебра, т. е. молний, грозы, дождя серебряного). Дада молили об уважении, открытииклада. По преданиям, где огонь блещёт, там клад этот (дождь с грозой), который жизненно необходим и важен для людей (для рода, дома перуновых потомков).

Баба. Наиболее древнейшая из них — Баба Яга. У всех возникают вопросы: что означает Яга? Почему она такая страшная? И уж тем более никто не верит, что страшная Баба Яга — изначально заботливая берегиня.

Слово «Яга» — огрубевшее от «Яшча». Яшча в славянских песнях называли ящур — некогда жившего на земле и исчезнувшего прародителя всего живого; отсюда наше более понятное — ящур. Баба Яга изначально — прародительница, очень древнее положительное божество славянского пантеона, хранительница (если надо — воинственная) рода и традиций, детей и окологлазничного (часто лесного пространства). В период насаждения христианства всем языческим богам и божествам, духам, в том числе и оберегавшим людей (берегиням) придавались злые, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера, злые намерения. Так языческая строгая прародительница была превращена в злобного демона, которым пугают наших же маленьких детишек.

В разных славянских племенах были похожие и другие прародительницы, получившие имена собственные: Златая Баба, Златая Мать, Маношь и т. д.

Особенно много берегинь (им также позже придавались злые черты) среди лесных: лесовики, лесовые лесчан, длиный мужик, Микела (Никела) Дуалинский, лесутини, беревия, лунавый (согнутой и искривлённый, как лун, и такой же изуродован, что лунное), дед, дедон; а также бесы (славянское «бес» обозначает буквально «бес», а дальше могло следовать любое положительное понятие, например, человек без... совести, Бога, понятия (знания), добра, справедливости, чести, ума и т. д.); черта; шпшиги; мавки лесные; упыри; анчутки (помощь чёрта и утки); оборотни; волнадаки (длина — шкура); метопыри; тудо-юдо; лесной царь; судачки и гарцуки (мелкие духи, помощники Перуна); лиза одоголаное; птица Страх-Рад — вот неполный перечень лесных обитателей, которые были воплощением леса, как враждебного человеку пространства.

Перой лесной почти не отличался от людей, но чаще жилили леса представлялся одетым в звериную шкуру (дланку); иногда был со звериными атрибутами: рогами, копытами и т. д. Надежды (возможно поэмы) отрядательными признаками, «лесными»: левая сторона запалнута на правую, лесной лапоть надет на правую ногу; лесной мог быть одоголаный или кривой на левый глаз, хромой на левую ногу и т. д.

Злой «привычки» лесных в лесу вытесняли перуновы помощники, которые были ещё более строги к человеку, — калашники (от слова «калать»): Морозно, Трекуснец, Карачуп. Таким образом, человек, выходя из дома в лес, поле, встраивался на постоянную борьбу с непреодолимыми обстоятельствами и немилосердными стихиями; с другой стороны — всегда мог рассчитывать и на неожиданную помощь лесного божества, лесного хозяина, поэтому старался ему понравиться: не вредить лесу, не бить без нужды зверей, не ломать зря деревья и кусты, не засорять лес, даже не кричать громко, не нарушать тишину и покой природы.

О том, что на славянской кикиморе (шпшиморе) — божества сна и ночных привидений пытались сделать злого духа, свидетельствует вторая часть слова — «мора». Мора (Мор), Мара — богиня смерти (многие универсальные боги имели женскую и мужскую ипостаси — и это говорит о их древности: они прошли стадию матриархата и патриархата). Но всё же кикимора — не смерть. Если она злится и пронашивает, например, беспокоит по ночам малышей, путает оставленную на ночь пряжу и т. д. — ещё не значит, что кто-то умрёт вследствие её злых проделок (как мы понимаем и слово «умора»). Кикимора — слабее, как бы криво-зеркальное отражение лишь страха смерти, или даже просто страха.

Христианству удалось превратить в свою противоположность и русалку — дремлющий вид берегини, жившей в водах. Изображалась она всегда с женским лицом и грудью, рыбьим туловищем и хвостом. Само слово «берегиня» произошло от понятия — оберегать, помогать странствующему, плывущему, терпящему бедствие добраться до берега. Это делали у славян русалки. Однако в период критики и отрицания язычества, демонизации языческих богов постановочно вводилась мысль, что русалки — утопленницы и умершие некрещёные дети. Их стала бояться. Считалось, что она более всего опасна для людей в русальную неделю (19—24 июня), перед Ивном Купалей, особенно в четверг (Перунов день). В русальную неделю пели русальные песни, вешали на деревья и кусты пряжу, шпшиги, шпелоты — символическую одежду для русалок; то ли чтоб задобрить их, то ли чтоб выманить...

Волнада к берегиням древний Семарл — священная крылатая собака, охраняющая семена и посевы. Семарл — как бы олицетворение вооружённого (вои-

ственного) добра. Позже Семаргла стали называть Переплутем, возможно потому, что он был больше связан с озерной норной растеньи (Плутон — греческий бог подземного царства). Культ Переплута справлялся в русальную неделю. А семени и посевы стали оберегать Ядрей и Обилуха. Русалки, злы тоже к этому причастны, они приносили весть о дожде.

Берегинями также были птицы с женским лицом: сладкозвучная Сирин, возрождающаяся из пера птица Феникс, Стратим — мать всем птицам, старейшая и большая. Жар-птица, девушки-лебеди (лебёдушка). Ноготь-птица и т. д.

Мифических полуживотных-полулюдей ещё называли химерическими или химерами. Назначение многих берегинь ныне утрачено. Особенно много путаницы с химерическими существами. Распространено было, например, собачье имя Полкан, многие думают, что в древности была такая крылатая собака (путая её с Семарглом), в то время как полкан (полкань) — буквально полукань. Полукань охотился солнечных коней Светограда, коней (стада) богов солнца или богов-громовершителей.

Среди полуканей русские Новей-горбунок, Сивка-бурка и т. д. По внешнему виду они вполне или наименее героические коней Бога, они пугливы, иногда даже уродливы (горб, длинные уши и т. д.). В метафорическом смысле они именно полукань-полулюди: понимают дела людей (богов и бесов), говорят человеческим языком, различают добро и зло, активны в утверждении добра (это осталось от берегинь).

Есть ещё одно необыкновенное божество: Чур — божество границ, одно из древнейших божеств-берегинь. Произошло от «чур».

Земля, в которой появились предки (пращуры) какого-либо рода, в которой происходила, выходящая, из рода в род, считалась неприкосновенной. По поверьям многих племён, души тех, кто не уважает святости границ, передаются мертвым камням (столбы), косящимся на земле чужих предков, подвергаются проклятию, после смерти блуждают без пристанища. Или такие люди вечно приговорены таскать камни и носиться по полям, нигде не находя покоя; или носиться по полям блуждающим огоньком.

Чур связан с миром. Он освящает и защищает право собственности (ср. «чур-мой!»), оседлость человека на земле, гуманные нравственные принципы, всё делает по справедливости: «чур — пополам!», «чур — вместе!»

Со словом «чур» связаны «чурт», «очерт», «очерчивать». Праславянское «чурт» — проклятый, возможно, нарушивший границы, межовые, географические, а затем — возможно, нравственные; подменяющий добро злом.

Немало дошло до нас упоминавший солнечных космических языческих богов. Это боги поздние, они уже имели свои персональные имена и, как правило, свои «святые» или оружие/орудия из божества и духов, специализирующихся их делом и предназначению (например земных царей; вопреки человеку, от века и вему условившись, творил богов по образу и подобию своему).

В «Слове о полку Игореве» упоминается Сварог — бог грома (инд. Сварга — небо), отсюда, кстати, наши выражения «сваря», «свариться» — ругаться, браниться, быть как небо в непогоду. Дажьбога в «Слове о полку Игореве» называют «огонь Сварожича».

Связан со Сварогом Стрибог — бог воздушных течений и стихий. Видимо, именно ему подчинялись ветры, собственные имена некоторых из них утрачены, возможно, одного из них называли Ветер, другого Ураган и т. д. Но называли

двух ветров дошли до нас. Это Погода (Догода) — лёгкий, приятный западный ветерок. Не случайно всё остальное состояние атмосферы, кроме названного, именуют непогодой. Посивет (Посивад или Позивет) — старший (или повелитель) ветер, дующий на севере. Изображался в огромном развешивающемся плаще. В знаках Посивада иногда заменяет Соловей-разбойник, образно воплотивший всю злою и разрушительную силу ветра.

Некоторые считают, что бог солнца у древних славян был Ярило, другие — Дажьбог, третьи называют Световидом — это и так и не так. Отчасти каждому из главных племенных языческих богов, какими являлись Дажьбог и Световид, были присущи черты Бога Солнца, с другой стороны, и этим богам и солнцу придавали свойства мужские, свойства Рода (Ярилы). Однако, у славян был собственно бог солнца, или ему Хорс. Он известен больше всего у юго-восточных славян, где солнца, конечно, очень много, солнце там просто царит над всем остальным миром. Не случайно в «Слове о полку Игореве» Хорс упоминается именно в связи с югом, с Тмутараканью. Князь Всеволод, пробираясь ночами в Тмутаракань, «великому Хорсови волком путь перерыскаше», то есть успевал до восхода солнца. Предполагают, что южный город Корсунь также получила название от этого слова (изначально Корсунь).

От древних корней «хоро» и «коло», означавших круг, соллярный знак солнца, образуются слова «хоровод», «хороны» (круговая застройка двора), «колесо». Скифы-пахари (праславяне, жившие именно на юге) называли себя потомками солнца (Бога солнца) — сколотами. Самый известный сколотский царь носил имя Колонсай, то есть царь солнечного народа, или народа, происходящего от солнца.

Хорсу посвящены два очень крупных славянских языческих праздника в году (связанные также со Световидом, Ярилой-Ярополтом и т. д.) — дни летнего и зимнего солнцестояния в июле (когда с горы к реке обязательно сносили тележное колесо — соллярный знак солнца, символизирующее откат солнца на зиму) и декабря (когда чествовали Коляду, Ярилу и проч.).

Многие, даже из слышавших колядки, не знают, что обозначает слово «Коляда». Коляда — уменьшительно-ласкательное от «коло», солнце-младенец (представлялось мальчиком или девочкой, ведь для маленького возраста ребёнка пол ещё не играет никакой роли; само солнце у нас среднего рода). Это божество возникло из праздника зимнего солнцезаворота, из поэтического представления о рождении молодого солнца, то есть солнца будущего года (это древнее представление о ежегодном младенце не умерло по сей день. Оно перенесено на понятие «новый год». На открытках и в новогоднем оформлении празднества художники не случайно изображают новый год в виде мальчика, летящего в космосе).

25 декабря (месяц студень) начинается поворот солнца на весну. Коляду (ср. коло — колесо, круг — соллярный знак солнца) представляли прекрасным младенцем, захваченным в плен злою ведьмою Зимой, которая превращает его в волчка (ср. синоним волка — лютый — с праславянским названием самого сурового месяца зимы (февраль — лютый). Только тогда, когда будет спята с него волчья, иногда и других животных, шкура и сожжена на огне (весёлое тепло), тогда Коляда явится во всём блеске своей красоты. Коляда праздновалась в зимние святки с 25 декабря (соченики, сочельник) по 6 января (Велесов день). Это время совпадает с сильными морозами (ср. Мора — смерть), вьюгами (ср. Вий) и самыми нестойкими гуляющими нечистых (в христианском

представлении) душой и злым ведам, которые скрадывают месяц и звёзды. Всё заволанивается морозною заволоною и нахлеще мёртвым. Однако, зимние святки — самый весёлый разгул славянских празднеств. Солнце наряжается в сарафан и кокошник и едет «в малёваному воеводу на вороному конёчку» в тёплые страны (и весне и лету). В эти дни юноши и девушки «наряжались в хари» или в «лэры и страшила», ряженые ходили по дворам, пели колядки — песни, прославляющие Коляду, дающего всем блага. Прославляли также благополучие дома и семьи (желали всего, «что хозяйну нравно»), где колядовщики весело требовали гостинцев и подарков (вернее, отдарков за колядование), шутили предвзная разорение скупым. Сами подарки — обрядовое печенье: баранки, корзинки, козульки, пироги и караваи — символы плодородия. Каравай, например, символизировал тучность коровы (старосл. — кривы).

В ночь зимних святок проходили гадания на будущий урожай, на приплод, а больше всего — на брачные союзы. Способов гадания — бесчисленное множество. Этот обычай идёт от желания общения с древней славянской богиней, которая представлялась в виде красивой девушки-прихи, придушей нить судьбы, нить жизни, — Среча (Встречи) — с целью узнать свою судьбу. У разных племён синонимы «суд», «рон», «доля», «судьба», «жребий», «кош», «приговор», «решение», «выбор» имеют одно и то же значение.

Среча — ночная богиня. Никто не видел, как она придёт, поэтому гадания проходили ночью. Чаще всего гадали на суженых (ср. слово «невеста» буквально — «неизвестная»). Предполагается, что обязанности богини судьбы у иных восточнославянских племён выполняла Макошь, которая покровительствовала домашним работам и, в том числе, преданию. На прилах славяне зачастую изображали своё представление о мирообразии, зашифровывая его в символы и знаки.

Если во время зимних святок ночью проходили гадания, то днём — ладимы — стогоры невест, а затем и свадьбы.

С летним солнцеворотом связан славянский праздник Купало. День летнего солнцестояния — важнейший праздник славян. В этот день солнце (Хорс, Коло) в парадной колеснице из своего небесного чертога выезжает навстречу месяцу — своему супругу. День летнего солнцестояния — время наивысшего развития творческих сил природы. В это время Ярило или другие божества мужского пола выполняли свою миссию, ибо брошенное в землю зерно проросло, дало всходы. Поэтому Ярило, Купало (купа — куст, ствол растений, травы) могут и должны умереть до следующей весны.

В ночь на 24 июня был обычай не спать: караулить встречу месяца с солнцем, чтоб видеть, как «солнце греет». Славяне уходили на ритуальные холмы, называвшиеся по-разному (Ярилина плешь — возле Преславия Залесского, Лысая гора — близ Саратова и в других областях, были Воробьины, Девичьи или Девяны горы), или на поляны у рек, жгли костры, пели, водили хороводы, ручейки. Прямиком через костры были одновременно испытанием ловкости и судьбы: высокий прыжок символизировал удачу в замыслах. С шутками, притворными плачами и шепелявыми песнями сжигали соломенные куклы Ярилы, Купалы, Кострубовых или Костромы (костра — одереветневшие части льна, конопля).

На рассвете все участвовавшие в празднике купались, чтоб снять с себя злые немощи и болезни.

В купальскую ночь, по преданиям, происходили всякие чудеса: цвели редкие загадочные травы — разрыв-трава, пелоротник и т. д.; отыскивались неведанные

нады, Печать — верным и коварным — тоже предавались всяческому разгулу, скрывали тайды, месяц и врем.

На слиянии языческого славянского праздника Кушала и христианского Ивана дня (именно в виду Ивана Крестителя) появилось новое название праздника — Иван Кушала.

Если Хорс был бог солнца, то Сятевид, Дажьбог, Рутевит, Поревит, Яревит, Белбог несли в себе и мужское родовое начало, и солнечное, космическое. Эти боги позднеславянского язычества — верховные (родовые) боги разных племен, поэтому в их функциях много общего.

Дажьбог — один из наиболее известных богов восточнославянских племен. Автор «Слова о полку Игореве» называет всех русских дажьбожьими внуками. То есть это буквально наш дед, предок, пращур, прародитель. Это бог дающий, податель земных благ, а также бог, охраняющий свой род. Он дал человеку всё главное (по космическим меркам): солнце, тепло, свет, движение (природы или календарное — смену дня и ночи, времён года, лет и т. д.). Вероятно, Дажьбог был больше, чем бог солнца, хотя весьма близок к этому, он обозначал то, что мы называем «весь белый свет». К тому же, как и все родовые боги, шёл светлое, творческое мужское начало, небесное начало, в отличие от тёмного, женского, рождающего, земного. Метафорически его называют «головь Сварожичь». Сварог — бог неба (как космоса), значит Дажьбог — огонь (свет) небесный.

Белбог — также хранитель (консерватор) и податель добра, удачи, справедливости, счастья, всех благ. В слове «благое» — редуцированный гласный, после его падения слово читается «благо».

Древний ваятель сделал статую Белбога с куском железа в правой руке (откуда — правосудие). Славянам издревле известен был подобный (испытание железом) способ восстановления справедливости. Подозреваемому в каком-либо проступке давали в правую руку раскалённый кусок железа, велев с ним пройти шагов десять; того, чья рука оставалась невредима, признавали правым.

Такие испытания, канувшие нам сейчас в нестоники и бессмысленные, производились, однако, на Руси до времени Ивана Грозного. Не случайно богу, вершущему правосудие, приносили кровавые жертвы, чтоб он не допустил страшной для человека кары: быть осуждённым и, тем более, осуждённым несправедливо. Тяжела казнь, но ещё тяжелее бремя позора. Понятие «клеймлённый железом» издревле было равнозначно «клеймлённый позором». Отсюда мы узнаём, что верховные славянские боги несли ещё одну функцию — Высшего Судьи, Совести, Различателя Справедливости, а также Бога Карающего, охраняющего род от нравственного падения.

Наиболее подробно из всех богов описан очевидцами храм и четырёхликая статуя Сятевида, а также ритуал праздника, связанного с ним. Это произошло потому, что храм Сятевида находился в отдалении и просуществовал дольше всех языческих храмов — до XII в.

Праздники в честь Сятевида начались по окончании жатвы, в августе. Сятевид приносил в дар богу собранные с полей, садов и огородов плоды. Жрец наполнял рог Сятевида молодым вином, символизировавшим полноту урожая будущего года. В жертву Сятевиду приносили множество молодых животных, которых съедали тут же во время пира.

Сятевид, как и Дажьбог, обозначал то, что мы привыкли называть «весь

блнный свет» и поэтому бог западных славян был хорошо известен в восточно-славянском мире, не случайно слово «святки» — игры в честь бога Световида — распространено у восточных славян: русских, украинцев, белорусов и во всём славянском мире.

На том же острове Ругене в городе Карензе стоял идол Ругенита — верховного бога одного из славянских племён. Руги (луги) — название племени (возможно, самоназвание), а ита — жизнь. Там же как слово «Световид» состоит из «свет» и «ида». Статуя Ругенита была сделана из огромного дуба, а храм представлял стены из красных ковров или красных тканей. У Ругенита было семь лиц. На его плечи висали семь мечей с кончиками, а один меч он держал в правой руке. Ругенит стоял на страже жизни своего племени.

В этом же городе Карензе стояла и статуя Поревита. Вероятно, тоже одного из племенных верховных богов, но более древнего, связь с которым уже утрачивалась, поэтому его значение многие историки затруднились объяснить. Пара (шпора) — не что иное как семя, а ита — жизнь. То есть это бог мужского семени, податель жизни и её радости, любви, так же, как восточнославянский Яровит и уже названные Световид, Белбог, Дажьдбог, Ругенит.

Этих богов, которых разные племена считали своими предками, пращурами, первоотцами и воинственными защитниками племени, своего рода и народа, изображали с ярко выраженными мужскими атрибутами, воинственными, всепобеждающими небесными предками племени. В «Слове о полку Игореве» защиты «яр, буй, тур» приставлены к именам самых храбрых князей, настоящих мужчин.

Во время празднований летних светок славяне изготавливали из травы тучило Ярлы с ярко выраженными мужскими атрибутами и мужским фаллом. Корень слова «яр» связывался с мужской силой, мужским семенем, с рождением.

Чем-то близок всем этим богам Перун, громовержец, бог западных славян. Перед самым принятием христианства вместе с воинами-язычниками он пришёл на Русь. Князь Владимир воздвиг ему статую в Киеве, а его дядя Добрыня — в Новгороде.

У Перуна была огромная свита из родственников и помощников: Гром, Молния (тётушка Маланья; молнии и стрелы называли такими перунами). Град, Дождь, русалки и водные, ветры, которых четыре, как и четыре стороны света. Отсюда день Перуна — четверг (ср. «после дождичка в четверг», «чистый четверг»), иногда ветров семь, девять, двенадцать или просто много (древнерусское «Перун есть много»).

Перуну и другим богам, олицетворяющим силы природы, служат богатыри, молоты. Если они разгуляются, то с гор камни выворачивают, деревья валют, реки запруживают завалами. Таких героев разной силы в славянской мифологии множество: Горыня, Верни-гора, Валигора, Вертигор, Дубыня, Дубодёр, Вертодуб, Вырандуб, Елиня (ель), Лесиня (лес), Дугиня (дуги гнёт), Бор, Верни-вода, Запри-вода, Поток-богатырь, Усмыя, Медведко, Соловей-разбойник (ураганный ветер), Сила-царевич, Иван Подпалод (Попел), Светогор, Вода и т. д.

Перуну посвящались леса и реки, которые считались священными, например, Буг, Волхов.

Связаны с Перуном и змеи. Значений и назначений у змей (как символов) было несколько.

В календаре славян есть два праздника, во время которых вспоминают змей (чаще это безобидные ужи). 25 марта — время, когда «на юрьеву реку»

выгоняют снот и змей выползают из-под земли, земля становится тёплой, можно начинать сельскохозяйственные работы. 14 сентября — уток змей, сельскохозяйственный цикл в основном заканчивался. Таким образом эти животные как бы символизировали цикличность сельских полевых работ, были своеобразными природными климатическими часами. Считалось, что они также помогают вымалывать дождь (небесное молоко, грудные, падающее с неба), так как змей любят не только тепло, но и влагу, отсюда в сказках змей часто сосут молоко у коров (облаков).

Изображения змей — змейки — украшали древние сосуды с водой. Змей из Перуновы свиты символизировали тучи небесные, грозовые, мощный разгул стихии. Змей эти многоглавы. Одну голову отсечёшь — другая вырастает и пускает языки огненные (молнии). Змей-Горныч — сын горы небесной (тучи). Змей эти похищают красавиц (луну, звёзды и даже солнце). Змей может быстро превращаться в юношу и девушку. Это связано с омолаживанием природы после дождя, после каждой зимы.

Змей — хранители кладов несметных, трав целебных, живой и мёртвой воды. Отсюда — змей-врачи (в индоевропейской мифологии — Индра, Донор, Асклепий, Панацея) и символы врачевания.

Змей из свиты богов подземного царства — Вия, Смерти, Мары, Чернобога, Кашей и др. стерегут происходную. Вариант змея — владетеля подземного царства — Ящер, реке — Рыба. Ящер часто встречается в народных песнях архаических времён, иногда, утратив древний смысл символика, его называют Яша.

В период христианства на Руси змей чествовали на Юрьев день (Юрий — Георгий) 23 апреля.

Немало племён, особенно в охотничьих, лесных регионах, верили в то, что предок их был могучий исполинский зверь. Например, медведь, олень, яхур-пращур и т. д. С такими представлениями связан культ Велеса. Древние верили, что род ведётся от бога, который почитается лишь в образе зверя, а потом своим уходом в небесные чертоги (созвездие Большая Медведица и т. д.).

Велес — один из древнейших восточнославянских богов. Вначале покровительствовал охотникам. Велередины табу на обожествленного зверя назывались «волохатый», «волосатый», «волос», «велес». Обозначал также духа убитого зверя, охотничьей добычи. «Vel» — корень слов с значением «мёртвый». Умереть, преставиться — значит приставиться духом, душой к небесным предкам, душа которых улетит на небо, а тело останется в земле. Существовал обычай оставлять на сжатом поле «жиению колосьев Велосу на бородку», то есть славяне считали, что предки, пожившие в земле, тоже помогают ей плодородию. Таким образом культ скотного бога Велеса нан-то связывали с предками, с урожаем, с благополучием рода. Травы, цветы, кусты, деревья называли «волосами земли».

С древнейших времён снот считался основным богатством племени, семьи. Поэтому снотный бог Велес был ещё и бог богатства. Корень «воло» и «воло» стал составной частью слова «володеть» (владеть).

Культ Велеса восходит к культу Рода и Романца. Поэтому вместе с Ярилой славяне в праздник семки (4 июня), на масленичную неделю с 20 по 25 марта и с 25 декабря по 6 января на зимние святки отдавали дань сладострастным снотным богам Туру и Велесу, жертвуя им хоровами, певком, подолунами через венок из сванних цветов и зелени, всякими любовными действиями.

В период христианства на Руси Велесу дню 6 января соответствовал Власьев день — 11 февраля.

С культом Волоса связано и понятие волхвы, так как корень этого слова также происходит от «волохатый», «волосатый». Волхвы при исполнении ритуальных танцев, заклинаний, обрядов в древности одевались в шкуру (длаку) медведя или другого животного. Волхвы — своего рода учёные, мудрецы древности, знающие свою культуру, во всяком случае, лучше многих.

Большая часть названий богов, явлений и предметов, данных народом под влиянием художественного творчества, основана на весьма смелых метафорах. Но те исходные мифы, к которым они были прикреплены изначально, часто рвались, метафоры теряли свой поэтический смысл, принимались за простые, непосредственные выражения и в таком виде переходили от одного поколения к другому, перенимая вина, дробясь по местностям, нутря с народами. Одни звуки заменялись другими. Словам придавались новые значения. Смысл древних речений становился всё загадочнее и темнее, метафорический язык утрачивал свою общедоступность, ясность. Понадобилась помощь вещей и знающих свой язык и культуру людей, жрецов-истолкователей. У славян это были волхвы.

Весьма почитаемыми были у славян женщины-богини, восходящие к древнему культу Рожаниц, а также к пантеону богов индоевропейского мира.

Наиболее древняя — богиня западных славян Триглава (Тригла). Она изображалась с тремя лицами, идолы её стояли всегда под открытым небом — на горах, пригорках, у дорог. Её отождествляли с богиней Земли. Расшифровку понятия «Триглава» надо искать в тысячелетней культуре индоевропейского мира.

В индийской мифологии Трилока (лока — место, определённый пространственный предел) — трёхчленная вселенная, состоящая из неба и воды, земли и воды, подземного нижнего мира и воды, хотя понятие «вода» чаще всего выпадает при толковании триады, оно всегда как бы держится в уме.

В индийской языческой мифологии существовал тройственный образ бога Тримурти: Брахма — творец мира; Вишну — его хранитель; Шива — разрушитель. Чаще всего три функции представлял Вишну. Позже (в первом тысячелетии до н. э.) — Шива. В первом тысячелетии до нашей эры формировались предки славян, как одна из ветвей индоевропейских народов. Именно поэтому древние богиства у разных племен (разнопроисходные) здесь носят в женской своей ипостаси имена во многом созвучные: Жива (ср. Шива — буквально живая, бог жизни); Сива; Дива («div» — инд. бог); Дива; Даива; Зива; Цива; Зива (жива у полянов — груди женщины); Дидална (от дять); Ляля (Леля, Лель) и т. д. Таким образом все эти богини воплощали в себе движение жизни на земле.

Слово «жива» (Шива) связано с многими в сфере обозначения плодородия и, как следствие, — богатства, обеспеченности, довольства: «живот», «живилье», «на-живна», «наживаться» (богатеть), «нажить», «зажить», «жито», «житница», «жнотность» (сытные припасы), «жировать» (материальное довольство), «зажиточный», «память» (пастбище) и т. д.

Мамось — одна из главных богинь восточных славян. Имя её составлено из двух частей: «ма» — мать, и «кошь» — кошёла, корзина, кошара. Мамось — мать наполненных кошей, мать хорошего урожая. Это не богиня плодородия, а именно богиня итогов сельскохозяйственного года, богиня урожая, подательница благ.

Объём урожая при равных трудовых затратах каждый год определяет жребий, судьба, доля, счастливый случай. Поэтому Мамось почитали ещё как богиню

судьбы. Обязательный атрибут её изображения — рог изобилия. Эти богини связывали отвлечённое понятие счастья и судьбы с конкретным понятием изобилия, покровительствовали домашнему очагу, стратил овец, птиц, пахотных животных. По белорусскому поверью, погоже оставлять на ночь худых, а то «Маноша опраде».

Маноша покровительствовала браку и семейному счастью. Конкретное понятие «призда» связывалось с метафорическим: «придание нати судьбы». Судьба — Срэча. Сэрбы говорят: «Насрэча тоюга праде». То есть, если нати судьбы слишком тонка, счастье в жизни в любой момент могут оборваться.

В русском православии Маноша перевоплощалась в Праскову Пятниццу. Поскольку в её распоряжении были все плоды земные, она ведала и судьбой урожая, то есть распределением продуктов, сырья, предметов ремесленного производства. Именно поэтому она действовала на торгу, покровительствовала торговле. В Новгороде в 1207 году была построена церковь Прасковии Пятницы на Торгу, такие же храмы были возведены в XII—XIII вв. в Чернигове, Москве в торговом и охотном ряду. Пятница на Руси — торговый день.

Известен особый апокрифический пятничный календарь, состоящий из 12 пятниц. Это хорошо осмысленная цепь смежных праздников. На одному богатству христианского мира не оказано столько внимания.

Праздник Прасковии Пятницы 28 октября, когда собран урожай, скот не гоняют в поле, начинаются зимние домашние работы: пряженье, ткачество, подготовка приданого и т. д.

Особенно любили славяне Ладу — богиню любви, красоты, очарования. С наступлением весны, когда сама природа вступает в союз с Ярилой, наступали и Ладныи праздники. В эти дни играли в горелки. Гореть — любить. Любовь часто сравнивали с красным цветом, огнём, жаром, пожаром. Остуда — нелюбовь. Красный цвет — род, родство, кровь, любовь, а также солнечные признаки: родство — пенас; родрый, рдрый, рданный — красный; рдется, рдеть — краснеть.

С корнем «лад» связаны многие слова брачного значения, союза и мира. Лад — супружеское согласие, основанное на любви; ладить — жить любовно; ладковать — сватать; лады — помощники; ладило — свет; ладники — уговор о браке; ладники — свадебная песня; ладный — хороший, красивый. И самое распространённое — лада, так называли любимых. Это можно найти в «Слове о полку Игореве».

С Ладой связано имя её, имя которого встречается в женской и мужской мифологии: Лаль (Лала, Лалю) или Лала (Лалю). Лаль — дитя Ладмы, он побуждает природу к оплодотворению, а людей — к брачным союзам.

Во многих областях 22 апреля проводился весенний праздник — лальник. На лугу собирались девушки, выбирали Лальку, наряжали в белые одежды, перекладывали руки и талию своей зелёной. На голову надевали венки из весенних цветов. Вокруг неё водили хороводы, пели песни, просили об урожае. Додола — девушки в платьях с бахромою внизу — исполняли танец дождя, моли о дожде.

Полма — второй сын Ладмы, бог супружества. Не случайно он изображался в белой простой будничной рубахе и терновом венке, такой же венок он подавал супруге. Он благословлял людей на будничную жизнь, полный терний семейный путь.

С Ладой также связан Зичь — огонь, жар, пыл, пламя любовное, священный пыл любви (ср. *назвичь*).

Богам солнца, жизни и любви, земного царства противопоставлялись боги смерти и подземного царства... Среди них — Чернобог, властитель подземного мира, представитель тьмы. С ним связаны отрицательные понятия «чёрная душа» (человек, погибший для благородства), «чёрный день» (день бедствия).

Одним из главных служителей Чернобога был Вий (Ний). Он считался судьёй над мёртвыми. Славяне никогда не могли примириться с тем, что те, кто жили беззаконно, не по совести, обманывая других, и несправедливо пользовались не принадлежащими им благами, не наказаны. Они всерьёзно верили, что отомстят, отольются чужое горе хоть не на этом — на том свете. Как и многие народы, славяне полагали, что место казни для беззаконников внутри земли. Вий также связан с сезонной смертью природы во время зимы. Этот бог считался палачом ночных кошмаров, видений и привидений, особенно для тех, у кого не чиста совесть.

С сезонной смертью природы на время зимы связан Кащей — божество подземного царства. Он символизирует окостенение, оцепенение от мороза в зимнюю пору всей природы. «Кошь» — также «кошт», «кость», «костяной». Многие герои сказок превращаются на какое-то время в камень, дерево, лёд и другое состояние — окостеневают. Затем приходит герой — красная девица, добрый молодец (весна, солнце) и они оживают от поцелуя (луча) или слезинки (капли).

Отсюда же русские «ношун», «нолдун», «ношуну теорты».

Как-то связаны с этим понятием «виженья» — «уженья». Ужик — враг, попавший в плен. Именно в таком значении слово «ношой» употребляется в «Слове о полку Игореве» и во многих русских сказках. Кащей — не настоящий бог смерти, власть его недолговечна.

Настоящей богиней смерти была Мара (Мор). Отсюда, вероятно, слова «умереть», «смерть», «мрут», «умирают», «мёртвые».

У славян были также трогательные образы женских божеств смерти печали Кары (ср. окарять, постигла кара) и Желы, которые встречаются в «Слове о полку Игореве»; Кручины и Журбы (в других племенах). — воплощавших беспредельное сострадание. Считалось, что одно лишь упоминание их имён (пожалеть, жалость) облегчает души и может спасти от многих бедствий в дальнейшем. Не случайно в славянском фольклоре так много плачей и причитаний.

Корень «три» связан с отрицанием неблагоприятного признака — «не-что», как символа несчастья, именно поэтому он часто встречается в заклинаниях. Ярославна плачет: «Светлое и тресветное солнце!» Не случайно и день, установленный в память умершего, включавший в свою программу песенно-обрядовых действий, назывался Тризна. Погребальные игры воинов, тоже называвшиеся тризна, напоминали о земных делах умершего и о том, что человек единственно принадлежит трём мирам: небесному, земному и подземному (отсюда сакральное «три»). Затем была страна — поминки, которые иногда неправильно называют тризна.

Тысячу лет на нашей земле властвует христианство. Если бы оно пришло на голую землю, оно бы не укоренилось так прочно. Оно легло на подготовленную духовную почву, имя ей — вера в Бога. Язычество и христианство при том, что можно найти в них самые противоположные позиции по отношению к тем или иным явлениям (например, к жертвоприношениям, к понятию греха, прагам), рождает главное: и то, и другое — вера в Бога — создателя и хранителя всего видимого нами мира.

Менялся человек, менялось мышление, усложнялась, менялась и вера. Христианство, пришедшее на Русь с мечом князя Владимира и растоптавшее языческие капища и святыни, не могло противостоять этносу народа, его эстетическим пристрастиям, не могло не учитывать сложившийся регламент жизни.

Так Пасха — сатанистический праздник христианского спасения и воскресения — соединилась с языческой Радунницей — днём памяти предков и всех умерших. В христианстве не принято было почитать умерших едой — это часто языческая традиция, но именно она сейчас взяла верх. Даже семидесять лет атеизма не вычеркнули из регламента жизни православного славянина день, когда он привык почитать умерших родных. В разгул самых ужасных канканалей советских констатирующих безбожников, в годы войны, голода людской поток на кладбища в дни Пасхи не прерывался, ибо этой традиции не тысячи лет, а несколько тысяч лет.

Таким образом, не только христианство влияло на язычество, но и наоборот. Через тысячелетие христианства благополучно прошёл языческий праздник — масленица. Это проводы зимы и встреча весны. Язычники испекли блины — символ жарного весеннего солнца — и съедали его горячим, наполняя, таким образом, себя солнечной энергией жизни, солнечной силой и здоровьем, которых должно было хватить на весь сельскохозяйственный годовой цикл. Часть почивших давали животным, не забывая помянуть и души умерших.

Зимние и летние святки — игры в честь бога Сventoида в период поворота солнца на лето или на зиму такомо не совсем забыты. Летние святки отчасти слились с христианской Троицей, а зимние — с рождественскими праздниками.

Примеры слияния праздников и отдельных богов можно приводить ещё. Таким образом, и та, и другая вера от изначального своего естества претерпели немало изменений и теперь уже существуют слитно и монолитно, получив не случайно название Русское Православие.

Все вышесказанное споры о том, что лучше — язычество или христианство? — беспочвенны. Ну, допустим, язычество лучше. И что? Ведь его нет в чистом виде, в широконародной вере, в широком знании. Спросите у людей, кто знает, как называется славянский бог солнца? — никто не скажет. Также и христианство — его раскололи на множество течений: католичество, лютеранство, протестантизм и т. д.

Единственно приемлемо для современного русского человека — вернуться к Русскому Православию. Но это не значит, что надо считать всё дохристианское негодным и гнилым. Язычество нужно изучать как древнейший период нашей культуры, младенческий и молодецкий период жизни наших предшуров, что укрепит наш дух, даст каждому из нас прочность духовно-национальной почвы, которая поможет выстоять в самые тяжёлые моменты бытия.

Александра БАЖЕНОВА

Андрей
Кайсаров

Славянская и российская мифология

100

100

Слово «кайсар» значит император, цезарь, царь. Род Кайсаровых, видимо, с древнейших времен был связан с правящими династиями: или был в родстве, или служил царям. Андрей Сергеевич Кайсаров (1782—1813), родился, как предполагают, в д. Бараново Аткарского уезда Саратовской губернии 16 (27) ноября в семье потомственного военного С. А. Кайсарова и его супруги Н. В. Кайсаровой (урожденной Волковской) в имени своей матери. Кроме него у родителей было еще трое сыновей: Петр (1777—1854), впоследствии — сенатор, писавший стихи и переводивший Коцебу; Михаил (1780—1825), поэт, переводчик Стерна, этнограф; Памсий (1783—1844), генерал, сподвижник Кутузова, награжденный орденами Георгия III ст. и Анны I ст. с бриллиантами и золотой шапкой, его портрет помещен в галерею героев Отечественной войны 1812 г. в Эрмитаже.

Дети, по обычаям тех лет, как это описано в «Капитанской дочке» у Пушкина, были записаны в полки: Петр и Андрей — в Семеновский, Памсий и Михаил — в Преображенский. Эти полки фактически выполняли роль военных училищ, готовивших будущих кадровых офицеров для всей Русской армии.

На тринадцатом году жизни Андрей поступил в Московский благородный пансион, где тогда учились братья, В. А. Жуковский, а рядом — в университете — братья Тургеневы, А. Ф. Мерзляков (автор знаменитой песни «Среди дворян ровным...»), там бывал А. Ф. Воейков, Н. М. Карамзин, М. И. Дмитриев, В. А. Пушкин. Но в пансионе учиться почти не пришлось. Вступивший в 1786 г. на престол Павел I призвал всех, записанных в полки,

явиться к службе. В 1786—1801 гг. Кайсаров служил в Петербурге и в Москве, дослуживаясь тогда до штаб-ротмистра (в петете звание, равное штаб-капитану).

В 1801 г. группа молодых литераторов организовала Дружеское литературное общество 1801 г., на основе программы и устава которого позже Жуковский и Александр Тургенев написали программу «Арамиса». Малочисленность кружка и кратковременность существования не умаляют его значения в формировании литературных направлений раннепушкинской эпохи и вполне компенсируются большой интенсивностью работы, энергией, идеализмом, новыми передовыми идеями, серьезностью, основательностью подготовки речей для каждого выступления. Кайсаров произнес здесь речи: «О протоисте», «О том, что мизантропов несправедливо почитают бесцеломечными», «О том, что мнение о славе зависит от образа воспитания». Речи всех участников Дружеского литературного общества 1801 г. дошли до нас и являются памятниками русской философской мысли начала XIX в.

Но не названные речи были первыми сочинениями Андрея Кайсарова. Небольшой егоopus «О религии», видимо, написанный в 1799—1800 гг., опубликован в журнале «Ниспокрена, или утеси любовников» в № 11 за 1801 г. В этом же году написана Кайсаровым остроумная пародия «Свадьба К...», высмеивающая сентиментализм, которая тогда опубликована не была и вошла в многочисленные списки, имея в вариантах название. Кайсаров изобразил в карикатурном виде реальную свадьбу Карамзина, составив пародию из отрывков различных сентиментальных его произведений. При этом Кайсаров и

весь круг его друзей искренне любили Карамзина. Выступал же он не столько против Карамзина, сколько против «карамзинистов» и пустой сентиментальности, «запотопившей слезами» тогда многие издания. «Свадьба К...» вошла в сокровищницу русской культуры и опубликована в «Большой серии «Библиотеки поэта»: «Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX вв.)» Л., 1960.

В июле 1802 г. Кайсаров, вышедший в отставку, и Александр Тургенев выехали учиться в Гёттингенский университет в Германии, где царил дух свободы и науколюбия. Здесь Кайсаров научал языки: немецкий, французский, английский, итальянский, латынь, ряд славянских языков, которые тогда вообще не входили в круг интересов российских дворян.

В Гёттингене на немецком языке Кайсаров написал и издал небольшую книгу «Славянская и российская мифология» (1804), «в алфавитном порядке», которая затем на русском языке (в переводе немца Андрея Аллера) вышла в Москве в 1807 и 1810 гг. Это по сути первый и единственный словарь славянских мифов. Вызывает уважение отбава молодого (31 год) исследователя, взявшегося в одиночку за столь обширную и неразработанную тему. При всей наущейся нам сейчас наивности и недостаточности этого первого исследования, книга Кайсарова является уникальным памятником отечественной науки. Да и для своего времени она бесценна, была известна Батюшкову, Карамзину, Дмитрию, Пушкину, А. А. Котляревскому, братьям Каревским, Гоголю, Афanasьеву, многим другим. С тех пор словарь никогда не переиздавался.

В 1804 г. Кайсаров и А. Тургенев совершили путешествие по западноевропейским славянским землям. По сути, они были первыми русскими

путешественниками по славянским странам, проявившими к ним научный интерес и описавшие язык, быт, культуру западных славян. Осложнялось это путешествие тем, что происходило в условиях Первого сарбского восстания под предводительством Георгия Черного против более чем четырехсотлетнего иго турок.

Путешествуя, Кайсаров с удивлением узнавал, что мир славянина — это уютный обжитой мир, остроумно и разумно устроенный, во всем соразмерный человеку, удивительно пластичный на поверхности и статичный в глубине. Поля, сараи, холмы, леса, горы, реки — все было названо словами с точным и привычно повелительным смыслом. Детали природного ландшафта поэтизировались славянами и входили в мир сказок, легенд, мифов.

В Гёттингене в 1806 г. Кайсаров защитил диссертацию, написанную на латыни, об освобождении крепостных в России, за что на 24 году жизни получил «докторское достоинство». В 1806—1808 гг. он путешествовал по Европе.

1808—1810 гг. Кайсаров провел в саратовской провинции, куда приехал отогнать душу от неуютной и чуждой русскому сердцу Европы. Под влиянием навлинувших чувств к родине, он написал здесь тетрадь стихов «Саратовские безделки» (до сих пор не опубликованную; название по аналогии с изданиями Карамзина и Дмитриева), большая часть их была посвящена любви и загадочной А. Н. — молодой вдове Адамоте Николаевне Фонкиной, отвергшей брачное предложение Кайсарова; а сильнейшая часть представляла собой сатиры и пародии на саратовскую провинцию тех лет и на сентиментализм. Не случайно два стихотворения этого направления вошли в сокровищницу отечественной литературы и опубликованы в антологий русской сатиры нов-

ца XVIII — начала XIX вв. («Прости Саратову») и в «Большой серии «Библиотек поэта»: «Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XIX в.)» («Ответ Фекле на ее любовь»).

В 1810 г. освобожденное профессорское место в Дерптском¹ университете, Кайсаров был вторым, после Г. А. Глинка, русским профессором из дворян, и первым русским профессором на дворян, преподававшим на русском языке. Дворяне тогда считали зазорной учительскую работу, латынь называл языком аптекарей, изучали больше французский, чем русский. Необычный курс лекций Кайсарова назывался «Древняя русская история в памятниках языка». В то же время 28-летний профессор начал составлять первый исторический словарь русского языка, мечтал о создании словаря древнерусского языка, написал «Примерный устав нового предполагаемого общества переводчиков» — по сути программу просвещения России в области перевода здесь шедевров мировой литературы.

Первой из речей, прозвучавших в стенах Дерптского университета на русском языке, была возволнованная, страстная «Речь о любви к Отечеству» Андрея Кайсарова. Словно полемизируя с модным тогда и не по именишному известным ему масонством, Кайсаров говорил об истоках патриотизма, о самых святых его струнах, о нравственных границах отечества: «Тяжело душевные мудрецы прошедшего века старались осмыслить любовь к отечеству... Как могли вообразить они мудрствователи, что не был истинным сыном отечества, возможно быть добрым гражданином мира? Как могли они предположить, что не любя своих кровных, можно любить чуждых?.. Проклята та будет невинная мысль, что там

отечество, где хорошо!.. Вне отечества нет жизни!»

В речи кратко очерчивались и древнейшая история и новейшие политические события, именно поэтому речь оказалась необыкновенно актуальна. Университет напечатал ее за свой счет. Она была преподнесена Александру I.

12 (24) июня 1812 г. войска Наполеона переправлялись через Неман. Россияне повсюду оказывали врагу сопротивление. Слово «Отечество» было у всех на устах. Уже в первые дни войны Кайсаров через друзей передал царю смелое предложение: в первую очередь русской армии организовать походную типографию. Он быстро получил разрешение и назначение директором типографии. Служилое собрание типографское хозяйство и специалистом, Кайсаров догнал армию у Дриссы. Он горячо задался за дело. Выпускал листовки («летучие листки») на немецком, французском, итальянском и русском языках тиражом 10 тысяч экз., рассылал их с отрядами партизан в районы боевых действий и в стан врага. Регулярно печатал «Известия из армии», которые противопоставлялись французским бюллетеням, не отличавшимся правдивостью; выпускал на русском и немецком газету «Россиянин», агитационные брошюры.

При типографии Кайсарова в туртвенский период войны, когда армия собирала силы, стихийно возник литературный кружок армейских офицеров, многие из которых участвовали в сочинении листовок и памфлетов. Сюда входили В. А. Жуковский и А. Ф. Воейнов — друзья юности Кайсарова; автор первой книги о войне 1812 г. Д. Н. Ахшарумов; будущий историк войны А. Н. Михайловский-Данилевский; генерал и писатель Н. Н. Соболев (дяд

¹ Русский город Юрьев, основанный Ярославом Мудрым в 1030 г. и названный его христианским именем; ныне — Тарту в Эстонии.

известного полководца); партизаны братья М. А. и П. А. Габбе (последний жил и умер в Саратовской губернии); самый молодой генерал, разведчик и дипломат (племянник фаворита Ематерины) М. Ф. Орлов; адъютант Милорадовича, поэт, мемуарист Ф. Н. Глинна; писатель, славет и историк К. Ф. Каллаидович и др. Походная типография печатала басни Крылова, стихотворения Жуковского «Вождем победителей», «Повесть из жизни русских воинов» (где есть строки и о генерале П. С. Кайсарове, водившем в атаку лихие казацкие полки: «Орлов отважностью явил; и мчит грозу ударов сквозь дым и огонь, по гудам тел, в среду врагов Кайсаров»).

После смерти Кутузова, в 1813 г., когда наша армия освободила Германию, Павел Кайсаров вошел в качестве авангардного начальника передового корпуса графа Платова, корпус этот по сути представлял собою летучий партизанский отряд, действовавший на левом фланге союзников. В отряде брата сражался тогда и майор Андрей Кайсаров. Он погиб на поле боя близ германского городка Гайнау 14 (26) мая 1813 г., его разорвало при взрыве порохового ящика, в который угодили снаряд. Ему было 30 лет. Брат перенес

тело Андрея Сергеевича в родовое имение Волконских с. Чариково Рязанского уезда Рязанской губернии, где жила тогда мать братьев Кайсаровых — Наталья Васильевна. Наталья Васильевна в 1813 г. начала строить храм в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы с приделом Иоанна Предтечи и колокольню. Под алтарем преддела похоронено тело Андрея Сергеевича Кайсарова. Имя А. С. Кайсарова было и на стене Храма Христа Спасителя в Москве, выстроенного в честь победы русского воинства в Отечественной войне 1812 г. и взорванного в декабре 1931. Имя А. С. Кайсарова можно найти среди героев «Войны и мира» Л. Толстого, а «Повести о братьях Тургеневых» А. Виноградова.

А. С. Кайсаров оставил нам духовное наследство. Небольшое, но яркое и активное по внутреннему пафосу просветителя, организатора, патриота. Его достижения в науках и идеал общественной жизни во многом были первыми. Кайсаров был человек яркий, страстный, увлекающийся, из плеяды просветителей-пионеров, ибо поднимал целину отечественной филологической науки и, если сказать ее не столь глубоко, то виной тому лишь краткие лета, отпущенные ему природой.

Александра БАЖЕНОВА.

СЛАВЯНСКАЯ И РОССИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Изустные предания, конечно, составляют драгоценный источник, но сами по себе они не могут никогда удовлетворить историка в полной мере. Сей требует еще, кроме всего того, неизменных памятников, избегших от опустошения времени. В учении о богах могут служить такими памятниками: сочинения, изображения идолов, священные в древности сосуды, храмы, обычаи, сохранившиеся доселе, и тому подобные предметы. Но всего этого у славян или вовсе нет, или есть очень немного.

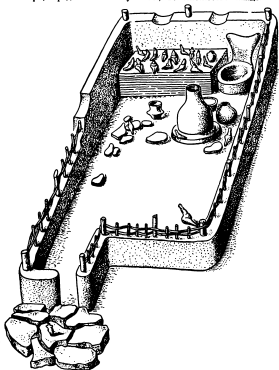
Сочинений о идолопоклонстве, писанных или современниками, или жившими скоро после них писателями, находится у них весьма мало¹. Но они имели стихотворцев, и притом во времена мрачайшей древности. Это доказала нам недавно в России найденная песнь из двенадцатого века². Песнопевец упоминает еще в стихотворении своем о Бояне, который жил гораздо прежде, и еще более прославился в стихотворном искусстве. Но где его сочинения? Где сочинения, может быть, других еще многих писателей? И они равно поглощены всепожирающим временем; а гордый южный европеец³ мог предков наших называть варварами! Конечно, встречаются нам инде немногие и притом весьма рассеянные известия, которые однакож сообщают то один только имена, то недостаточные и темные повествования. Тут нужен дух опытного критика, чтобы из этого хаоса образовать нечто целое.

Изображения богов находили иногда, но не везде. В Прильнице⁴ вырыли великое множество; господин Маш⁵ подарил нам весьма важное описание их; но куда девались самые изображения? Они верно в руках частных людей, где не всякий может пользоваться ими. И в Госларе⁶ нашли истукан⁷, который однакож давно уже без сомнения пропал. В Герлице⁸, после многих поисков, увидели с досадою, что не осталось никаких памятников древнего богослужения; нашли только на одном доме льва и почли его за Флинда⁹.

В России все совершенно пропало, или по крайней мере до сих

пор не обнаружилось. Может статься кое-что скрывается еще в углу какого-нибудь монастыря; но кому до того нужда? Предки наши весьма ревностно принялись за новую свою веру; они разбили, уничтожили все, и не хотели, чтобы потомству их остались признаки заблуждения, которому они дотоле предавались. Когда б сего не случилось, то можно б было соорудить музей из одних наших древних истунавов.

Утвари, предметы богослужения, во множестве найдены в

СВЯТИЛИЩЕ АГРАРНОГО КУЛЬТА (Соболиновка. Трипольская культура). Возможно, предназначалось для выгнута ритуального жеста

СВЯТИЛИЩЕ С ЖЕРНОВКАМИ (Пустыня. Реконструкция С. С. Березанской)

■ ПАСЛАВЯНСКИЕ ЖЕРТВЕННИКИ

Прильвице, но они по большей части уже были испорчены. В Госларе и поныне еще можно видеть жертвенник Крадов¹⁰, который будет мною описан в своем месте. Верно есть еще несколько таких любопытных вещей в доме какого-нибудь невежи, или суеверного человека, а это все равно, как если б их и вовсе не было.

Храмов не только у славянских народов совсем не осталось, но у германских и других наций произошло то же самое, исключая одной Италии¹¹.

Обычаи языческих славян сохранились еще некоторые остатки в России, Богемии, Польше и других местах. Без сомнения к тому, чтобы почитать их такими, потребно глубокое, основательное познание древностей.

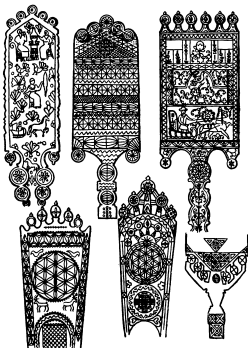
Кроме сих, хотя и недостаточных источников, есть у нас, россиян, еще два посторонние источника, состоящие в наших песнях и так называемых народных сказках. Невероятно, как в сих двух предметах находится сокровище не только для нашей мифологии, но и во многих других отношениях. Жаль только, что это сокровище долго пребывало в неизвестности не только у иноземцев, но даже и у соотечественников наших. Что касается до песней, то есть у нас многочисленные собрания их, которых число простирается до двенадцати книг. Но во всех сих изданиях, даже в самых новейших, нет ни одного критического замечания. Иностранная публика знает их только по немецкому переводу г. Доппельмейера. В русских песнях находится много характерического; на многих остался отпечаток седой древности; иные ж из них происходят вероятно из языческих времен, потому что в них упоминаются часто имена некоторых русских богов. Естественно, в них переменялось много от времени; но тем не менее остаются они драгоценны для россиянина, который из них познает характер и обычай добрых, мужественных своих предков. Другой источник составляют простонародные сказки, из коих некоторые в самом деле басни, а другие — небольшие рыцарские романы. Тут с патристическим жаром повествуется деяния героев древности и мрачными красками изображается несчастье России под игом татар. Тем занимательнее для русской мифологии то, что в них нередко упоминается о древних божествах, чудесах, волшебницах и проч.

Долго переходили они только из одних уст в другие; но в справедливости их ручается единогласие, с каким тысячи людей их рассказывают. Наконец собрал их г. Новиков¹², которому российская история и словесность многим обязаны, и издал их в шести частях под заглавием «Славянские сказки». Потом явилось еще другое собрание их, под именем «Русских сказок». Из них перевел некоторые г. Рихтер на немецкий язык в своих русских отрывках (*Russische migsellen*), хотя и вкратце, и с некоторыми отступлениями.

Сии и многие другие сокровища долго уже скрываются, будучи

написаны не а'la Voltaire, или а'la Sterne, но а'la... Что ж из того следует? — Что у россиянина в девятнадцатом веке нет еще совсем российской истории! Но он получит ее, получит под правлением кроткого Александра.

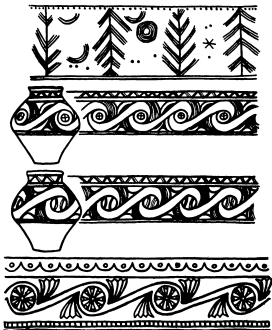
Прежде нежели скажем что-нибудь о судьбе славянской мифологии, заметим теперь нечто о самом богоучении ее всевозможною краткостью.

РУССКИЕ ПРИЛУКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КРУГОВОРОТА СОЛНЦА ВОКРУГ ЗЕМЛИ. Земля изображена или сдвоенным (игризовым) или красочным живым или сдвоенным. Над сдвоенной землей изображалась небеса в виде огромного круга с многочисленными фигурами ангелов.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГОВ

Верно не было у славянина с самого начала столько богов, сколько наконец у него появилось. История человечества показывает нам, что до того еще, как человек не знал искусства делать себе изображения богов, чтил он некоторые предметы, предлагаемые ему природою. С удивлением взирал он на огненный шар, натыкавшийся над его головою, стоял у порывистого ручья, шумно

КАРТИНА МИРА НА ТРИПОЛЬСКИХ СОСУДАХ. Вверху — земля с растениями, небо со светилами, в верхней части — камни будущего дождя. Два средних сосуда: в верхнем ярусе — запасы воды (верхнее небо), в среднем ярусе (среднее небо) — движущееся солнце и дождевые полосы; внизу — земля. Нижний рисунок — сплывший бог солнца, символизировавший без времени. (Примечание русской изд. XIX в.)

ниспадающего с горы в долину, чувствовал приятное дуновение воздуха, изумлялся, был вне себя от восторга; он не примечал, чтобы существо, подобное ему, всем этим управляло. Тут стал он в первый раз уминовать о чудном мироздании: солнце, вода, ветер казались ему существами особенной и притом высшей, нежели он сам, природы. Изумление его перешло в почтение и боготворение. Не так ли думали персы и перуанцы? Не так ли и поныне еще думают самоеды и многие другие народы? Так думал и славянин, и боготворил огонь и воду. Сам того не зная, познакомился он с чувствами зла и блага: иногда был он целый день несчастлив на охоте, а на другой день чувствовал он физическую боль. Он не усматривал тому причины, и думал, что есть какое-то злое существо, которое находит в том удовольствие, чтобы ему вредить. В другой раз поймал или убил он необыкновенно много дичи — душа его была отверста для радости; он столь же мало примечал тому причины и создал себе доброе божество. Так произошли у него Белбог и Чернобог, без сомнения древнейшие божества, какие знал славянин. Впоследствии ему не довольно было сего малого числа богов своих: он творил себе беспрестанно новых; каждая новая потребность приносила с собою новое божество, и таким образом произошло то множество, которое мы скоро увидим.

Общежитие породило гениев¹³, конечно гениев по тогдашнему вкусу. Храбрость и благоразумие были [при]влекательны; в людях, отличавшихся сими достоинствами, примечали какое-то сходство с вымышленными божествами; и так вообразили, что они им родственники. По тому самому в вышеупомянутой песне воинству Игореву и повествуется о внуках Домбога. Таким же образом в этой песне Боян, древнейший известный русский стихотворец, именует внуком Велеса.

ОХОТНИК, РАЖЕННЫЙ ЗВЕРЕМ. Делавант

II. ИЗОБРАЖЕНИЕ БОГОВ

Простая жизнь доставляла грубому славянину много праздных часов — ему пришло на мысль испытать свои силы в образующих искусствах. Первое, в чем он здесь успел, было конечно не Медийская Венера¹⁴; но он может быть не меньше радовался своей

«ЧУДСКЕ» ШАНАВСКЕ БЛАШКЕ с изображениями небесных лосей и лиц»

работе, как Пракситель и Апеллис¹⁵ восхищались своими творениями. Скоро потом одушевил он свои идеальные божества, и тут стала уже некоторая система царствовать в его баснословии. Хотя славянин в образующих искусствах никогда не доходил так далеко, как греки и римляне, однакож нельзя оспарить у него некоторую степень совершенства. Истуканы, вырытые из земли в Прильвице, доказывают, что наши предки довольно были искусны, умея даже чертами лица изображать характер божества. О Световиде говорил нам Саксон Грамматик¹⁶, что он имел вид глубокомысленный; Сива, по описанию господина Маши, отличалась приятною физиономиею, а Червобог страшною и т. д.

Что касается до вещества, из какого составлялись сии изображения, то это было дерево и металл. Из дерева были вероятно деланы все русские истуканы богов, так как и по большей части на острове Рюген¹⁷. Для сего выбирали всегда самое крепкое дерево, потому что такие изображения долгое время были боготворимы на открытом воздухе. Что ноги Световидовы были сделаны из другого дерева, нежели самая статуя (см. ниже): то причина сему состоит вероятно в понятиях, какие имели люди о сем божестве. Из металла сделаны все истуканы, вырытые в Прильвице. Большая часть их составлены из смеси металлов и содержат много серебра, так что некоторые выдерживают пробу от двух до десяти лотов¹⁸ серебра. Впрочем сомневаюсь я, справедливо ли то, что истуканам Радегаста и Золотой Бабы вылиты были из золота. На всех изображениях, описанных господином Машем, находится везде имя божества, какое представляет изображение. Некоторые истуканы были вместе сделаны из дерева и из металла; так у Перуна, в Киеве, сделанного из дерева, были железные ноги.

Вид истуканов был свойствен грубому народу, боготворившему сии изображения. Необыкновенною величиною старались всегда выражать силу божества; в Арконе¹⁹ большая часть богов были сплошь огромного виду, что у некоторых из них епископ Абсалон не мог жезлом своим достать до бороды. У немногих была одна только голова; но щедрые славяне дарили им по три, по четыре, даже и по пяти голов. Может быть хотели они через то изобразить всеведение богов своих, но верно не думали они никогда о святой Троице при образе Триглавы²⁰, хотя ныне так и думали объяснить три главы сей богини.

Что касается до драгоценности изображений, то конечно, иное слишком увеличено, однакож вероятно, что славяне не упустили возможности как можно лучше украсить богов своих, к чему подавала им случай приобретенная ими на войне победа. А потому и не удивительно, если мы слышим, что у Перуна в Киеве был в руках луч молнии, украшенный драгоценными камнями. При том же представлял себе многочисленных воинов, которые вели русских не столь славно против греков; а во вторых великий дух гонения, оказанный Владимиром I против богов своих.

III. ХРАМЫ

Не вместе с происхождением истуканов произошли и храмы; давно уже определены были на то открытые поля и рощи. Обыкновение боготворить идолов в густоте лесов было так употребительно у славян, что даже когда боги их получили храмы, то они по большей части все еще воздвигаемы были в лесах. Может быть, думали жрецы усилением и мраком тем сильнее разгоричить умы народа; но как бы то ни было, по крайней мере известно, что славяне поздно уже начали строить свои храмы. Первые храмы были только места, окруженные кольями; потом четыре столба накрылись кровлею и со всех сторон окружались завесами; наконец стали даже строить храмы из одного дерева. Сии храмы не так худо были строчены, как некоторые думают. Саксон говорит нам, что храм Световида в Арконе был отделан весьма хорошо (орег elegantissimum), наружные стены украшались различными резными образами, хотя сия работа и показывала грубость народа. Внутри были стены обиты пурпуровыми коврами; там же находилось много рогов от разных зверей, покрытых резною работою и служивших для украшений храма. Как этот храм, так вероятно

ГОРА СЛАВЯ (СОБУТКА) — древнее ритуальное место западных славян

и многие другие были украшены; а только недостает у нас известий, чтобы распространяться о том несколько подробнее.

Мы знаем достоверно, что храмы были богаты утварями; многие из них были золотые и серебряные, а другие из смешанного металла и притом высокой работы. Это видно в описанных господином Машем сосудах. В числе сих вещей можно заметить жертвенные чаши (paterae), тарелки, ножи, колокола и проч.

IV. ПРАЗДНЕСТВА

Верно, для каждого божества было назначено по одному или несколько дней для поклонения. Легко можно себе представить, что сии празднества происходили весьма странно, а доказательство сему увидим при описании Световида. Некоторые из сих празднеств, или лучше сказать, тесть их осталась почти у всех славянских народов. Они выдержали столько перемен, что только взор критика может приметить истинное значение их. Так например: кто поверил бы, что русский Семи²¹, этот любимый день наших крестьянских девушек, был некогда языческим празднеством? Но это действительно правда, что и доказывают песни, обыкновенно в этот день припеваемые, в которых встречаются имена некоторых богов. Много таких празднеств в России при царе Иоанне Васильевиче²² в 1551 году отменены на Стоглавом соборе²³ и строжайше запрещены. Длугос²⁴, живший в пятнадцатом веке, утверждает, что и при нем еще было у поляков много языческих праздников; они посвящали на это особенную площадь, названную ими Стадо, на которой они совершали торжественные свои обря-

«ИГРИЩА МЕЖУ СЕЛЫ».

Ритуальный танец русских в русской деревне XI—XII вв.
(миниатюра Радзивилловской летописи)

ды. Нарусевич²⁶ объявляет нам, что иные из сих обычаев и поныне еще остались в Литве. В Мейсене, Лаузице, Силезии все еще празднуют какое-то мертвенное торжество. В России также осталась тень сих обрядов. В Богемии всегда в этот день делают так называемого соломенного человека (Strohman), представляющего образ смерти; несколько детей выносят его торжественно из дерев-

РУСАЛЬСКИЕ ИГРИЩА ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ
НА СЕРЕБРЯНЫХ БРАСЛЕТАХ ИЗ КНЯЖЕСКИХ И БОЯРСКИХ КЛАДОВ
XII—XIII вв.

ни, а потом сожигают. Песнь, которую дети при этом поют, и подробнейшее описание сего праздника можно видеть в начертании г. Антона²⁶ о обычаях древних славян (Antons Versuche über die alten Slaven).

В жертву приносили волов, а большую часть овец. Но что на жертву приносили людей (исключение некоторых случаев), это заслуживает точнейшего исследования.

V. СУДЬБА СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ. КАКИЕ ПИСАТЕЛИ ЗАНИМАЛИСЬ СИМ ПРЕДМЕТОМ.

Наконец скажу слово и о судьбе славянской мифологии. Много известий о том давно уже находится у разных сочинителей, особенно в книгах Адама Бременского, Нестора, Гельмолда, Кранциуса, Саксона, Длугоса, Кромера²⁷ и пр., но все только отрывками.

Шедий²⁸ написал книгу о немецких богах, где он также описал некоторых богов немецких славян. Книга его остается для нас полезна, ежели мы только будем смотреть на истины, а не на догадки, которыми книга его наполнена. Другая погрешность у него та, что перемешал он славянский народ вендов с вандалами²⁹. Шедий не первый был подвержен этой ошибке, а еще один живший до него писатель Кранциус.

Михаил Френцель³⁰ из Лаузица, в 1638 году написал в Виттембергском университете рассуждение о славянских богах; но он говорил только о некоторых и не упомянул даже о гораздо большей части их.

Брат его Авраам Френцель³¹ распространился несколько подробнее; но это не много помогло нашей мифологии, потому что в так называемом комментарии его все только большею частью писано филологически, а при том оно для нас совсем почти не нужно. К каждой статье присовокуплено введение, в котором автор сознает о ослеплении славян; далее приведено множество наречений из Ветхого и Нового Завета; на конце находится исследование имени божества, и здесь, где можно иногда довольствоваться славянским словопроизведением, старается Френцель всегда приписывать что-нибудь еврейское или греческое. Вообще это целое творение еврейских и греческих слов очень пестро; но невзирая на то, все еще остается употребительным.

В 1698-м году некто в Лейпциге, по имени Вагнер³², сочинил рассуждение о идолопоклонстве древних жителей Миснии („Disseratio de idolatria veterum Misniae incolarum“). Следовательно говорит он здесь о богах одной отрасли славянского поколения, и притом весьма коротко.

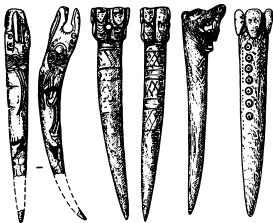
Росс³³ в своей книге о разных богослужениях в целом свете занялся столь обширным предметом, что не мог сказать много о нашей мифологии. В прибавлении Арнольда³⁴ к его книге находится о славянских некоторых божествах более, нежели в самой книге, но и здесь все, так сказать, перобросано.

Монфоко³⁵ в великом своем творении „Antiquité expliquée“ хотя и дал место иным из богов наших, но он поставил их в ч и с л е неименных. Ту же ошибку сделал Банье³⁶ в книге своей „La mythologie et la fable expliquées par l'histoire“.

Самуил Гроссер³⁷ в своих лаузицких достопамятностях представил почти одни имена богов Лаузица с десятью рисунками их. Он служил впоследствии подпорю Монфокоу и Банье.

Андрей Маш сочинил описание священных древностей оботритов³⁸, найденных в Прилебице и происходящих, по его мнению, из храма Ретрского³⁹. Не лишне сказать, что это для нашей мифологии весьма важная книга. Конечно она не вовсе свободна от догадок. Например, сочинитель разделяет божества наши на богов и полубогов; а это ни что иное, как предположение; но кроме сего эта книга все еще сохраняет заслуженную высокую свою цену.

Так происходило вне России с славянскою мифологиею; а в самой России: 1. В отечественной истории около 988 году, когда Владимир Великий ввел христианскую веру, говорили обыкновенно несколько слов о наших богах, и очень недостаточно. Как историки наши не имели целью останавливаться за сим предметом, то упоминали они большею частью об одних только именах славянских богов. Между тем: 2. Издан был словарь древнего русского суеверия⁴⁰; а наконец З. Г. Попов⁴¹ представил краткий чертеж славянской мифологии. Хотя в двух печатных листах, одна-

«ПИСАЛА»-СТИЛИ ДЛЯ ПИСЬМА С ЯЗЫЧЕСКИМИ СЪЮЖЕТАМИ X—XI вв.

кож в нем находилось довольно пустого. Автор не упоминает даже об источниках, из которых он почерпал, считая это бесполезным делом.

Как ни ошибочна и несовершенна книга сия; но она была так счастлива, что заслужила удивление Леклерна⁴², который от слова до слова списал ее в своей «Российской истории». Но как очерк славянской мифологии показался ему слишком малым, а притом надобно же было наполнить шесть толстых книг, то присокупил он нечто из китайской мифологии. Еще должен я здесь предостеречь от одной книги⁴³, переведенной с французского, под заглавием: „Religion der Moscoviten“ (Frankfurt und Leipzig, 1717). Тут встречаются изображения кошек, петухов и собак, которых выдают за древних русских богов; автор же — как он сам уверяет — получил все это из верных рук, а именно — от жида!⁴⁴

Такова была жалкая судьба славянской мифологии, как я принял намерение и с своей стороны помочь ей несколько; а вот и судейский приговор над моею собственною книжкою!

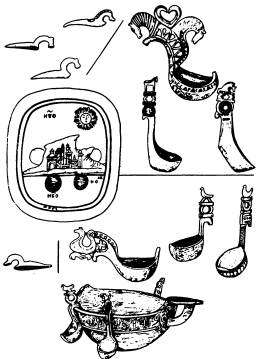
Одна только любовь к отечественной истории и всем частям ее побудила меня написать сии немногие страницы. На славу я не надеялся при начале, а тем менее надеюсь я на нее, когда моя книга уже написана. Я совсем не думаю, что оказал через то важную услугу; мне принадлежат только несколько мыслей и труды в перебрании некоторых фолиантов⁴⁵. Я воображаю только, что сэкономил несколько часов у любителя и будущего исследователя русских и вообще славянских древностей. Прочее — если произнести строгий приговор — пусть назовут сбором. Но если ревностного друга истории, который притом еще незадолго перед сим отложил свою шпагу и в первый раз принялся за перо — если такого, говоря, поощадят хотя: то можно почесть маленькое его сочинение следствием благотельного учреждения библиотеки в Геттингенском университете. Впрочем, каждому предоставлено говорить о том, что угодно. А если назвать это сбором, то я смело утверждаю, что с историею поступают не так, как с метафизикою; здесь, где важны только истины, нельзя наговорить столько много нового, как там, где все основано только на догадках.

Алфавитный порядок избрал я, как способнейший для легчайшего обозрения. Вообще это не собственная мифология, а только один опыт ее.

Наконец, что касается до языка, то прошу я, как чужестранец, прощения в тех ошибках, которые может быть случились здесь в рассуждении слова.

Лучше б было, может статься, если б я никогда не отважился писать на чужом языке, хотя я думал я через то оказать некоторым любителям истории славянских народов [услугу]. Но — *lemal est fait!* — и я теперь с хладнокровием должен ожидать, что может быть, несколько дней спустя по появлении этой книжки:

Nigram cito raptus in culinam

КОВЬ И ПТИЦА КАК СИМВОЛЫ СУТОЧНОГО КРУГОВОРОТА СОЛНЦА. Миниатюра русской рукописи «Воскресения Козьмы Индиктиловска», изображающая движение солнца по кобу и по подземному, многоморю морю (середина таблицы); птицы в виде утло-колей (XI в.) и русские ковы с изображением солнца и лодей (наверху); ковы с солнцем и водопадающими птицами (снизу)

Cordyllas malida tegat papyro
Vel turis piperisq; sit cucullus.

Белбог

Самое имя означает благо¹, то есть доброго бога*. Говорят, что его изображали с кровавым, покрытым мухами лицом, на котором они питались. Это подало к тому повод, что иные называют его богом мух**... Но это совсем несправедливо. Насекомые верно произошли от случая, а именно крови, которою славяне после жатвы обмазывали многих богов своих; или это служило символом доброго божества. Не означало ли это бога хранителя, каков у римлян Deus conservator³? По крайней мере то известно, что славяне признавали его за источник всякого добра — это показывает имя его и показывают все авторы, писавшие о сем предмете***. На празднествах и пирах своих жертвовали ему славяне своих напитков (patetam consuestant³), в том мнении, что он дарует им всякое добро и защитит их от Чернобога, противоположного ему божества.

По моему мнению, принадлежат оба сии божества к древнейшим, какие только были у славян. Человек познакомился с чувством физического зла и блага прежде, нежели с каким-либо другим. Он посмотрел вокруг себя — воображение создало ему два начала, или две причины сему, и он назвал их добрыми и злыми божествами. Так произошли персидский Оромас и Ариман⁴, и таким же образом произошли, конечно, наши перводревние Белбог и Чернобог.

Буг

Некоторые писатели утверждают, что древняя река Гиланис, наш нынешний Буг, был боготворим славянами; другие еще далее простирают свои утверждения: они говорят, что теперешнее русское слово «бог» произошло от слова «Буг». Странное умышление, которое вздумал утверждать преизвестный Леклерк****! Неужели ж славяне, пока еще не пришли к реке Буг, не имели ни одного слова для означения божества, или даже об нем никогда не думали? Это опровергают имена древнейших славянских идолов Белбога и Чернобога. Окончание сих слов доказывает, что имя «бог» давно уже было в славянском языке; следовательно христианские славяне не от реки заимствовали это имя, а воспользовались старинным

* Белый по божески бѣлий, по польски бѣлий.

** Как например, Александр Поев в книге своей о разных богослужениях в целом свете: *Unterschiedliche Gottesdienste in der ganzen Welt* стр. 268.

*** Michaeli Freucelli dissertationes Historicae de idolis Slavonum — Schedias de Divis Germanorum. Syng. IV. cap. XIII. p. 505.

**** Histoire de la Russie ancienne, T. I. p. 188.

своим словом. С ним согласны слова всех славянских народов. Следующее может служить доказательством.

На русском «бог»; на польском, верхне-лаузицком, кассубийском, кроатском, силезском «бог»; на нижне-лаузицком «бог» (Bohg); на краинском «буг»; на богемском «бег» (Böh).

Как же могли имена так согласоваться между собою, когда на берегах реки Буга поселилась одна только отрасль славян дулебы, а впоследствии другая отрасль их*? Прочие славяне, жившие в Богемии, Мекленбурге и далее, может быть в первые времена не знали еще ничего о сей реке, а при всем том знали одинаком имя «бог».

По сему весьма вероятно утверждение г. Болтина¹, что эта река была так названа от сарматов², еще прежде, нежели славяне поселились на берегах ее.

Другое затруднение, а именно: в самом ли деле приносили славяне жертвы рекам, можно решить из наших летописей, где сказано о киевских славянах: бяшу же тогда логани шруще езерам и кладземъ и рощенямъ, якоже и прочии логани**.

Вѣда

В Прильвице нашли статую с надписью «Вѣда». Как сей истукан был представлен вооруженным и с воинскими доспехами, то думали, что это изображение бога войны. По одному звуку сего слова, совершенно славянского, нельзя почитать его божество авоидно с Одним и Гуденом¹. Водюю назывался предводитель, чему служить может доказательством старое русское слово «воевода», т. е. военачальник или полководец. Не имели ли может быть славяне у себя храброго и благородного предводителя, о котором они и по смерти его думали, что дух его носится перед войском их? От уважения не много шагов до боготворения, а особливо у необразованного человека. Таким образом через несколько времени может быть признали героя божеством и преимущественно называли его Вѣдою.

Волхов, или Волховец

Летопись Новгородская*** рассказывает о сем Волхве много нелепого; например: что он был сын князя Славена¹, построившего будто бы город Славенск². Этот Волхв мог превращаться в диких зверей, и в таком виде плавал он на реке Мутной, которая после по этому чудовищу названа Волховом. Наконец говорит летописец, что демоны удавили сего чародея. Г. Ломоносов думает, что этот князь производил грабежи свои на воде, а потому и уподоблен диким хищным зверям.

* Российская библиотека, стр. 11. — Schlözers Russische Annalen, T. II, p. 117.

** Schlözers Russische Annalen. T. II, p. 99. et. 101.

*** Продолжение Древней Российской Библиотеки Н. Новикова, т. II.

АМУЛЕТЫ-ОБЕРЕГИ С СИМВОЛАМИ ЗАЩИТЫ И БЛАГОПОЛУЧИЯ

Волос, также Велес

Волосу было предоставлено у русских владычество над скотом. Между нашими богами занимал он верно первое место после Перуна. Нестор сообщает нам клятву, которую давали перед Волосом, как богом скота. Эту клятву произносил Олег¹, когда сей великий князь был в Константинополе с войском своим, и заключал мирный договор с императорами Львом и Александром². Истукан Волоса был разрушен в Киеве вместе с другими идолами; но спустя еще долгое время, остались служение и образ его в Ростове; как наконец один монах по имени Авраам, низвергнул его, построил на том месте церковь и сделал прочих язычников христианами*.

Волоты

Волотов сравнивают иные с греческими гигантами. Удачно ли сравнение, не смею решить.

Гадания

Так называются в России пророчества или предсказания. У славян было много таких гаданий, которым они слепо верили. С великим вниманием примечали они полет птиц, крик зверей, дым-

* Чети Минея, 15 июля.

а

б

КОМПЛЕКС ЗАКЛЮЧАТЕЛЬНОЙ ОРНАМЕНТИКИ РУССКОЙ ИЗБЫ

Причелным-«хляби» (Новгород XII—XV вв.) (а);
солнце, кони, «хляби небесные» (б)

жения пламени и дыма, течение воды. Всякая малость могла ввести в сомнение легковерных наших предков*.

Самый обыкновенный способ предзнанания состоял в бросании некоторых дощечек, с одной стороны белых, а с другой черных. Кидали их вверх. И когда они падали на землю черною стороною, то предсказатели ожидали счастья; а в противном случае, когда белая сторона покрывала землю, то наверное ожидали они какой-

* Попов, опыт славянского баснословия в его досугах, СПб.

нибудь беды. Когда ж число белых и черных сторон было равно, то почитали себя довольно счастливыми.

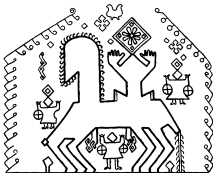
Остаток сих предсказаний можно еще поныне видеть в России: стоит только заглянуть в наши деревни. Прекрасные сельские девушки, начинающие знакомиться с чувствами любви, берут во время сжатия зерно, идут с ним при лунном сиянии на двор, глядят в него и думают увидеть будущего своего мужа. О вы, бывшие некогда влюблены! Признайтесь, не каждый ли предмет был для вас зеркалом, в котором вы видели образ своего возлюбленного? Не обвиняйте ж красавиц наших, не обвиняйте добрых наших предков: не они одни были так легковеры. Римлянин Гракх¹ в последний день своей жизни не хотел сделать ни шагу из дома своего, когда во все утро нельзя было довести куриц до еды.

Горыня

Из дошедших до нас славянских преданий (так называемых народных сказок) видно, что Горыня был витязь, повергавший целые горы на своих неприятелей. По своим подвигам получил он это название, происходящее от слова «горы».

Дажбог, также Дажба и Дашуба

Все эти три имени означают одно божество. В истории нет подробнейшего описания о сем божестве. Нестор говорит только, что Владимир Великий поставил образ сего божества в Киеве, пока он еще не обратился к христианству. Если делать заключение по имени, то, думаю, можно согласиться с мнением г. Попова и Гютри.

ДАЖЬБОГ (?)

Они думают, что славянский Дажбог соответствует Плутусу¹ древних (по-русски «даты» и по-богемски «дати»). Однакож все это догадка, потому что ни одна летопись не говорит о том с достоверностью.

Детинец

Баснь, которую нам г. Попов рассказывает о сем городе, не подтверждается ни в какой летописи. Этот автор худо делает, что не сообщает нам, откуда он ее заимствовал. Однакож я расскажу ее теперь собственными его словами:

По опустошении города Славенска язвою, славяне задунайские нашли его развалины и хотели там построить новый город. Старшие из народа собрались между собою и рассуждали, какое сему городу дать основание, то есть, как заложить и назвать его. Один из них думал, чтобы на другой день при восхождении солнца послать на дорогу отборных людей, и первый, встретившийся с ними, должен тогда служить основанием городу, который и получит от него свое имя. Собрание приняло это предложение. И в самом деле на другое утро, по принесении богам жертвы, послы отправлены для исполнения своих поручений. Первый, попавшийся им в руки, был юноша. С ним-то возвратились они в город и представили свою находку собранию. Тотчас дано повеление, положить в основание города юношу, который и дал ему свое имя*.

Что это баснь и притом из позднейших времен, легко видеть можно, потому что, сколько известно, никогда не было города по имени Детинец. Еще известнее то, что каждая крепость называлась своим именем. Это доказывает продолжитель Нестора и многие другие писатели**.

Дидилия

Под сим именем поляки почитали богиню супружества. Они думали также, что при разрешении жен их от бремени она присутствует; а потому бесплодные жены приносили ей жертвы и молили ее о даровании им детей. Другое называет ее Дзифилия. Френцель именует ее так же, а при том еще Цизюю, производя имя ее от польского слова «циц» (грудь женщин); почему и называет он ее также хранительницею наследников.

Дидо — Дид

Г. Попов, а за ним и верный списатель его Леклерк, утверждают, что это был греческий антиерот. В доказательство сему приво-

* По-русски детина, детский; по-богемски дотятко, деташский.

** Библиотечка Российская. СПб., 1767, стр. 288. — Критические примечания генерал-майора Волгина. II том История ки. Щербатова. СПб., 1794, стр. 236. Словарь Российской Академии, т. II, стр. 677.

дят они одно место из русской престо­на­род­ной песни, которая, хотя и по­да­ет по­вод к до­гад­кам, од­на­ко все еще не служ­ит до­ка­за­тель­ством. По­пов го­во­рит, что са­му бо­же­ству по­кло­ня­лись в Ки­еве; Не­стор же и не упо­ми­на­ет об и­мен­и его; а Лек­лерк, не­до­воль­ный тем, за­ду­мал еще ут­вер­ждать, что он имел пре­бо­га­тый храм в Ки­еве и во мно­гих дру­гих ме­стах; да­лее, что ему при­но­си­ли мно­же­ство жер­тв, и то­му по­доб­ное, ко­му ж по­ве­ри­шь? Лек­лерку, или че­ст­но­му Не­сто­ру? — Каж­ется нет и нуж­ды спра­ши­вать.

Домовые духи

До­ма­шние ге­нии бы­ли раз­де­ле­ны на два ро­да: на­хо­ди­лись доб­рые и злые ду­хи. По­чи­та­ли себя счаст­ли­вы­ми, имея од­но­го из пер­вых у себя до­ма в го­стях: то­гда ду­ма­ли си­и про­стые лю­ди, все дол­жно бы­ть бла­го­по­луч­но; ло­ша­ди буд­то бы жи­ре­ли, хле­бные ов­ны на­пол­ня­лись и проч. Ко­гда же при­хо­дил злой дух, то вся­кие, го­во­рят, тер­пе­ли от не­го бес­по­кой­ства; да­же не­уч­ти­вость его мо­гла до то­го про­сти­раться, что хо­зяин, на­ко­нец, принуж­ден бу­дет все­го оста­вить до­м.

Дон

Ре­ка Дон, сла­вная те­перь по сво­им хра­брым ко­за­кам, бы­ла бо­го­твор­и­ма древ­ни­ми славя­на­ми, ко­торые, как го­во­рит пре­дан­ие, при­но­си­ли ей жер­твы.

Дубыня

В рус­ских на­род­ных сказ­ках на­зван так од­ня ви­ти­зъ, упо­тре­би­вший дуб вме­сто ору­жия, от че­го и по­лучил он сие и­мя.

Зевана, или Дзеванна

По­ля­ки по­чи­та­ли Зе­па­ну как бо­гиню ле­сов и охоты. В ка­ком ви­де ее изоб­ра­жа­ли, о том ни­че­го не из­вест­но. Ис­ту­кан ее раз­ру­шен в По­ль­ше в 965-м го­ду.

Зимцерла

О сем бо­же­стве нам столь же мало из­вест­но. По од­но­му толь­ко сло­во­про­из­вод­ству ут­вер­жда­ют, что она бы­ла бо­гиня ве­сны; по­то­му что и­мя ее, го­во­рят, со­став­ле­но из слов «зима» и «стереть».

Змен

O sanctas dentes, quibus haec nascuntur in hortis Numina!
Кро­мер рас­ска­зы­вает нам, что змен в Ли­тве бы­ли бо­го­твор­и­

ЗМЕИНЫЙ УЗОР. Змея (уж) как символ дождя

римы и считаются за род пенатов¹ или домашних богов. В жертву приносили им молоко и куриц, и строго запрещено было умерщвлять их. Преступники, в том обличенные, бывали наказаны тяжело, а иногда и смертию казнию.

Читатели извинят меня, если я на минуту удалюсь от своей цели, дабы вывести на свет одну лозу. Г. Леклерк говорит, что и поныне еще некоторые звери почитаются святыми. Это неправда. Он был француз, а не знал этих стихов:

Rien n'est beau, que le vrai; le
vrai seul est aimable
Il doit regner partont, et meme
dans le fable.

Во сколько ж более истина должна царствовать в истории? И это говорит человек в такой книге, которую он называет историею России; это говорит человек, который уверяет нас, что знает русские нравы и обычаи*?..

Золотая Баба

Золотую Бабу боготворили на берегу реки Оби. Она получила это имя от позлащенного своего истукана. Ее представляли в виде женщины, с одним младенцем на коленях, и еще другим, стоящим подле нее. Сих детей выдают за внуков ее. Это поддало некоторым причину думать, что Золотую Бабу можно сравнить с Изидою¹ и почесть ее матерью богов². Но жаль, что сего доказать нельзя; по крайней мере это до сих пор еще не доказано: тем менее заслуживает вероятия мнение г. Френцеля, будто бы Золотая Баба начальствовала над деторождением. Во храме ее сокрыто было много музыкальных инструментов, которыми пользовались хитрые жрецы, дабы уверить народ, что истукан сам собою звучит. По сему и почитали это божество оракулом³. В смутных обстоятельствах спрашивали у Золотой Бабы совета, и она говорила устами своих жрецов; или наоборот: как истукан был весь пустой, то жрецы говорили устами своей богини. В жертву приносили ей соболей и кунниц, и одевали ее в син кожи⁴. При каждом жертвоприношении священники съедали мясо, а богине доставалась только кровь, которою обмазывали ей рот, глаза и другие части. Вера к сей богине была так сильна, что даже чужестранные путешественники приносили ей в жертву золото, серебро и другие вещи по мере своего имения; ибо жрецы уверяли, что пренебрегший такое приношение заблудится на пути своем. Поэтому должна бы, наконец, Золотая Баба обогатиться; однако я думаю, что не видал на множество жертв, гардероб на берегах Оби никак не мог сравниться в богатстве с лоретским гардеробом.

Кашей

Русское баснословие описывает нам его живым остоном. Говорят, что он страшно любил молодых девиц и похищал их от родителей. Но сего еще не довольно: иногда, как далее упоминает

* *Prima lex historiarum, ne quid falsi dicat* — «Первый закон историй, чтобы не говорить ложного». Шлегел в своем опыте. Росс. Летоп.

** Попов «Досуги».

*** Petrejus Berichten von muschkow, p. 77, Guaguini tab. 85. — *Repubblica Moscovit et urbes Lugdani Batarorum*. 1630.

баснь, пропадали даже красавицы с новобрачного ложа и, наконец, были находимы в палатах Кашей. Ах! Не дай Бог мне дожить столь ужасных времен, где так дурно поступали с прекрасным полом! Это чудо в русском баснословии прозвано «бессмертным». Наконец он однакож умер, к счастью и спокойствию красавиц.

Кикимора

Кикимора между баснословными божествами России занимал ту же почти степень, какую Морфей у греков, с тем только различием, что русские представляли его себе ужасным привидением; а напротив того, греческий бог возбуждал кроткие, приятные сновидения.

Господин Болтин говорит: «Иные утверждают, что Кикимора-младенец, похищенный дьяволом из чрева матери, после как она его прокляла». Легко видеть можно, что эта баснь происходит из новейших времен.

Коляда

Коляда, говорят, стоял в Киеве и, по мнению Шерера¹, был бог празднеств. Другие, напротив того, признают в нем божество мира. Сии два мнения легко соединить можно, потому что без мира нет и никаких празднеств.

Торжество его происходило 24 декабря и состояло в пляске и песнях, от которых есть еще поныне некоторые остатки в России. Г. Гютри приводит свое замечание, что этот праздник торжествовали у нас в тот же день, как и ювеналий² у римлян.

Русское божество, чьего изображение находилось в Киеве. Попов в своем кратком описании славянской мифологии, и Леклерк в своей преобширной «Российской истории» утверждают о сем божестве, что он был славянским эскулапом. Они не приводят других доказательств, кроме одного имени, которое, по мнению их, происходит от слова «корчить». Однакож послушаем, что о том говорит Леклерк: *Le nom de tel Esculape derive du mot Kortschit, qui signifie restreindre, ranursir... les maux, sans doute, т. е. имя сего эскулапа происходит от слова «корчить», что значит сжимать, сокращать... боли, конечно.*

Кажется однако ж, как будто Леклерк для того остановился при своих точках, *des maux* по счастливому какому-то случаю объяли тут бедную его голову, и он — *sans doute* — не мог удержаться, чтоб [не] написать этого слова. Гораздо бы лучше было, если б он при мысли писать русскую историю, поставил хорошенькую точку.

Татищев¹ доказывает, что Корша подобен был Бахусу². Но опять одна только дотакка; и так нам нечего говорить о том утвердительно. Вообще должны мы, россияне, жаловаться несколько на древних наших летописцев, потому что они оставили нам темные понятия о нашей мифологии.

Кродо

По мнению Гроссера, поклонялись Кроду славяне, поселившиеся на Гарце. В Гарцбурге, за милю от Гослара, стоял истукан Кродов на высокой, лесом обросшей горе. Этот истукан представлял старика с обнаженной головою, который голыми ногами стоял на рыбе и опоясан был шерстяною белую повязкою, держа в одной руке колесо, а в другой сосуд, наполненный цветами и плодами.

Арнольд говорит³: значение того, что Кродо босыми ногами стоял на острой и скользкой рыбьей шелухе, было следующее: что саксонцы, т. е. венды, умели утвердиться прочно и неколебимо на самых опасных местах. Шедий объясняет далее, что обнаженная голова означает усердное служение божеству, белая повязка — свободу, колесо — дружбу народа и единодушие против неприятелей.

Иные утверждают, что Кродо представляет Сатурна⁴, и хотят мнение свое доказать греческим словом «хронос», время. Такое мнение легко опровергнуть можно. Если пришло уже на мысль словопроизводство, для чего не отыскивать корня имени в славянских наречиях? А как Арнольд, ссылаясь на Вормия, говорит, что Кродо был покровитель всякого зла и лукавства, и что при нем еще в Нижней Саксонии называли гнусного человека *Kroden-*

¹ В прибавлении к книге Александра Форема: *Von den unterschiedlichen Götterdiensten in der ganzen Welt.* — стр. 91.

düvel², то кажется я справедливо произношу его имя от слова «краду», которое у русских, богемцев и сербов значит одно и то же. Это словопроизводство, кажется мне, гораздо натуральнее греческого.

Император Карл называл нашего бога всегда *dey grote Düvel toug Harzborg*, и был величайший враг его, как г. пастор Мунд говорит в своем описании города Гослара.

Изображение Кродово было найдено в Гарцбурге и отправлено в Гослар, где жертвенник сего божества и теперь еще виден в соборной тамошней церкви. Не знаю, пропал ли самый истукан³; а постамент, на котором он стоял, находится при жертвеннике. И то и другое сделано из прекрасной бронзы и было хорошо позлащено, что и теперь еще довольно заметно. Жертвенник внутри пуст и четверугольный, а сверху покрыт белою мраморною доскою, которая сделана уже в позднейшие времена, и на ней вырезан крест. На всех четырех сторонах находятся отверстия различной величины, из которых некоторые отделаны очень искусно; это заставляет думать, что сия отверстия некогда были наполне-

ПРАЗДНИК ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕВОРОТА (Кузнецов). В центре — фигура Маджика (?)

ни драгоценными камнями. Жертвенник покоится на четырех маленьких человеческих фигурках, из коих у всякой длинная борода. Верно, представляют они жрецов.

Когда идолослужение было строжайше запрещено и венды не так скоро могли с ним расстаться, то собирались они тайно в самых уединенных местах, дабы отправлять древнее свое идолослужение. От сего происходит верно та басня, которую можно слышать на Гарце и в околележащих странах, что волшебницы — особенно 1 мая, in der Walpurgis Nacht⁴ — собираются еще на поле, а именно: auf dem grauen Brocken. Воспоминаям сего бесспорно служат известные танцы⁵, под именем Hexen Tänze⁶.

Купало

Также русское божество, коего истукан стоял в Киеве. Купало был бог плодов, и его причисляли к знатнейшим богам. В начале жатвы, то есть 24 июня, приносили ему жертвы. Тогда на полях сожигали большие костры; а юноши и девы, цветами увенчанные и перепоясанные, плясали около огня при радостном пении; наконец, скакали они и гнали свое стадо через огонь; эти добрые люди думали через то обезопасить свое стадо от леших, или лесных духов. Доселе еще та святая, коей празднество торжествуется в сей день российской церковью, сохранила от идола Купала прозвание свое Купальница¹. В иных селах можно и поныне еще в этот день найти некоторое сходство с празднествами древних², и даже горящие груды дров доселе именуются купальницами³.

Ладо

Ладо почиталась богинею любви и всех любовных удовольствий. Если сравнить ее с римским¹ божеством, то это славянская Венера.

Все безбрачные приносили Ладе жертвы, и думали через то получить себе счастье для будущего супружества. Главный кумир ее стоял в Киеве, а многие находились еще в разных других местах. Ей поклонялись молдаванцы и валахи². Имя ее часто повторяется в русских песнях и то же говорит Нарусцевич о литовских песнях³.

Что касается до этимологии сего имени, то думают иные, как

* Кто еще более хочет знать о Кроне, тот найдет подробное описание в древних записках Теллиа: Jacobi Telii epistolae itinerariae, — а еще подробнее в книге: Scriptores rerum Germanicarum, где Гейнций напечатал целую диссертацию о Кроне. Краткость, наблюдаемая мною, не позволяет мне здесь долго останавливаться.

** Дополнение к церковному словарю, соч. Петра Алексеевича, где сказано о слове «Купальница».

*** История против Локерна, т. I, стр. 119.

**** Antiqua Lybe Lituae, t. I., p. 50.

***** Песни народа польского, т. II., с. 32.

например Шерер*, что оно происходит от глагола ладить, поладить.

Леда

Опять догадки и заключения, все еще выводимые из имени обоеими господами Поповым и Леклерком. Они думают, что у славян находилось военное божество, по имени Леда. Чем же они это доказывают? Словом «леденить». *L'Etymologie est loüpe*, говорит Леклерк, *Mars glace les cœurs d'effroi*, то есть: этимология хороша, Марс заставляет сердца оледенеть от ужаса. Жаль только, что эта красивая этимология и все ее здания сами себя разрушают, потому что это вздор и никогда не было военного божества Леды. Кромер и Нарусцевич говорят, что Леда и Ладо были одно и то же**. Ни у одного писателя, кроме Дługоса, не нахожу я, чтобы Леда была славянским Марсом. Сей говорит, конечно, что славяне испрашивали себе от Леды храбрости и победы над неприятелями; но тот писатель только слегка коснулся до славянской мифологии и даже выпустил Ладу, так что слова его в сем случае не могут служить доказательством.

Лелия, или Лелио

Лелио был, как его описывают, маленький бог любви, подобный римскому¹ Купидону; также, как и сей, очаровывал он сердца; и как у этого, так и у него портил дела завистливый Дид. Мы уже знаем Дида в виде антверота. Он погашал огонь, возжженный Лелием. Некоторые русские песни доказывают, что русские больше любили Лелию, нежели Дида. Лелио был сын Лады.

Лешие

Лешие были лесные божества, или подлинные греческие Сатиры¹. Леших представляли себе в человеческих видах, с козлиными рогами, ушами и ногами. Удивительно без сомнения, как могло произойти такое сходство между славянским и греческим божеством². Описанное теперь изображение леших употребительно еще доселе у простого народа в России.

Думали, что если они ходят по травам, то становятся малы наподобие травки; если же они гуляли в лесу, то ростом своим доставали вершины деревьев. Далее воображали, будто бы лешие звали людей в лесу знакомыми голосами, обманывали их таким

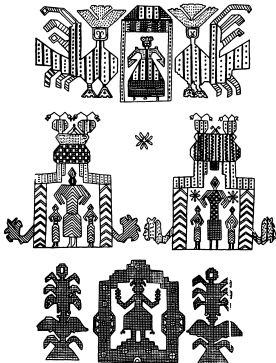
* De simulacris Deorum in Ruffia cultis sub Wladimiro duce, т. в. О кумирах богов, кои поклонялись в России при великом князе Владимире. — Прибавление к его переводу Нестора.

** Cramer de origine rebus gestis Polonorum. — соч. Кромера о происхождении и дошедших поляков.

образом и до глубокой ночи давали им блуждать по лесу, и наконец приводили их в свои пещеры и там шенотали их до смерти. Какой зловещий способ умереть!

Макош или Монош

Какую должность отправлял этот бог у русских, до сих пор еще неизвестно. Нестор не говорит об нем ничего более, как что

Владимир Великий велел соорудить истукан Макоша в Киеве и приносить ему жертвы. Г. Гютри думал, что русский Макош был Магогом в Библии. Мы не имеем причин согласиться на это мнение, и я предоставляю другому исследовать, справедливо ли оно и много ли находится сходства между обоими лицами, кроме их имени? Макош называется иногда и Монаша.

Марцана

Другос говорит, что поляки усердно чтили Марцану, как богиню жатвы. Френцель напротив того утверждает, что Марцана была богиня смерти. Это мнение доказывает он следующими словами Шнейдера*.

Славяне (в Мейсене¹) по обращении своем в христианскую веру, в четвертое воскресенье поста наткнули на колья изображения Марцаны и Зивонии, с печальным пением и жалобным голосом носили их торжественно и наконец бросали в воду — предполагая, будто через то самые молодые жены становились плодородными, город очищался, и от жителей в том году отвращалась язва и другие прилипчивые болезни.

Гуагинии же сравнивает нашу богиню с Венерою². С кем согласиться? Можно бы тут спросить. Если словопроизводство в сем случае может дать объяснение, то Френцелево мнение кажется мне всех достовернее.

По-русски «мрю» (умираю), по-богемски «мру» (умираю), «мрцава» (оледенеть, замерзнуть).

Пусть это божество и было Венерою славян, как думает Гуагинии, или Церерою³ их, по мнению Другоса; но для чего ж они сопровождали сие торжество печальными песнями, когда мы уже знаем по римской⁴ мифологии и по самому предмету, что обе богини приносили радость?

Кумир сего божества вместе с другими был уничтожен в 965 году Мстиславом⁵, обратившимся в христианскую веру.

Ния или Нлам

Ния, как говорит Другос, был бог преисподней, или греческий Плутон¹. Поляки думали, что он хранитель душ, и потому молили его, чтобы по смерти удалил он хорошенькое местечко. Знатнейший храм его находился в Гнезене.

Ослад или Услад

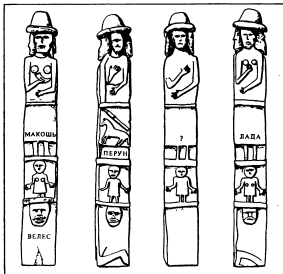
Это имя производит от глагола «усладить»; и по сей причине утверждают, что Услад был бог пиришеств. Кумир его принадлежит к тем, которых Владимир I велел воздвигнуть в Киеве, а потом уничтожить.

* *Sarmatiae Europaeae descriptio*, или описание Европейской Сарматии.

Перун

Перун был первый бог наряду тех, коим россияне поклонялись. Думали, что дождь, молния и все другие воздушные явления ему подвластны. Особенно утверждали, что он повелевает громом, от чего и получал он свое имя, потому что Перун на всех почти славянских наречиях означает гром. Словом: это был римский Юпитер¹.

Еще в 980 году великий князь Владимир I приказал в России соорудить иступан Перуна, а именно в Киеве среди двора своего на берегу реки Буричева. Нестор описывает иступан его следующим образом: Перун был сделан из дерева, голова его из серебра, а борода из золота. Другие летописи присовокупляют: ноги у него были железные; а одною рукою держал он камень в виде молнии, украшенной драгоценными камнями. Следовательно Перун наш был не таков, каким описал его сочинитель книги «Религия москвитян»; а именно: этот любезный автор лишил его це

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЗЕРУЗСКОГО ИДЛА

только бороды, но и рук, и ног, а вместо всего этого пожаловал ему кошачью рожку с разинутым рылом.

Беспрерывный, неугасимый огонь пылающего дуба горел перед ним, и смерть была наказанием того жреца, по неосторожности которого угасал священный огонь. Попов говорит, что Перуну посвящали также волосы с головы и из бороды*, если нечего было другого приносить в жертву. Также посвящали ему целые леса, где под смертною казнию запрещено было рубить дрова.

Френцель говорит, что древние прусаки, почитавшие равномерно Перуна, имели обыкновение приносить ему в жертву белых коней; кроме того, посвящали они ему кровавые жертвы — пленных своих неприятелей, между кони взятый в плен неприятельский предводитель почитался за лучшую жертву. Даже латыши сохранили еще у себя Перуна, под именем Поркана, из древней своей мифологии. Они также приносят ему жертвы, но в густоте лесов своих, и еще поныне гром называется по латински «перконе»**.

Российский великий князь Владимир I до принятия им христианской веры, был, кажется, ревностный почитатель Перуна; ибо кроме в Киеве [поставленного] изображения сего идола, приказал он дяде своему Добрыне Никитичу, бывшему посадником в Новгороде, и в сем так же городе соорудить истукан его. Сей поставил Перуна на берегу Волхова. Но как в этом мире все подвержено перемене, то Перуну определено было дожить до конца своего царствования в России.

В 988 году, когда Владимир принял христианскую веру, повелел истребить все кумиры, то Перун, как важнейший из богов, получил и большее наказание перед прочими богами. В Киеве привязали его к лошадям, и таким образом тащили по городу до реки, а между тем двенадцать молодых людей били его палками, потом бросили его в реку и сделали конец его славе.

О новгородском Перуне рассказывают нечто более. Процессия была здесь та же, что и в Киеве; только Новгородский Перун различался от первого тем, что он до глубины сердца проникнут был своею участью; и в то время, как его влекли по городу (говорит летопись, сочиненная одним монахом), не мог он удержаться, чтоб не воскликнуть громко: «О горе мне! вчера еще меня почитали, а нынче посрамляют!» Когда с мосту низвергли его в реку, то, говорят, поплыл он против стремления воды, бросил от себя палку и вскричал: «Граждане новгородские! Это оставляю вам в память мою!»

* Обыкновение жертвовать волосами было употребительно и у древних. Птоломей² обещал принести в жертву свои волосы, если возвратится победителем из Азии. Салл.¹ 66,56. — Волоса обрезывали и клали на гроб своих родных. Орест сделал это над гробом отца своего. Аeschyl. Agamem. 178. — При отправлении в путь давали обет посвящать свои волосы. Val. т. 379. — Я мало даю знать о сем словесно, и потому обязан другому за сии замечания. Они только служат доказательством, что народы, столь между собою отдаленные и даже в сакрациях друг друга не имея, могут однако и иметь одинаковые обычаи и веры.

** См. Готфри «Латыши». См. Меркелли (die Letten).

Известно даже по сим летописям, что многие жители, как в Киеве, так и в Новгороде, крайне были недовольны уничтожением главного своего идола, потому что иные, говорит Нестор, следовали за ним со слезами. По сему легко можно догадаться, что палка и голос происходили от них.

Наконец, утомясь от плаванья, Перун пристал к берегу в некотором удалении от Новгорода. В память сего на том месте построен был монастырь, названный Перуниным.

Некоторые русские летописи повествуют, что долгое время потом юноши новгородские собирались в известный день и били друг друга палками; они утверждают, что это было сделано в воспоминание брошенной Перуном палки.

Петерей говорит, что наместнику стоило великого труда разнять их и восстановить спокойствие.

Пропо, также Прове и Прово

Пропо был преимущественно у варгских славян почитаем, как бог правосудия. Шедий* говорит о нем, что он стоял на столбе, держа в одной руке разорванный камень плуга, который, по мнению Шедия, служил знаком невинности, а в другой — копье, на котором утверждено было небольшое знамя. Голова его была обвита венком, из-под которого высовывались длинные уши; на ногах же были у него сапоги, украшенные колокольчиками.

Шедий вздумал произвесть имя его из одного греческого слова. Это можно простить филологическому духу того века, в котором он жил, где все старались выводить из еврейского или греческого. Я думаю, что Френцель гораздо справедливее рассуждает, производя оное от славянского слова «право».

Жрецов сего божества называет Шедий Михен. Далее утверждает он, что славянский бог Пропо был король древних германцев, Бренн, которого стали боготворить по смерти его, и много еще тому подобного. Но все это можно без ошибки почесть бреднями**.

Главный кумир Пропов находился в Алтенбурге¹. О судьбе сего идола известно нам то, что алтенбургский епископ Герольд низверг его и собственною рукою подал пример, чтобы срубить и сожечь потом лес, который был посвящен Пропу.

Посвист или Похвист

Как русские, так и поляки думали, что Посвист божество бури***. Г. Маш ошибается, утверждая, будто бы Погода и Посвист

* В книге «О германских богах». — De Germanorum.

** Potius, prout conjicimus, Brennus erit Rex antiquae Germaniae, cui posteri statum evexere et templum dicarunt in perpetuam memoriam, quam deinde ignara et stupida plebscula pro Brenno propo dixit. По мнению нашему, Бренн, король древней Германии, которому потомки воздвигли статую и посвятили храм в вечное воспоминание, был тот самый, которого необразованная глупая чернь назвала Пропом.

*** Минин Четв, 15 июня.

одно и то же, потому что оба сына божества в одно время были у поляков*, и еще поныне масовяне называют большой ветер Похвисцием, следовательно Погода остается греческим Зефиром¹, а Похвиста мы можем сравнить с Золом².

Погода или Догода

Погода был бог прекрасной погоды и нежного, приятного ветерка. Это славянский Зефир. Я не нахожу, чтобы Погода был в России известен; но поляки и венды поклонялись ему**. Вестфаль описывает его человеком с остроконечною шапкою, из которой высовываются два бычачьи рога. В правой руке был у него рог изобилия, лежавший у него на груди, а в левой — посох. Это изображение не сходно с кумиром, найденным в Прильвице. Имена, какие дают иногда сему божеству, как Догода и Погода, ложны, потому что они в славянских наречиях неизвестны.

Между утварями, найденными в Прильвице, были также следующие вещи: жертвенный сосуд, чаша и нож Погоды.

Полелья

Полелья был сын Лады и бог супружества. Это доказывает и его имя, означающее такого, который по Лелии следует. Уже выше было упомянуто, что Лелия представлял славянского Купидона¹. Преемник Купидона бывает по большей части Гименей² или Полелья.

Как мы это мнение о должностях сих двух божеств у славян неоспоримо доказать можем древними русскими народными песнями, то утверждаю я, что мнение некоторых польских писателей, равно как и ученого г. Маша, сравнивающих сих два божества с Кастором и Поллюксом³, совсем несправедливо.

Полкан

Баснь дает ему вид человека с головы до пояса, у которого однакож прочая часть тела подобна лошади. Этот Полкан, или полуконь (столь часто встречавшийся в русских сказках) не есть ли Центавр¹ древних? Говорят, что он был весьма силен и бежал очень быстро.

Поренуч

Саксон Грамматик повествует нам, что кумир Поренуча стоял на острове Рюгене в городе Карензе. У этого истукана было

* *Cronica Poloniae*, p. 31. — Нарусценич. Т. II, с. 33.

** Кроме того описание Польши, с. 31. — Другое, т. I, с. 37. — Нарусценич. т. II, с. 33. Погода, то есть час жнивь и веселья.

четыре лица на голове, а плечо на груди, коего чело держал Поренуч левою, а подбородок онаго правую рукою. Какое божество был Поренуч, о том мнения различны. Френцель думает, что он был бог беременных. Шварц, напротив того, заключает, что поклонялись ему, как покровителю мореплавания, потому что он находит в имени его сходство с названием славной некогда Рюгенской гавани.

Поревит

Поревит также стоял в Карензе. Образ его представляется с пятью головами. Мы не знаем, какое собственное было дело Поревита. Ни Саксон Грамматик, ни Шедий не говорят о том ничего. Напротив того Френцель утверждает, что он был бог добычи, и производит имя его от славянского слова Поринан, похититель, которого мнения держится и Гроссер*.

Радегаст

Это было божество оботритов, или мекленбургских славян. В правой руке держал он щит, на котором изображена была черная воловая голова, а в левой копье. Голова его покрыта была шлемом, на котором стояла птица с распростертыми крыльями. Какой он был бог, того мы не знаем. Шедий опять находит в нем какое-то сходство с герульским королем Радагазием; а потому думает он, что сей король был обоготворен по смерти своей; однако это несчастная догадка, и Шедий также худо, как и я, умел доказывать свое мнение.

Между найденными в Прильвице кумирами случилось также изображение Радегаста, и притом жертвенный сосуд, две чаши, два ножа и колокол.

Ругевит

Истукан Ругевита стоял на острове Рюгене в городе Карензе. Саксон говорит, что сей истукан находился в середине города, и что вместо стен окружали ее пурпуровые ковры. По описанию Саксона, этот кумир сделан был из одного дуба и представлял чудовище с семью лицами, которые все были на шее и соединялись наверху в одном черепе.

На поясе висело у него семь мечей с ножнами, а осьмой, обнаженный, держал он в правой руке своей. Этот последний меч был так крепко пригвожден к руке, что ее надобно было вместе отрубить, дабы снять с истукана меч. Величина и толстота его

* *Launitzische Merkwürdigkeiten.* — Достопамятности Лауница, соч. Самуила Гроссера.

были необычайны, так что епископ Абсалон, поднявшись даже на пятки, едва мог достать до подбородка жезлом своим, который он обыкновенно носил с собою. Рюгенцы думали, что он подобно Марсу, был бог войны*.

Истунан Ругевита был истреблен Абсалоном, равно как и другие изображения рюгенских идолов. Ему отрубили ноги, и он с треском обрушился на землю. Жители воображали, что боги их станут сопротивляться: однакож и без этого обошлось. Ругевита потащили из города, между тем как на нем стоял епископ Свен.

Шедий, которому всегда хочется утверждать что-нибудь, и здесь также утверждает, что Ругевит был Ругеланд, сын Алимера, оботритского короля. Кажется нет нужды доказывать, что это утверждение вовсе неосновательно**.

Русалки

Это были русские нимфы и наяды¹. Баснь говорит, что на них были зеленые волосы, и что они чрезмерно любили качаться на ветвях деревьев. Этот предрассудок, обновляемый теперь преданиями, так укоренился в уме простолюдина, что сей и теперь еще верит, будто бы видел иногда своих русалок на берегу реки, чешущих зеленые свои волосы. Конечно, теперь уже мало таких премудрых людей в России.

Световид, также Святovid и Святovich

Когда в девятом столетии бешенство навязывать другому свою веру господствовало еще неистовее, нежели ныне в некоторых землях, то бывали такие люди, которые с опасностью жизни путешествовали в отдаленные страны, перевозносили там свое исповедание веры и смеялись над теми, которые были другого мнения. Разумеется, что таким образом не много можно наделать; а если начнем смехом, то кто знает, не кончится ли этот смех когда-нибудь слезами? А потому многие из сих людей должны были часто за смех свой заплатить жизнью. Другой способ проповедовать был хотя также нелеп, но учтивее первого, а именно: проповедовали, не зная что проповедуют, такого-то роду был проповедник, один монах из Корвеля, которого завела христианская ревность на остров Рюген. Он учил бедный слепой народ славянский, проповедовал ему, но не о Христе, ниже об истинном боге, а о каком-то трупе, которым его монастырь имел счастье пользоваться; и эти мощи назывались Sanctus Witus. Он рассказывал простякам множество чудес.

* Saxonis Grammatici Historiae Danicae Lib. XVI. Edit. Klotzius Lipsiae 1771. Lib. IV. p. 510. — Schwartzs diplomatische Geschichte, p. 599.

** Saepius tamen fuisse Rugevithum Rugeandum alias dictum fratrem Anthyri III Regis, filium vero Alimeris, Regis Obotritarum. — Sched. Sung. III. p. 484.

наделанных святым его Витом, — чудес, которых идолу их Прону никогда и на ум не приходило делать. Тогда славяне вдруг чувствуют уважение к святому Виту и почитают его за высшее существо. Они делают его верховною главою прежних богов своих, воздвигают ему статуи, строят храмы и учреждают в честь его празднества и жертвоприношения. Так произошел наш Святовид, и такие-то проповеди усердного монаха!

Главный храм, равно как и главный истукан его находились в городе Арконе. Саксон Грамматик описывает нам истукан его следующим образом: это громада сверхчеловеческой величины с четырьмя головами на стольких же шеех, из которых две обращены были к груди, а две к спине, но так, что одна из двух голов

ВИЛЫ-РУСАЛКИ («СИРИНЫ») НА КОЛТАХ И ДРУГИХ ПРЕДМЕТАХ

смотрела направо, другая ж налево. Черты на всех лицах означали глубокомысленного человека. В правой руке держал он рог, составленный из разных металлов и наполненный вином, а левая была уперта в бок, как бы представляя лук. Одежда его висела ниже колен, ноги были сделаны из другого дерева и так искусно соединены с коленами, что без точнейшего исследования нельзя было того приметить. Истукан по-видимому стоял на земле, потому что основание его было так глубоко в землю вкопано, что совсем его не видно было. Храм Световида был деревянный и возвышался на равнине; стены храма были снаружи украшены всякими картинами, и одна только дверь служила к нему входом. Внутренность имела два отделения: первое окружалось пурпуровою стеною, другое состояло из четырех столбов с прекрасными завесами, и здесь-то находился идол. Тут висели также его седло, узда и меч. В храме было также от диких зверей много рогов, которые видом и украшением своим обращали на себя внимание. Саксон все это сам видел, а потому и нет никакой причины сомневаться в истине сего описания.

Световид почитался у славян Оракулом. Со всех сторон стекался к нему славянский народ; вера к нему распространилась по всем отраслям славянских поколений; только в России и Польше не нахожу я, чтоб имя его было известно. Все другие славяне, исключая сих только, посылали в Аркону дань свою, так как некогда правоверные христиане посылали в Рим свою Петрову монету (Peterspfennig). Иноземные купцы, приходявшие в Аркону, должны были платить идолу часть своих товаров; даже король датский Свен Отто подарил ему золотую чашу высокой работы. От сокровища Световидова содержаны были триста всадников с стольким же числом лошадей. Когда у рюгенцов была война, то сии всадники отправлялись в поход, и вся добыча, полученная ими на сражении, принадлежала Световиду. Кроме сих лошадей держали еще белого коня, принадлежавшего собственно лицу идола, который, по словам жреца, ездил на нем иногда против неприятеля. Для того и показывал жрец в иное утро, как этот конь устал от дальней тяжелой езды. Сего коня употребляли также на то, чтобы узнать предстоящую судьбу при каком-либо предприятии. А именно: когда думали начать войну, то втыкали в землю перед храмом три пары колея крестообразно. Жрец подвигал к ним коня, и если он правою ногою перепрыгивал через них, то это служило добрым предвещанием; а в противном случае опасались какой-нибудь беды. Сам жрец кормил этого коня, и он только один имел право иногда на нем выезжать. Это животное почиталось столь святым, что не дерзали сгибать у него ни одного волоса ни у гриве, ни у хвосте.

Теперь доходим мы до праздников, весьма пышных и величественных, которые учреждаемы были в честь Световиду. Главное торжество происходило ежегодно после жатвы; тогда стекались обыкновенно великое множество народа, который приносил идолу

первенцы собранных плодов. За день до того жрец должен был сам выместь храм, не переводя однокон дыхания; и каждый раз, когда ему надлежало перевести дух, он должен был выйти из храма, дабы великое божество не осквернилось дыханием смертного.

На другой день начиналось торжество. Священник осматривал сперва рог, бывший в руке Световида; и ежели он еще был наполнен вином, то предсказывал он благословенную жатву на будущий год; противное ж тому случалось, когда рог был вовсе пуст. По окончании сего первого торжественного действия выливал он старое вино, наполнял рог снова и давал отвеживать идолу; но как вино никогда не нравилось Световиду, то он сам опоражнивал рог, наливал его снова и опять вкладывал ему в руку.

Потом являлась новая процессия, то есть каждый год приносили в жертву Световиду сладкий пирог. Жрец становился за ним, и если пирог был так велик, что за ним жреца не видно было, то думали, что это приятно для божества; а в противном случае жрец увещевал народ приносить в будущий праздник гораздо больший пирог, и все богослужение оканчивалось новым увещанием пребыть навсегда верными служению Световида. Тут начинали пировать и почитали за грех, если кто не хотел много пить. По сему видно, что предки наши еще надревле были *bons vivans* — добрые хлебосолы.

Кумир Световида вместе с другими изображениями рюгенских идолов разрушен епископом Абсалоном, чему Саксон был очевидным свидетелем. Это случилось в 1169 году, а что всего достопамятнее, в самый день святого Вита июня 15 числа.

Семаргл

О сем божестве ничего почти неизвестно. Мы знаем только то, что кумир его находился в Киеве.

Сива

Сива была богиня плодов [балтийских славян], которые почитали ее божеством плодородия и жизни. Изображали ее в виде нагой девицы, у которой голова была украшена венком. Волосы ее висели до колен; в правой руке держала она яблоко, а в левой виноградную кисть. Главный истукан ее находился, как говорят, в Рацебурге. И в Прильвице нашли ее изображение; однако это совсем различно от тех описаний, какие находятся о сем семействе; а именно, ее представляли не нагою, а одетою.

Г. Маш замечает, что черты ее лица приятны и ласковы, а это согласно с описанием всех других авторов.

Это божество было известно у поляков; они называли Сиву *Зивие* и почитали богинею жизни. Нарусцевич называет ее ожив-

БРАСЛЕТЫ ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ (XIII в.)
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГРИФОНОВ, СЕМАРГЛОВ И ПЕРЕПЛУТА

ляющим духом и сравнивает с Венерою, хотя Дługос и ни слова не говорит о сходстве двух богинь*.

Что оба сии имена Сива и Зизіе однозвучны, это можно тотчас слышать, когда знаешь, как слова выговариваются на польском языке. Притом же первое имя пишется Сиве.

Сильный бог

Этот сильный бог, по словам Ранча**, был представлен в виде пресильного человека, державшего в одной руке копье, а в другой

* Дługос в своей польской истории, т. I, с. 37.— Нарусевич.

** История разных славянских народов. Архимандрита Иоанна Ранча.

шар. У ног его лежала человеческая и львиная голова. Г. Гютри утверждает, что Сильный бог был славянским Геркулесом¹. Это самое имя его доказывает.

Стриба или Стрибог

Долго не знали, каков божество Стрибог; но теперь мы знаем из песни Игореву воиству, что он был бог ветров, потому что из сей песни называют внуками Стрибога.

Святибор

Сербские славяне чтити Святибора, как лесное божество*. Подле Мерзбурга посвятили ему лес, в котором под смертною казнию запрещено было рубить не только целое дерево, но даже срезывать малейший сучок. О виде истукана мы ничего не знаем; а только нам известно, что около 1008 года как истукан, так и лес был срублен епископом. Имя его составлено из двух слов: «святый» и «бор» или лес.

Триглава

Триглаву изображали как женщину с тремя головами, держащую в руке половину луны. Стетинские славяне и многие другие поклонялись ей. Один из храмов ее стоял возле Бранденбурга на Гарбургской горе. В сем божестве, говорят, есть некоторое сходство с Дианой Тривиею (Diana Trivia, покровительница дорог). Ей посвящена была черная лошадь, которую, так как и световидова коня, вопрошали в смутных обстоятельствах, и это животное также должно было отвечать ногою.

Тризна

Слово Тризна означает день, установленный в память умершего. Так например, великая княгиня Ольга отправляла Тризну по смерти супруга своего, великого князя Игоря, за которую древляне дорого заплатили. Но как праздновали эту Тризну, мы сего не знаем; ибо в русских летописях нет никакого о том описания.

Нестор говорит следующее о радимичах, вятичах и северянах: если кто-нибудь из них умирал, то праздновали они в честь ему Тризну; потом воздвигали большой костер, клали на него мертвое тело, сожигали оное и собирали кости в сосуд. Сии сосуды или урны ставили по дорогам на столбах. Такой обычай продолжался еще во время Несторова у вятичей**.

^{*} Wagner dissertation de idolatria veterum Missiae incolarum. — Барберово рассуждение о идолопоклонстве древних жителей Миссии. Лейпциг, 1698 года.

^{**} Библиотека Российская, т. I, с. 12.

Флинец, как говорят, был бог лаузицких славян. Он означал у них образ смерти, а изображали его различно. Иногда представляли его остовом, с левого плеча висела у него мантия, а в правой держал он длинный шест, на конце которого находился факел. Тут Шедий отступает от других писателей, утверждая, что это не факел, а наполненный воздухом свиной пузырь. — На левом плече у него сидел лев, который двумя передними ногами опирался в голову, одною же заднюю в плечо, а другою в руку остова. Славяне думали, что этот лев принуждает их к смерти.

Другой способ изображать его был такой же, только с тем различием, что представляли его не остовом, а живым телом. Есть еще третье изображение Флинца, о котором говорит Росс: это истинная картина маленького и толстого сатаны, имеющего большие ногти на руках и ногах. Такое изображение, как говорит г. Алтон, который без сомнения видел это изображение и сообщал нам рисунок одного, уверяет*, что это ничто иное, как лев, служивший прежде вывескою. Френцель, увидев его, так же может быть пожаловал его в боги и через то ввел Гроссера в заблуждение. Г. Алтон утверждает даже, что Флинец никогда не существовал, потому что имя его совсем не славянское.

Славяне может быть имели бога, который соответствовал описанию Флинца; но верно звали его иначе. Как Засская летопись об нем говорит, что он был так назван по камню (*Flinten tein*), на котором он стоял, то можно без сомнения согласиться с г. Антоном, что не венды, а германцы его так называли. А что он даже никогда не существовал в числе богов, это такое дело, которое требует дальнейшего исследования, и на что первый обратил наше внимание достойный автор опыта о древних славянах. Шедий** думает, что имя Флинец происходит от Влицлава, который был королем Герульским. А как ничего нет губительнее времени, то у Влицлава отняли сперва несколько букв от его имени, и незнающие писатели подарили ему после замены другие — так и произошло имя Флинец.

Что касается до места, на котором стоял Флинец, то Симон в летописи Эйленбургской говорит, что оно находилось недалеко от Лейпцига под тенью прекрасной липы; а Гроссер утверждает, будто бы вероятнее, что это место было вблизи Будислина при селе Эне, на одном от разных камней нагроможденном холме.

Царь Морской

Царя Морского, или повелителя морей можно по справедливости сравнить с Нептуном. Имя его встречается весьма часто

* Erste Linien eines Versuchs über die alten Slaven. — Первые четыре опыта о древних славянах, соч. Антоном. Лейпциг. т. I, с. 47.

** *Utentes omnia metat, nunc Vlttram, inde Vltatz et a scriptoribus ignavis Flintz pronuntiata fuit.* — Song. III. cap. VII. p. 436.

в русских простонародных сказках, которые из древности еще до сих пор сохранились. Нептун имел своих Тритонов¹ — так и нашему Царю Морскому были подвластны морские чудища.

Чернобог

Этот бог был противоположен Белбогу; его почитали злым божеством, так как Белбога добрым. Дабы примирить его, приносили ему кровавые жертвы; молибы, к нему возлагавые, были печальны, и часто заключали в себе ужаснейшие заклинания. Я уже сказал, что в честь Белбогу во время пиршеств всегда посвящали чашу и кругом ее разносили; то же бывало и в честь Чернобогу. Шедий говорит нам, что это происходило ради примирения: *patenam consecrabant, omnem propterea fortiam a bono Deo, adversata malo dirigi putantes* — «Они посвящали чашу, думая, что всякое благополучие зависит от злого». — Это случилось и с тою старою доброю католическою, которая посвятила архангелу Михаилу и дьяволу, каждому по восковой свече, и на вопрос пономаря, для чего она это делает, отвечала: «Вить не узнаешь, с кем по смерти познакомишься». Петр Албин* в летописи Миснейской говорит: славяне для того почитали Чернобога, как злое божество, что они воображали, будто всякое зло находится в его власти, и потому просили его о помиловании; они примиряли его, дабы в сей или будущей жизни не причинил он им вреда.

Весьма вероятно, что впоследствии времени нашлось много божеств, которым придано было это имя. То же самое подтверждает г. Маш, отличный своими исследованиями в славянском баснословии. Он сообщает нам изображение такого истукана, который стоял в храме Петрском, и которому, говорит он, поклонялись венды. А именно: это выпитый из металлической смеси лев, который представлен сидящим на задних ногах. Челюсти у него отверсты, уши круглы — словом: художник (говорит Маш) постарался сколько возможно представить грозный и страшный образ, дабы живее изобразить злопредное божество. Служение, воздаваемое Чернобогу, сперва отменено в Саксонии во время царствования императора Лотария. Говорят, что после бывший епископ алтенбургский Вицелли тем весьма прославился. Сия эпоха случилась в 1534 году.

Чудо Морское

Под властью Царя Морского, о котором мы говорили несколько выше, было множество таких чуд. По всему вероятно заключать можно, что они подобны были морским чудовищам, Тритонам. Изображали их в самом страшном виде, и поныне еще

* *Abrahami Frenschii de Diis joraborum aliorumque slavorum in Helmstadii Scriptores rerum Lybaticarum.*

сохранилась русская пословица, напоминающая о страшном виде сих морских богов*.

Чур

Чур был у русских то, что Терминус (божество границ) у римлян. Римский бог, изображаемый сперва четырехугольным камнем, впоследствии времени получил однакож голову; а наш Терминус, напротив того, остался навсегда безголовым, и Чур все остается чурбаном, каких и ныне еще находится множество на полях наших.

Ютрабог

Френцель думает, что Ютрабог соответствует Авроре и производит имя его от слова «утро». Но мне кажется, невазяра на справедливое производство сего слова, что это божество ничто иное, как самый Белбог, в чем также согласны Шедий и Росс.

Яга Баба

Многие писатели утверждают, что Яга Баба славянская Беллона¹. Римская Беллона, как известно, была изображаема воинственным божеством, управлявшим колесницею и конями Марса; но в славянской мифологии пожалуйте не ищите таких прелестных изображений воинственной богини.

Наша Беллона, признаться, играет ту же роль, только совсем в другом костюме. Древнейшие русские повести описывают нам ее гусною, сухощавою старухою, высокого роста, с костяными ногами, и пр., и пр., и пр.! Экипаж ее совершенно соответствовал красоте, которая в нем ездил: это была ступа, которую богиня погоняла пестом железным, находившимся у ней в руках.

В тех же сказках замечательны еще следующие стишки:..

Баба Яга,
Костяная нога,
В ступе едет,
Пестом погоняет,
След помелом замечает.

* *Tel qui n'es ni ecrivisse, ni poisson, monstre marin, tu es l'epouvantail des mortels!* Le Clerc, T. I, p. 189.

Славянская и российская мифология

Написана на немецком языке. Впервые опубликована в Гёттингене в 1804 г., затем два идентичных издания в 1807 и 1810 вышли в Москве на русском языке. Данная публикация воспроизводит текст изданий 1807 и 1810 годов в Московской университетской типографии Дубровина и Мерзлякова. Перевод с немецкого Андрия Аллера. Перевод, по современным понятиям, не всегда грамотен и часто вызывает желание у современного читателя его поправить, поправить. Может это несовершенство перевода и было причиной того, что «Мифология» Кайсарова не перенадавалась так долго. Несмотря на то, что в отдельных случаях орфографию и пунктуацию пришлось привести в соответствие с современными нормами языка, здесь сохранены особенности, характерные для надындивидуального стиля Кайсарова и все (даже неудобные для русского читателя) особенности немецкого перевода. Курсив и разбивка, встречающиеся в московском издании, не сохранены, так как неизвестно: это курсив и разбивка Кайсарова или — его издателей, решивших просто упростить текст.

Вступление

1. До Кайсарова известны отечественные (непереводные) сочинения: «Древняя российская история» М. В. Ломоносова (1766), «Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного на разных писателях» М. И. Погова (1768), «Абсолют русских суверенов» М. Д. Чулкова (1786); «Древняя религия славян» Г. А. Глинки (1804) написана одновременно со «Славянской и российской мифологией» Кайсарова, оба сочинения напечатаны в разных местах (Гёттинген и Миттаве) независимые друг от друга.
2. *Песнь из двенадцатого века* — «Слово о полку Игореве». Первое издание вышло в 1800 году, за 4 года до написания «Мифологии» Кайсарова.
3. *Южный германец* — имеются в виду византийцы. Эта мысль Кайсарова подтверждается в сойках. См. ВСЭ, 2-е изд., т. 39, стр. 306.
4. *В Прильнице* — Прильница, Прильница, или Прильница — древнейшее западнославянское поселение. Ныне на тер. Германии. Само слово «прильница» славянское, обозначает шлем-шингар с сеткой, покрывающей лоб, или с забралом.
5. *Маш* — Андрей Маш, историк XVIII в. Описал некогда захваченные средневековой Германией древности земли полабских славян. Описанные им места — ныне тер. Германии, где и ныне живут предки древнейших из славянских ветвей, которых называют по-разному: полабские славяне, лужицкие сербы, лужицкие, полабские сербы, оботраты или мекленбургские славяне.
6. *В Госларе* — Гослар — древний город в Германии, в местечке Гарц (Гарцские горы), знаменитый уникальным собранием памятников старины.
7. *Истукан* — переводчик несобудливо выбрал это грубое слово, встречающееся в его переводе повсюду. Ныне обидные слова «оболван» или «истукан», употребляемые в осуждение человеческой глупости, бесчувственности, в то времена просто-напросто значили «изваяние», «статуя», «идол», «кумир», «божество». Сказавшим много, остается сожалеть, что они остались мало использованы.
8. *В Герлице* — Герлиц — старинный город на юго-востоке Германии.
9. *Финну* — позднейшие славяне не подтверждают наличия этого божества в славянском языческом пантеоне.
10. *Жертвенник Крайде* — крады и требица — места сожжения языческих жертв. Не исключено, что эти места охранялись божеством того же имени.
11. *У германских и других народов прошлого то же самое, включая одну Италию* — язычество — дохристианская вера всех, не только славянских народов и не только итальянцев. И все язычество постигла одна участь: как стройное представление древних о мире, оно во многом утрачено. Сохранилось больше всего памятников древней индийской, египетской, греческой, римской (Италия) культуры.
12. *Новиков* — Н. И. Новиков (1744—1818) выдающийся русский просвети-

тель, писатель, журналист, редактор, организатор типографий, библиотек, шол в Москве, книжных магазинов в 16 городах.

13. *Гений* — гений (лат.) у римлян добрый дух, хранитель человека. Считалось, что гений формирует человека и сопутствует ему всю жизнь.

14. *Медицинская Венера* — шедевр мирового искусства, античная скульптура, изображающая римскую римскую богиню красоты. Одна из копий работы древнегреческого скульптора Проклеса, хранится в Италии. Кроме Медицинской есть Таврическая (Зритель) и Малая (Лувр) Венеры — копии той же античной скульптуры.

15. *Проклеса* и *Аполлона* — Проклеса (ок. 390 — ок. 330 до н. э.) — древнегреческий скульптор, мраморные статуи отличает чувственная красота, одухотворенность. Аполлон — древнегреческий живописец 2-й пол. IV в. до н. э. Для его творений характерно высокое совершенство, достигнутое упорным трудом.

16. *Саломея Грамматика* — (1140—ок. 1205) датский летописец, автор «Данский датчан» в 16 кн., из которых сюжет о Гамлете почерпнул В. Шекспир.

17. *Рюген* — остров на юге Балтийского моря, ныне в ГФРГ.

18. *Лот* — мера массы, равна 12,8 г.

19. *В Архоне* — Архона — северный мыс острова Рюгена. Название древнее славянское от слова «урна», что означало «на конце». Здесь находился один из последних известных языческих пантеонов богов славян. В 1168 г. его снес датский король Вальдемар I вместе с епископом Абсаломом.

20. ... О *Святой Троице* при образе *Триглава* — Троица и Триглава — ключевые образы христианской и языческой символики.

Троица. Бог один в трех лицах: Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух святой. Бог-отец символизирует высший разум и волю вселенной, высшую мудрость. Бог-сын в образе Христа мотивирует материальное существование человека во имя высших целей, достойных божественной мудрости. Бог-дух святой утверждает вечное царство Святого Духа на земле, одухотворенность всех дел Христа, который чаще всего представляет всю Троицу; последняя простота — дух святой — также связывается в христианстве с воскресением всех живших на земле. Все три члена Троицы соотносятся меж собой не по принципу двойственности, а по принципу равенства, они «равночестны», т. е. одинаково участвуют в сотворении и бытии космоса, они раскрыты друг другу в жертвенной самоотдаче. Формула христианской Троицы общезначима; все от Отца (надающего бытие) через оформляющую энергию Сына осмыслено духом (получило от него жизненную целостность). Троица — вершина развития христианской мысли. Это философское толкование движения жизни на земле как некой феноменальной сущности всегда привлекало живописцев и философов.

Триглава. Языческое понятие, древнее христианского. Оно уходит корнями в тысячелетнюю культуру неолитического мира. В индийской мифологии Трилочна (лока — место, определенный пространственный предел) — трехликая вселенная, состоящая из неба (и воды), земли (и воды), подземного (нижнего) мира (и воды), хотя понятие «вода» чаще всего выпадает при толковании триады, оно всегда как бы держится «в уме». В индийской мифологии существует тройственный образ бога Тримурти, в каждом из составляющих триаду, в свою очередь, преобладают три гуны (качества, свойства): 1) Брахма — творец мира (страстность, активность, действительность); 2) Вишну — его хранитель (мечность, уравновешенность, сознательность); Шива — разрушитель (пассивность, бессознательность, инертность). Как видим, языческая триада была не так уж примитивна и в логичности ей не откажешь.

Чаще верховным богом выступал Вишну. Позже (как правило, в последние тысячелетия до н. э.), Шива. А именно в этом тысячелетии формируются предки славян, как одна из ветвей индоевропейских народов. Поэтому древние боги у разных племен (разнопроисходные) здесь носят (в женской своей ипостаси) имена Жива (ср. Шива); Сива; Дива («div» вид, бог); Дива; Дива; Зива; Цива; Зива (зива — у поляков — грудь женщины); Триглава (Тригла) и т. д. Таким образом это главное божество многих племен древних славян, воплощающее движение жизни на земле, включающее три функции: творения, хранения, разрушения, отождествляется с божеством среднего мира — Землей (и водой), ср. мать сыра земля, хранительница жизни и смерти.

21. *Семия* — на Руси вплоть до XIX в. 4 июля (хотя церковь сместила языческий устойчивый календарь на подвижный пасхальный, в праздник, отмечавший в седьмой четверг после Пасхи поэтому назывался «семия») был известен и отмечался как языческий праздник Ярило. Культ его — один из древнейших — восходит к культу рода и романца. Ярило — божество посева и мужского семени, символизировало продолжателя рода, который заботится о том, чтобы оплодотворить прароду (и человеческие племена, как часть ее). У Ярилы яростный, буйный мужской характер (ср. яр, буй, тур). Праздник приходится на период земных святок. В это время яровые и другие посевы дали ростки и входят в силу. Породавшие их зерно, семя, мифический податель жизни, родителя — яр — отслужило и может умереть. Крестьяне весело, с непристойными шутками погребали (разрывали, жгли или топили) фаллическое чучело Ярилы. В это же время отдавали дань веселья и сладострастиям сытым богам Туру или Волосу, жертвовали всем этим богам хороводами, певням, посылками через венок из свежих цветов и зелени (которая образно являлась волосами земли) и всякими любовными действиями.

22. *При царе Иоанне Васильевиче* — Иван IV Грозный (1530 — 1584).

23. *В 1551 году отменены на Стоглавом соборе* — в тексте ошибочно указана дата «1542». Имеется в виду закон «Об упорядочении церковных обрядов».

24. *Другос* — Другош (Dąbrowski) Ян (1415—1480) — польский историк. Его «История Польши» — вершина польской средневековой историографии. В тексте ошибочно указано «жил в четырнадцатом веке».

25. *Нарушечин* — Нарушевич (Naruszewicz) Адам Станислав (1733—1796) — польский поэт и историк. Его «История народа польского» — первая критическая история Польши.

26. *В начертании Антона* — Антон Карл Готтаб (1751—1818) — историк, лингвист, юрист, автор труда «Первые четыре опыта о древних славянах».

27. *В книжке Адама Бременского, Нестора, Гельмольда, Кранциуса, Саксона, Другоса, Кромера* — Адам Бременский (? — после 1081) — северогерманский хронист, его «Деяния епископов Гамбургской церкви» в 4 т. — ценный источник по истории древних славяно-германских отношений; Нестор (1058—1114) — монах Киево-Печерского монастыря, древнерусский летописец, составитель «Повести временных лет» (1113 г.); Гельмольд (ок. 1125 — после 1177) — немецкий миссионер, автор «Славянской хроники» и немецких средневековых хроник. Описал захват германскими феодалами земель полюбивших славян, их христианизацию; Кранциус — жил до XVIII в.; Саксон — см. 16; Другос — см. 24; Кромер — Кромер Мартин (1512—1589) — польский писатель, автор сочинения «О происхождении и древних поляков».

28. *Шедий* — Михаль Шедий (1719—1797) — соч. «О германских богах».

29. *Венды с вандалами* — венды, древние славянские племена, вытесненные с юга на север Германией. Вандалы, группа германских племен в 429—439 гг. завоевали и разорили Сев. Африку. В 455 г. разгромили и разрушили Рим. Отсюда — вандализм.

30. *Михаил Френцель* — Михаил Френцель (1628—1706) жил в Сербии. Первый переводчик Евангелия на верхо-лужицкий язык, автор труда о языческих богах, как они отражены в германской поэзии.

31. *Авраам Френцель* — Авраам Френцель (1656—1740) — сын М. Френцеля (в тексте ошибочно «брат»), ему принадлежат лингвистические труды и «История народа и обычаев Верхней Лужицы».

32. *Вальер* — малоизвестный автор (возможно, он больше ничего не написал) книги «Вальперово рассуждение о идолопоклонстве древних жителей Миснии», Лейпциг, 1698.

33. *Росс* — Александр Росс, автор книги «О разных богослужениях в целом свете».

34. *Арнольд* — Готфрид Арнольд (1666—1714), немецкий поэт и священник, создатель мистических духовных песен, написал «Непредвзятую историю церкви и ересей».

35. *Монфокон* — Монфокон Бернард (1655—1741), французский археолог, автор «Обыкновенный древностей» (1719—1724).

36. *Бамье* — *Банье* Амбуа (1673—1741), французский археолог, специалист по древним надписям, автор книги «Мифы и сказки древней истории».

37. *Самуил Гроссер* — Самуил Гроссер (1664—1736) жил в Сербии, автор «Достопамятностей Лауанца».

38. *Оботригов* — см. 5.

39. *Храма Ретского* — Реты — древние кельто-иллирийские племена, отождествляются с этрусками (есть предп.: этруски — прарусские).

40. *Словарь древнего русского суеверия* — имеется в виду М. Чулков, «Словарь русских суеверий», Спб., 1782.

41. *Попов* — имеется в виду М. Попов, «Описание древнего словенского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями», Спб., 1788.

42. *Лелерк* — Р. М. Ле Клерк, французский историк, автор «Истории древней и нынешней России», вышедшей на французском языке в Париже в 1783—1785 годах, 1 — 3 тт., где утверждало, что допетровская Русь отличалась полным невежеством. Этот труд основательно раскритиковал И. Н. Болтин в двухтомнике «Примечаний на историю древней и нынешней России г. Лелерка, сочиненных генерал-майором Иваном Болтинным» (1788).

43. «Религия москвитов», Франкфурт в Лейпциг, 1717, автор не известен.

44. *От жид* — Кайсаров не имел намерения этим словом оскорбить евреев: жид, хам, сим, гад, аман (ср. аманиты), изуд, ирод, каня (окаянный, значит окаявшийся, омыкавший руки в крови своих братьев) — еврейские библейские имена нарицательные, которыми широко пользовались все народы. Так же как, например, поэты русских называли языками, а немцев — гавсами, и т. д.

45. *Фольванты* — огромные старинные книги.

Белбог

Хранитель (консерватор) и податель добра, удачи, справедливости, счастья. Древний калтель сделал статую Белбога, изображавшую сурового мужчину с куском железа в правой руке. Главным издревле был известен подобный (испытание железом) способ восстановления справедливости. Подозреваемому в каком-либо проступке давали в руки раскаленный кусок железа и велели с ним пройти шагов десять. И того, чья рука оставалась невредима, признавали правым. Такие испытания, казнувшиеся нам сейчас жестокими и бессмысленными, производились однако на Руси до времени Ивана Грозного. Не случайно богу, вершителю правосудия, приносили кровавые жертвы, чтоб он не допустил страшной для человека кары: быть осужденным и, тем более, — осужденным несправедливо. Тяжела вина, но еще тяжелее бремя позора. Повелите «налейменный железом» издревле было равнозначно «налейменный позором».

1. *Бьлаго* — «б» в этом слове редуцированный гласный. После его падения слово читается «благо».

2. лат. бог консерватор.

3. лат. чашу освящали.

4. *Оромас и Аримак* — Оромас (Ормузд), верховное божество в мифологии древних иранцев, творец вселенной, хранитель добра, враг темных сил. Аримак — «враждебный дух», глава адских демонов, олицетворение зла, смерти.

Буг

В языческие времена действительно многие реки считались священными.

1. *Болтин* — Болтин Иван Никитич (1735—1792) — русский историк.

2. *Саржаты* — объединение тюркоязычных кочевых племен в IV в. до н. э. — IV в. н. э. Жили на территории от Тобола до Волги, были разгромлены гуннами (приуральско-казахстанскими тюркоязычными народами) и исчезли.

У славян это не бог, а обоиместалимый воин, богатырь, герой, предводитель воен (воинов), вождь.

1. *Один и Гуден* — герои средневекового германского эпоса.

Волк, или Волховец

Славянское слово «волк» происходит от «волохатый», «волосатый», синонимов слова «медведь», на которое в древности налагалось табу. В праздники весеннего пробуждения медведя (значит и всей природы) 20—25 марта (масляничная неделя; в Белоруссии — «номодица»; греч. «номедия» от «номос» — медведь) одевались в шкуру (длану) медведя и др. зверей. Такие же переодетия, ряженки проходили и на зимние святки (зимний солнцеворот) с 25 декабря (Карацун, Коляда, Давыдовский день) по 6 января (Власов день). Слово «волк» нельзя ворать без знания всего этого.

Каково же предназначение столь загадочных, таинных христианством волхов?

Большая часть названий богов, явлений и предметов, данных народом под влиянием художественного творчества, основана на весьма смелых метафорах. Но те исходные мифы, к которым они были прикреплены изначально, часто рвались, метафоры теряли свой поэтический смысл, принимались за простые, непосредственные выражения и в таком виде переходили от одного поколения к другому, переживая века, дробясь по местностям, ночу с народами. Одни звуки замещались другими. Словам придавались новые значения. Смысл древних речений становился все загадочнее и темнее. Начинался неизбежный процесс мифических обобщений, когда метафорический язык утрачивал свою общедоступность, ясность. Понадобилась помощь вещей и знающих свой язык и культуру людей, жрецов-истолкователей. У славян это были волхвы — своего рода ученые, мудрецы древности. О них ходили слухи как о пророках и прорицателях.

1. *Князь Славен* — историческое лицо, славянский князь, время правления неизвестно. Сын его вполне мог быть волхвом, то есть в определенные дни переодеться в шкуру зверя.

2. *Славенск* — древнеславянский город, бывший тогда выше будущего Новгорода. ныне — в черте Новгорода, на его месте Старое городище.

Волос, также Волес

Один из древнейших славянских богов. Вначале покровительствовал охотникам. Вследствие табу на обоиместалимого зверя назывался «волохатый», «волосатый», «волос», «волес» и т. д. Обозначал так же духа убитого зверя, духа охотничьей добычи. «vel» — корень слова с значением «мертвый». Умереть, преставиться — значит приставиться духом к небесным предкам, вернее их душам (в древности верили, что душа уходит на небо, а тело остается в земле). Часто считали, что род ведется от бога, который показывается лишь в образе зверя, а потом снова уходит в небесные чертоги (ср. созвездие Большая Медведица и т. д.). Существовал обычай оставлять на снятом поле «именно колосья Волосу на борозду», т. е. славяне считали, что предки, покоящиеся в земле, тоже помогают ее плодородию. Таким образом, культ снятого бога как-то связывали с предками, и с урожаем. Травы, цветы, кусты, деревья называли «волосами земли».

С древнейших времен скот считался основным богатством племени, семьи. Поэтому Волес был еще и бог богатства. Корень «воло», «воло» стал составной частью слова «володеть» (владеть). Волеса чествовали с 20 по 25 марта на масляничную неделю и с 25 декабря по 6 января на зимние святки. 6 января был Власов день. В период христианства на Руси ему соответствовал Власов день — 11 февраля.

1. *Олег* — Олег (? — 912), князь Киевской Руси. В 907 и 911 гг. совершил поход в Византию. В 911 г. заключил с ней договор.

2. С императорами Львом и Александром — фактически правил только Лев VI Мудрый (886—912), византийский император.

Валаты

Римские опытные воины, сославшиеся на северную окраину Римской империи, где жили славяне. Смесь славян и римлян дала новый народ, живший в области, называвшейся Валахией; Валахия — прародина нынешних молдаван.

Гадания

Способов гадания бесчисленное множество. Идет этот обычай от желания общения с древней славянской богиней, которая представлялась в виде красивой девушки-прахм, предвещающей нить судьбы, нить жизни. — СЪРЕЧИ, СРЕЧИ или УСРЬЧИ — Встречи — с целью узнать свою судьбу. У разных племен синонимы «суд», «рок», «даль», «судьба», «жребий», «кош», «приговор», «решение» имеют одно и то же значение. СРЕЧА — ночная богиня. Никто не видел, как она предстает, поэтому гадания часто проходили ночью. Чаще всего гадали на суженых (сравните слово «известа» булгавсько — «известная»). Предполагается, что обязанности богини судьбы у многих славянских племен выполняла Макошь, которая покровительствовала домашним работам и, в том числе, прядению. На принаках славяне зачастую отображали свое представление о мироустройстве, зашифровав его в символы и знаки.

В христианстве Макошь соответствовала Праскова Пятница, ее чествовали 28 октября, когда собран урожай и начинались домашние работы, в т. ч. прядение.

1. Гракс — римский политический деятель II в. до н. э.

Горыня

Горыня относится к так называемым титанам, или, по славянским повериям, — богатырям. Исполнительный слугиня Перуна, громоверзник. Если Перун разгневается, то с гор камнями выворачивает, деревья валит, реки запруживает завалами и т. д. Таких героев разной силы в славянской мифологии множество: Горыня, Вернигора, Валигора, Вертигор, Дубыня, Дубодер, Вертодуб, Вырядуб, Елиня (ель), Лесня (лес), Дугиня (дуга гнет), Веран-вода, Запра-вода, Поток-богатыря, Усыня, Медведко, Соловей-разбойник (ураганный ветер), Сила-царевич, Иван Попылов (Попел), Святогор и т. д.

Дажбог, также Дажба и Дашуба

Или Дажь-бог — один из главных богов восточных славян. Автор «Слова о полку Игореве» называет всех русских даждь-богами внуками. Этот бог дал человеку все главное (по космическим меркам): солнце, тепло, свет, движение (природы, или календарное: смену дня и ночи, времен года, лет и т. д.) и т. д. Вероятно, это был больше, чем бог солнца, он обозначал то, что мы называем «есть белый свет», светлот, творческое мужское, небесное начало, в отличие от темного, женского, рождающего, земного. Бог дающий, податель земных благ, а также бог, охраняющий свой род. Метафорически его называют «огонь Сварожича». Сварга — нид. небо. Сварог — бог неба. Значит Дажь-бог — огонь (свет) небесный.

1. Партос — греч. бог богатства, изображался в виде старого старина, надевающего всех богатством.

Детищец

Понятие не мифологическое, а словарное. Детищец — внутригородская простота, или город внутри города: как дитя в материнской утробе.

Дядькиня

Одно из названий богини-матери, богини-бабушки, родительницы, хранительницы рода и детей (в то время как в других племенах это могли быть Жива, Златая мать, Дева, Матькош, Лада и т. д.). Не случайно корень этого слова созвучен со словом «дядя». Эта богиня символизирует женскую долю, предназначенное женщине зачатие на земле.

Дядо — дяд

Дядо — зачатый падеж от слова «дядя», «дядь». Дяд — прародитель, предок. Для тех, кто считал, что ведут свой род от Перуна (Ольгонович и др.), это еще и синоним Перуна. Дед — хранитель рода и, прежде всего, детей, конечно. В любом случае есть старший мужчина, представитель родового старейшинства, который усматривает страсти внутри клана, хранит основные принципы морали рода, строго следит за их исполнением. Белорусы, украинцы и др. называли дедом (дядом) домовое божество, охраняющее домашний очаг (укад), печной огонь, как бы малый перунов огонь, в отличие от большого — на небе. Дедом называли и лесное божество — хранителя Перунова клада (золота, серебра, т. е. молний, гроз, дождя серебряного). Дядо молили об указании, открытии клада. По преданиям, где огонь не блеснет, там клад этот (дождь с грозью), который именовали каменем для людей (для рода, дома Перуновым потомком).

Домовые духи

Неперсонифицированные божества эти (а также лесные, полевые и др. духи) древнее самых древних из известных славянских богов — Перуна, Велеса, Матькоши. Их называли ушьяри в березинах. Березина хранила благополучие различных мест в видов природы, а также дом. Ушьяри, навья (птицы с душами умерших, прилетающие из шьяри (ярия) — рай, неведомой земли на востоке), напротив, привлекали зло. Особенно злыми могли быть души умерших «не своей» смертью в умирших на чужбине, не погребенных по всем обычаям рода с закланьями и т. д. Потому навьям топили баяно и выставляли на ночь еду, чтоб задобрыть. Специалисты считают, что ушьяри в березинах получили имена примерно в XVI в. Домовых духов множество: домовый, кутный бог, дед, спорынья и спелья (духи, способствующие вызреванию зерна), ярена (домашнее мирное божество сна), баянон (сказочник, сказочник ночной, песенник малыбельный), лелья, отец (древняя стенах леля), окобый, прокураты, прокуды (шлуты, неслуты, проказники), баянок (дух баян), ямиды (укр. «бодяй нас аладди побалай!»), басы, черты, шьяшля (черты с торчащими шьяном волосами), ямшьямора или шьяшьямора (чертыха, божество неспокойных снах и ночных видений) и т. д.

Дубыня

См. «Горыня».

Зелана, или Дзельяна

Богиня рощ и лесов была не только у полян, но и у других племен, связанных с лесом и охотой, где она могла называться Дзела, Деза, Дзелья (ср. римск. Диана), Златая Баба, Баба и т. д. Ей жертвовали шкуры убитых зверей, моли об Улачной охоте и докла. Умоляли ее также о богатстве, удачной торговле или обилии. В древности шкуры убитых зверей ковали, а также в т. д. использовались как деньги (куны, монеты).

Позднейшие славяне не подтверждают наличия этого божества в славянском языческом пантеоне.

Змея

Значимый и назначенный у змей (как символов) было несколько.

I. В календаре славян есть два праздника, на которых чествуют змей (чаще это безобидные ужи). 25 марта — время, когда «на юрьеву росу» выгоняют скот и змей выползают из-под земли, т. е. земля становится теплой, можно начинать сельскохозяйственные работы. 14 сентября — уход змей. Сельскохозяйственный цикл в основном заканчивается. Т. е. эти животные как бы символизировали цикличность сельских полевых работ, были своеобразными природно-климатическими часами. Считалось, что они так же помогают вымалывать дождь (небесное молоко; груше, падающее с неба), так как змеи любят не только тепло, но и влагу, отсюда в сказках змеи часто сосут молоко у коров (облак). Изображение змей, змеицы украшали древние сосуды с водой.

II. Змеи из Перуновской свиты. Символизировали тучи небесные грозные, мощный разгул стихий, Змеи эти многоглавые. Одну голову отсечешь — другая вырастает и пускает языки огненные (молнии). Змей-Горыныч — сын горы небесной (тучи). Змеи эти похищают красавиц (луны, звезды и даже солнце). Змей может быстро превращаться в кошку или девушку. Это связано с омолаживанием природы после дождя; омолаживанием природы после холодной зимы.

Змеи — хранители кладов песенных, трав целебных, живой и мертвой воды. Отсюда — змеи-врачи (в индоевропейской мифологии — Идра, Донор, Асклепий, Панацея) и символы врачевания.

III. Змеи из свиты богов подземного царства — Вил, Смерть, Мары, Чернобога. Кащей и др. Смерть (Кошей, Недоля) носит, собирает злоеущий кошт, урожай мертвых, а змей подземное царство стережет.

Вариант змеи-владетеля подземного царства — Ящер (реже Рыба). Ящер часто встречается в народных песнях, иногда, утратив древние смыслы символика, его называют Яша.

В период христианства змей чествовали на Юрьев день (Юрий — Георгий) 23 апреля.

1. Поматы — римск. хранители домашнего очага.

Золотая Баба

Древнейшее божество, восходящее к неперсонифицированному культу романи. Златая Баба, Златая Мать, Макошь (мать урожая). Дядиля (покровительница романиц, детей и матерей). Жива (Сива) — это лишь разные названия матери-романицы, праматери рода, давшей жизнь всему живому — человеку, зверю, скоту домашнему, урожаю полей, лугов и лесов.

Эти богини связаны с празднованием в христианский период Рождества Богородицы 9 сентября и Прасквы Пятницы 25 октября.

1. Иида — важнейшая из богинь древнего Египта, покровительница плодородия, материнства, богиня жизни и здоровья, охранительница умерших. Изображалась женщиной с головой или рогами коровы.

2. Оракул — прорицатель, предвещающий волю бога.

Кащей

Божество подземного царства. Символизирует окостенение, одеревенение от мороза в зимнюю пору всей природы. «Кош» — также «кошт», «кость», «костлявый». Многие герои сказок превращаются на какое-то время в камень, дерево, лед и др. состояние — окостеневают. Затем приходит герой — красная девица, добрый молодец (весна, солнце) и они оживают от поделуя (луча), или слезинки (капли). Отсюда же русское «кошунь», «колдунь», «кошунь творить». Как-то

связанным с этим понятием «узнать» — «узнать». Узнали — враг, попавший в плен. Именно в таком значении слово «узнать» употребляется в «Слове о полку Игореве» и во многих русских сказках. Кайсаров не без иронии пишет о Кашее, ибо власть его недолговечна.

Кикимора

Или Шашимора (от прозвища черта с торчащими шипом волосами — Шипшиги — ведь Кикимора считалась чертихой) — божество сна и ночных видений. Отсюда, что это злой дух свидетельствует вторая часть слова — «мора». Мора (Мор) — древняя богиня смерти. Но все же Кикимора это не сама смерть. Если она злится и проказничает, например, беспокоит по ночам малышей, путает оставленную на ночь пряжу и т. д., — еще не всегда значит, что кто-то умрет вследствие ее злых проделок (как мы понимаем и слово «умора»). Кикимора — слабее, как бы кривозеркальное отражение лишь страха смерти, или даже просто страхов. Кайсаров сетует на то, что Кикимора была противоположна Морфею, греческому богу сладких снов. Но у славян были и духи приятных сновидений. В некоторых случаях это Баюнок. Иногда он выступает в виде Кота-баюна (ср. у Пушкина: «Идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит»).

Коляда

Солнце-младенец (представлялось мальчиком или девочкой). Это божество возникло из праздника зимнего солнцеворота, из поэтического представления о рождении молодого солнца, то есть солнца будущего года (это древнее представление о ежегодном младенце не умерло и по сей день. Оно перенесено на понятие «новый год»). На открытках и в поговорках оформлении праздника художники не случайно изображают новый год в виде мальчика, летящего в космосе). 25 декабря (месяц студень) начинался поворот солнца на восток. Коляду (ср. коло — колодезь, круг — солнечный знак солнца) представляли прекрасным младенцем, заключенным в плен злою ведьмою Зимой, которая превращает его в волчка (ср. славянские волки — лютый — с праславянским названием самого сурового месяца зимы февраль — лютый). Только когда будет снята с него волчья (иногда др. животных) шкура и сожжена на огне (весеннее тепло), — тогда Коляда явится во всем блеске своей красоты. Солнце наряжается по-праздничному в сарафан и коношник и едет «в медвежьему возочку на вороному конечку» в теплые страны (в весне и лету). Коляда праздновалась в зимние святки с 25 декабря (сочельник, сочельник) по 6 января (Велесов день). Это время совпадает с сильными морозами (ср. Мара), ветрами (ср. Вий) и самыми неистовыми гулябашами нечистых духов и злых ведьм, которые скрадывают месяц и звезды. Все завлакивается морозною заволокою и кажется мертвым. Однако зимние святки — самый веселый разгул славянских празднеств. В эти дни юности и декушки «парнялись в хари», или в «ларем и страшила», ряженые ходили по дворам, пели колядки — песни, прославляющие Коляду, дающего всем благо. Прославляли также благополучие дома и семьи (желали всего, «что хозяйку нравно»), где колядовщики весело требовали гостинцев и подарков (зерно, старшок за колядование), шутили предвещая разорение скупым. Сами подарки — обрядовое печенье: баранки, корзинки, козульки, пироги и каравай — символы плодородия. Каравай, например, символизировал тучность коровы (старосл. — кравы). В ночь зимних святых предвещая гадания на будущий урожай, на приплод, а больше всего — на брачные союзы. Днями происходили ладны — свогоры невест, а затем и свадьбы.

1. Шерер — Иоганн Бенедикт Шерер (1741—1824) — немецкий переводчик.

2. Ювеналии — др. римские празднества в честь богини юности.

Корша, также Хорс

Хорс — бог солнца. Не случайно от древних норий «хорс» и «коло», означавших круг, солнечный знак солнца, образуются слова «хоровод», «хоровы» (кру-

годами застройки двора), «новосел». Сяфы-пахари (праславяне) называли себя потомками солнца — сколотами. Самый известный сколотский царь носил имя Калексай, то есть царь солнечного народа. В «Слове о полку Игореве» князь Всецлав, пробравшись ночью в Тмутаракань, «великому Хоросову козлом путь перерыскаше», то есть успевал до восхода солнца.

1. *Татище* — Татищев В. Н. (1686—1750) русский историк, автор «Истории России с древнейших времен».

2. *Белус* — лат. форма имени Вакс (одного из имен бога замосградства Диониса).

Крода

Крода — жертвенный алтарь, горящий жертвенник, костер. На нем сжигали мертвых и приношения (ср. санскритское *śraद्धа* — священная жертва в честь мертвых). Нестор называл их «кроды и трещица идольские». Вероятно, существовало и божество, охранявшее жертвенный алтарь. Рыба под его ногами (как и ишар) означает подземное царство; чаша с плодами — обильную земную жизнь; колесо — солнечный знак — символизирует вечное обновление жизни на земле (я во вселенной), движущейся на прочной нерушимой основе (оси). Этот жертвенник четырехугольный, а возле храма Световода, по описаниям очевидцев, было множество треугольных жертвенников, где одновременно каждый мог принести жертву Творцу — солнцу и небу; Матери-жизни, земле; предкам. Славяне некоторых племен сжигали умерших. Для этого ритуальная крода не подходила. Умерших сжигали в специальных крдах-ладях и проч. Существовало поверье, что скончавший уносится в рай-вырий (ирий) немедленно, на глазах любящих его близких. Душа ассоциировалась с дыханием и дымом. Далее ее подхватывали жаворонки, переносимые птицей, прилетающей весной из вырия-рая. День прилета жаворонков — 9 марта — считался днем поминовения предков и назывался Радуница. В период борьбы с языческими богами им приписывались худшие, демонические черты, злые свойства, поэтому день поминовения умерших по славянским языческим обычаям (в связи с насажением пасхального календаря, он перенесен на 1 мая) считался бесовским, нечестным днем, вернее ночью (Вальпургиса ночь), о чем говорит Кайсаров.

1. *Сатурн* — в римской мифологии бог посевов и земледелия.

2. *Krodendüvel* — идиомы, что-то вроде «мертвый вор»; близка к русским «вороватый», «почистил на руку», «вора могла исправить», хотя русские выражения мягче.

3. Неточный перевод. Здесь было «статуя».

4. Вальпургиса ночь.

5. Танцы ведьм.

Купало

День летнего солнцестояния. Важнейший праздник славян. В этот день солнце в народный колесница из своего небесного чертога выезжает навстречу месяцу — своему супругу. День летнего солнцестояния — время наивысшего развития творческих сил природы. В это время Ярило (или другие божества мужского семени) выполняли свою миссию, ибо брошенное в землю зерно проросло, дало всходы. Поэтому Ярило, Купало (куна — куст, ствол старых растений, травы) могут и должны умереть до следующей весны. В ночь на 24 июня был обычай не спать: караулить встречу месяца с солнцем, чтоб видеть, как «солнце грает». Славяне уходили на ритуальные холмы, называвшиеся по-разному (Ярилин плес — возле Переслава Залесского. Лысань горы — в Саратов и др. областях, были Воробьевы, Девичья (Девяны) горы, или на поляну у реки, жгли костры, поливали хороводы, ручейки. Прижиги через костры были одновременно испытанием ловкости и испытанием судьбы, гадавшим: высокий прижог символизировал удачу в замислах. От костра к реке (или просто вниз с горы) откатывали колесо — символический знак солнца, выражая таким образом поворот солнца (вниз) на зиму. С шутками, притворными плачами и непростыми песнями считали

оловянные куплы Ярилы, Купалы, Каструбины (кастрей — травы) или Кастры. На рассвете все участвовавшие в празднике купались, чтоб снять с себя злые немощи и болезни. В купальскую ночь, по преданиям, происходили всякие чудеса: цвели редкие загадочные травы: разрыла-трава, папоротник и т. д.; открывались невиданные клады. Нечисть — ведьмы и колдуны — тоже предавались веселому разгулу, сражались между, месад и т. д.

На славяни названия языческого славянского праздника Купало и христианского Иоанн день (имеется в виду Иоанн Креститель) появилось новое название праздника — Иван Купала.

1. Купальница — Агрипина (Аграфона) купальница.

Ладо

Значительный падеж (такими фольклорные обращения) от Лада. Лада — богиня любви, красоты, очарования. С наступлением весны, когда сама природа вступает в союз с Ярилой, наступали и Ладными праздники. В эти дни играли в горелки. Гореть — любить. Любость часто сравнивали с красным цветом, огнем, жаром, помаром. Остуда — холодова. С именем «ладе» связывали многие слова брачного значения. Лад — супружеское согласие, основанное на любви; ладить — жить любовно; ладковать — светить; лады — помощники; ладало — свет; ладьяки — уговор о приданом; ладьяки — свадебная песня; ладный — хороший, красивый. И самое распространенное — лада, так называли любимых. Это можно найти и в «Слове о полку Игореве».

1. Неточный перевод. Было «с греческим».

Ладя

Наличие этого божества в славянском пантеоне не подтверждается новейшими исследователями.

Лелая, или Лелю

Божество весны и молодости из свиты Лады, побуждающее природу к ослепительному, а человека к брачным союзам. В разных племенах славянского мира это имя встречалось в женской и мужской ипостасях: Лель (Лелю) или Лелая (Лелая). Во многих областях 22 апреля проводился весенний праздник — лелаяни. На лугу собирались девушки, выбирали Лелю, наряжали в белые одежды, переплетали руки и талию свитой зеленой. На голову надевали венок из весенних цветов. Вокруг нее водили хороводы, пели песни, просили об урожае. Додоны — девушки в платьях с бахромой внизу — исполняли танец дождя, моли о дожде.

1. Неточный перевод. В тексте «греческому».

Лешее

Мелкие духи: лесовик, лесунок, лешак, дикий мужик, Минюла (Никола) Дулянский, попутник, боровак, лухавый (согнутый в асирископодобный, как лук, и такой же изогнутый), лед, ледок; а также бесы, черты, шпигги, манки лесные, ушари, аичутки (помесь черта и утки), оборотни, волкодлаки, ветохыры, чудюда, лесной царь, судички в гардуна (мелкие духи, помощники Перуна), баба Яга, еще одноглазое, птица Страх-Рад — вот полный перечень мифических лесных обитателей, которые были воплощением леса, как враждебного человеку пространства. Порой леший почти не отличался от людей, но чаще хозяин леса представлялся одетым в звериную шкуру; иногда был со звериными атрибутами: рогами, копытами и т. д. Надвигая отрицательными «лесными» признаками. Лесная сторона называлась на правую, левый лапоть надет на правую ногу, он мог быть кривой (на левый глаз), хромой (на левую ногу) и т. д. Зимой «правильных» лесных в лесу встречали перунами помощники, которые были еще более страшны, — калашники (от сл. «калать»); Морозно, Трескунов, Студивен, Карачун. Таким образом, чело-

вен, выходя из дома в лес (поле), настраивался на постоянную борьбу с непредвиденными обстоятельствами и немилосердными стихиями.

1. Сатиры — греч. лесные божества, демонами плодородия в свите Диониса, похотливы, падки на вино, любят забавы.

2. ...Сходство между славянским и греческим божеством — обе мифологии восходят к единой мифологии индоевропейского мира.

Манош или Монош

Маношь — одна из главных богиня восточных славян. Имя ее составлено из двух частей: «ма» — мать, и «ношь» — ношелка, корзина, кошара. Маношь — мать наполненных кошей, мать хорошего урожая. Это не богиня плодородия, а именно богиня итогов хозяйственного года, богиня урожая, подательница благ. Объем урожая, при равных трудовых затратах, каждый год определяет жребий, судьба, доля, счастливый случай. Поэтому еще ее почитали как богиню судьбы. Обязательный атрибут при ее изображении — рог изобилия. Эта богиня связывала отвлеченное понятие счастливой удачливой судьбы с конкретным понятием изобилия, покровительствовала домашнему хозяйству, стригла овец, прила; называла нерадивых. По белорусскому поверью, негодня оставлять на ночь нудель, а то «Мокоша опраде». Маношь покровительствовала браку и семейному счастью. Конкретное понятие «прида» связывалось с метафорическими: «придеше пяти судьбы». Судьба — Срача. Сербь говорят: «Несреча только праде». То есть, если нить судьбы слишком тонка, счастье (жизнь) в любой момент может оборваться.

В русском православии Маношь перевоплотилась в Праскову Пятницу. Поскольку в ее распоряжении были все плоды земные, она ведала и судьбой урожая, то есть распределением продуктов, сырья, предметов ремесленного производства, именно поэтому она хозяйствовала и на торгу, покровительствовала торговле. В Новгороде в 1207 г. выстроена церковь Пятницы на Торгу, такие же храмы были возведены в XII—XIII вв. в Чернигове, Москве и торговом и охотном ряду. Пятница — на Руси торговый день. Известен особый апокрифический пятничный календарь, состоящий из 12 пятниц. Это хорошо осмысленная цепь сменных праздников. Ни одному божеству христианского мира не оказано столько внимания. Праздник св. Прасковы 28 октября, когда собран урожай, скот погоняют в поле, начинают земные домашние работы: приращение, тучество, подготовка приданого и т. д.

Марцана

Здесь нет противоречия. Срок жизни богини плодородия, как и природы, — вечность, но вечна она именно потому, что обновляется каждый год: то есть рождается и умирает. На заре рождения она молода и прекрасна, когда родит семя и даст жизнь всему живому, — Мара (Мор), Морена превращается в старуху и, наконец, умирает. Чучело Марены с притворными плачами и непристойными шутками погребали (тошари, игла) в период летних светел на праздник Ивана Купалы, когда посевы возжили, выбрали силу и до следующей весны Марена была по нуже. Марцана — название одной из ипостасей (молодости) Мары.

1. Мейсен — гор. в Германии, северо-западнее Дрездена.

2. Венера — в рим. мифологии первоначально богиня весны и садов. Позже отождествлялась с греческой богиней красоты Афродитой.

3. Церера — римск. богиня полей, основательница гражданственности.

4. Неточный перевод. В тексте «греческой».

5. Мстислав — Мстислав Владимирович (? — 1036), князь Тмутарканский и Черниговский.

Ния или Ням

Ний или Вий был не только божеством преисподней, одним из главных служителей Чернобога. Он был также судьей над мертвыми. Славяне никогда не могли

примириться с тем, что те, кто жили беззаконно, но по совести, обманывали других, и несправедливо пользовались не принадлежащими им благами, не наказаны. Они искренне верили, что отыщется, отольется чужое горе хоть не на «этом», — на «том» свете. Как и многие народы, славяно полагали, что место казни для беззаконников внутри земли. Вый связав талие с сезонной смертью природы во время зимы. Этот бог считался также насмешником печальных кошмаров, видений и привидений.

1. *Плутон* — греч. бог подземного царства.

Осаад или Усаад

Один из святых богини Лады, покровитель искусства.

Перун

Громовержец. Один из важнейших богов. Почитался особенно в княжеской среде. У Перуна была огромная свита из родственников и помощников: Гром, Молния (тетушка Маланьница), Град, Дождь, русалки и водные, Ветры-сыновья, имеющие порой собственные имена. Иногда их четыре (по сторонам света). Отсюда день Перуна — четверг (ср. «после дождичка в четверг», «чистый четверг» и т. д.), иногда их семь, девять, двенадцать или просто много (др. рус. «Перун есть много»). Перуну служат богатыри (см. «Горыныч»), боги сезонной смерти природы Вий, Кашей, Мага, змеи (см. «Змея») и др. В христианстве праздник, соответствующий громовержцу известен как Ильин день — 20 июля.

1. *Юмилер* — римск. верховный бог.

Проно, также Прове и Прово

1. *Аагенбург* — княжество и древний город в Германии, недалеко от Лейпцига.

Посымет или Похамет

Еще он известен как Позвиад. Самреный старший (или повелитель) ветер, живущий на севере. Изображался в огромном разноразмерном плаще. У ветров имелось несколько как имен, так и метафорических определений. Кроме традиционных, обозначавших четыре стороны света, у славян был еще Полуденный (жаркий), иногда его называли Подаяга (ср. поджечь), Полумочный (холодный) ветры. Ветров было много. В «Слове о полку Игореве» их называли «Стрибожи винуца». В сказках Позвиада (или ветер вообще) иногда заменяет Соловей-разбойник, образно воплощающий всю злою и разрушительную силу ветра.

1. *Зефир* — греч. западный ветер, олицетворение теплого ветра, приносящего дожди.

2. *Зел* — греч. повелитель ветров.

Погода или Догода

Легкий, приятный ветерок. Не случайно все почти состояния атмосферы, кроме такого приятного, называется непогодой.

Полелья

Полелья — второй сын Лады, бог супружества. Не случайно изображался в белой простей будничной рубаше и терновом венке, такой же венком он подавал супруге. Он благословлял людей на будничную жизнь, полный терний семейный путь.

1. *Купидон* — бог любви у римлян.

2. *Гимней* — бог брака у греков и римлян.

3. *Кестор и Полидкс* — греч. близнецы по прозвищу Диоскуры. Миф о Диоскурах символизирует смену жизни и смерти, света и тьмы.

Полкан

Мифологическое существо, характерное для славянских берегинь, которые вначале были в женской (матриархальной) ипостаси, затем их пополнили мужские души. Это были птицы с женским лицом: сладкозвучная Сирин, Стретин — мать всем птицам, старейшая и большая, Жар-птица, девушка-лебедь (лебедушка), Ноготь-птица и т. д.; дуали, оберегающие посевы — Ядрей и Обилуза; полумелешки-полурбы — русалки, вилы — тоже в древнейшие времена оберегали посевы, приносили весть о дожде. Были полулюди-полуживотные: полубыл, полунош, полупес, полужив и т. д. За тысячелетие борьбы христианства с язычеством название многих берегинь утрачено. Химерических животных пугали. Распространено, например, собачье имя Полкан, в то время как это слово обозначает «полуконь». Полулюди охраняли солнечных женой Светоножд, женой (или стада) богов солища или богов-громовержцев. Среди полуконей русские Ковня-горбунок, Савна-бурия и т. д. По внешнему виду он ипопоясаны или намятого мантии героических женой бога, он неварачный, иногда уродливый дале (горб, длинные уши и т. д.). В метафорическом смысле он именов полуконь-получеловек; понимает дала людей (богов и бесов), говорит человеческим языком, различает добро и зло, античен в утверждении добра.

1. *Центавр* — или *Кентавр*, греч. мифическое существо получеловек-полулошадь, лесной демон.

Поренуч, Поренит, Радегаст, Рутант.

К названным богам надо добавить восточнославянского Яровита. Все это боги посевов и мужского семени, т. е. продолжатели жизни, радости жизни (vita — жизнь; пора — вид семени; рад — радость, радость жизни; Радегаст — буквально «солнечный гость» или «небесный предок»). Этих богов, которых разные племена считали своими предками, пращурами, покровителями и воинственными защитниками племени, своего рода и народа, изображали с ярко выраженными мужскими (и мужественными) атрибутами. Боги изображались вооруженными, вскакивающими, вскабывающимися небесными предками племени. Символика их атрибутов, описанная Кайсаровым, такова: борода — обаяние; меч — молния; конь — небесное средство передвижения в пространстве и во времени; рог, наполненный явном, медом, — символ дождя (семена небесного яла, в другом случае, — небесного молока) и последующего плодородия. Четыре (пять, семь — у разных племен разные представления, разная магическая символика цифр) лица символизируют небесные регионы власти бога. Волонья (буфалоночь) голова символизирует мужскую силу (ср. в «Слове о полку Игореве» эпитеты «ар, бул, тур» представляли к именам самых храбрых князей); птица на голове — ритуальный наряд комодеца и святочных ринений — символизирует дух улетевших предков, то есть покровительствующих своему роду с небес.

Русалки

Древнейший вид берегини, живущей в водах. Изображается с женским лицом и грудью, рыбьим туловищем и хвостом. Само слово «берегиня» произошло от понятия оберегать, помогать страждущему, плачущему, терпящему бедствие добраться до берега. Позднее, в период насильственного христианства, критики и отрицания язычества, всем языческим божествам предавались злобыне, демонические черты. Постепенно внедрилась мысль, что русалки — утопленницы и умершие некрещенные дети. Считалось, что они более всего опасны для людей в русальную неделю (19—24 июня), перед Иваном Купалой, особенно в четверг (Перунов день). В русальную неделю пели русальные песни; вешали на деревья и кусты прижу, платки, полотенца — символическую одежду для русалок, то ли чтоб задержать их, то ли, чтоб пожелать...

1. *Нимфы и нимфы* — греч. юные девы, олицетворяющие силы природы. Нимфы — морские, речные, луговые, лесные и т. д. девы. *Наиды* — нимфы вод.

Световид, также Салтовид и Салтович

Верховный бог в большинстве племен западных славян, хранитель и продолжатель рода, предок, природитель, давший свет и жизнь (*vita* — жизнь). Отсюда — святки — игры в честь бога Световида. Четыре лица Световида — «на все четыре стороны» — указывают рогатки распространения его власти. Все атрибуты бога характеризуют его ответственность за те или иные дела, в которых он споспешествовал славянам, своим потомкам. Бог означал заботу о хорошем урожае, об изобилии. Красный цвет — род, родство, кровь, любовь, а также солнечные признаки: родство — *некло*; родный, *рэдый*, *рэдый*, *рэданий* — *красный*; *редеться*, *рдеть* — *краснеть*. Кожи с древнейших времен (во всей индоевропейской традиции) несли колесницу бога. Это был или один конь; или четыре, или много. Люди верили, что на этих конях бог ездит по небу.

Семерга

От слова «семя». Древнейшее божество, восходящее к берегам, священная крылатая собака, охранявшая семена и посевы. Как бы олицетворение вооруженного добра. Позже Семерга стали называть Переплутом, возможно потому, что он был связан больше с охраной жерней растений (Плутон — греч. бог подземного царства). Культ Переплута справлялся в русальную неделю с 19 по 24 июня.

Сива

Богиня полей и славян. В разных областях славянского мира встречаются женские божества Сива, *Сива* (ср. *Шива*), *Жива* (ср. «живот»), *Дива* (инд. «div» буквально «бог», «diva» — «богиня»), *Сива*, *Дива*, *Сива* (ср. грудь женщины), *Дивама* (ср. *Дива*). Слово «жива» связано с многими в сфере обозначения плодородия и, как следствие, — богатства, обеспеченности, довольства: «живот», «жидло», «живина», «живиниться» (богатеть), «выжить», «заняться», «жить», «жизнь», «живность (съестные припасы)», «жировать (материальное довольство)», «заматочный», «пажить (пастбище)» и т. д. С этой богиней также связано выпрашивание у кукушки долгих лет жизни. Следовательно, это богиня с многими функциями и правильно ее назвать богиня жизнь.

Сильный бог

Одно из названий верховного бога.

1. *Геркулес* — лат. форма имени Геракла. Человек огромной физической силы.

Стриба или Стрибог

Стрибог — отец-бог. Бог воздушных течений и стихий.

Триглава

Богиня Земля. Триглава указывает на три уровня мироздания: небо, землю и преисподнюю; обозначает три функции творца мира: творения, хранения (жизни), разрушения; так же как в индийской мифологии Тримурти. Триглава связана с вселенскими мирами времени и пространства. Несмотря на это, сама она владычица среднего мира, поэтому она темна, в отличие от небесного, свет-

лого мужского начала, выражает темную женскую суть земли и воды (ср. «мать сыра земля»). Отсюда — дульный символ.

Тризна

День, установленный в память умершего, включал несколько ритуальных действий. Погребальные игры воинов, томо называвшиеся «тризна», напоминали о земных делах умершего и о том, что человек одинаково принадлежит трем мирам: небесному, земному и подземному (отсюда сакральное «три»). Затем была трава — поминки (которые иногда неправильно называют «тризна»). С погребальным обрядом связаны также трогательные образы женских божеств смертной печали Нары (ср. окарпать, постигла нара) и Желы, которые встречаются в «Слове о полку Игореве», Кручины и Журбы («в других племенах»), — воплощающих беспредельное сострадание. Считалось, что одно лишь упоминание их имен (пожалеть, жалость) облегчает души и может спасти от многих бедствий в дальнейшем. Не случайно в фольклоре славян так много плачей и причитаний. Корень «три» с сакральным смыслом страдания «ниче́та», как символа несчастья, часто встречается в зачинах. Ярославна плачет: «Светлое и тресветлое солнце!»

Фаниц

См. «Вступленье», 9.

Царь Морской

1. *Триганы* — греч. морские демоны, второстепенные существа, прислуживающие богам.

Чернобог

Властитель подземного мира, представителя тьмы. С ним связаны отрицательные понятия «черная душа» (человек, погибший для благородства), «черный день» (день бедствия).

Чур

Божество границ. Одно из древнейших божеств — берегиня. Земля, в которой покоились предки (прасуры) какого-либо рода и которая переходила, наследуясь, из рода в род, считалась неприкосновенной. По поверьям многих племен, души тех, кто не уважает святости границ, передвигает менные камни (столбы), хозяйничает на земле чужих предков, подвергаются проклятию, после смерти блуждают без пристанища, или — такие люди вечно принуждены таскать камни и носиться по полям, нигде не находя покоя; или — носиться по полям блуждающим огнем. Чур связан с миром. Он освящает и защищает право собственности, оседлость человека на земле, гуманные нравственные принципы (ср. «чур мой!», «чур пополами!», «чур вместе!»). Со словом «чур» связаны «черт», «очерт», «очерчивать». Праславянское «чърт» — проклятый; возможно, нарушивший границы географические, а затем — неизбежно — и нравственные, подменяющий добро злом.

Яга Баба

Баба — прародительница. Изначально положительное божество славянского пантеона, хранительница (если надо — воинственная) рода и традиций. В период христианизации всем языческим богам, в т. ч. и оберегавшим людей (берегиням) придавались злое, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера. Не исключала этого Баба Яга, русалка, лешино в т. д.

1. *Велюны* — римск. богиня войны, супруга Марса.

Григорій
Глінка

Древняя религия славян

«ГЛИНКА ИЗ ГЛИНОК»

Род Глинок древний. Это русский дворянский род польского происхождения. Славился он своею усидчивостью, приверженностью к одним и тем же краям — Смоленской губернии, где и получил прозвание по местности. Уже во второй половине XIV в. владельцы этих поместий писались «Глиними на Глинко». Здесь, на смоленщине, где стоит памятник русскому композитору Михаилу Ивановичу Глинке (1804—1837), большинство Глинок и родилось. В Сутоках родились писатель и общественный деятель Сергей Николаевич Глинка (1776—1847), автор «Записок о 1812 году», пьес «Минин», «Осада Полтавы», в 1808—1824 гг — редактор газеты «Русский вестник»; его брат, офицер и писатель Федор Николаевич Глинка (1786—1880), автор знаменитого стихотворения песни «Вот читает тройка удалив...», «Писем русского офицера» и др. Отец этих писателей и участников Отечественной войны 1812 г. Николай Ильич приходился родным братом Андрею Ильичу Глинке, помещику, отставному поручику Преображенского полка, у которого от его брака с баронессой Ш. А. Платен родился в собственном имении Закупе Духовнишского уезда Смоленской губернии сын — Григорий Андреевич Глинка (1776—1818), о котором и будет идти речь.

Шести лет Григорий был зачислен в паны, через 14 лет — в камер-пажи, а в 1797, когда ему было 21 год, — произведен в капитан-поручики Семеновского полка (в то же время здесь служил А. С. Кайсаров). Но находиться в армии никак не характеризовался, мечтательный Григорий Андреевич не хотел. Его влекли науки и литература. В 1799 г. он перешел на службу в коллегию иностранных дел. Затем стал цензором в Кронштадте и Петербурге. А в 1803 был назначен профессором русской языка и русской словесности в Дерптском университете, где русский он должен был преподавать на немецком языке. Он был первым профессором-дворянином (ибо дворяне тогда считали учительскую работу низким поприщем для своего сословия), о чем писал Н. М. Карамзин в «Вестнике Европы» (1803, ч. IX, № 11 «Дворянина-профессор в России»). Надо сказать, недворянская эта профессия разочаровала Глинку. Особенно обескураживали натянутые отношения профессором-немцев. Ни простодушия русской искренности, ни дружеского расположения, ни хлебосольства в новой для него профессорской среде Глинка не встречал.

В это время он увлекался мифологией. В № 15 «Вестника Европы» за 1803 г. вышла его статья «Храм Световида». Кроме того, он писал стихи и

прозу, переводил с немецкого и французского, вел дневники (записки). В 1804 г. в Митаве он издал «Древнюю религию славян», которая после этого никогда не переиздавалась, стала библиографической редкостью. Нет нужды напоминать, что печатаным мы ее по этому единственному изданию (со сверной цитат по Хераскову).

Ходатайство Григория Глинка об отставке из университета было удовлетворено летом 1810 г. (По случайности судьбы на его место был назначен А. С. Нейсеров). А через несколько месяцев товарищ по пажескому корпусу Саарсов, служивший при дворе, предложил ему занять место кавалера (помощника воспитателя) при великих князях Николае (будущем царе Николае I) и Михаиле Павловичах; в то же время Глинка читал русскую словесность императрице Елизавете Алексеевне, великой княгине Анне Павловне и невесте великого князя Николая Павловича прусской Шарлотте. Благодаря хлопотам сердобольного Глинки был приближен ко двору его товарищ по пажескому корпусу И. Ф. Паскевич, впоследствии фельдмаршал, а уже известный тогда поэт В. А. Жуковский, которому Глинка передал свои занятия с невестой будущего царя Николая I.

В 1816—1817 гг. Глинка сопровождал великих князей в путешествиях

по России и за границей.

Глинка был женат на Юстине Карловне Кюхельбекер (1784—1871), сестре того самого Кюхли — Вильгельма Карловича Кюхельбекера, поэта, дондариста, которого так любил А. С. Пушкин. Глинка имел шестерых детей: троих мальчиков (впоследствии — видных офицеров) и троих девочек.

Все Глинки были настоящими русскими патриотами. Именно поэтому их имена затерялись в истории XX в. Мы с удовольствием представляем вам редкую и оригинальную работу Григория Глинки «Древняя религия славян». Созданная в одно время с работой А. С. Нейсерева и опубликованная в один год, она своеобразно дополняет «Славянскую и российскую мифологию», и придает процессу изучения ее некоторое разнообразие; так как содержит попытку классификации славянских богов и попытку создания систематизированной, цельной картины мифологических представлений наших древних предков. В то время как работа А. С. Нейсерева имеет бесценную реферативную часть, строгий алфавитный (алфавитный) порядок, что делает «Славянскую и российскую мифологию» Нейсерева единственным уникальным (хотя и критичным) словарем славянских мифов в России.

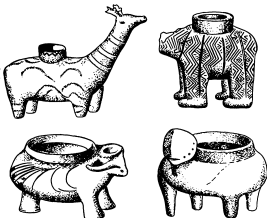
Александра БАЖЕНОВА.

ДРЕВНЯЯ РЕЛИГИЯ СЛАВЯН

Не столько недостаток в записях, относящихся до древнего славянского баснословия, сколько нестарание о развитии находящихся о сем предмете сухих сказаний, тому причиною, что мы не имеем до сего времени систематического описания сих богов. Бывшие вскоре по просвещении христианством славянских племен писатели имели причину мало упоминать или совсем умалчивать о идолослужении, тогда еще не совсем истребленном, и может быть многими уважаемом как вера их отцов. Но нам баснословное вероучение разыскивать, развивать и сколько можно полнее представить нет опасности: ибо сие повествование для нас не иное что как пища любопытства; и если что-либо сего важнейшее из оного можем почерпнуть, то из создания

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ РИТУАЛЬНАЯ ПЛАСТИКА (Болгари). Сосуды для жертвенной пищи. Глиняная модель «козла» (полозки для снопов)

человеком себе богов, естественно по своему образу, то есть, по своему народному свойству, нравам, образу жизни, степени просвещения, и даже деятельности фантазии, сая первой промывестительницы всех во всяком роде вымыслов, лучше можем узнать умное и нравственное обличие наших родоначальников. Изображения, дела, самые даже названия богов известного народа, суть сколько свойств оного. У индийцев, народа кроткого, боги кротки и добры; злые же лишены власти, по крайней мере не иначе распространяют ее, как украдкою от надзирающих над ними добрых богов. Счастливое ахайское небосклонение, веселость нравов жителей, живое воображение, лицеобразовало* богов и с ними соединенные их деяния, забавными, приятными, а можно думать, и во времена идолопоклонства греков, за приятные и часто полезные сказки, почитаемыми. Варварство, царствовавшее в Тавриде, вознесло на степень богини Диану (может быть так названное греками божество, и иначе там именовавшееся), требующую крови странников.

Разнообразно для каждой на земном шаре страны отверстыя естественныя небеса, различные воздушныя явления, растворенныя воздуха, от него происходящее плодородное земля, как в количестве так и в качестве произведений, самый землецог тех стран, присовокупленные к свойству народа, способствовали к соображению сих мечтательных существ. Почему рассматривая рассудительным образом баснобожие древних славян, уповательно, что откроем несколько завесы древности, скрывающей от нас свойство их умоначертаний об окружавших их вещах, дальность познаний, нравы, и хотя несколько, самый образ их мыслей.

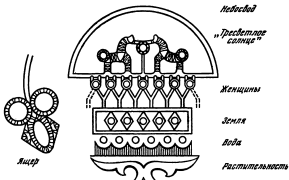
Описывая произведение фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, если при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях, буду наполнять собственною под древнюю стать фантазиею. Правда, стершиеся или слинялые места в древних картинах, подправленные новыми красками, хотя и на старинную стать, уменьшают цену картин; но лучше ли ничто, нежели что-либо? И не лучше ли Фидасова Венера с подделанными во вкусе сего знаменитого древнего мастера руками и ногами, нежели, когда б осталось одно только ее туловище, и то может быть местами еще выбитое?

Известно, что исправки или коррекции древних греческих и латинских писателей их учинили лучшими: но все ли исправки сделаны в попад на авторово слово или мысль? И может быть иные не сделали под видом правок рукописи, исправленным самого автора в словах и мыслях, за что бы он сам в состоянии нашёлся поблагодарить.

* Я не безызвестен, что греческие боги начально суть финикийские, введенные в Грецию торговыми сего народа переселенцами; но баснословная греческой веры система совсем на свой вкус переделана, мал-то с историческими, заимыми от других народов, они поступали.

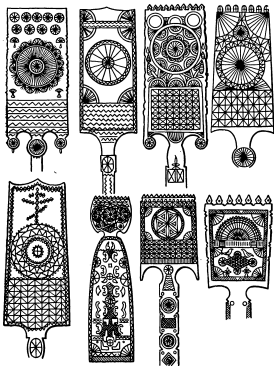
ИЗОБРАЖЕНИЯ ДВУХ БОГИНЬ ВСЕЛЕННОЙ. Взорные (на каждом сосуде) лица отражают божины, занимающие среднее и верхнее небо

ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО начала XIII в. со схемой макрокосма: небосвод, солнце, женщинами в позе adorantia, знаки земли и воды. По бокам — два ящера

Я переселяюсь в пространные и разнообразные области фантазии древних славян; бродя по ним, стану собирать всецелые мечтательные идеи и малые их частицы, и сию последние соображая их устройству, дополнять материальными сего же царства и по законам воображения или мечтания.

Хотя же происхождение богов или феогония славянская для нас не сохранилась; чему в свое время конечно быть надлежало; однако же из свойств богов или лучше, естественных вещей, их деяний и явлений можем заключить и о мечтаемом оных происхождении. «Едда»¹ несколько ясно повествует о чине, порядке и происхождении цельтйских богов; из греческой феогонии родословная оных для всякого сведомее, нежели немецкому молодому барону его собственная. Славяне жили в соседстве с теми и другими, и станется, в своих мечтаниях подражали и тем и другим, а может быть и подлинниками в оном обоем были.

ПРЯЖКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСЕЛЕННОЙ – ЗЕМЛИ И НЕБОСВОДА («белого света»)

И так я, следуя как греческим разделителям богов, так особенно вникая собственно в славянское баснобожие, и почти изгладившихся касательно сего черте доискиваясь, разделяю из самого свойства сих богов на выпрепренных, преисподних, земных и водных.

1. И так в число превыспренных богов поставлю обоженные существа вне земли находящиеся, а на оную только показывающие свои действия, ощутительные человеку. И таковые боги будут:

Перун, движение эфира, гром.
Златая Баба, тишина, покой.
Световид, солнце, жизненная теплота.
Знич, начальный огонь, эфир.
Белбог, благо и доброе начало.
Сильный бог, крепкий бог.
Дажбог, благополучие.
Живот, сохранение жизни
Лед, война.
Коляда, мир.
Услад, удовольствие.
Лада, красота.

Дети ее:

Леля, любовь.
Полеля, брак.
Дид, супружество.
Дидилия, деторождение.
Мерцана, заря богиня жатвы.

II. Земные те, коих свойства отвлечены от земных полезных пронаведений, для жизненных человека потреб, или токмо к удовольствиям оных служащих, и которых они кажется были покровителями.

Тригла, земля.
Волос, Могош, боги, покровительствующие скоту.
Купало, земные плоды.
Родомысл, податель благих советов.
Съва, богиня плодов.
Зевана, богиня звероловства.
Чур, бог межей.
Проне, или Прове, бог проренания.
Родегаст, бог страннопримства и городов.
Корс, бог пьянства.
Ясса
Позвизд, бог бурь и ветров.
Догода, зефир.
Зимцерла, или Зимстерла, весна.
Зимерала, зима.

III. Пренсподние боги, ном изображают собою месть и казнь последующую за беззаконием и пороком

Ний, владычествующий над пренсподними странами
Чернобог, бог отщепеня
Яга баба.
Кикимора, бог сна

IV. Водные, коих власть простирается над водами, оные суть:

Царь морской	Русалки.
Чудо морское.	Водовики, водяные черти.

Духи:

Лешие.
Доновые.
Стени.
Лизуны.

Куды.
Черти.
Бесы.

Полубоги, или богатыри:

Полканы.
Волоты.
Славян.

Волхв.
Волховец.
Рудоток.

Озера обоженные:

Ильмер.
Студенец.

Реки:

Буг.
Дон.

Впрочем к чистоте рассудка славянского народа может отнес-
ться то, что их вера, из многих языческих /не говорю всех/ есть
чистейшая. Ибо их боги суть естественные действия, благотвори-
тельством своим имеющие на человека влияние, и служащие к страху
и казни беззакония, равномерно как природные свойства и совер-
шенства обоженные.

Сие проникнув творец «Владимирияды»², так говорит в оной:

В чем Север признавал священные божества;

То были действия и свойства Естества,

Людские слабости, сердец слепые страсти.

И еще можно бы к сему было прибавить добрых и благотвор-
ных делания.

Во всем их баснобожии нет ни одного бога, которого бы можно
было считать обожженным человеком, как то мы находим у греков
(я не говорю о римлянах, все от них заимавших), и образов их
финикийян, египтян и ассириян. А сие должно приписать естествен-
ному свету их ума, что смертные не могут быть бессмертны. Поло-
жение простое, но, мнится, худо вразумленное народами, хваля-
щимися своим просвещением, и нашими во многом учителями.

Впрочем, кажется, не неизвестно было Всевышнее Существо
славянам, Существо Всемогущее всеотворяющее, и словом, Бог
богов — и оному-то собственное наименование было Бог. Прочие
же были ему как бы подчиненные, или больше, лицевобразован-
ные свойства природы. Бог, яко податель света, теплоты, плодо-
родия земли и оживитель природы, назван Световидом; а отвле-
ченно оный же будет бог просвещения и света ума. Бог, причи-
няющий гром, молнию, наречен Перуном; он же в отвличенности,
есть бог устрашающий яростью зфирно-огненных ударов, без-
законников. Бел-бог, или добрый бог, есть податель всяких благ.
Крепкий бог, одно из свойств Вышнего, божество подлинно нравст-
венное. Но все сие из описания в особенности каждого бога будет

видно с очевидною ясностью. Упомяну только нечто о богине Ладе и ее детях. Ничего нет, кажется, остроумнее, чтобы красота, Лада была матерью четырех чад своих; число их полно; прибавить ничего, но убавление несовершенство. У красоты, Лады, первый сын Леда, то есть любовь; за Лелею следует второй, Полеля, или брак; что нравственное, как любви быть оканчиваемой браком; но сего еще недостаточно; следует сын, бог супружеской жизни, и онъ есть Дидо, коего супруга Дидилля, богиня деторождения, покровительствует сию нескверную жизнь. Нет ничего прекраснее сего семейства; потому что нет ничего вообще одобреннее, и оно есть сама истина, в разных лицах представленная.

Вот картина, показывающая что славянское баснобожие было рассудительное, боги же их из оталеченных понятий были лицеобразованы, и притом часто остроумно и всегда верно. Если отнимем мы баснословные названия, то ныне и мы не иначе мыслим, и предки наши; кажется даже, что сей способ мыслить всем просвещенным народам общий. Красота, любовь, брак, замужество, деторождение суть у всех человек понятия и действия сцепляющиеся. Солнце благодетельствует земной природе; гром наводит страх; алатая природа, общая людей мать; благость, крепость, подающие благ, животодательство, свыше проявляющиеся, суть идеи древних, на коих они создали храм своего многобожия.

БОГИ ВЫСПРЕННИЕ

Перун

Грозное славянское божество. Он почитался произвестителем всех воздушных явлений. Рука его управляла громом и молниями. Кажется, что славянскому Перуну столько же прилично, как и Гомерову Зевсу, приложение «погонителя облаков». Сие божество особенно было почитаемо в Киеве и Новгороде. В первом, храм его сооружен был на холме над Боричевым потоком. Г. Херасков во «Владимириаде» так описывает сей храм:

Сей храм, ужасный храм, над Боричевым током,
Стоял сооружен на холме превысоком;
Курений восходил перед кумиром дым,
Запахшая кровь видна была пред ним.

И он же и в другом месте:

Созиджен высоко Перунов гордый храм,
Он тени распростер далеко по горам;
Пред ним всегда горит неугасимый пламень,
При входе утвержден краеугольный камень,
И камнем гибели народом наречен;
Он черной кровью отовсюду смочен;

На нем несчастная та жертва трепетала,
Свирепости жрецов которая питала:
Там смертоносные оружия висят,
Сосуды кровию наполнены стоят.

Владимир по принятии над Россией самодержавия, в честь сему божеству соорудил многие храмы. Стоявший же над Боричевским потоком, может быть им только возобновлен и украшен, будучи построен еще из самых древних времен. Самое наименование сего ручья не произошло ли от отеческого имени Перуна?

Первоселенцы киевские будучи сарматского происхождения, и пришедши туда, вероятно, от Скандинавского полуострова, принесли с собою целтских богов. Боричем может быть назывался Перун, как и Один¹, сын Бора, отчего и холм и поток или ручей названы Боричевыми; ибо Бор был отец богов, или лучше отец Одина, владыки скандинавских богов. Самые целтийские жрецы утверждали, что они происходят от сего Бора.

Перун, в настоящем значении сего слова, борется за громовую стрелу, или естественное, за молнию, за электрическую струю, или за громовую искру. Но вероятнее кажется, нарицательное слово получило начало свое от собственного наименования бога грома. Перун кажется происходит от слова Торым или Торум, которое на сарматском языке значит всевышнее существо, бог. Истукан сего божества был сделан не из одного вещества. Стан был вырезан из дерева; голова вылита из серебра; а уши и усы изваяны из золота; ноги же выкованы из железа; в руке держал нечто, похожее на молнию, которую представляли вместе составленные рубины и карбункулы. Перед ним горел неугасимый пламень, за небрежение коего жрец наказывался смертью, состоящею в сожжении его как врага божества сего.

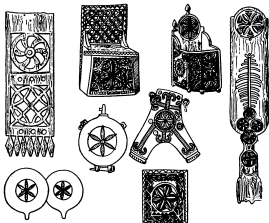
Во «Владимириаде» он описан несколько отличное от сего; однакож совершенно соответственно столь высокому божеству:

Сей мрачный храм внемал ужасного кумира,
На нем златый венец, багровая порфира;
Извитые в руке перуны он держал,
Которыми разить во гнѣве угрожал;
Златые на челе имел велики роги,
Серебряную грудь, имел железны ноги;
Горел рубинами его высокий трон,
И богом всех богов именовался он.

Из сего описания явствует, что он был ужасное громомечущее божество; а потому в смысле нравственном беззаконных казнитель и истребитель. Он также почитался владыкою между богами, и крепким; словом, произвестителем всего ужасного в природе для человека.

Пространный шар земной лица его трепещет.
Разит перунами, он молниями блещет,
Убийство на челе, смерть носит на очах.
Его венец амен, его одежда страх.

«Владим».

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЗНАК («КОЛЕСО ЮПИТЕРА», «ГРОМОВЫЙ ЗНАК») НА РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОДЕЛАХ. Внизу слева — сарматские зеркала

А потому и жертвы были сообразны с воображаемыми свойствами царя богов. В честь ему закалывали скотов... Суеверие же, по глупости почитаемое существенною частью самого себя ему жертвовало, т. е. бородою и головными волосами, обрывая их.

На посвященных ему вещей, были целые леса и рощи, из коих взятие всякого сучка почиталось достойным смерти святотатством.

Исключая многие страны и города, в коих были сему богу посвящены божищны, великолепнейшая была в Киеве над Боричевым потоком, князем Владимиром воздвигнутая, или лучше, украшенная. Другая не менее великолепная была в Новгороде, которая сооружена дядею его Добрынею, пожалованным им в Новгород посадником или наместником. Обе они получили свой конец по просвещении России христианством, равно как и кумиры Перуновы, и свержены киевский — в Днепр, а новгородский — в Волхов.

Здесь приложу я кстати отрывок древняго или древнюю статью сочиненного гимна:

Боги велики; но страшен Перун;
Ужас наводит тяжела стопа,
Как он в предшествах молний своих
Мраком оденн, вихрьм повит,
Грозные тучи ведет за собой.
Ступит на облак — огни из-под пят;
Ризой махнет — побагровеет твердь;
Взглянет на землю — вострепещет земля;
Взглянет на море — котлом закипит.
Клонятся горы былинной пред ним.
Страшнее! Свой гнев ты от нас отарати!
Бросив горсть граду во тысячу мер;
Только ступил, уж за тысячу верст;
Лишь от пяты его облак зардел;
Тяжка стопа гул глухой издала.
Кой горы, море и землю потряс,
И лишь сверкнуло возграше ряз.

Златая мать

Как Перун был бог гневной, так противно оному Златая мать, или иначе, Баба была богинею тишины и покоя. Истукан ее был сделан из золота в виде женщины; а от сего и наименование свое получила, равномерно как и от свойства, приписываемого ей. На руках она держала младенца, который почитался ее внуком, и от коего названа Бабою, т. е. Бабушкою. Сей внук был Световид. Вокруг истукана находилось великое множество музыкальных орудий, на коих во время ее празднества были ей воспеваемы хвалы. Храм же ее славнейший был сооружен при реке Обиге или Обеге. Здесь она давала ответы; а потому храм сей почитался прорицалищным, и был в великой славе. Она столь была свято чтима, что мимо ее истукана никто не смел пройти, не приведши чего-либо на жертву, и если ничего не имел, то по малой мере клочок от своего платья с земным поклонением подносил. Сия богиня кажется была тоже, что сельтиская

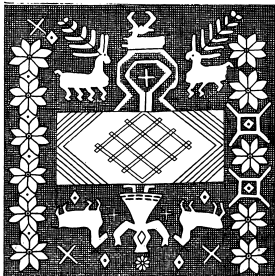
Фригга или Фрея, которой одной приписывается пророчество: «Единая Фригга весть будущая, но никому сего не открывает», — слова Одина, приведенные в «Едде».

Световид

Божество, бывшее у славян в великом почитании. Он имел на Севере два славные храма: один на острове Ругене³ в городе Ахроне⁴, а другой в Хомаграде, который полагается на самом том месте, где село Бронницы, на находящемся оного холме, на коем теперь построена церковь св. Николая.

Истукан его был сделан из дерева величины огромной. Он имел четыре лица, на каждую страну света по одному. Бороды не имел; кудри у него были завитые; одежда на нем была короткая. В левой руке был лук, а в правой рог выкованный из металла. При бедре имел превеликой в серебряных ножнах меч; в стороне висело седло и узда коня его, так же непомерной величины. Сей истукан стоял посреди храма, завешенный великолепными красного цвета занавесками. Он давал ответы через уста жреца однажды в год. В то время сей главный жрец входил в святилище сего бога, удерживая свое дыхание, и при надобности в оном или выходил вон, или выставлял только из святилища голову. Сей ежегодный праздник справлялся с продолжительными торжественными обрядами. Оный начинался по окончании жатвы, что будет в месяце серпене или августе. И тогда народ собирался перед капище, пригонял множество скота, как в жертву своему Богу, так и для празднования сего знаменитого их праздника. За сутки до торжественного дня сам начальствующий жрец выметал храм сего бога. На следующий день жрец брал из руки световидовой рог, за год наполненный вином, предсказывал о плодородии следующего потому, сколько в нем убыло; ибо верили, что если много из рога убыло, то год будет бесплоден; если же мало, то ему надлежало быть плодородну. И сие вино выливши пред стопами Световида, наполнял рог сей новым, и выпивал в честь оного, моли, чтобы даровал во всем изобилие, богатство и победу на врагов. Потом наполнив сей священный рог новым вином, влагая в его руку, моляся купно со всем народом; после чего приносили ему были многочисленные жертвы от волов до овец. По совершении сих жертв, вносили огромной величины круглый пирог, сделанный из припечного теста, в коем мог поместиться человек. В сей пирог служитель световидов вошедши спрашивал народ, видит ли его? — Люди отвечивали, что нет — тогда обратясь к Световиду, молил его, чтобы на предбужущий год хотя несколько его увидели. Здесь кажется, жрец спрятавшись в пироге, представлял солнце в удалении от нашего полушария, или зимнее время; и потом молил Световида о его

³ Истиннее, что Ругон, Ружный был прежде назван, а город Ахрон, Ухрон произошел от слова «хранить».

СЕВЕРНОРУССКАЯ ВЫШИВКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ БЫКА

возвращении. Поеллику не только имя, но и все признаки являют, что сей бог был изображение светила одушевляющего наш мир. Четыре лица, есть четыре години, или времена года. Стрелы и лук, как у греческого Феба — Аполлона, значили лучи солнца. Белый конь, ему посвященный, знаменовал видимое движение сего благотворного светила; рог в руке, обилие повсюду протекающее от его священной теплоты; меч же означал его как бога защитника и покровителя славян.

После сего обряда с великим благоговением приносили в жертву множество скота; и тогда жрец, сделав народу пространное поучение, поощрял оный к прилежному почитанию и жертвованию сему богу; а за сие обещал им земное плодоносие, здравие, победу на врагов на суше и море. Иногда же сему идолу приносили в жертву пленных своих неприятелей как богу защитнику своему на бранях; сей бесчеловечный обряд отправлялся таким образом: невольника (по всему видно, что из ратных людей) одевали в панцирь или во всеоружие; сажали на оседланного коня,

когого ноги привязывали к четырем сваям, равно и несчастного* к лошади, и положили под оное дров, сожигали их обоих. Жрецы уверяли народ, что такая жертва приятна Световиду. Кажется, что сим хотели они возбудить в народе вящую жестокость к врагам своим, в коей надеялись пользоваться победами его над ними, приносящими жрецам немалую прибыль; ибо от всякой военной добычи Световиду наверно приносилась не больше как третья часть. Что самое кажется быть весьма естественно, соображаясь токмо с тогдашними обстоятельствами, где идолопоклоннические священники одни имели свободный доступ в таинственное святилище наук, грубое же невежество было общему долею простонародья; а посему влияние первых на сих последних должно было быть всемогуще, и которое не допускало их проникнуть корыстолюбивые жрецов виды. По окончании всех обрядов богослужения и жертвоприношения, народ начинал есть, пить и веселиться...

Световиду посвящен был белый конь, на коего никто кроме первого жреца не мог сесть. У сего коня, даже до волоса, все было священо, и под опасностью потери жизни не позволялось ни из хвоста, ни из гривы ни одного выдернуть. Уверяли, что Световид ездил на оном побеждать их неприятелей. А сие подтверждалось тем, что когда под вечер коня оставляли вычищенного, по утру находили его запотелого и загрязненного; из чего заключали, что Световид ездил на нем для поражения их супостатов. Смотри же по тому, больше или меньше была умучена лошадь Световида, таковому и успеху брани быть думали. Сей конь так же служил прорицателем, начинать ли или не начинать, равно ли хорошо или несчастливо будет продолжение войны. Для гадания ставили перед храмом шесть коней по два в ряд и в известном расстоянии. К каждому двум привязывали по копыю поперек так высоко, как только лошадь может перешагнуть. Прежде нежели лошадь начинали вести между копий, жрец с известными обрядами молился Световиду, читая многие нарочно для него сочиненные молитвы. Потом с благоговейными обрядами брал коня за узду и вел через три поперечные копия. Если лошадь шагала наперед через них правою ногою и притом через все три не запутавшись, то обещали себе окончание войны самое благополучное. В противном же случае трепетали о всяком несчастии; а смотря по сему отлагали и самую войну.

Храм световидов был весьма богат; ибо сверх разных вкладов, получал он из военных добыч третью часть, и триста всадников

* Летописцы пишут, что приносили на жертву пленных христиан; но здесь важнейшее слово «пленных»; ибо славяне никогда не помышляли быть врагами какой-либо религии; но не разбирая веры, с врагами поступали иногда жестоко. А как у них более всего бывали войны с греками, кои были христиане, и подпаши плечу иные претерпевали от них сие благочестивое варварство; то летописцам и замечалось, что они жгут христиан, когда сии сожигали только своих врагов и притом ратных.

сражались собственно от Световида, полученную добычу всю ему приносили. Ругенского световидова храма и истукана его участь была та, что Вольдемар, король датский в 1169 году по Р. Х., взявши остров Руген и город Ахрон, капище разорил и ограбил, а истукан ободравши, приказал рассечь и сожечь. Что касается до Холмоградского световидова храма, то оный одну участь имел с прочими идольскими капищами, будучи разрушен по восприятии Россиею святого крещения.

Зннч

Под сим божеством славяне разумели начальный огонь, или животворящую теплоту, способствующую к произведению и охранению всех существ. Славяне о сем начальном и жизнедательном огне были таких же мыслей, как персы или тебры о своем священном огне, полагая его оживотворителем всех живых существ. И в самом деле:

В адеманте он блистает,
В яхонте же он зарит;
Он в холодном льде пылает;
В темном облаке гремит.
Гордые главы сибирских
Возносит кедров к облакам;
В травках обитает пшеница;
Красоту дает цветам.
Крепость, бодрость в льва влагает;
В тигра же стремленье, жар.
Все родит, растит, питает,
И всему собой сам дар.
Он душа природы всей;
Он начало всех вещей.

Славяне повсюду его видели; удивлялись ему; но не будучи эйлерами², не могли истолковать и объяснить его: могла ли им по их простоте и малому просвещению взойти такая тонкая мысль, что этот начальный огонь, начальная теплота, есть даже причина самого огня, самой теплоты: это эфир? то тонкое вещество, по всей природе разлитое, образующее адемант и в нем находящееся, дающее цвет розе, рост кедров, блистающее в самом льде, и коего слабое в вещи сотрясение производит теплоту, а сильный жар или растопляющий снегу, или пламенем ее пожирательный? — Они подобно другим живущим в простоте народам сделали из сего непонятного для них существа себе божество, наименовав его Зннчем.

Теперь станем говорить о сем начальном огне как о божестве славянском. Зннч не имел никакого изображения; но тонко был неугасимо горящий огонь, наподобие Вестина огня в Риме. Храмы, в коих содержался сей священный огонь, находились во многих городах. Сей неугасимый огонь получал себе жертвы, которые

ДОБИВАНИЕ СВАЩЕДНОГО «ЖИВОГО» ОГНЯ. Реконструкция по рисунку А. Н. Лавинского. 1928 г.

как световидомы, состояли из чести корыстей от неприятеля полученных. Ему жертвовали так же и пленными. А из сего заключить можно, что действию Знicha приписывали военный жар и храбрость. К оному так же прибегали находившиеся в тяжких болезнях, желая получить облегчение. Служители Знicha, показывая себя воодушевленными или вдохновенными сим божеством, во имя его немоществующим давали ответы, содержащие в себе средства к излечению их. В заключение приложу из «Владимириады» описание сего божества:

Тогда отважный Знич, блистающ весь извне;
Вещал: намеренья сии неправны мне.
Я хижинам свещу и озарю троны;
Во существе огня я россам жизнь дарю,
Питаю, грею их, их внутренности зрю.

Белбог

Само название означает его благим. На других наречиях славянского языка назывался так же Бельций Буг, что значит одно и то же самое.

Изображался он покрытым кровию, и обвешанным по оной великим множеством нух, что кажется было знамением питателя тварей, в правой руке держал кусок железа*.

Храм он имел на острове Ругене в городе Ахроне, где ему, точно как и Световиду, воздавалось почтение, особенно же от славян, живших при Варяжском (Балтийском) море.

Ему не жертвовали кровию, но в честь его отправлялись

* Сие священное железо употреблялось в испытаньях таким образом. Подозреваемому или обвиняемому в чем-нибудь по раскаланию доярсна давали кусок в Ругу, приказывая с ним пройти шагов десять. И когда рука оставалась невредима, то признаван был правым; в противном же случае обвинялся. Сего рода испытания продолжались до времени царя Иоанна Грозного. Они были почти всей Европе общи, как в полевой бой или законные поединки. Из сего видно, что сему богу приписывалось качество правосудия.

пиры, игры и разные забавы. Под сим божеством наши праотцы разумели благодеяния, ниспосылаемые тварям природою, сохраняющею их. То правда, что чернь почитала его ощущаемое, то есть самый истукан; но служители или истолкователи их веры, конечно, разумели в смысле отвлеченном благодать природы, дщери благого царя и общего всех миров отца.

Сильный бог

У всех древних народов телесная крепость почиталась даром свыше ниспосланным; а потому таковые люди у греков были полубоги, т. е. рожденные отцом или матерью бессмертно, и обратно коим-либо из двух смертных. Греки их звали героями; что славяно-руссы обозначали словом **богатырь**. Сие слово, по изъяснению одного нашего знатока отечественной истории, есть татарское **батырь**, и значит силач; можно бы было сему поверить, если бы прежде сообщения русских с татарами оное не было в употреблении; вернее же оно составлено из славянского **бог** сарматского **тир** или **тирар** (по его же истолкованию) пасынок; что самое как названием так и смыслом ближе к понятию богатыри подходит; и я лучше верю, что татарское **батырь** есть русское перепорченное **богатырь**.

Под сим божеством чтили славяне дар природы телесной крепости; это был лицеобразованный греческий Марс или Арей. Изображение его было в виде мужа, держащего в правой руке дротик, в левой же серебряный шар, как бы через то давал знать, что крепость обладает всем миром. Под ногами его лежала львиная и человеческая головы, поелику и та и другая служат эмблемою телесной крепости.

Дажбог

Сие божество было так же благородное, податель всяких благ земных, богатства, счастья и благополучия. Жертвовали ему только усердными молитвами и испрошением у него милости: ибо благотворение не требует ничего кроме прошения и признательности. Г. Херасков прилично именует его во «Владимиряде» — «Дажбог плодovitый», когда верили, что от него получают всякие блага, как от неиссякаемого источника. Божницу он имел в Киеве. Он служил эмблемою благополучия, которое обоготворяли древние римляне.

Живот

Сие божество было в почтении у полянских славян, имя его означает жизнедателя или сохранителя жизни. Это был другой Вишну* славянский. А как и самое название греческого Зевса

* Вишну — индийское божество сохраняющее; Брахма — создающее и Сива — разрушающее.

или Юпитера производят от греческого слова жизни, то не почерпнули оба народа первоначальные понятия о сих существах из одного начала? И не преобразили ли греки своего в существо грозное, когда полные имя и соединенное с ним понятие живохраниителя и животодавца сберегли? Сие божество было у полян из первостатейных, и имело свои храмы. Впрочем понятие о существе животохранителем кажется мне точнее и чище нежели понятие о божестве-лекаре, Аполлон ли то был, или сын его Эскулапий. О сем божестве упоминается только в польских древностях; почему его и называю собственным божеством полянских славян.

Лед

Ему славяне молились о успехах на сражениях, и он почитался начальствующим над воинскими действиями и кровопролитием. Сие свирепое божество представлялось во образе страшного воина, вооруженного в славянскую броню, или всеоружие. При бедре меч; копьё и щит в руке. Сие божество имело свои храмы; война доставляла ему жертвы. Идучи против неприятелей своих славяне молились ему, прося о помощи, и делая обещания по побеждении неприятелей принести ему обильные жертвы. Вероятно, что сие божество больше нежели другие первостепенные получало кровавых жертв; и в смысле более почтенном, храбрости, бессмертия и мужества. Впрочем, древних славян нельзя упрекать человеческими жертвами, между тем, как мы видим древних греков таковые жертвы приносившими, и, что еще ужаснее, жертвовавшими своими единородцами, детьми. Обагрённый человеческою кровию у германцев Ирмензулов храм, сирийский Молох, норманские камни, доказывают, что в первобытовой грубости, или во впадении в оную, почти всеми народами обладало кровавое суесвятство. Сверх сего славяне (не говоря о всех поколениях, но разумея привыкших к брани и кровопролитию) приносили в жертву своим богам только врагов.

Из древних летописцев видно, что за отдалением от храмов Леда, чтили его в мече или сабле, вынутой из ножен и воткнутой в Землю, поклоняясь ему и моля о помощи.

Здесь кажется кстати упомянуть о славянских до Рурика бывших богатырях. Древнейший есть князь Славен. Сие имя кажется нарицательное, значащее славянский князь, либо собственное, но данное ему от приобретенной им славы; ибо славяне до него носили свое имя. Дети его, славный Волхв, воевавший с народами, обитавшими по берегам реки Волхова, прежде именовавшейся Мутною рекою, и братья его Волховец и Рудоток. Знаменитый Буривой, воевавший с варягами (морскими разбойниками, может быть норманскими, а не русскими), мудрый Гостомысл, его сын, богатырь и законодатель.

Но каковы славянские и славяно-русские были богатыри, то видно из следующего сказочного богатырского повествования.

Начинается сказка
От Сива от Бурка
От веща коурка
На честь и на славу
Отецкому сыну,
Удалому витязю,
Храброму рыцарю,
Доброму молодцу,
Русскому князю,
что всякие силы
Сечет, побивает;
Могучих и сильных
С коней вышибает;
А бабу Ягу
На полати бросает;
И смерда Кашея
На привязи держит;
А змея Горыныча
Топчет ногами;
И красную девуку
За тридцать море
В тридесатой Земле
Из-под грозных очей
Из-под крепких замков
На белу Русь увозят.
А выдет ли молодец
В чистое поле?
Он свистнет, он гаркнет
Свистом богатырским,
Криком молодецким:
«Ты, гой еси конь, мой!
Ты, сивка, ты, бурка,
Ты веща коурка!
Ты стань передо мною,
Как лист перед травой».
На свист богатырской,
На крик молодецкой,
Откуда ня возмется
Конь сиво-бурой.
И сиво-коурой.
Где конь побежит,
Там Земля задрожит:
А где конь полетит,
Там весь лес зашумит.
На полете конь из рта
Пламенем пышет;
Из черных ноздрей
Светлые искры бросает;

И дым из ушей
Как трубами пускает.
Не в день и не в час,
Во едину минуту
Перед витязем станет.
Удалой наш молодец
Сивку погладит.
На спинку положит
Седельце черкасско,
Попонку бухарску,
На шейку уздечку
Из белого шелку
Из шелку персидского.
Прижки в уздечке
Из красного золота
Из аравитского,
В пряжках спонечки
Из снigia булата.
Булата заморского.
Шоля не порвется;
Булат не погнется;
И красное золото
Ржаветь не будет.
У доброго молодца
Щит на груди,
На правой руке перстень;
Под мышкою палица
Серебряная;
А под левою меч
Со жемчужиною.
Богатырская шапка;
На шапке сокол.
За плечами колчан
С калеными стрелами.
В бою молодец
И биец и стрелец:
Не боится меча,
Ни стрелы, ни копыя.
Он садится на бурку
Удалым полетом;
Он ударит коня
По крутым по бедрам
Как по твердым горам.
Подымается конь
Выше темного леса
К густым облакам.
Он и холмы и горы
Меж ног пропускает;

Поля и дубравы
Хвостом устилает;
Бежит и летит
По землям, по морям,
По далеким краям.
А наков добрый конь;
То таков молодец:
Не видать, не слышать,
Ни пером описать,
Только в сказке сказать.

Вот изображение русского богатыря! Вот пример древнего русского эпического стихотворства!

Коляда

Под сим богом разумели наши предки мир и сопутствующее с оным блаженство, а посему праздники в честь сему божеству отправлялись играми и весельем. Оные начинали в конце месяца студенья, или 24 декабря. Зимой может быть для того были установлены ему праздники, что славяне никогда в сне годовое время не воевали, но наслаждались покоем по военных трудах. Сему присножиному, веселому, всеблагому и повсюду развлекающему обилие божеству жертвовали пеннем, пляской, играми и разными забавами. Праздники же ему посвященные препровождали в пирах и веселостях. Нынешние загадывания девушек о святках, кажется и тогда существовали; ибо когда лучше думать о любви и замужестве, как не во время отдыха, покоя, наслаждаясь обилием богатой осени? Впрочем, сему божеству молились, прося у него мира, тишины и изобилия в земных плодах и скоте. Равно по учинении с неприятелем мира, ему приносилось благодарение, и праздновали его праздники пирами и весельем. Празднования нарочные начинались в честь ему с вечера на 25 студенья. Остаток оных еще и поныне между нами уцелел. В сей вечер собираются девушки (ниде же молодые ребята), и приходя под окно к каждой избе поют следующую песню, которая, судя по слогу, кажется быть очень древним. Вот она:

Виноградье красно почему спознать?
Почему дом Устина Малафеевича?*

У его вот у двора все шелкова трава,
У его то у двора все серебряной тын;
Ворота у него дубовыя;
Подворотенки рыба зубья.
На дворе у него да три терема:
В первом тереме да светел месяц;

* На место сих имён припевают имена того хозяина, перед чьими окнами колядуют.

СЛАВЯНСКИЕ СОСУДЫ-КАЛЕНДАРЕ IV в. н. э. Изобразу кувина из Романовки (Львовщина); внизу из Лембоски; внизу — соединяющая линия обоих календарей

Во втором терему красно солнышко;
В третьем терему часты звезды.
Что светел месяц, то Устинов дом;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звезды, малы детушки.
Да дай боже Устину Малафеевичу
С борзых коней сыновей женить;
Да дай боже Улите Хаврольевне
С высока терена дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиков;

Наша коляда ни рубль, ни полтина,

Наша коляда всего пол-алтына.

По пропетии сих песен, колядовщицы получают несколько денег, или больше из пшеничного теста напеченные безделушки; а молодым ребятам колядовщикам в иных местах выносят по ведру или больше пива, которое они сливают в возимую с собою бочку.

Все так называемые святочные игры суть останки древних в честь бога мира празднований. В сие время девушки гадают о своих суженых, т. е. роком определенных будущих мужьях своих; поют именуемые по святкам подблюдные* святочные песни, которые я здесь для того не привожу, что они слишком известны всякому из моих читателей.

Услад

Радость на челе, румянец на щеках, уста улыбающиеся, увенчанный цветами, одетый нерадиво в легкую ризу, играющий в козла, и пляшущий на голос оныя, есть бог веселья и жизненных наслаждений, спутник Лады, богини приятностей и любви.

Услад, прельщающий воззрением одним...

«Владим».

Он был почитаем покровителем всяких удовольствий и увеселений. Кажется, что сие божество начально изображало душевные и телесные удовольствия; но как все отвлеченное между народом преобразуется в чувственное и грубое, умственное же в вещественное, то и Услад почитаем был богом роскоши, пиров, утех, увеселений, забав и особенно столовых, явственных наслаждений, как Корс пьянства. Человек чувственный все любит приносить к своим страстям, кои обратно приписывает всему извлеченному чувственности и страстей. Наконец скажу, при всяких пиршествах (в коих точно как и в питье полагалось в древности все человеческое блаженство) сие божество было призываемо и умоляемо.

Лада

Леля, Полеля, Дид, Дидилия. Вот прекрасное семейство, какового не могло выдумать и греческое игривое воображение! Что естественнее, как красота с своими детьми, любовью, браком или сочетанием, супружественной жизнью и деторождением?

Богиня красоты и любви всего более чтима была в Киеве. Владимир до крещения своего будучи влюбчив и повсюду собирая красавиц, весьма чтил сию Царицу любви. Он ей воздвигнул

* Так называемые от блюд, в которые загадывающие девушки кладут какую-либо с себя вещьцу, как-то: перстень, запонку и проч. и покрыв оное салфеткой, пандавливают уголь или огарок. После сего по пропетии песни загадывающая вынимает вещь, и чья выйдет наперед, тому песню в песне обудется. Загадывают же обыкновенно о женитбах.

ОТРАЖЕНИЕ МАКРОКОСМА В МИКРОКОСМЕ ЖЕНСКОГО УБОРА
XII—XIII вв.

Намеченная символика языческо-богородичных украшений

великолепный и преукрашенный на Горе* храм. Г. Херасков так оный описывает:

Храм Ладии пестрыми гордящийся столпами,
Силетскими из роз обвешан вокруг цепями.
Богиня, отрока державшая в руке,
Являлась в бисерах и в миртовом венке;
У ней распущены власы, подобно злату;
За щедрости ея цветы приносит в плату.

«Владим», песнь III.

и в другой (II) песне:

И в нем (храме) величество небес изображает.
Ступеней семь, и семь вокруг идола столпов...

Из сего списания Пинтя видно, что храм оя был великолепный, и, может быть, великолепнее Перуиола.

Лада изображалась в виде молодой прекрасной женщины, в розовом венке; волосы у нее были золотоцветными; одетая в русскую одежду, опоясанная золотым поясом и украшенная жемчугами. Она держала за руку младенца, который есть бог любви Лаля.

И златовласая с младенцем зрима Лада.

Херасков.

Служение сей приятной богине было сходственное с ее свойствами. Ей пели в честь песни и приносили курение аромат и цветы.

Российский эпический творец так оное описывает:

Девицы, окружив кумира в стройном чине,
Со умилением воспели честь богине:
«О, нашей юности хранящая цветы!
Дай, Ладо, мирное супружество нам ты!»
Мастики перед ней как облак воскурили,
И имя Ладино стократно повторили.
В то время возгремел кимвалов громких звук;
Девицы жертвенны, составив цепь из рук,
Когда произвела приятный голос лира,
Плясанье начали при песнях вокруг кумира.
Приходят пред алтарь и жрицы и жрецы,
Носящи для девиц богинины венцы,
Которых на главы священно возложение,
Обязан князь чинить любви во уважение.
Владимир оросил, начав обряд такой,
И руки и чело священною водой.

Вот описание служения богине любви, не требующее никакого дополнения: потому что в другом месте автор «Владимира возрожденного» дополнил оное так:

Краснее утренней зари отроковицы
Несут уже цветы во храм любви царицы;
Преображается в помост прекрасный луг,

* Героя разумеать должно место, где стоял старый Киев: ибо слово «книж» по-сербски значит гору.

И девы юные кумира стали вокруг.
Горящих звезд число они изображают,
Которая луну блестящу окружают...
Едины между сих силет паче всех...
Ей первой жребием готовился венец,
Который на девиц залагает князь иль жрец.

Развивая немногие слова, оставшиеся в наших летописях о баснобожии славян, можно заключить, что сей богине najveчайшее воздавалось в Киеве почитание в княжение Владимира до просвещения его божественным светом христианства. Будучи, по словам древних летописцев, женолюбив, воздавал великую честь богине любви, и может при нем установлены обряды служения, описанные творцом «Владимириады»; и сие потому, что оные обряды служили ему пособием к избранию прекраснейших из девиц.

Леля*

Божок пламенный, рассыпающий или мечущий из руки искры. Сила его состояла в воспламенении любви. Он есть сын красоты, как и естественно красота рождает любовь. Изображался он в виде златовласого, как и мать его, пламенного, крылатого младенца: свойство любви воспламенить. Он метал из рук искры: любовь восплаляет сердца не искрами ли как бы исходящими из очей, из уст прекрасной или лучше любимой (потому что в языке любви красотою называется что каждому из неразделимых в особливости страстно нравится) особы? Безотлучно находился при своей матери: весьма натурально любви всегда быть при красоте; красота всегда производит любовь. Он старший сын Лады: при соединении двух полов любовь все прочее предвзряет. Впрочем г. Херасков дает ему по подобию Эроса лук и стрелы:

Сын Лады в воздухе взвивается крылами,

И напрягает лук пернатыми стрелами.

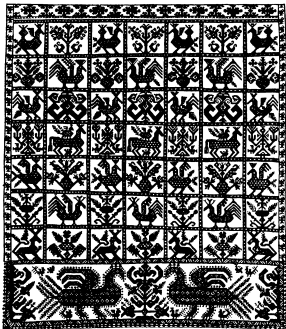
После следует Брак, который есть второй сын Лады и именуется Полеля**.

Полеля

Второй сын богини любви. Всякая чистая и на добродетели основанная любовь влечет за собой брак. Почему славяне вымыслили, или лучше, истину прикрыли покровом сего вымысла. Сие божество улыбающееся в шипковом венке, подает рукою простертую шипковый же венок, а в другой держит рог пития

* Слово лепелить, что говорится о поведении детей, или от Лели происходит, ^{или} вернее от Лели, как младенец от сего слова.

** Как бы следующий по Леле, любви, то есть, брак.

ВЫШИТАЯ ЗАВЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦ И ПЯТИ ВАРИАНТОВ РОМАНКИ

верности. Он не есть нагой, как брат его, но одет в тонкую ризу или рубаху. Сие божество также имело своим божиницы в Києве, хотя и в других местах было чтимо. Херасков так его определяет:

Полесть веселостей богиню провожал;
В нем Киев брачные союзы обожал.

Дид*

Вот третье чадо матери любви, жизнь супружия; сей так не^с как и брат его всегда молод. Потому что супружия спянь.

* Дид или правильно Дид. Дато, Дати, Дет, и мном. Дети.

натурою установленная для размножения человеческого рода, не должна ослабевать или стареться. Супруги перестают быть супругами только тогда, когда жар любви мало по малу угасает: тогда они становятся друзьями. Сию последнюю связь разрывает одна только смерть. Он одет в полную славянскую одежду; венчик на нем из васильков; он ласкает держа в руках двух горлиц. Сей бог имел свой в Киеве храм, и ему молились замужние и женатые о благополучном супружестве и деторождении.

Дидилія*

Так же из семейства Лады. Она почиталась не только покровительницею благополучных родов, но и разрешительницею неплодных женщин. Почему и прибегали к ней для моления как чреватые так и бесплодные. Истукан ее представлял молодую прекрасную женщину, имеющую на голове наподобие венца украшенную жемчугами и камнями повязку; одна рука у ней была разжата, а другая сжата тылеснею или кулаком. Наизятейший, сверх других, храм ее был в Киеве. Сею богинею оканчивается ладно семейство, изобретение коего весьма натурально, полно, верно и прекрасно. Греки дали Венере одного Эроса или Любовь: Кимен и Гименей были ей чуждые; а над родами начальствовала Юнона. Но славянское изображение будучи вернее, хотя и не настолько живо и летуче, составило из всех сих одну семью совершенную.

Мерцана

Под сим названием славяне разумели зарю. Следовательно ей можем придать те же приложения, кои Гомер, списывая с природы, прилагает к своей заре; он ее называет «рудожелтою зарею», иногда же «златобагряною». Она у него появляется по два раза на день. Когда Феб выезжает на небо; тогда утром поднимая мрачный покров ночи своими розовыми перстами, показывает на малое время свою златобагряную одежду. Как же скоро Феб въедет на небо, то снова скрывается; а в другой раз, как скоро Феб приблизится к западным вратам своего дома, она ему опые отворив и встретив дожидается пока проседет, и до тех пор ее златобагряная риза бывает видна, доколь опять не отпустит она завесы ночи. Но славянская заря при отправлении сего служения Световиду выходит иногда ночью резвиться над нивами, порхая над созревающими классами. И тогда зовут ее Зарницею. А как верили, да и теперь еще верят, что зарница способствует к большому обилию и к скорейшему созреванию жатв, то и почиталась покровительницею нивных плодов. А

* Как бы Детилія или Детодетельница.

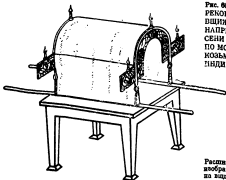
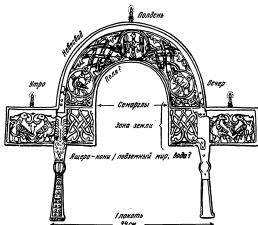

Рис. 60.
РЕКОНСТРУКЦИЯ
ВШИНСКОЙ
НАПРЕСТОЛЬНОЙ
СЕНИ
ПО МОДЕЛИ МИРА
КОЗЬМЫ
ИНДИКОПЛОВА.

Расшифровка
изображений
на шпинских арках

посему молили ее об урожае хлеба. Признак ее, как богини жатвы, классовой венок; как заря, румяна и в золотобагряной одежде, которая состоит из обширнейшего покрыва или фаты, прикрывающей задние полголовы, у груди приколотой или простирающейся до земли. Сия богиня особенно сельскими жителями почиталась.

НОВОГОДНИЕ МАСКИ «ВЕЛЕСОВА ДНЯ»

БОГИ ЗЕМНЫЕ

Триглава

Танже сокращенно именовалась Тригла. Сия богиня не имела храма в городах и селениях, а находился он на полях миевских; истукан же ее представлял женщину с трех головах. Славяне, кажется, благоразумно поступали, не внося в храм богини, изображавшей землю, среди жилищ. Три ее главы означают три начала, составляющие земной шар, т. е. земля, вода и воздух: ибо существование огня полагалось вне земли. Сему доказательством служит Прометей, похитивший огонь с неба. Нет ничего лучше сей догадки, как поставить храм земли под открытым небом, поелику самое изображение сего храма и богини значило землю. Сверх сего три ее главы могут представлять собою горы, долины и леса. В смысле же отвлеченном, богиня сия, кажется, изображала продолжение времени, настоящее, прошедшее и будущее.

Волос

По причине пользы, получасмой от скота, коего сей бог почитался покровителем, после Перуна, бога ужаса, Волосу, подателью через сохранение скота великих польз и благ людям, воздавалось величайшее почитание. Самое имя означает его величииым: ибо Велес, через толкование слова, значит великий *есть*, т. е. великий, а Волос, владеющий, т. е. обладатель. Сие высокое почитание к нему славян видно в летописях из договоров Святослава с греками, когда в соблюдении мира греки присягали целуя крест и Евангелие, а Святослав, вынув из ножной саблю, клялся над нею Перуном и Велесом богом скотьям. Имя Велеса, как хранителя скотов, еще и поныне сохраняется в созвуч-

ном оному имени св. Власия, или попросту Власа, которого деревенские жители называют коровьим богом, точно так как св. Егория, коневым и овечьим. Он с бычьими рогами, в простой одежде, держит в руке чашу с молоком: ибо он предпочтительно покровительствовал крупному рогатому скоту. В жертву ему приносились коровы и быки. В Киеве воздвигнуты были ему божищны, равномерно и в других городах имел свои капища.

Херасков говорит так о сем идоле:

Там Велес пастым бог...

Что согласуется с моим описанием*.

Могошь**

И сей по Нестору есть так же бог скотов: однако ж надобно заметить различие между Могошем и Велесом. Первой крупного скота бог, другой же мелкого, как то, овец, коз и проч. А как польза от мелкого скота получаемая состоит во-первых в шкурах и потом в мясе, то и изображение сего бога будет тому соответственное: с мохнатой козлиной бородою, с бараньими рогами, в шубе бараньей на выворот, в руках палка или пастуший посох, в ногах у него быть положен барашек. Сей бог так же имел по городам свои храмы; а почитаем был всего более поселянами.

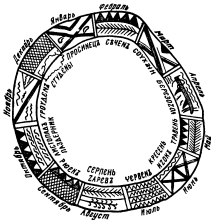
Купало

Веселый и прекрасный бог, одетый в легкую одежду и держащий в руках цветы и полевые плоды; на голове имеющий венок из цветов купальниц, бог лета, полевых плодов и летних цветов, Купало***. Он почитается третьим по Перуне и вторым по Велесе: ибо по скотоводстве земные плоды всего более служат к содержанию и продовольствию человеческой жизни, и составляют его обилие и богатство. Мерцана любила нивы, слетая ночью на оны, играя и резвясь над ними, а может и с самыми классами, любимейшими ей растениями, которых созреванию способствовала: сие же самое божество пеклось о изобилии и благополучном созрении всяких полевых произрастаний. Вероятно, что по приве-

* Волотами или власами древние именovali римляне, как обладателей всей земли (чем они и сами являлись). А как в землю гетов, кои были славяне, жившие на месте нынешней Волоки и Молдавии, римляне посылали на поселение беспокойных воинов, то славяне, называя сих волотами, называли и самую часть возделанной ими земли Волокиною; напротив же того, другому отделению гетов дали римляне прозвание Мултаня. Нынешние волоты и молдаване есть ни что иное как смесь славян-гетов с римлянами.

** По разности произношений, Могошь называется Макошь, Мокоса, что все несогласуется словом Могушь.

*** Имя сие происходит от купа, куст, который в славянском языке увеличительно называется купина. Купа (масса) происходит от сего слова: ибо прежде дано таковое название кусту, а от него уже сравнительно с совокупным множеством прутьев или стволов его, дали название купы собранной однородных вещей.

ГАДАТЕЛЬНЫЙ КРУГ — КАЛЕНДАРЬ

жизни в зрелость классов, Мердана их оставляла и поручала дальнейшее о них попечение Купале. И он-то должен был сохранить их от непогод, сильных ветров, и покровительствовать земледельцам, собирающим их. Или, поскольку Мердана только ночью сходила для любования ими, то становится, что дневное попечение брал на себя Купало. Как бы то ни было, но самые жертвы, приносившиеся ему перед началом жатвы доказывают, что он сверх других полевых произведений покровительствовал так же и нимам.

Празднование ему установлено было месяца червеца* 23 и 24 дня. Тогда молодые люди обоих полов в венках и опоясаниях (гирляндах) из купальниц и других цветов вокруг расположенного огня при пении песен плясали, почасту через оный перескакивали. Песни же сии были или в честь Купале, или в оных призывалось только его имя. Таковые песни еще и по сие время по некоторым деревням и селам продолжают. По восприятии Руссией христианской веры прошло более восьмисот лет, и совсем тем следы древнего баснобожия все еще не могут изгладиться: столько человеку любезны боги образованные им по своему подобию, страстям и нравам!

* Червец, получивший такое свое название от размножающихся тогда червей или молодых насекомых, соответствует нашему июню месяцу.

Родомысл

Божество славян варяжских, покровитель законов, податель благих советов, мудрости, красных и умных речей. При начатии градских совещаний или сходок, относящихся к благоденствию града, или к отвращению угрожающей общей напасти, ему молились, принося жертвы. При всяком важном предприятии, требующем мудрости, Родомысл был призываем. Сие божество имело в городах при Варяжском море свои храмы. Истукан его представлял человека в размышлении, упершего в лоб указательным перстом правой руки; в левой же руке щит с копьем. Сие божество кажется быть то же, что у цельтов Биддер, бог мудрости и красноречия.

Сьва*

Собственно богиня осени и садовых плодов. Изображалась в виде нагой женщины с полными сосцами, имеющей волосы висящими до подколенок, и держащей в правой руке яблоко, а в левой гроздь. Суеверие, делавшее себе из всего богов, из благорастворения воздуха, умеренности погод, и обыкновенного плодоносного года, образовало себе особенное божество, будто бы благославляющее сады его и огороды, и оному молилось и просило его о покровительстве. Впрочем изображение сей богини остроумно. Нагота ее изображает состояние природы в плодотворную часть года; полные сосцы и длинные волосы, общую всех тварей питательницу во всем преизобилующую; яблоко служит эмблемою матери нежащей милых чад своих, гроздь же уповающей всех роскошью. Сьва была божеством не только плодов садовых, но и самого времени их поспевания, осени. Она особенно почиталась от славян, живших при Варяжском (Балтийском) море.

Зевана

Богиня звериной ловли. И подлинно славянам, жившим почти во всей России среди лесов, и промышлявшим ловлею зверей, сия богиня была не последней важности. Венки (венюхи и ногаты) и кунцы (куны) составляли в древности не только их одежду (здесь говорится о славянах древлянских, т. е. живших по лесам), но еще и вместо ходячей монеты употреблялись**. Сия богиня изображается в куньей шубе, которой верх покрыт

* По разности произношения выговаривалось Сьва, Сьба, Данва, т. е. дьва.

** Обилие в зверях и недостаток в дорогах металлах заставляло употребить шкурки зверей вместо монеты. 20 белыхых шкурок равнялись одной куней; а 20 куньих соответствовали гривне, т. е. 1 фунту серебра. Потом серебро так возвысилось, что 7 1/2 ф. или 150 кун, что будет 3000 венюх, стоил 1 фунт серебра; впоследствии времени платилось за гривну или 1 ф. серебра по 120 гривен кунями, или 2400 кун, что составит венюхей 48000.

белыми шкурами. Сверху надета вместо спанчи кожа медведя, козья голова служит вместо шишака. В руках лук, натянутый с тупой стрелой или капканом, подле нее положены лыжи и битые звери, так же рогатина и нож. В ногах лежит собака. Сей богине молились ловцы, прося у нее счастья в звероловстве. Храмы ей сооружены были в лесах. В честь ей приносилась часть добыч, получаемых охотой.

Чур

Почитался богом межей. Он не имел храмов; но был божество умственное. Его просили о сохранении межей на полях. В рассуждении виду, может быть не представляли ли его камни, положенные для определения между полями границ? Слово «чур» и нынче употребляется, означая поспешение какого-либо действия. Сие слово у колдунов таинственное, коим они призванного черта опять прогоняют*. В заключение скажу, что я не ручаюсь за свое слововоспроизведение: я намекнул только мою догадку, а догадка для сего не есть еще самоистинна.

Прове

Он же именуется Прено. Сии оба слова имеют сходные между собою значения. Прове или Проветь, провещающий, пророчествующий: Прено же от слова прознать, т. е. предведать, или проинкинуть. Почитался был Прове вендскими и померанскими (т. е. поморскими, приморскими, поморянскими) славянами. Они его считали вторым по Световиде, коему воздавали величайшее почитание. Истукан сего божества стоял на высоком густолиственном дубе, перед которым поставлялся жертвенник для жертвоприношений; вокруг же дуба усеяно было по земле двуликими, триликими и четвероликими болванами. Кажется, что под сим божеством славяне разумели предопределение, управляющее миром и распоряжавшееся будущим. Впрочем, не жрец устами бога предсказывал, но думали, что сам Прове, вселясь в жреца, говорил его устами. Ему приносили в жертву пленных: по заклании жрец точил кровь их в чашу и прикушивал; а от сего и верили, что он получал через то большую силу к предсказанию. По окончании жертвы, и получении благоприятного предсказания, кумирообожатели начинали есть, пить и веселиться.

Радегаст

Был обожаем также варяжскими славянами. Он почитался защитником городов. Истукан его был наподобие варяжского сла-

* Ястинно, что я, писавши басню, не говорю о знании колдунов, как о чём-нибудь существенном, и так же не выдаю за действительное сообщение их с духами, вымышленное, сплетённое ими на свою статью; но только как верат червь сему их обману, принимал то за самую истину.

вяннина, вооруженного копьем, держащего в левой руке щит с изображением на нем воловьей головы; в шлеме, на коем представлен был петух с распростертыми крыльями. Все сии признаки означают в нем блюстителя города: копье, пораителя врагов; щит, градоправителя и защитника, воловья голова, силу и крепость; петух, бодрость и бдение в сохранении городов, которые у старинных славян (точно как у греков и италианцев древних) составляли каждой в особенности особое общенародное или государство.

Радегаст, как и самое имя его объясняет, значит пораителя неприятелей*. Ему сверх других жертв, приносили кровь человеческую. Будучи равномерно почитаем прорицателем через жреца, должен был уделить часть варварской жертвы своему слуге, который при выточении из несчастного жертвуемого крови его, оную прикусывал, как бы через то сообщаясь с богом. По окончании жертвы и предсказания, начинался общественный пир, после которого играли на музыкальных орудиях и плясали. Здесь заметим мы однажды навсегда о всех при Варяжском море обитавших славянах, что боги их были так же бесчеловечны, как и они сами. Славяне при поселении их на сих берегах, и смешавшись с поморскими финнами, промышлявшими наездами и грабежами по морю Варяжскому, они переняли у сих варварский их промысел, и так же разсылались по морям для грабительства. А сие самое упражнение уменьшило или совсем истребило в глазах их ужас и отращение к противоестественным жертвам, поелику, по известным законам природы, привычка от усиления делается второю натурою. Самому Световиду, богу кроткому и благотворному, дерзали приносить кровь человеческую; наконец прибавим еще, что при заклании как животных так и людей, мечтали приносить в жертву богам душу, которая у всех непросвещенных народов полагалась в крови; а посему кровь и была святейшим пожертвованием идолу.

Корс**

Вот и покровитель охотников до пива и меду. Нагой, одутловатый ваюк на нем сплетен из хмелевых плетней с листьями; переняв на нем хмелевая же. В правой руке держит ковш, из ко-

* Гость в старину по разности времени и мест имел различное значение: а) гость значил морского наездника, как то и Нестор о сём говорит, что обитавшие при Варяжском море назывались нагри (морские разбойники) или гости (откуда враги или предони, разбойники) или лютиа, зная, что всё одно и то же; б) гости, приезжие купцы; в) торгующие оптом; г) и ныне гость имеет два разные значения, посетителя и торгующего оптом.

** Так же Корс, Корша и Корш. Началью «ковш» кажется назывался «корш», ибо и доныне в Малороссии уменьшительно говорит «корчик» и «корец», иже же и «коршик». Почему сему богу и дано имя от орудия, всего чаще им употребляемого в пьянствовании своих.

торого хочет пить; вокруг него лежат груды черепьев от разбитых кувшинов; сам же сидит на утлой, вверх опрокинутой дном бочке. Славяне молились ему, выступая на пьянственные посядки. Ибо в древности не только у славян, но и в целой Европе тот не малым почитался богатырем, кто мог перепить всех. Тогда, как в наши вычищенные времена, пьянство не только не приносило стыда, но еще тот должен был терпеть посмеяние, кто или не пил, или не мог пить много. Цесарь то же самое говорит о германцах, что они пьяной напиток, известным образом сваренный (пиво) пьют до излишества, и кто больше других выпьет, тот большую получает честь. Но не сказали ли так же и персы в честь Александру, что он храбр, прекрасен, умен и всех перепивает? Сей порок у греков долгое время (да едва ли еще и теперь) почитался добродетелью или лучше похвалбою и молодечеством. Анакреонт, воспевая любовь, вместе с нею славит свои роги, из которых прежде пивали, и в виде сих самых рогов были поалы, сделанные из металла или дерева. Но наши предки, особенно воины, любили в торжественных пирах пить из черепов убитых ими злейших их врагов, в знак торжествования над оными. И сей обычай собственно не славянский. Почти все полупросвещенные народы, главнейшее упражнение свое полагавшие в войне, так поступали. Примером тому целты (датчане), норманцы (шведы) и проч. Да и ныне обычай сей сохраняется у многих диких народов.

Ясса

Божество славян полянских и гертов*.

Позвиад

Свиренный бог непогод и бурь. Русский эпический поэт о нем так говорит:

Там Посвиаст; бурями, как ризой, вокруг увитый...

И вот старинное о нем понятие:

.....
С броды дожди льют проливные,
Из уст валят туманы злые.
Трихнет ли Позвиад волосы?
Валят на землю полосами,
Нив истребитель, крупный град.

* Ясса, Пореват и Гров, три божества, которые все входит в состав славянского многобожия, но которых отличительные свойства и принадлежности, равно как и образ служения им, и другие несительно сего подробности не могли описать * некоторую вероятностью, за недостатком письменных о том показаний или верных преданий, я поэтому не сказал о них ни слова; ибо я не хотел подставлять искусственные сплетения вымысла вместо истины более или менее сомнительной и подверженных

Махнет ли холодною полою?
Звездчат снег хлопьями валит.
Летит ли облачной страною?
Пред ним предидет шум и свист;
Полк ветров, буря за ним несется,
Вывая к небу прах и лист;
Столетний дуб трещит и гнется;
Бор клонится к земле травой,
Трепещут реки в берегах.
Крутится в голых он сналах?
Свистит, ревет, гулит, яится.
Ударит ли в утес крылом?
Вадроignet гора; утес валится:
И в пропастях катится гром.

Итак, Позвизд имеет вид свирепый, волосы и бороду всклокоченную, епанчу долгую и с крыльями нараспашку. Ему, как и виргилиеву Золу, местопребывание должно дать на высоких горах. Он имел близ Киева храм на поле: потому что суеверие думало, что этот вымышленной и образованной с деяний природы бог мог залетать в сей построенной ему постоянной дом. Киевляне распространяли власть его; они почитали его не только богом бурь, но еще и всяких воздушных перемен, как добрых, так и худых, полезных и вредных. Почему и просили о даровании красных дней, и об отвращении непогод, которых почитались находящимися под его властью и управлением. А и того еще вероятнее кажется, что они молили его не столько о подавании им блага, сколько чтоб не причинял им зла, по которой самой причине и всем вредоносным богам воздавалось почитание. В Владимириаде Позвизд таким образом похваляется своею силой:

Я двигну облака и воды возмущу,
Реками дождь и град на землю низпущу.
Мне в бурях и свойственной свирепости прибегну;
Я грады низложу, двор царской опровергну...

Догода

Вот милое божество, противоположное свирепому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, в васильковом венке с голубыми по краям позолоченными крыльями бабочек, в среброблестящей голубоватой одежде, держащий в руке шипок, и улыбающийся на цветы, лета над оными и помахивая им, есть славянский бог приятного весеннего времени; тихий, прохладный ветерок, Догода. Он имел свои храмы, и ему жертвовали песнями и плясками.

Зимстерла*

Под сим именем предки наши почитали богиню весны и цветов. Она имела свои божицы, и праздники её были в месяце цветене (апреле): потому что в южных странах России с этого месяца начинается весна. Сия богиня, хотя и скрывается иногда, но в свое время появляется снова в прежней своей молодости. Изображается она прекрасною девицею, одетою в легкое белое русское платье, подпоясанною поясом розовым, переплетенным золотом; на голове у нее из роз венок; в руках держа лилею, нюхает. Грудь ее вся открыта; на шее ожерелье из цикорей. Перевязь через плечо цветочная. Ей приносили были в жертву цветы, кои, собирая в ковшицы, поставляли перед ее кумиром, равно как и малище в ее праздники убиралось и усыпалось цветами.

В богиню сию, равно как и в дары ее, всегда влюблен Догода.

Зимерала**

Богиня суровая. Дышущая холодом и морозами. Одежда на ней наподобие шубы из сотканых вместе инеев. А как она царица зимы, то порфира на ней из снега, изотканная ей морозами, чадами ее. На голове ледяной венец, унизанный градами. Богине сей молились о умерении её жестокости.

ПРЕИСПОДНИЕ ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ БОГИ

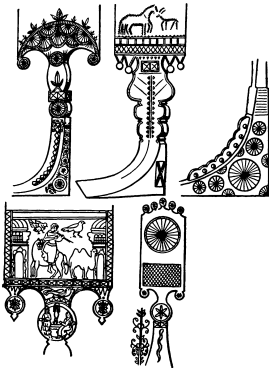
Чернобог

Ужасное божество, начало всех злоключений и пагубных случаев. Чернобог изображался облаченным в броню. Имея лицо исполненное ярости, он держал в руке копье готовое к поражению, или больше — к нанесению всяких зол. Сему страшному духу приносились в жертву сверх коней, не только пленные, но и нарочно ему предоставленные для сего люди. А как все народные бедствия приписывались ему; то в таковых случаях молились и жертвовали ему для отвращения зла. Сего ужасного лжебога г. Херасков так описывает:

Шумящ оружием приходит Чернобог;
Сей лютый дух поля кровавые оставил,
Где варварством себя и яростью прославил;
Где были в снедь зверям разбросаны тела;
Между трофеями где смерть венцы плела,

* Зимстерла так же. Но справедливее Зимстерла, прогоспительница зимы, знающая место зимы, наглядная зима.

** Симстерла, Зимстерла, Симарла, Зимарла, Зимерала — слова, означающие всё одно и то же, т. е. зиму и зиму.

«ПОДЗЕМНОЕ СОЛНЦЕ» НА ВРЕЖАХ. Около ножки солнца иногда рельефно изображался лев, голая подгрудно-подбрюшная лапа. Ветвистые изгибы вращались вращением восходящего и заходящего солнца

Ему коней своих на жертву приносили,
Когда россияне побед себе просили.

Сильный бог, был бог телесной крепости, мужества; Лед, бог войны, храбрости и военных доблестей, бог победоносной славы. Но сие страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством. Тем воздвигала жертвенники благодарность.

как бы за низпосланные ими дары воинские, и молились им, прося дать силу для защиты себя и отогнания врагов: но сему ужасному духу сооружал храмы Страх и Ужас. Его просили только об отвращении зла, как одного источник; но благодати в нем не уповали найти, и не искали ея.

Из некоторых описаний видно, что храм его построен был из черного камня; истукан выкован из железа, перед коим стоял жертвенник для сожжения ему жертв. Помост его храма, сказывают, был напоен кровью; что и вероятно, когда представляли его таким зверским и кровопитательным существом.

Ний

.....арю огненного Ния:

В нем ада судию быть чаяла Россия.

Он пламенный держал в руках на грешных быч.

«Владимириада»

Вложенное в человека самою природою умопредставление бессмертия души и надежда жизни по смерти, которой счастливое или аполучное состояние зависит от порочной или добродетельной настоящей жизни, подало средство всем народам к вымышлению богов мстящих по смерти за беззакония, в сей жизни учиненные. Равно как проводшим здесь жизнь свою благочестиво, но гонимых лютым роком без жалости, и страждущих невинно, награда, уготовляемая им в будущей жизни, состояла в особенных народам любимейших удовольствиях. Цельтийский рай богатырей или Валгалла услаждал рыцарский дух угодииков своих воинскими играми как битвами, на коих убитые при наступлении обеденного времени опять пробуждались от смертного усыпления, и шли с победителями без всякой вражды за один стол, где угощали их вкуснейшими из кабаньего мяса приготовленными яствами, и подчевали до избытка пивом; по окончании же всегда возвращались снова к рыцарским своим упражнениям. Но нечестивые все были во власти Мидгара и Фериса, или самое существование их исчезало.

Славяне полагали (по примеру многих других народов) место казни для беззаконников внутри земли. Судьею и исполнителем казней определили им особенного неумолимого и безжалостного бога Ния,

Имеющего свой внутри земли престол,

И окруженного кипящим морем зол.

«Владимириада»

Сей судия мертвых почитался так же насмателем
.....ночных ужасных привидений.

«Владим.»

Из устных преданий, оставшихся в старинных сказках, видно, что истукан Чернобогов был выкован из железа. Престол его

составлял краугольный камень из черного гранита высеченный. В знак своего владычния, имел на голове зубчатый венец, в руке свинцовый скипетр и огневидный бич.

Жертвовали ему не только кровию животных, но и человеческою, особенно же во время каких-либо общественных злоключений.

Стрибог

Божество, наказывающее беззаконников в преисподней, и бич злодеяний в сем мире. Он так же истребитель всего видимого, подобно индийскому Сибе, или разрушителю, точно как бог Живот сохранитель сходствует с индийским божеством Вишну. Его мести предавались заслужившие проклятие.

Яга баба

Это очень злая, старая и мощная колдунья или волшебница; вид у нее страшный. Она не столько в аде живет, сколько на этом свете. Дом ее избушка на курьих ножках, стоит и сама повертывается. Древние наши богатыри всегда её находили лежащею на лавке; нос ее висит через грядку (шесть в избе для вешания, укрепленный). Сия старая колдунья не пешком ходит, но разъезжает по белу свету в железной ступе* (т. е. колеснице самокатной); и когда она в ней прогуливается, то понуждает оную бежать скорее, ударяя железною же палицей или пестом. А чтоб для известных ей причин не видно было следов её, то заматаются они за нею особенными к ступе предельанными мелом и помелом.

Кикимора

Бог сна и ночных привидений. Их представляли себе множество; а по сему и можно их почтить за служителей и послых Нивых. Происхождение им дают от рода человеческого; они живут так же и в домах; простолюдины верят, что они по ночам в потемках придут, и хотя их самих нельзя видеть, но утверждают, что слышно движение веретена. В самом же деле, или кошка в то время куримчит, или червяки точат дерево, либо ползают тараканы. Впрочем, сии духи не опасны; они никому не причиняют зла, хотя иногда и беспокоят, однако ж не столько как домовые, которых простой народ считает самыми беспокойными проказниками. Кикиморы, по мнению тонких в сей материи знатоков, суть рода женского, и от сообщения с домовыми духами продол-

* Ступа от «ступать», как бы самоход; ступа же в старину называлась мотылем; пест же, кажется, произошёл от слова «писть», т. е. кулак или тылеса (откуда тылснуть значит в простеречии ударить кулаком), как бы пистное оружие; точно так и палица получила своё начало от «пал», в уменьшительном «палец» (от чего образовалось слово «палить», т. е. тропуть пальцем или палом собаку).

живут в свой и последних род. В домах живут они будучи туда посланы на урочное время; но отечество их преисподняя.

ВОДНЫЕ БОГИ

Царь морской

Владычество над морями препоручили идолопоклоняствующие славяне особенному божеству, назвав его царем морским. Будучи столько же древен, как и самое море, имеет венец из морского папоротника; разъезжает по морям в раковине везомой морскими псами; в одной у него руке весло, знак укрощения воли, в другой же острога, знак их возбуждения. Обиталище его во глубине океана, где чертоги и престол так изображены г. Ломоносовым:

В недосязаемой от смертных
стороне,
Между высокими кремнистыми
горами,
Что мы по зрению обыкли звать
мелями,
Покрытый золотым песком простерся
дол:
Столпы вокруг его огромные
кристаллы,
По коим обились прекрасные
кораллы.
Главы их сложены из раковин
витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч
густых,
Что кажет укротись нам громовая
буря;
Помост из аспида и чистого
лазуря,
Палаты из одной изсечены горы;
Верхи под чешуей великих рыб
бугры;
Уборы внутренни покров черепокожных
Бесчисленных зверей во глубине
возможных.
Там трон жемчугами усыпанный
янтарь,
На нем сидит волнам седым подобный
Царь.
В заливы, в океан десницу
простирает,
Сафирным скипетром водам
повелевает.

Одежда царская, порфира и виссон,
Что сильные моря несут ему пред
 трон.

«Петриада»

Его особенно чтили поморские славяне, варяги, т. е. морские
навигаторы, умоляя о счастливом по волнам плавании.

Чуда морское

Служитель и вестник Царя морского. Оный кажется быть со-
вершенно подобен Тритону греков.

ПОЛУДУХИ

Сие общее название даю я таким мечтаемым существам, коих
воображали себе ни совсем бестелесными, ни телесными, и кои
как бы в своих стихиях обитали, иные же в лесах, в реках, в ому-
тах и проч. Они суть:

ЛЕШИЕ, обитатели и хранители лесов. Сии особого свой-
ства. Когда идут по лесу, то равны с лесом, когда же по тропе,
равны с травою; а иногда являются они людям в образе чело-
веческом.

ВОДЯНЫЕ ДУХИ, или Дедушки живут в глубочайших местах
рек, где имеют великолепные дома. Они уносят купающихся по
тем местам людей, особенно же мальчиков, коих и приучают жить
у себя в домах; а сии впоследствии времени заступают место сих
Дедушек. Равно как и лешие уносят молодых детей, и, воспитав
их в своих лесных обителях, делают по себе преемниками.

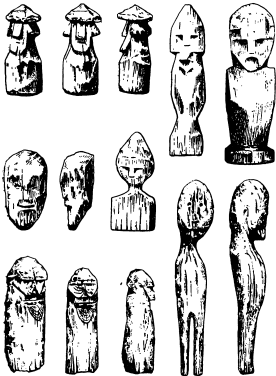
ДОМОВЫЕ, кои живут в домах и дворах. Ежели в котором
дому Домовый полюбит хозяина, то кормит и ходит его лошадей,
о всем печется, и у самого хозяина бороду плетет в косы. Чей же
дом не полюбит, там разоряет хозяина в корень, переводя у него
скот, беспокоя его по ночам, и ломая все в доме.

РУСАЛКИ, полудухи женского рода. Живут они обыкновенно
в речках, из которых часто выходят в красную погоду на берег,
где сидя, чешут свои зеленые волосы гребнем; но лишь заприме-
тит кого-либо идущего, тотчас бросаются на дно ручьев.

БОГАТЫРИ

Они почитаемы были не как боги, но как люди, одаренные
перед прочими высшими дарами неба, или как у греков их полубо-
ги. Таковы были:

ВОЛОТЫ, исполины непомерной величины и силы. Из сказок
древних видно, что сверх силы, имели они еще дар неуязвимости.
Впрочем заметить должно, что древние славяне под именем Воло-

ДОМОВЫЕ. ДЕРЕВЯННЫЕ ФИГУРКИ ДОМАШНИХ БОЖЕСТВ
(Новгород. Раскопки А. В. Арциховского)

РИТУАЛЬНЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ БРАСПЛЕТ (Киев, XII в.) С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВИЛ-РУСАЛОК И СИМВОЛОВ ВОДЫ, ЗЕМЛИ, КОРНЕЙ И РАСТЕНИЙ

тов разумели римляни. Слава силы и могущества римского народа представила их воображению оных великанами; а потому и падали себе из римлян особенных великорослых непобедимых существ.

ПОЛКАН, так же богатырь, но только чудного телосложения. Он до пояса был муж; а от пояса до низа конь. Бежал крайне быстро; одет был в латы; сражался стрелами. Кажется, что многие были Полканы.

СЛАВЯН. Князь славян, брат Вандаля почитался полубогом. Ему приписывали силу, мужество и храбрость чрезмерные. Он по прибытии с своим родом и славянами построил на реке Волхов город Славянск; по разорении коего варягами, через несколько времени снова был сооружен, но уже под именем Детинца*, по разрушении же Детинца, воздвигнут был на его месте Н о в — г о р о д.

ВОЛХВ С БРАТЬЯМИ. Волхв с братьями Волховцем и Рудотомом были дети Славена, все трое богатыри. Но Волхв был великий волшебник. Он не только разъезжал по реке Волхову, так по имени его названной, а до того именовавшейся рекою Мутною, и по Русскому морю, но даже плавал для добыч и в Варяжском море. Когда же он был в Славянске, то при приближении неприятелей, оборачиваясь в великого змея, ложился от берега до берега поперек реки, и тогда не только никто не мог просхаты по оной, но даже и спастись не было возможности.

Озера: **ИЛЬМЕР** и **СТУДЕНЕЦ**

Реки: **БУГ** и **ДОН**

были обожжаемы наравне с прочими божествами. Им посвящены

* Так названного от детины или мальчико: «Заложивши славяне город, — пишет некоторый новгородский летописец, — не могли согласиться между собою, какое дать ему имя; почему и положено было на вече назвать город по имени того, кто первый идучи по определенной дороге попадетсЯ. И так, принеся жертву и обеты богам, посланные отправлялись в путь, и возвратились на другой день к собственному градоначальству, представляли ему мальчиш (древ. детинец), которого они прежде всего встретили: почему и дали городу название Детинца.

были огромнейшие по берегам черные леса, куда под смертною казнию не только не отваживался заходить стрелок или птицелов для своих промыслов, а рыбак отнюдь не дерзал ловить рыбу, но и самую воду не иначе дозволялось из них черпать береговым жителям, как чтоб то были чисто убранные в цветные одежды молодые девы, которые брали воду с благоговением и глубоким молчанием. Сии красные молодницы верили, что священные леса преисполнены не скромными Духами, которые всякое громкое слово, как знак неуважения к божеству, переносили блюстителям языческой религии, а кроткие вздохи любви нашептывали в уши любовников их. В жертву им приносился предпочтительно тучный вол по цвету вод, когда оне ужасным ревом воли своих и завыванием свирепых ветров наводили ужас на людей, предрекавших себе из того пагубу. Храмов в честь обожаемых рек и озер древние славяне не строили; но священнодействия отправлялись обыкновенно на берегу. Великолепнейшие торжества производились весною, когда воды, разрушив зимние свои окопы, являлись изумленным обожателю своим в полном величии. Народ падал ниц. Моления начинались. Погружали людей в воду с великими обрядами; энтузиасты же религии в жару усердия своего добровольно топились в священной реке или озере из благоговения. Орывки, уцелевшие до нас из старинных рукописей и простонародных песен в честь водных божеств подтверждают сказанное мною здесь, а Ломоносов думает, что славяне и самое название бога произвели от священной реки Буга.

ХРАМ СВЕТОВИДА

Мерцана еще покоилась в объятиях Царя вод; Часы стерегли вход и выход из солнцева дому, и присножизный Световид на алатом ложе покоился в объятиях Триглы, как Рурик с Олегом восходят на освещенный холм, где возносится храм Световида, храм возвышенный и достойный бога славимого в нем! Первосвященник Световидов, Боговед, сопутствуемый жрецами, грядет ему во сретение. Рурик приступает ко вратам храма; но удивляется, видя их затворенными. «Они не могут быть отверсты, — говорит Боговед, — доколе первые лучи солнца не ударят в лицо бога; и тогда глас трубный возвестит присутствие его. Когда же последний луч сойдет с лица Световидова, глас заунывного рога и глухого бубна возвещают о сокрытии от нас благотворного светила. День мрачный в наших законах равен ночи». — Ночь была светлая и подобная зимнему дню, когда солнце слабыми лучами сквозь иней сияет.

Князь, в ожидании первых на обзоре* лучей, пошел вокруг храма, желая осмотреть его. С долу он казался ему невелик; но

* Из смысла видно, что через сие слово древние разумели горизонт.

Рурик удивился, найдяши его огромным. Он был окружностью в 1460 шагов. Двенадцать огромных липовых столпов кричфского чина поддерживали навес его кровли; оглавия их были из позлащенной меди. Триста шестьдесят окон и двенадцать врат заключались медными затворами. При каждом дверях стояли два жреца с трубами. На медных вратах изображались двенадцать знаменитых доброго бога подвигов; как для пользы нагих людей он произвел овна, который в то же мгновение устремился к ним, да предложил им свою волю; как, усмирив вола неукротимого и дав им во служение, изобрел для них плуг и все земледельческие орудия; как сражается и побеждает Черного бога, похитившего чад его, близнецов Дажбога и Зимцерлу. Тамо видно Морское Чудо, чадо Чернобога, как оно, обратившись в великого рака, хочет похитить солнце; но опаленное жгучими его лучами, упадет — и сильным ударом своего хребта разбрызгивает как каплю текущий Волхов, и сделав в земле отверстие, производит море Русское. Здесь ужасный лев, с медным хвостом и алмазными зубами, похищает у Велеса скот, а сего бога приводит в трепет; но Световид разит его ударом золотого самосека, берет хвост его (из коего родились полозы) и зубы, и помещает на небо, где доныне видим их и называем львом. Тут изображена любовь его с прекрасной Триглавою, и терзание Чернобога, влюбленного в нее. Световид, играл на гуслях, поет ей нежные стихи; она его венчает васильковым венком, а вокруг их пляшут Зимцерла, Лада, Сева и Мерцана. Румянощеская Дидилия с распущенными золотистыми волосами, в алой легкой ризе, подносит им в алмазной чаше золотый небесный мед, питье богов. Леся, сидя подле гуслей, слушает и лукаво улыбается. Дидо, взвившись в воздух, пускает тяжелые стрелы в Чернобога. Бел-бог, носясь над ними на облаке, приятно усмехается. Там Перун держит великие весы, испущенные им с неба для решения жестокой распри между Белбогом и чадами его, и между Чернобогом и чадами его, когда начиналась между ними жестокая брань, долженствовавшая разрушить мир; когда Ний в неистовстве потрясал землю, извергая из нее пламя, — Чудо Морское колебало берегами, и Яга, дочь Чернобога, вооруженная железною палицею, разсезжала на крылатой своей колеснице, и сбивала с мест горы. Но великий Перун желал примирить их и послал одну из служащих ему Молний, да возвестит волю его. Тогда род Белбога воссел в единую чашу несов, а род Чернобога в другую. Перун поднял весы, и чаша с Чернобогом вознеслась выше темных облаков; но чаша с чадами Белбога осталась на земли. — В другом месте видно было, как Световид поразил великого Скорпиона, когда сей похитил его дочь Зимцерлу, оплакиваемую Дандьбогом. Ний, зря его, от страха сокрылся, и Световид возвратил Дажбогу его сестру и супругу. Но злобный Ний, отищая ему за сие, испустил на землю ночь, лютые мразы, снега, метелицы... Световид, поразив всех их золотыми стрелами, прогнал назад в область Ния. Ний, пылая еще против него гневом, послал

домового духа, да умертвит любимых коней его; но Световид создал серебророгатого и волносребристого смелого козла, и пустил для истребления сего духа. — На десятых дверях изображен бог света, лику дий с гор, из золотых водовосов, обильную воду, от которой принимают начало реки: Волга, Днепр, Двина, Дон, и славное озеро Ильмень. Он населяет их рыбами, пуская каждого рода по двойце. Завидя сему, Морской Царь послал кита пожрать их; но Стриба поразил его тогда же изобретенною острогою, и вынув, положил на том месте, где стоит храм Световидов; холм составилсЯ из китового праха. — Таковы были изображения на дверях. Храм сооружен был из светло-серого дикого камня. Свесы от стены до столпов намерялись двумя большими шагами, имея шесть ступеней восходу. Кровля, полушаром, состояла из вызолоченной меди. Посреди её стоял медный позолоченный истукан Световида; по краям на четыре стороны, поставлены были четыре истукана, изсеченные из мрамора. На востоке истукан Мерцаны, богини, властвующей над началом дий и предшествующей всегда Солицу, дочери Дажбога и Зимцерлы, богини весны, супруги Царя Морского; её должность была отверзать Световиду врата небесного дому его, когда он показывался в мире. Световид для отличия даровал ей венец из единых звезды; и риза её златобагряна. Радость всегда блистала на румяных её ланитах, и она в пирах подносила богам небесный мед. Мерцана, равно как и Световид, присноюна. На юг поставлен был истукан Купалы, сына Мерцаны и Савы. Он имел вид молодого человека, в короткой и легкой одежде. Огонь плодотворения пылал в его очах; чему только касался, все рождало: не только звери, скоты, рыбы и гады, но даже деревья и травы. Он имел обиталище на юге. Жертвовали ему возжженным только прутьев, с песнями и плясками: чем изображались огонь плодотворный и веселость. В ногах у него кролик; в руке пламенеющий огонь; на голове венки из цветов, именуемых по его имени купальницами. Догода, брат его, есть из всех богов любезнейший, кротчайший и прекраснейший. Истукан Догодин стоял на западе. У него развеваются по плечам волосы; венки из шипов; за плечами голубые крылья, и риза на нем тонкая голубая. Улыбка всегда на румянном его лице. Он столь всеми любим, что смело целует самую Ладу; в руках у него опахало. Свиного Позвида истукан стоял на севере. Лицо его в морщинах и сердито. Голова окутана лоскутом кожи белого медведя; борода замерзлая; одежда из оленьей кожи; ноги обуты в кожу гаячью. В руках держал он мех, в готовности развязать для излияния морозов, бурь, снегов, градов, дождей и непогод. Он считался богом всех ветров. Повествуют, что жилище его есть на краю северном, на горах Скандинавских, где он имеет свой престол, и где у него множество детей, подобно ему жестоких. Сей бог, будучи сын Сильного-бога, увеселяется, воздымая бури, потопляя корабли, ломая деревья, посылая всюду мразы и непогоды. Он требует почасту себе в жертву людей. — Таковы были четыре истукана, стоявшие

на кровле храма. На холме же расставлено было соразмерным образом до трехсот пятидесяти треугольных жертвенников.

Между тем, как Рурик рассматривал и вопрошал Боговеда о значении виденного им, раздался глас труб от двенадцати врат, и врата отверзались...

Великий первосвященник Боговед вступил во врата западные, одному ему предназначенные для входа. — Рурик с Олегом входят в храм через врата восточные, и божественный страх объемлет их душу: они зрят лице Световида, сияющее яко медь в горниле. Великий первосвященник — по обыкновению одетый в четыре тонкие хитона, один другого длиннее: в багряный, зеленый, желтый и белый; в опалсании, на коем искусно вышиты двенадцать подвигов Световида; в золотом венце, украшенном семью драгоценными камнями, — держал в руке золотую чашу, исполненную чистейшего винного духа. Двенадцать окружающих его жрецов держали великую серебряную лохань, у коей были три разные ноги: одна наподобие орла, другая — вола, и третья — кита. Прочие жрецы составляли семь покоющих ликов и двенадцать ликов в трубы и роги трубящих и бьющих в бубны, и четыре лика на струнах и гуслях играющие. Тогда великий первосвященник, подошел к престолу, стал на колени, и вознесши золотую чашу, читал молитвы; после прикоснулся чашею к рогу, находящемуся в руке Световида: дух винный воспылал, и потряслися своды от гласа труб и рогов, от звука бубнов, от звона струн, гуслей и орудий, и от гласов певцов, восклицавших: «слава!» Между тем Боговед поднес пылающую чашу Князю, который приняв ее, излил в серебряную лохань, — и взвилось перед богом лазуревое пламя жертвы благоуханной. И тогда семь ликов, хотя кругом одни по одному, предводимые первым песнотворцем, тако воспели:

ПЕРВЫЙ ЛИК И ОБОРОТ

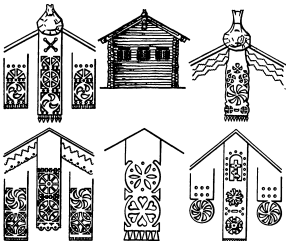
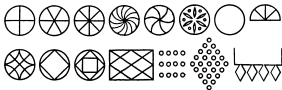
Ясен месяц во полуночи,
Звезды ярко блестят ночью,
Месяц серебрит воды темныя,
Звезды алят небо синее;
Только греет одно солнце ясное.

ВТОРОЙ ЛИК И ОБОРОТ

Греет оно и питает нас;
Позвизд его устрашает;
Взглянет — Зиммерала бежит от
глаз, —
И Зимцерла к нам спускается.
Как благодательно для нас оно!

ТРЕТИЙ ЛИК И ОБОРОТ

При востоке его видеть радостно:
Когда на обзоре появляется,

СХЕМЫ СИМВОЛОВ СОЛНЦА И ЗЕМЛИ

Дверь золотая тогда отверзается
 Веленных чертогов его.
 Он из терема идет высокого,
 Из высокого, из небесного,
 Как могучий витязь с победою.
 Световид! Мы тебе поклоняемся!

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИК И ОБОРОТ

Как здесь вся тварь весела,
Встретив отца и царя!
Главы поднимают дерева;
Освежились цветом и трава;
Птички порхают, поют,
Славу и честь воздают,
Имя твое возносят.

ПЯТЫЙ ЛИК И ОБОРОТ

От радости трепещут
Поля стеклистых вод;
Льды светлы искры мещут,
Уаря его приход...
Ему лес поклоняется,
Сырбор к земле преклоняется;
Листьев ветер не шевелит,
И дуброва не шумит;
Рек пороги лишь гласят:
«Велик, велик Световид!»

ШЕСТОЙ ЛИК И ОБОРОТ

Боги велики; но страшен Перун!
Ужас наводит тяжела стопа,
Как он, в предшествии страшной
 грозы,
Мраком одевя, вихрями повит,
Грозная тучи ведет за собою;
Ступит на облак — огонь из-под
 стоп;
Ризой махнет — побагровеет твердь;
Взглянет на землю — трепещет земля;
Взглянет на море — пеной кипит;
Клонятся горы былинкой пред ним.
Страшный свой гнев ты от нас
 отврати!..
Бросив горсть града во тысячу мер,
Только ступил, уж за тысячу верст;
Лишь от пяты его облак зардел,
Сильна стопа звук глухой издала
(Он землю и море потряс)
И се последняя сверкнула пола!..
Тихий, любезный Световид!
 возвратися,
Нас беспомощных и сирых утешь!..
Мило, как он осклабляется нам,
Шевствуя в бедствах утешить людей.

СЕДЬМОЙ ЛИК И ОБОРОТ

Почитаемы небожители
За их доблести и могущество;
Но всех доблестей превосходнее
Добродетель с милостью, с кротостью;
В милосердии всемогущество,
Всемогущество Световидово.
Царю звезд, тебе поклоняемся,
Пред тобою мы повергаемся! —

ХОР

Только греет одно солнце ясное.
Как благотельно к нам оно! —
Световид! Мы тебе поклоняемся,
Имя твое вознося.
Коль велик, велик Световид,
Шевствуя в бедствах утешить
людей!
Царю звезд, тебе поклоняемся,
Пред тобою мы повергаемся!

Посем двенадцать ликов, играющих на трубах, рогах и бубнах, окружили внутренность храма, воспевая в честь Световида торжественные песни.

Скончалось громкое трубоглашение, и вошли четыре младшие деви; у каждой в руках по кошинице. Одна была в багряном платье, имея через плечо голубое перепоясание; голова убрана лиственными шипками. Другая в зеленом, имея перевязь красную, на голове венок из миртов; третья в алаотцветном, имея венок из класов и багровую перевязь; четвертая в белом платье, в серебряном увясле (диадеме), перевязь золотая. Первая, став на колена, и вынув из кошиницы цветы, рассыпала их пред Световидом; другая предложила разные плоды; третья класы и виноград; четвертая золотый венец. Вскоре струнное играние и пение началось, и каждый лик сперва играл особенно, и каждая дева перед Световидом плясала; потом все четыре лика, соединяясь, играли песни, и четыре деви плясали.

Лицо Световида становилось светлее; по окончании пляски истукан поколебался. Первосвященник, двенадцать жрецов, ликовствующих, певцы, игроки, трубогласители, предстоящие пророки и творцы пали на землю; и тогда рек Световид:

Имя твое есть от запада и до
востока,
И от предел моих к северу твой
есть предел;
Слава твоя да наполнит вселенную;
Яко песок на берегу, тако пламя
твое;

Тысячью лет изочту я твой век;
И да поклонится всякий тебе человек!

Песнотворцы собрали глаголы сии, написали на золотой доске и вручили Рурику: он, прочитав их, отдал для истолкования пророкам.

Тогда лицо Световидово утратило сияние, и лики возгласили отшествие на трубах, рогах и бубнах. Щедрый и набожный Рурик велел на всех жертвенниках принести Световиду по белому волю и жертвенные мяса разделить войску и народу. — Олег шествовал исполнить сие; великий же князь с Боговедом пошел в чертог свой, для собеседования с первосвященником о всем виденном, и для сведения от него сущности веры славян.

КОММЕНТАРИИ

«Древняя религия славян»

1. «Едда» — «Эдда», древний скандинавский сборник мифологических и героических песен, сохранился в рукописи XIII в. Один — верховный бог в скандинавской мифологии.

2. «Теоретц «Владимиряды» — М. М. Херасков (1733—1807), автор поэмы «Владимир возрожденный» (М., 1785), в которой использовал большинство известных тогда славянских мифов.

3. «Рутен» — см. прим. к мифологии Кайсарова, прим. 17, с. 70.

4. «Ахров» — см. прим. к мифологии Кайсарова, прим. 19, с. 70.

5. «...Не будучи эйлерами» — Леонард Эйлер (1707—1783), швейцарский ученый необыкновенной широты интересов; 1727—1741 гг. работал в России в Академии наук.

Борис
Рыбаков

Рождение богинь и богов

ИСТОРИК ЯЗЫЧЕСКОЙ РУСИ

Так совпало, что в день, когда эта книга сдавалась в типографию, русская и мировая общественность чествовала великого историка академика Бориса Александровича Рыбакова: 3 июня 1993 года ему исполнилось 85 лет.

Россия всегда славилась мужами науки, чьи мысли, находки и открытия входят в золотой фонд всемирной сокровищницы знаний. Из числа наших современников к этой плеяде относится Борис Александрович Рыбаков, отдавший науке 60 лет своего труда.

Его отец, ученик известного историка В. О. Ключевского, был директором Учительского института в Москве. С детства Борис рос в атмосфере любви ко всему русскому. Интерес к русской старине пробудился у него в ранней юности, когда он, будучи воспитанником детского дома «Трудовая семья», обошёл все архитектурные ансамбли и памятники Москвы — от Кремля и Китай-города до Коломенского и Царицына. Тогда же он стал читать научную литературу по истории древней столицы Московского государства и знакомиться с историей и культурой древней Руси.

В 1930 году, по окончании Московского государственного университета, молодой учёный начал свою научную деятельность как археолог, производя раскопки древнерусских городов. Черняхов, Тмутаракань, Любеч и другие города постепенно раскрывали ему свои тайны, скрытые под толстым слоем земли и долгой чередой минувших столетий. Но не только археологические изыскания давали пищу для размышлений и сопоставлений. «Почти всё богатство восточнославянского фолькло-

ра, записанного в XIX веке, мы можем проецировать в I тысячелетие н. э. и тем самым приблизить наше представление о той эпохе к её реальному многообразию и красочности, которые совершенно недостаточно отражены археологией», — отмечал Борис Александрович в предисловии к книге «Язычество Древней Руси».

Б. А. Рыбаковым написано немалое количество статей, заметок, рецензий, тезисов и текстов выступлений на международных и внутрисоюзных конгрессах и конференциях, и каждая из этих работ отмечена глубоким знанием проблем и чёткостью принципиальных позиций. Но истинную славу нашей науки составляют его обширные монографии, каждая из которых насыщена огромным фактическим материалом. Все они посвящены разным проблемам русской истории, начиная от глубочайшей её древности.

Академик Б. А. Рыбаков внёс большой вклад в исследование проблемы происхождения славян — многотысячелетней истории существования праславян — славян — Руси — России.

В его книге «Ремесло Древней Руси» впервые совершенно доказан факт существования в древней Руси развитых и разнообразных ремёсел, по своим качествам не уступавших западно-европейскому ремеслу, а в некоторых случаях превосходящих его. До Рыбакова всё это, как и существовавшие целые на Руси и в Московском государстве, отрицалось учёными. В книге

«Ремесло Древней Руси» убедительно и ярко показало, какое губительное воздействие на развитие русского ремесла оказало татаро-монгольское нашествие на Русь, отбросившее на два с половиной века назад развитие хозяйства и культуры древней Руси.

Бессмертной популярностью и доказательностью отличаются работы, в которых Борис Александрович наряду с письменными источниками широко использует археологические материалы. Данные археологии, летописи, былинные эпоса, архивных документов XVIII века гармонично переплетены в его большой монографической статье «Древности Чернигова». Впервые история и древняя топография города, его языческие кладбища и христианские сооружения рассмотрены автором на широком историческом фоне. К статье приложена небольшая, очень оригинальная заметка — опыт исторической характеристики одного из киевских князей конца XII века — князя Святослава Всеволодовича, воспетого в «Слове о полку Игореве». Она построена на тонком анализе отрывочных сведений об этом князе, встречающихся в летописях и в «Слове». Путём сопоставлений этих двух источников Борис Александрович Рыбаков остроумно и убедительно доказывает, что автором «Слова о полку Игореве» был придворный князь Святослава Пётр Бориславич, чем и объясняется то внимание, которое обращено в поэме на в общем-то ничем не выдающегося политического деятеля. Комплексным использованием письменных и фольклорных источников характеризуются и крупное монографическое исследование Б. А. Рыбакова «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи». Как и «Ремесло Древней Руси», эта монография стала новым словом в исследовании истории Киевской Руси — государства IX — середины XII веков. В ней автор показал научную ценность

былины как исторического источника.

Согласно мнению Б. Д. Грокова, «былина — это история, рассказанная самим народом». Борис Александрович рассматривает былины как художественное народное отражение конкретных исторических событий, в героях он видит реальные существовавших людей — князей, дружинников, полководцев, азов и других.

Сопоставляя былины с летописями, Рыбаков показал, что первые представляют собой своеобразную «Повесть временных лет», рассказанную самим народом. Впервые Борис Александрович доказал, что в этих «повестях» всегда говорится о людях, которые защищали русское государство от захватчиков (варягов, хазар, азов, половцев, татар), что в них трактуются исторические события, в которых участвовали народные массы. Так, по Рыбакову, одна из первых былин, поддающаяся датировке, — былина о Минуле Сяляниновиче и Воляге Сялославиче. В ней воспет сбор народного ополчения в 970-е годы против печенегов.

Вслед за А. А. Шахматовым и рядом советских историков Б. А. Рыбаков проделал большую работу по уточнению периодизации дошедших до нас летописей. По его мнению, самый ранний летописный свод начат ещё при Аскольде и прерван в связи с захватом Киева Олегом. Интересна гипотеза Б. А. Рыбакова по восстановлению текста «Повести временных лет», написанной Нестором. По его мнению, «Повесть» имеет тенденционные вставки времени княжения Владимира Мономаха и его сына Мстислава. По признанию последнего «Повесть» была «нормализована». Вставленная в неё легенда о приходе династии Рюриковичей от варягов (извне) должна была усилить идею княжеской власти, идею единства на Руси.

К написанию фундаментальных ра-

бот по истории Древней Руси учёный приступил уже в зрелом возрасте, когда была накоплена и осмыслена огромный фактический материал. Публикации статей и книг Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» (М., 1948), «Древности Чернигова» (М., 1949), «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (М., 1953), «Русские датированные надписи XI—XIV вв.» (М., 1964), «Первые века русской истории» (М., 1964), «Носимое и мифология земледельцев неолита» (М., 1965) стали как бы прологом к главному труду академика: трилогии, посвящённой языческой и раннехристианской Руси: «Язычество древних славян» (М., 1981), «Киевская Русь и русские князья XII—XIII вв.» (М., 1982), «Язычество Древней Руси» (1987). Эти три солидных тома, вместе с последней крупной работой академика — монографией «Староверы, русские гуманисты XIV века» — можно с полным правом назвать энциклопедией русской истории.

Среди представителей славянской школы XX века академик Рыбаков является гигантом во всех отношениях, истинным предтечей нового направления для будущих исследователей славяно-русского мира.

Борис Александрович Рыбаков — достойный продолжатель научной мысли М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, М. И. Срезневского, Н. И. Надеждина, В. И. Ламанского, Н. В. Савельева — Ростиславича, В. В. Пассека, Н. Н. Морозкина, Егора Кассена, С. А. Геденова, которые преодолели крайности немецкой школы от Байера до Ламбина.

Академики Рыбаков и Трубачёв убедительно доказали научную несостоятельность последователей норманистской школы в наши дни, опираясь на

новые данные исторической, археологической и лингвистической наук. Судьба идей Рыбакова и Трубачёва вселит утешительную уверенность, что истина не пропадёт; благодаря их трудам русская мысль получила верное направление.

Борис Александрович — гениальная личность. Он незауряден во всем. Поражает его необыкновенная физическая сила, жизнелюбие, бодрость духа, целеустремлённость, удивительное трудолюбие, неуёмность последовательной мысли. В 85 летнем возрасте он написал интереснейшую книгу «Античность и ранние славяне» — новое слово в древнерусской истории.

Подвиги научный труд учёного по достоинству оценён его соотечественниками и зарубежными коллегами. Полезна назад он стал профессором, читает в МГУ курсы «Славяно-русской археологии» и «История русской культуры». В 1958 г. его избирают действительным членом АН СССР. В 1978 г. удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Знаком признания его работ явилось избрание его почётным доктором Ягеллонского университета и членом академий Болгарской, Польской и Словацкой.

Почти сотысячный тираж книги «Язычество Древней Руси» (что для научного труда величина немалая) стал библиографической редкостью. И это — тоже признание заслуг учёного. Признание народом, изучению истории которого Б. А. Рыбаков посвятил жизнь.

Здесь мы публикуем главу «Рождение богинь и богов» из книги Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» — современный взгляд на славянскую мифологию.

В. С. МОМОТ

РОЖДЕНИЕ БОГИНЬ И БОГОВ

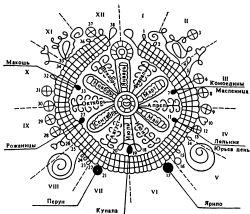
Обзор археологической мозаики за полторы тысячи лет жизни праславянского мира дал нам много отдельных сведений и намёков на культы и мифологические образы славянства. Датированный, а следовательно, соотносимый с определённой исторической конкретностью, но, к сожалению, очень фрагментарный археологический материал всегда оживал, когда удавалось осветить его более красочными и многогранными этнографическими наблюдениями. В этом хронологически последовательном обзоре нам недоставало письменных исторических источников, которые могли бы раскрыть всё богатство мировоззрения, выраженного в мифологических образах и повествованиях. Но их, к сожалению, и не будет, таких подробных, желательных нам письменных свидетельств средневековых авторов, заставших славянское язычество во всём его расцвете.

В отличие от греческой мифологии, которая уже с VII в. до н. э. стала объектом (а, может быть, в какой-то степени и жертвой) литературной обработки и творческого обогащения жрецами, поэтами, писателями и специальными мифографами, славянская мифология, как жизнь богов осталась неописанной.

Русские средневековые писатели — летописцы и церковные проповедники — следовали традициям древнехристианских отцов церкви, которые бичевали и высмеивали античное язычество, но не описывали его, так как оно было вокруг, везде, всем видимо и знакомо. Точно так же поступали и древнерусские авторы. Они обращались к той аудитории, которая была полна языческих помыслов, действий, постоянных колдовских заклинаний, которая избегала церковной службы и охотно участвовала в красочных и хмельных разгульных и всенародных языческих играх. Поэтому они тоже не столько описывали, сколько порицали.

Люди в XI веке живут, «не слушая божественных словес, но аще плясци или гудци или ни кто игрецъ позовётъ на игрище или на какое зборище идольское, то вси тамо текут радуясь... и весь день то (т) предстоитъ позорьствующе тамо».

Когда же этих полухристиан приглашают на церковную службу, «а мы позева(юще) и чешемся и протягаемся, дремлем и речем: «Дождь...» или «студёно...» Да все то слову творим! А на позорищех — ни крову сущю, ни затишью, но многожды

ДВУХДЕСЯТЫЙ КАЛЕНДАРЬ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ПРАВОСЛАВНЫХ И ЯЗЫЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ

дождю и ветром дышущю, или въялици, то все приемлем радуясь, позоры дел на пагубу душам. А в церкви покрову сущю и заветрию дивяну, и не хотятъ прити на поученье, леняться»¹.

Естественно, что по отношению к этим участникам и зрителям «идольских сборищ» не было надобности в описании тех самых языческих обрядов, от которых их стремились отвлечь. Поэтому мы остались почти без подробных сведений о языческих бытовых обрядах и тем более о богослужении.

Несколько иначе обстояло дело у западных славян. Там с язычеством, являвшимся государственной религией в ряде княжеств, встречались миссионеры-иноземцы, которые должны были отчитаться перед римской курией в успехах своей проповеди и обращении язычников-славян в христианство. Католическим миссионерам и епископам вновь обращенных стран важно было показать, и показать красочно, в какой бездне заблуждений находились их подопечные ранее. Поэтому в их сочинениях фиксируются многотысячные языческие празднества, описываются идолы и храмы славянских божеств, их нынешний вид, иногда функции богов и ритуал.

Но мифологии как таковой и эти авторы не раскрывают.

В XV—XVII вв. славянские историки уже преодолели пренебрежение своих предшественников к мифологическим представлениям предков и стали собирать письменные и этнографические данные о языческих богах и деталях культа. К сожалению, в этих

ренессансных сочинениях разных авторов, будь то поляк Ян Длугош или русский автор Густынской летописи, главной мыслью было сопоставление с международным стандартом, таким, как греко-римская мифология. В славянском пантеоне важно было найти точное соответствие Юпитеру, Марсу, Артемиде или Церере. При этом недостаточная осведомлённость как в античной, так и в славянской мифологии нередко приводила авторов к таким сближениям, которые никак не могут помочь нам в выяснении истинной сущности этих божеств.

По существу мы из общей суммы славянских и индоевропейских источников можем почерпнуть лишь перечень имён славянских богов и богинь.

Русские летописи называют богов, культ которых учредил князь Владимир в 980 г., — это Перун, Стрибог, Дажьдбог, Хорс, Симаргл и богиня Макошь. Кроме того, упоминается Велес, Сварог, Род и рожаницы. Этнография уже в XVIII в. добавила несколько мифологических персонажей вроде Лады и Лели. Но всё это только одни имена.

Католические миссионеры в западославянских землях называют Слатовита, Сварожича, Яровита, Деву, Живу, Радогоста и др.

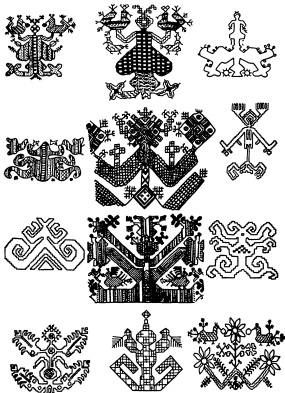
Мы далеко не всегда знаем функции этих богов, степень распространённости их культов. Лингвисты крайне противоречиво толкуют этимологию и семантику этих имён. Не всегда учитывается, что одно и то же божество могло иметь несколько имён. Обращаясь к наиболее разработанной греческой мифологии, мы видим, что один и тот же бог неба назывался то Ураном, то Кроносом, то Зевсом. По поводу римского Юпитера Блаженный Августин писал, что язычники представляли себе его весьма многообразно:

«Юпитер всемогущий, прародитель царей, вешой и богов. Он же и мать богов, бог единый и весь...»

«Они называли его победителем, Непобедимым, Помощником, Возбудителем, Остановителем, Стоногим, Опрокидывателем, Подпорою, Кормильцем, Сосцепитателем и многими другими именами; которые пересчитывать было бы долго».

Учитывая обилие разных имён у одного и того же божества, накопившееся за многие столетия существования культа, мы должны осторожнее судить о количестве славянских богов. Но, пожалуй, самым трудным является определение времени возникновения представлений о том или ином божестве. Поэтому подробное рассмотрение всех материалов о средневековых славянских богах отложим до того, когда наше изложение подведёт нас к средневековью. Будем только помнить, что церковные писатели XI—XII вв. застали уже «смерть богов», а рождение их терпится, очевидно, в глубинах весьма отдалённой первобытности.

Точное определение новшеств в религиозной сфере крайне затруднено недостаточностью надёжных хронологических ориентиров и установленной выше размытостью конечных фаз всех

ИЗОБРАЖЕНИЕ РОЖАНИЦ в позе рожавшей женщины в русской вышивке

Религиозных представлений. Так, например, можно предполагать, что к изучаемому времени древняя матриархальная вера в двух Рожаниц, в двух хозяек мира (возникшая в охотничьем обществе и перешедшая в земледельческое) уже утратила свою первенствующую позицию и уступила место единовластному патриархальному Роду, но материал о двух рожаницах (и притом в самой арханч-

ной форме — в виде двух лосих) будет встречаться нам вплоть до конца XIX в. и. э.

Кроме того, любое новое явление, появившись в сознании людей, не сразу отражалось в их долговечных, но часто второстепенных вещественных источниках, которые в той или иной мере доживают до нас и доступны изучению, как, например, орнамент на керамике или металле.

Зарождение славянской мифологии мы должны рассматривать на совершенно ином историческом фоне, чем привычные нам первые века Киевской Руси. Быть может, только один Перун был выдвинут на место славянского Зевса очень поздно, одновременно с развитием русской государственности. Эта мысль Е. В. Анничкова мне представляется верной и плодотворной. Весь же остальной сонм богов должен быть тщательно рассмотрен не только с позиций предхристианского средневековья, а, как показал анализ данных о Свароге и Дажьдбоге, и на фоне исторической жизни праславян II—I тысячелетий до н. э.

Следует поставить вопрос о степени одновременности или разновременности появления и персонализации тех или иных представлений. Ведь средневековые перечни богов и отдельные упоминания их в X—XII вв. дают нам ту этнографическую суммарную картину, которая после анализа может оказаться результатом естественного накопления в памяти людей представлений, возникавших в разные эпохи на протяжении тысячелетий.

Заранее следует оговориться, что на достижение полной ясности у нас надежды нет: слишком фрагментарен материал средневековых славянских источников и слишком много трудностей как в его осмыслении, так и в привлечении сопоставительного материала других народов.

Первая трудность. На примере тех народов, мифология которых известна нам во многих (даже слишком многих) подробностях, как, например, древних греков, мы явно ощущаем наличие двух социально обусловленных комплексов представлений: во-первых, это верхушечная жреческая система, нередко искусственно сплетённая из разных культов и сравнительно быстро эволюционирующая, а во вторых, — народная, глубинная религия, более архаичная, традиционная, в известной мере инертная и более аморфная. В только что упомянутом «пантеоне Владимира» (явно дружинно-нижеском подборе богов) отсутствуют такие устойчивые в народной среде божества, как Род, порицаемый церковниками вплоть до XVI в., или Велес, которому русские крестьяне оставляли последнюю жемчужину колосьев на поле («Волосу на бородку») вплоть до XX века.

Вторая трудность состоит в расположении на временной сетке матриархальных и патриархальных божеств. Частично это связано и с проблемой социальных различий: в перечне 980 г. есть только одно божество — Макошь, и оно поставлено на самом последнем месте, после священной собаки Симаргла. А в народ-

ных верованиях женское божество, ассоциируемое с «мать-сырой-землей», с плодородной силой земли, жило и в языческой и в христианской форме (богородица, «матушка-владычица») как главный персонаж аграрного культа вплоть до XX в.

Кроме того, правильное восприятие степени значимости и исконности матриархальных или патриархальных божеств серьёзно затруднено самими авторами древних источников, жрецами, историками, поэтами и реформаторами. Естественно исторически сложившееся многообразие архаичных религиозных форм и образов во многих случаях ещё в древности было заменено стройной искусственной системой. Древние систематизаторы действовали с позиций давным-давно утвердившегося патриархата. Поэтому главным искажением в их исторических картинах было забвение матриархальной стадии мышления, искусственная постановка в истоки теогонии мужского начала вместо женского. Индийские брахманы создали генеалогию богов, у основания которой стоит четырёхликий Брахма, а Бесконечная Адити, Мать богов, оказалась лишь внучкой Брахмы (дочерью Дахши). Заратуштра (VII—VI вв. до н. э.) поставил во главе божественной системы бога-мужчину — Ахура-Мазду; греческий Олимп Гомера, Гесиода и позднейших авторов представлял нам как сонм богов под несомненным главенством Зевса, сына Кроноса, внука Урана. И наш русский автор XII в. называет первым божеством Рода, а женщин-рожданиц ставит в подчинённое Роду положение.

Однако во всех случаях сквозь позднейшую искусственную патриархальную схему проглядывают черты устойчивых древних представлений о космическом женском божестве, о Великой Матери Мира, будет ли это Гея, породившая Урана, или Мать Богов Адити, или Гея, Кибела, Астарта или просто Ма, Ма-Дивия.

В первобытной патриархальной среде и в условиях дружинного строя и государственности, когда власть принадлежала мужчинам, первичное женское божество утрачивало своё первенствующее положение и в генеалогии, и в действующей системе религиозных представлений.

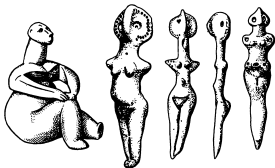
Создавалось новое, устойчивое распределение функций, которое схематически выглядит так: небом и миром управляет мужское божество, а уделом женского божества остаётся земля, земная природа, плодородие возделанной почвы.

В связи с социальной стратификацией архаичное женское божество благодаря своей аграрной сущности остаётся главным народным божеством, а бог неба, небесный громовержец — богом вождей, царём богов и нередко супругом богини земли.

Третья трудность состоит в эволюции функций того или иного божественного образа. Мы располагаем большим количеством примеров, когда божество с определённым именем или мельчает с веками, теряя свои функции, постепенно сходит на нет, или же, наоборот, сохраняя своё прежнее имя, «отбирает» функции других богов, становится многозначительным, выдвигается на видное

ВИНЧОВСКИЕ СТАТУЭТКИ С ОТПЕЧАТКАМИ ЗЕРЕН ИЛИ СО ЗНАКАМИ ЗАСЕЛЕННОГО ПОЛЯ

РИТУАЛЬНЫЕ СТАТУЭТКИ, СВЯЗАННЫЕ С АГРАРНЫМ КУЛЬТОМ

место в пантеоне. Одно имя нередко вытесняет другое полностью при сохранении прежних функций старого божества. Нередко наблюдается слияние двух или нескольких (постепенно) божеств в одно.

Четвёртая трудность заключается в этнической стороне вопроса: древние переселения народов, скрещения племён, покорение одних народов другими неизбежно сопровождалось слиянием сходных культов, заменой имён божества или увеличением количества имён у одного божества, почитавшегося несколькими племенами.

Пятая трудность состоит в неравномерности исторического развития: соседние и даже родственные народы достигают той или иной стадии развития в разное время и проходят эту стадию разным темпом в разные по длительности сроки. Всё это, разумеется, ещё больше запутывает историю возникновения представлений о тех или иных божествах и в особенности затрудняет сравнительное рассмотрение религиозных представлений и использование сравнительного материала других народов.

Но несмотря на эти трудности и предостережения мы не имеем права отказываться от сопоставления скудного славянского материала с мифологическим богатством других индоевропейских народов, и прежде всего греков. Поступим по примеру Яна Длугоша и возьмём в качестве материала хорошо известную нам мифологию античного мира. Греческая мифология ценна для нас, во-первых, своей детальной разработанностью, точным обозначением функций божеств, во-вторых, тем, что она прослеживается на протяжении почти двух тысячелетий и при известном усилии сквозь густую чащу позднейших литературно-поэтических домыслов удаётся рассмотреть действительную эволюцию воззрений, как народных, так и жреческих. В-третьих, необходимо отметить, что при всём различии исторических путей славянства и греческого мира между ними не было непроходимой пропасти: дорийцы до переселения жили в сравнительной близости от праславян, а в классическую эпоху праславяне-борисфениты вели настолько регулярную торговлю с греками в самой Ольвии (в «Торжище борисфенитов»), что здесь открывались возможности и для религиозных контактов.

Античная религия и мифология давно уже перестали представлять нам в их литературном позднем оформлении как Олимп, населённый пирующими или суетящимися по своим делам богами со строго определёнными функциями. Работы А. Ф. Лосева подвели итог ряду исследований, показывающих необычайную сложность античных мифологических образов, их глубокие первобытные корни и причудливую динамику их исторического бытия.

В первой из названных работ, написанной ещё до расшифровки крито-микенского письма, автор с достаточной прозорливостью углубляет хронологически олимпийских богов в яркий крито-микенский мир. Публикация расшифрованных микенских и пилос-

ских надписей подтвердила правильность этой мысли. Вторая работа, ограниченная, к сожалению, только образами Зевса и Аполлона, даёт интересный анализ многогранности религиозных представлений греков. Сложение мифологии Зевса автор относит к позднеливийскому периоду (1600—1100 гг. до н. э.). Зевсу, как повествуют мифы, предшествуют Уран и сын Урана — Кронос, отец Зевса. После Зевса, отчасти на смену ему, выступает Аполлон, а в VII в. до н. э. по всему греческому миру распространяется культ Диониса.

Однако эта маскулинизированная патриархальная мифологическая система, оформленная в позднейший период, не может нас удовлетворить. А. Ф. Лосев правильно отмечает важное значение матриархальных культов, но, поскольку они не относятся к его основной теме, он говорит о них лишь попутно, не останавливаясь на анализе всей матриархальной стадии.

Для данной книги мне представляется крайне важным установление промежуточных звеньев между культом охотничьих небесных лосих, двумя рожаницами — женщинами земледельческого энеолита и явно патриархальными культами Зевса или Сварога.

Трипольская мифологическая живопись документирует очень важный этап в развитии представлений о небесных властителях мира. Здесь, как мы видели выше, одновременно существуют два разных пласта: на ритуальной гадательной посуде, на чарах чародейки, отражавших небо и звёзды, изображали двух небесных оленей (точнее, важенок со знаком пола), несущихся в дождевом вихре. Изображения сильно стилизованные, упрощённые, как бы угасающие. Это — уходящий в прошлое пласт прежних охотничьих представлений; он ещё поддерживался тем, что охота на оленей и культ оленей занимали видное место в трипольском быту, но его вытеснил более могучий новый пласт земледельческих представлений: на бытовых сосудах (для зерна, муки) во весь размах небесного пространства, от земли до «верхнего неба» с запасами дождевой воды, трипольские художники рисовали два огромных

Рисунки с изображением небесных оленей

ПАРНЫЕ ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА (РОЖАНИЦЫ). Внизу — глиняный трипольский сосуд с четырьмя трубами; средний рис. в правом ряду — среднекаменный.

лика богинь мира, с глазами, изображёнными как солнце. Это — трансформация древних охотничьих рожаниц, рождавших на небе «оленьцов малых», в земледельческих рожаниц, помогавших рождению урожая хлебов, вовлекавших в этот процесс небесные силы, запасы небесной влаги.

Можно допустить, что в этой магической росписи намечается уже переход к следующему, третьему пласту представлений — к образу единой Матери Мира. Дело в том, что лики рожаниц

РОЖДЕНИЕ БОГА НЕБА И ВОДЫ ВАРУНЫ-УРАНА
В ОКРУЖЕНИИ ДОЖДЕВЫХ ПОТОКОВ И ЗМЕЙ
(трипольская культура)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ТИТАНА ВУРШЫ (Петреши; три-
польская культура)

располагались на сосудах всегда таким образом, что видим был только один лик; обеих рожаниц одновременно нельзя было видеть. Возможно, что идея исконного женского начала была выражена тогда идеограммами, определёнными символами; в окружении подобной идеограммы происходит то, что я назвал «рождением Варуны».

Таковы космогонические и мифологические представления первобытных земледельцев-индоевропейцев, занимавших срединное в географическом смысле положение между предками славян и предками греков в III тысячелетии до н. э. Всего лишь пять-шесть веков отделяли их от греческих государств Крита и Пелопонеса, оставивших нам более надёжные сведения о своих богах.

Крито-микенские надписи, не представляющие систематического перечня богов, но связанные с приношениями в храмы, дают нам очень много персонажей позднейшего Олимпа, значительно удрежня тем самым олимпийский комплекс. Храмовые надписи содержат имена следующих богов: Ма, Ма-Давия, Гера, Лето (Латона), Артемида, Эриния (в ед. числе), Гестия, Элевтия (может быть, иносказание Деметры?), Зевс, Посейдон, Дионис, Гермес.

Отмечено отсутствие в надписях (или сомнения в атрибуции) следующих божеств: Деметры, Реи, Афродиты, Ареса, Афины, Аполлона. Этот список можно продлить за счёт таких известных божеств, как Уран, Кронос, Гея, Геката, Анд. Однако, несмотря на сходство классического греческого пантеона с критомикенским, мы явно ощущаем и различие их: крито-микенский пантеон значительно матриархальнее; количественно (по числу надписей, а не имён) преобладают женские божества, а соответственно и женщины-жрицы. В надписях нет следов патриархальной генеалогии Зевса и нет того материала, из которого эта искусственная родословная была построена (Уран и Кронос). Зевс ещё не занял своего первенствующего места среди греческих богов: «Нет никаких следов того, чтобы Зевс играл ведущую роль среди богов; он, по-видимому, был только одним из локальных божеств».

Четыре мужских божества очень чётко распределяются по своим функциям: Зевс — небо, гроза, дождь; Посейдон — море; Гермес — пастушество (и, может быть уже торговля?); Дионис — земледелие, виноградарство. Во главе же крито-микенского пантеона стояла Великая Мать, богиня Ма или Дивия. Гера, как полагает Лурье, была богиней земли; Эриния, как Владычица Нижнего мира, — богиня, предшествующая мужскому божеству Анду; Гестия — богиня священного очага²; Артемиды уже тогда могла быть богиней охоты. С Артемидой-охотницей могли быть связаны священные стада оленей и специальные загоны оленей при храме Артемиды, известные уже в крито-микенские времена. Станный выбор женского общества — Артемиды — в качестве покровительницы такого чисто мужского дела, как охота (сохранившего эту функцию на всё время), получит объяснение в процессе дальнейшего рассмотрения.

Большой интерес представляет существование (и на видном месте) в составе крито-микенских женских божеств матери Артемиды, богини Лето, римской Латоны, третьестепенной богини в классическую пору. Здесь же ей принадлежала почётная роль: «Особенно часто, — пишет С. Я. Лурье, — упоминается в надписях Rato; это слово Вентрис и Чадвик отождествили с Латоной. Обычно ей приносятся овцы... в числе от 20 до 281 штуки. Приношение делает либо отдельное лицо, либо селение»; иногда приносятся в жертву жеребёнок. Такое внимание крито-микенских греков, приносивших Латоне целые стада овец, необъяснимо с точки зрения позднейшей мифологии, когда имя этой богини встречалось лишь в литературных произведениях и она почти не являлась объектом культа Лето-Латоны: такую попытку предприняла финикийская царица Ниобея, запретив приносить жертвы Латоне (поклонялись ей только женщины).

Пред нами интересный факт явного угасания культа в интервале между крито-микенской эпохой и классической. Попытаемся по сохранившимся признакам подробнее рассмотреть это исчезнувшее звено античных религиозных представлений.

Лето-Латона, по позднейшим мифам, является матерью двух близнецов — Артемиды и Аполлона, но, впрочем, есть мифы и о раздельном рождении детей: Артемиды в Ортигия, а Аполлона в Крепе. По некоторым мифам, Артемиды родилась ранее Аполлона и научила Аполлона стрельбе из лука. В крито-микенских надписях Аполлона нет; ещё нет, так как культ Аполлона, боронившегося с Зевсом и в известной мере заменившего своего отца Зевса даже в космическом аспекте, — дело значительно более позднее³. Возможно, что и рождение двух детей у Латоны тоже более позднее добавление.

В крито-микенских текстах перед нами две богини — Лето и Артемиды, мать и дочь.

Первое, на что следует обратить внимание при ознакомлении с мифами, — это прочная связь всего цикла лето-артемидо-аполло-

новских мифов с севером, с гиперборейцами, жившими где-то на север от Греции. Локализация гиперборейцев, как и каждого мифического народа, очень запутанна и неопределённа, но само имя их показывает, что их реальный прототип находился где-то в направлении на север или северо-восток от собственно греческих земель. Местожительство мифического народа отодвигалось (от Фессалии, Македонии и берегов Дуная до Ледовитого океана) всё далее на север по мере расширения географического горизонта древних. Наиболее осторожно будет считать гиперборейцами земледельческие племена, жившие на север от Греции, недалеко от Истра-Дуная (где произошла встреча Артемиды с Гераклом). Земледельческий характер зачатий гиперборейцев явствует из того, что они ежегодно посылали дары в святилище на Делосе завёрнутыми в пшеничную солому.

Одним из дальних северных пунктов, связанных с Артемидой, является Таврида (Крым), куда богиня отправляла свою жрицу Ифигению. В жертву Артемиде там приносили чужеземцев.

Мать Артемиды, Лето, происходила из страны гиперборейцев, и именно оттуда она прибыла на юг в греческую зону и на острове Делосе разрешилась от бремени. Отцом Артемиды мифы считают Зевса, а в позднее время — даже гиперборейца Описа (Циперон). Связь Делоса с отдалёнными гиперборейцами подчеркнута многими рассказами о посылке даров гиперборейцами.

Второе, что следует отметить в мифологии Лето и Артемиды, — это обилие звериных образов. Сама Лето бежала на Делос, обернувшись волчицей. Артемида прочно связана с образом оленя или лани. То она сама превращается в оленя (миф об Оте и Эфиальте), то встречает Геракла со златорогою ланью, то оборачивается ланью предназначенная ей в жертву Ифигения, то богиня превращает Антеона в оленя и его загрызают собственные псы. Артемида разгневалась на Агамемнона, когда царь застрелил её ланя.

Другим зверем, близким Артемиде, является медведица. Священные танцы в честь Артемиды Брауронии жрицы исполняли в медвежьих шкурах. Артемиде был посвящён месяц артемизмон — март, время, когда медведи выходили из зимней спячки. У греков известны медвежьи праздники, называвшиеся «*Komodia*», послужившие основой будущей комедии. Вероятнее всего, что они проводились в месяце Артемиды, в марте, так как совершенно аналогичные медвежьи праздники у восточных славян (и носившие точно такое же название — «*номоедницы*») были приурочены к весеннему пробуждению медведя и проводились 24 марта.

Миф о Каллисто косвенно связывает Артемиду с созданием созвездия Большой Медведицы.

Общий закон эволюции охотничьих культов — от мезолитического культа оленя или лося к позднему культу медведя — сказался и на мифологии Артемиды: мы видим здесь и оленей (ланей) и медведей. В классическое время Артемиде выступает как

богиня охоты и плодородия; ей, по всей вероятности, приносили человеческие жертвы, о чём свидетельствует жертвоприношение Ифигении и ксеноконтия в Тавриде.

Вся сумма данных о Латоне и Артемиде позволяет высказать предположение, что в основе мифов о матери и дочери, связанных географически с севером, а тематически с охотой и со звериным миром (прежде всего с оленями и ланями), может лежать весьма древнее представление о двух небесных богинях — рожаницах доземледельческого периода, когда они выступали ещё в своём полузверином-полуужасном обличье. Рогатые рожаницы-оленихи мезолита и неолита находились в таком соотношении друг с другом, как Лето и Артемиды — мать и дочь, и точно так же ведали плодovitостью природы. Артемиду, кроме того, считали помощницей при родах, сливая воедино её образ с образом богини Илфии, покровительницы рожениц.

В мифах о Латоне и Артемиде настойчивые напоминания о гиперборейском севере связаны, по всей вероятности, с тем, что за северными рубежами греческого расселения, в зоне, прилегающей к Дунаю и Крыму, где роль охоты была более значительной, культ охотничьих рожаниц существовал, надо полагать, в более полной и целостной форме, чем на самом юге Балканского полуострова или на Крите.

Олений облик охотничьих богинь, рождавших «оленьцов малых», сохранялся в сакральном разделе керамики вплоть до трипольского времени. Поэтому обилие оленьих черт в культе Артемиды вполне естественно.

Крито-микенское предпочтение богини Лето (Лато) почти всем другим божествам свидетельствует о живучести этого древнего культа и о том, что на этой стадии первенства сохранила ещё мать, а не дочь.

Помимо Лето (Лато) и Артемиды, греческая мифология знает ещё одну пару — мать и дочь — Деметру и Кору (Персефону). В самих именах этих богинь содержится указание на их взаимное родство: мать — Деметра и дочь — Кора (от греч. «Κορνν»). Обе они были покровительницами земледельческого плодородия и, следовательно, отражали следующую стадию религиозных представлений. Это именно та стадия, которая представлена трипольской росписью с двумя ликами космических богинь, не связанных ни с охотой, ни с небесными оленями. В трипольское время обе земледельческие рожаницы ещё равны одна другой, но так как материнство обуславливает старшинство, то в дальнейшем возникает определённая иерархичность: Деметра — более значительное божество всего наземного земледельческого богатства, а дочь её Персефона — божество подземное (жена Аида), влияющее на плодородие лишь в меру рождающей силы почвы. С Персефой можно связывать крито-микенскую богиню — Подземную Владычицу. Кора-Персефона явилась предшественницей умирающих и воскресающих или сезонно уходящих божеств. Мифы оформили

идею земного перерыва в развитии семян и растений как сезонный уход Персефоны под землю к Аиду (зимой) и возвращение её, связанное с весенним расцветом. Позднее такая роль сезонного бога, но уже не в женском, а в мужском обличье, будет дана Аполлону, а ещё позднее появится идея не ухода, а умирания бога (Дионис, Аттис), считавшегося сыном Персефоны (Загрей-Дионис).

Существование в греческой мифологии двух пар, составленных по принципу «мать и дочь», объясняется, на мой взгляд, различными географическим происхождением каждой пары. Деметра — Мать Ячменного Поля — связана с югом, с Критом, где, согласно мифу, происходила её встреча с критским богом земледелия Иасионом. Имя Персефоны не этимологизируется из греческого и, как полагают, принадлежит языку древнего, догреческого населения. Есть сведения, что ритуальные процессии в честь Деметры были учреждены ещё пелазгами. Другая пара — Лето и Артемиды, прочно связана с далёким гиперборейским севером.

На территории Греции в довольно давнее время произошло слияние южных и северных мифологических образов; северная пара рожданиц сохранила больше арханчных, охотничьих черт, а южная отразила уже только более высокую, земледельческую стадию. В южной паре мать (Деметра) сохранила своё первоначальное положение; в северной же паре к гомеровскому времени произошла перемена ролей: главной фигурой стала не Лето, а её дочь — Дева Артемиды, с её именем связано основное содержание древнего образа. Такой перемене мог способствовать сложившийся ранее культ Великой Матери как главной земледельческой богини; вокруг неё теперь и сосредоточилось всё, что было связано с идеей плодovitости и плодородия. Лето (Латона) уже превратилась во второстепенный персонаж мифологии.

Другая перемена была не менее интересной: позднейшее мифотворчество добавило фигуру Аполлона, обрисованного мифами в качестве брата-близнеца Артемиды, рождённого Латоной на Делосе. В системе представлений Аполлон как бы заменил свою мать, и на месте арханчной матриархальной пары — Лето и Артемиды — появилась новая, подправленная патриархальными воззрениями пара охотничьих божеств — Артемиды и её брат Аполлон. Образ Аполлона (мне придётся коснуться его в дальнейшем) был значительно шире, чем бог-охотник, но лук и стрелы у Аполлона сохраняются на всём протяжении античности. Сохраняется и обрастает подробностями связь Делоса с гиперборейцами, чтущими святыню Аполлона. Полгода в году, все зимние неземледельческие месяцы, Аполлон находится в «аподемии», в отъезде — в земле гиперборейцев.

Большой интерес представляет рассказ Геродота о приношении даров из страны гиперборейцев в Делосское святилище.

Записанный Геродотом миф повествует, что гиперборейцы издавна посылали на Делос священные посольства с приношениями.

и каждый раз во главе такого посольства стояли две женщины. Впервые прибыли Арга и Опис, принесшие дары Артемиде — Илифии (родовспомогательнице). Они умерли там, куда доставили приношения. Могила их находилась во времена Геродота «за святилищем Артемиды на восточной стороне аблизы зала для пиროв». Затем когда-то посольство возглавляли две девушки — Гигероха и Лаодина; они тоже не возвратились домой, и гиперборейцы, «как передают», в последующем отправляли дары только на границу своего племени с просьбой к соседям переправить дары на Делос, передавая их от племени к племени. Геродот свидетельствует, что и в его время так поступают фракийские женщины, отправляющие приношения Артемиде Царнице. Могила Гигерохи и Лаодики тоже находится в святилище Артемиды «при входе с левой стороны».

Требуют размышления следующие пункты геродотовского рассказа: во-первых, во всех случаях речь идёт о святилище Артемиды, а не Аполлона; во-вторых, во главе древних священных посольств стоят две девушки; в-третьих, девушки умирают на Делосе, их хоронят у храма Артемиды. Создаётся впечатление, что когда-то в прошлом гиперборейцы посылали двух девушек как жертвы Артемиде и, может быть, забытой впоследствии её матери — Латоны; сама Артемиды (как говорит миф об Ифигении) довольствовалась одной девушкой-жертвой. Места захоронения гиперборейских девушек почитались на Делосе женщинами: «В их честь делосские женщины собирают дары» (Геродот. История, IV-35).

В связи со всем вышесказанным легенду о гиперборейских жертвах можно предположительно разъяснить так: северные племена, где культ охотничьих рожаниц был ещё в силе, посылали своих девушек на Делос, связанный с почитанием Латоны и Артемиды. Возможно, что девушки предназначались в жертву, так как легенда подчёркивает невозвращение их на родину и захоронение у храма Артемиды. Позднее обычай посланки девушек был заменен одними дарами.

Высказанные соображения о культе Латоны и Артемиды как об отголоске архаичных охотничьих представлений о двух небесных рожаницах, — культе, искусственно поддерживавшемся воздействием каких-то северных племён, позволяют поставить его в реконструкции греческой мифологии на первое (в стадийном смысле) место.

В середине II тысячелетия до н. э. культ двух рожаниц (очевидно, полуохотничьих-полускотоподческих, так как жертвовали мелкий рогатый скот) был очень заметен — вспомним стада почти в три сотни овец, приносимые богине Лато.

Но первенствующим он в это время уже не был. На первое, главное место в крито-микенском мире выдвинулась Великая Мать.

Почитание высшего женского божества не было хронологически замкнутой стадией. Начинаясь где-то в незапамятные вре-

меня, этот культ великой богини постепенно приобретает черты культа земли, земного плодородия и в этом виде живёт на протяжении тысячелетий, сосуществуя и с культом Зевса, и с митраизмом, и с христианством как народный земледельческий комплекс воззрений и магических обрядов.

Возможно, что ещё в энеолите наряду с образом космической материи возник культ земледельческих богинь, так сказать, мелко-масштабных, расценивавшихся как божества данного куска земли, отдельного вспаханного участка, богини земли-пашни, земли-нивы. Постепенно, с расширением разного рода связей и осознанием единства судеб всех земледельцев (общий для всех урожай или общий недород), образ богини земли приобретает более широкий, общенародный характер. Богиню земли рассматривают уже как всеобщую мать всей природы, всего, чем пользуется человек: поля, растений, деревья, звери. Она становится богиней природы и воспринимается как мать всего живого. В этом виде она и зафиксирована крито-микенскими надписями, отводящими ей первое место среди всех богов, — Ма. Иногда называют её МА-НАСА, что Лурье объясняет как — мать-владычица. Кроме того, эту первую по рангу богиню называют просто богиней Дивия.

Приношения Ма-Дивии символичны и драгоценны: ячмень (очевидно, для ритуального пива на празднествах), золотая чаша и женщина. Судя по последним материалам, Ма мыслилась, несмотря на её материнскую сущность, девой, что предвосхищает христианскую Богородицу деву Марию на несколько столетий.

Процесс осознания единства земледельческих судеб шёл повсеместно; в каждой крупной области новые представления группировались вокруг того или иного локального женского божества. Поэтому к классическому времени в греческой мифологии появляется большое количество богинь, в той или иной мере облечённых правами Великой Матери. Это и Гея (Земля), родившая Урана (Небо), и Рея — дочь Геи и Урана, мать Зевса, и Деметра — сестра Зевса по позднейшим упорядочениям мифологии, богиня земледелия и плодородия. Черты Великой Матери есть и у Артемиды; иногда они проявляются у Афродиты и даже у Афины. К греческим богиням, воплощавшим в той или иной мере великую идею земного материнства, следует добавить малоазиатскую Кибелу — Великую Мать, богиню плодородия, обитающую на вершинах гор. Кроме Кибелы, в греческую мифологию вплетались культы других богинь, почитаемых разными народами. Можно назвать Астарту (Иштарь) и египетскую Изиду.

Всё это разнообразие нмй свидетельствует не столько о различии представлений, сколько о повсеместности их, о втягивании локальных божеств в создание образа Великой Матери.

Где-то во второй половине или к концу II тысячелетия до н. э. выдвинулся на первое место представитель мужского начала — Зевс, оформленный потом мифографами как отец и царь богов Олимпа. Зевс Громовержец, повелитель неба и туч, тоже в

известной мере связан с аграрной стороной жизни, но главной питательной средой этого мифологического образа была всё же греческая рабовладельческая знать.

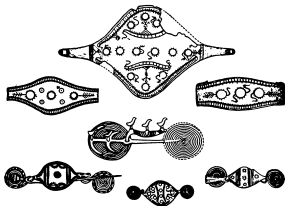
В другой среде рождался первичный образ Аполлона, очень далёкий, как показал А. Ф. Лосев, от того олитературенного светлого Мусагета, покровителя муз, который обычно ассоциируется у нас с этим именем. Возможно, что возник этот образ не в Греции, а в Малой Азии. Мне представляется, что исходная точка многообразного облика Аполлона связана со скотоводческой, пастушеской средой. Начиная с Гомера, об Аполлоне-пастухе говорит целый ряд источников. У Аполлона Гермес угоняет стадо коров; находясь у фессалийского царя Адмета, Аполлон пасёт стадо коров. Стадо быков Аполлон пасёт под Троей. Иногда его даже именовали Аполлоном Номием («Пастушеским»).

С пастушеской деятельностью Аполлона связаны многочисленные упоминания о волках: бог выступает то как волкоубийца — Ликоктонос, то как повелитель волков, то как оборотень, обирающийся волком. Как охранителю стад от зверей ему нужно оружие. Поэтому атрибутом Аполлона является не только лира (музыка в мифологии часто связана с пастухами), но и лук со стрелами. Всё это сближало бога вооружённых пастухов с архаичными охотничьими рожаницами Латоной и Артемидой и дало право позднейшим мифографам подключить его к мифу о рождении волчицей-Латоной богини охоты Артемиды. Когда-то, в неопределимое для нас время, Аполлон стал в мифологии братом-близнецом Артемиды. Быть может, в установлении времени появления первичных представлений об Аполлоне нам поможет указание на несомненно архаичный (хотя и сохранный позднейшими авторами) облик четверорукого Аполлона:

«Никакой Аполлон не является истиннее того, которого лакедемоняне соорудили с четырьмя руками и четырьмя ушами, поскольку он явился таковым для тех, кто сражался при Аминле, как говорит Сосибий».

Четырёхрукая статуя Аполлона существовала и в Антиохийском храме бога с давних времён греко-персидских войн.

Четырёхрукое божество уже известно нам по трипольской росписи II тысячелетия до н. э., где четверорукий великан изображён рядом с огромным солнцем. Древнеиндийский великан Пुरुша, с которым допустимо сближать трипольский рисунок, был близок божеству дневного света Митре. Аполлон тоже был божеством света и солнца и когда-то, задолго до классической поры (когда возникали представления о многоруких гигантах), представлялся четвероруким. Если мы добавим к этому, что в культе Митры заметны следы пастушеского быта (бог был воспитан пастухами), то трипольский «тетракейр» будет почти в равной мере близок к индийскому Пुरुше, отождествлявшемуся иногда с самим Вишну, так и архаичному четверорукому греко-малозийскому Аполлону.

ПРАСЛАВИНСКИЕ УКРАШЕНИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СОЛНЕЧНЫХ ДИСКОВ И ПТИЦ.
 VII в. до н. э. Восточные браслеты с изображением женщины, приветствующей солнце;
 у солнечных дисков лебединые шеи (Работинск близ Познани). Внизу фбулы западных
 праславян (Лужицкая культура)

Если это допущение может быть принято, то зарождение представлений о мужском божестве солнца и света придётся опустить в глубь веков, до того самого уровня, на котором появилось и другое мужское божество — Уран-Варуна — бог неба и водной стихии, документированный той же трипольской сакральной живописью.

В крито-микенское время в зоне древнейшей письменности Аполлона нет — здесь его роль, возможно, выполняет Гермес, но это не означает, что у других индоевропейских племён на этапе усиления скотоводства не возникали представления о подобном божестве. Для скотоводов (или для пастухов в составе земледельческого общества) солнце играло совершенно особую роль: днём, при солнце, пастухи легко пасли свои стада, так как видели их и могли видеть враждебных зверей, покушающихся на скот. Ночью же или в сумерках повышалась опасность разбредания стада и нападения волков и других хищников. Поэтому для пастухов был очень важен дневной свет. Даже не собственно солнце как таковое, а именно свет, который в представлении древних не полностью отождествлялся с солнцем. Поэтому и в мифологиях разных народов существует известная двойственность: наряду с божеством света и солнца может существовать особый бог солнца как небесного тела. Так, у греков существовал Аполлон-Феб (Блестящий), и рядом с ним потом появился бог соб-

ственно солнца — Гелиос. В зороастризме — соответственно Митра и Хвар; в Индии — прародитель людей — Вивасват и Сурья (собственно солнце).

Внимание к солнцу, к его ежедневному движению по небосводу и исчезновению на ночь в страну подземного мира, в мир мёртвых, очень убедительно прослеживается, как мы видели выше, на керамике многих скотоводческих племён: сосуды из погребений содержат изображение солнца на дне, внизу; это — ночное солнце потустороннего мира.⁴

Со скотоводческим этапом накопления представлений об Аполлоне, о боге вооружённых пастухов, следует, по всей вероятности, связывать всё то, что сопряжено с губительными функциями этого многогранного божества. Стрелы его смертоносны, он убивает многих мифологических персонажей и наводит ужас даже на богов. Он начинает с умерщвления зловерного Пифона, а затем вступает в борьбу даже с самим Зевсом, убивает циклопов. Правда, в большинстве случаев пораженные стрелами Аполлона заслуживали кары. Родившись в пастушеских кругах земледельческих племён и в среде пастушеских племён, представление о воинственном боге света и солнца впоследствии проросло на поверхность и было воспринято более широкими массами.

В земледельческих государствах охотничье и пастушеское ремесло было занятием сравнительно меньшего числа людей, чем земледелие; охотничьи и пастушеские культы оказались маргинальными. Быть может, поэтому и объединились в мифах охотничьи рожаницы — Латона и Артемиды с пастушеским солнечным богом Аполлоном, ставшим братом охотницы Артемиды?

Выдвинувшись на одно из первых мест в греческом пантеоне, Аполлон постепенно приобрёл и ряд функций земледельческих божеств — он стал божеством-подателем благ, богом урожая. Весь календарь стал подчинён Аполлону. Год делился на две половины: летняя половина — «эпидемия Аполлона», когда бог пребывал среди греческого народа и действовал ему на пользу и зимняя — «аподемия Аполлона», когда бог на лебедях, запряжённых в его золотую колесницу, покидал греков, уезжал далеко на север к гиперборейцам и там проводил зимние месяцы. Существовали и два вида годовых празднеств в честь Аполлона: *пианепсии* (в октябре — ноябре) — проводы бога к гиперборейцам и *таргелии* (май — июнь) — торжественная встреча возвращающегося бога первыми плодами. Месяцы «эпидемии» были посвящены Аполлону. Название празднеств таргелий связывают с «горшком священного варева» или со свежеспечённым хлебом из первого помола. Богу посвящались начинки первых плодов. Во время таргелий (6 таргелиона) приносились человеческие жертвы: мужчину и женщину, увешав гирляндами; гнали вокруг города, а потом сжигали.

В этих календарных обрядах Аполлон предстаёт перед нами уже как земледельческое божество плодородия, заместившее в

известной мере древнее женское божество. А. Ф. Лосев прав, утверждая, что Аполлон не был божеством собственно солнца; к его подбору извлечений из источников можно добавить в качестве аргумента миф об удалении к гиперборейцам. Ведь солнце не исчезает зимой, а продолжает светить. Удаление Аполлона на север отражало уменьшение тепла, ослабление рождающих сил земли, но оно не являлось уходом солнца.

Придя на смену аристократическому Зевсу, царю богов, Аполлон в известной мере воспринял его космические функции:

«Гелиос, Гор, Озирис, сын Зевса — владыка Аполлон — разделитель времён и мгновений, ветров и дождей, правящий браздами зари и многозвёздной ночи, царь пламенных звёзд и бессмертный огонь».

Позднее всех в языческом пантеоне греко-римского мира выдвинулся такой бог, как Дионис, подобно Озирису умирающий и воскресающий бог. И «аподемия Аполлона», и смерть растерзанного титанами Диониса прямо связаны с земледельческой сезонностью.

Дионис, культ которого (известный ещё в крито-микенскую эпоху) широко распространился с VII в. до н. э., почитался под разными видами: то как Загрей-Великий охотник, то как Дионис-Ликниот («ношница»), то как Иакх — Вакх. Иногда его ставили рядом с Великой Матерью: «Гей-алядычница, ты, о Загрей, из богов величайший!..».

В культе Диониса слились две различные струи: с одной стороны это был народный культ, вакхический культ плодородия, а с другой — философская система орфиков, считавших Диониса мировым умом и мировой душой. Дионис был последним богом отмиравшей античности, заслонившим собой всех остальных олимпийцев:

Я у египтян — Озирис, я — Светобог у мисийцев.

Вакх я живым, а мёртвым — Аид; Дионис я, о люди.

В пламенном лоне рождённый двурогий гигантоубийца.

Зевс-Дионис лучезарный, земли и пучины родитель.

Солнце, вселенной отец, многоликое ВСЁ, златовержец.

Если отбросить те космические черты, которые легко и быстро росли на нового бога, будучи взяты из арсенала мифологии его предшественников, то действительно новым будет обожествление не природы как таковой, не плодоносящей силы земного чрева, а той жизненной силы, которая олицетворяется мужским началом. Не удивительно, что неистовые вакханалии в честь Диониса-Вакха вызывали такое презрительное осуждение христиан, бывших свидетелями этих необузданных празднеств.

Бегло просмотрев основные этапы греческой мифологии, мы видим, что исторически корни каждого мифологического образа лежат глубоко и что происходит не столько смена богов, сколько выдвижение рядом со старыми нового бога, но новым оказывается не само представление о божестве (оно уходит глубоко в века),

АГГАРНО-МАГИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СОСУДЕ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Концыны, Молдавия). Вверху — общий вид сосуда. Внизу — три деушки, обеливающие землю (добавки), исполняют гомец дождя. Вокруг них и над ними — колоски, окруженные дождевыми потоками

в место этого божества, завовавшие им первенствующего положения, причины чего в науке не достаточно выяснены. Во всяком случае, мы получили теперь сравнительный материал, не во всех своих звеньях достоверно датированный, но пригодный всё же для сопоставления с нашими Сварогами и Дажьбогами, хотя резкое различие темпов и уровня развития праславяни в античной Греции позволяет нам слишком прямолинейно соотносить элементы мифологии.

После нескольких необходимых отклонений от последовательного рассмотрения праславянской религиозной жизни мы получали ряд опорных точек, позволяющих в известной мере раскрыть предысторию славянских божеств, известных нам по средневе-

новым упоминаниям и по фольклорным записям. Это, во-первых, сумма наблюдений в такой богатой космогоническими и мифологическими темами области, как трипольская сакральная живопись, дающая нам *terminus post quem* для таких сюжетов, как оттеснение двух рожаниц-олений на второй план (старинные обряды, выполняемые по традиции), появление представлений о земледельческих рожаницах, рождение Урана-Варуны, образ четверорукого Аполлона-Пуруши и др. Разумеется, что история трипольской мифологии неадекватна развитию славянской, так как только юго-восточная часть протославянских племён имела какое-то отношение к более развитым трипольским племенам III тысячелетия до н. э., но трипольские даты «рождения богов» имеют общее значение. Во-вторых, для нашей темы чрезвычайно важно, что удалось раздвинуть хронологические рамки бытования славянских богов (о которых мы до сих пор говорили только в пределах феодального средневековья) на полторы-две тысячи лет в глубь веков, поставив Сварога, Дажьдбога и Стрибога в совершенно новые исторические условия киммерийско-скифской эпохи. Третьим ориентиром нам служит античная, греческая мифология, которая, разумеется, тоже неадекватна славянской мифологии, но всё же может быть использована с большим поправочным коэффициентом. Привлекая греческую мифологию, мы всегда должны помнить, что мифы создавались, упорядочивались, склеивались друг с другом многими сотнями жреческих коллегий, историками, поэтами на протяжении около полутора тысяч лет.

Не удивительно, что в результате важнейшие божества Олимпа оказались обладателями сходных функций или чрезмерно полужункциональными, что генеалогия богов и героев носила крайне неустойчивый характер⁵. Выискивать полное подобие славянских богов греческим не только не имеет смысла, но было бы просто опасно. И тем не менее общий ход развития античных мифологических представлений (особенно в демократических наплах) для нас важен как показатель основных стадий, закономерно сменяющих друг друга фаз эволюции. Исходя из всех перечисленных материалов, мы должны начать рассмотрение дошедших до нас перечней славянских божеств с матриархальных божеств женского рода, в числе которых могут оказаться и архаичные рожаницы (охотничьи и земледельческие), и Великая Мать, и подобие Керы-Персефоны, периодически уходящей и возвращающейся на землю.

Материал о древних славянских богинях очень невелик и крайне лакоичен. Источники не всегда достоверны. К одной группе принадлежат русские летописи и поучения против язычества XI — XIV вв.; подозрений в смысле фальсификаций они не вызывают, но, к сожалению, они чаще всего ограничиваются только именем божества.

Вторую группу составляют допесения католических миссионеров о религии славянских племён на пограничье с немецкими

землями. Миссионеры, видевшие своими глазами храмы и идолов славян Полабья, тоже не раскрывали полностью представления о божествах, но когда всё же сообщали те или иные подробности (правда, чаще о мужских божествах, чем о богинях).

Третью группу образуют польские и русские записи XV — XVII вв., авторы которых значительно отдалены от времени открытого господства язычества и наблюдали пережиточные обрядовые формы этнографического порядка. К сожалению, эти авторы (начиная с Яна Длугоша и кончая Иннокентием Гизелем, составителем киевского Синодосиса) были достаточно начитаны в римской мифологии и во что бы то ни стало пытались связать языческих богов с Юпитером, Венерой, Марсом и Церерой.

Четвёртым источником (к сожалению, очень слабо изученным) является топонимика, сохраняющая подчас то, что не попало в наши письменные источники: «Перунова Гора», «Волосова Улица», «Перынья Рень», «Перуна Дубрава», «Ярилова Плесь» и т. д. Тщательно и широко собранные названия урочищ во всех славянских землях могут дать в будущем значительно более полную картину распространения тех или иных божеств, чем та, которая создаётся по крайне фрагментарным письменным источникам.

Пятым разделом источников является фольклор славянских народов, где в обрядовых песнях часто упоминаются собственные имена богов и персонифицированных природных явлений. Провести грань между устойчивыми древними божествами, существующими в представлениях вне обряда, и соломенной куклой, сжигаемой на народном празднестве и в силу этого носящей имя праздника, не всегда легко. В некоторых случаях название праздника персонифицировалось вполне ярко. Такова, например, зимняя предпраздничная коляда, которая не только под пером историков XVII в. превращалась в «Коляду, бога праздничного» (беса, в честь которого надевали «ляры и страшила»), но и на триста лет раньше изображалась псковичами на иконе «Рождества» в виде человеческой фигуры. В данном случае божество родилось из праздника. Подобными превращениями и объясняется обилие споров между учёными по поводу очень многих фольклорно-мифологических персонажей. Вполне возможно, что процесс персонификации продолжал идти и после принятия христианства. Безымянные берегини и упыри получали свои имена. Уже в XVI в., судя по Чудовскому списку «Слова об идолах», появилось множество духов, названных по имени: Кутный бог (очевидно, домовый), Ядрей и Обилуха (возможно, они отвечали за количество и качество урожая), Попутник, Лесной бог, Спорыньи и Спех (поспешающие человеческим делам, их успеху).

Трое из этих духов-демонов названы богами, но, конечно, они должны стоять в низшем разряде мифологии. Возводить их к праславянской древности у нас нет данных, и поэтому мы бес-
силны пока решить вопрос о начале такого персонифицированного оформления демонологии. Возможно, что это началось до-

вольно рано. Во всяком случае, в XII в. у балтийских славян отмечено наличие мелких божков, демонов-покровителей наряду с широко известными «настоящими» богами. Гельмольд, писавший в 1170-е годы, сообщал:

«...во всей славянской земле господствовали усердное поклонение идолам и заблуждения разных суеверий. Ибо помимо рощ (священных) и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог Альденбургской (Староградской) земли, Жива, богиня полабов, и Радегаст, бог земли бодричей...»

«У славян имеется много разных видов идолопоклонства, ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев... Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога...»

Католический пресвитер подметил одно очень важное для нас разделение на племенных богов и мелких божков полей, лесов, отдельных селений.

Нашей задачей является рассмотрение общего списка славянских женских божеств и определение религиозного веса персонажей, их достоинства и качества в глазах древних славян.

Общий перечень подлежащих рассмотрению женских имён таков: Дивия (Дива), Жива, Подага, Желя, Морена, Купала, Макошь, Рожаницы, Лада, Леля. Разобьём их на три группы: три, три и четыре имени, так как каждая из них отличается от других и требует особого подхода...

Имя богини Дивия находится в переводной «Беседе Григория Богослова об испытании града (градом)» в той её части, которая признаётся вставкой русского книжника XI века. Здесь перечисляются различные пережитки язычества вроде молений у колодцев с целью вызова дождя или почитания реки богиней и принесения жертв «зверю, живущему в ней». Далее следует: «Овъ Дьмо жьреть, а другой — Дивии...» Дьем («Дьем Критьским») в русских источниках именовался Зевс, а кого подразумевать под богиней Дивией — неизвестно, но, во всяком случае, это должна быть какая-то первостепенная богиня, равнозначная Зевсу-Дьмо, по значению вроде Геи или Реи. Другими словами, эта лаконочная фраза фиксирует веру в Великую Мать природы, Мадивию крито-микенского мира, и приписание ей жертв спустя столетие после крещения Руси.

В «Слове об идолах» богиня Дива упомянута после Макоши и перед Перуном, что также говорит о важном месте, занимаемом этой богиней в языческих представлениях славян.

Вероятно, такой же всеобъемлющей и в силу этого неопределённой была и полабская *Siva* — Жива, имя которой тоже находит аналогии в крито-микенской письменности. В обоих случаях перед нами, очевидно, отголоски архаичного индоевропейского периода, лучше сохранные в славянском мире благодаря более медленному темпу развития. Нельзя исключить и того, что

Дива, Дивни, Siva — не собственное имя, а нарицательное индоевропейское обозначение богини вообще, применявшееся к той всеобъемлющей Ма, которая и была первоначально богиней как таковой, Великой Матерью⁶.

Богиню Подагу обычно исключают из числа «больших божеств», считая её всего лишь олицетворением погоды, как это сделал первым Длугош. Искусственность отождествлений Длугоша, находившего римские параллели всем известным ему славянским богам, повлияла на отрицательное отношение к Подаге. А между тем сведения о ней мы получаем не от щедрых на вымыслы романтиков Ренессанса, а от пресвитера Гельмольда (XII в), отлично знавшего места, о которых он писал. Подага чтилась в Вагрии, близ Любека, в городе Плуно. В только что приведённой выписке из Гельмольда автор показывает читателю разные виды языческого культа и противопоставляет лесных и полевых божков торжественному культу богов в храмах; этот последний разряд иллюстрируется храмом богини Подаги:

«... одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуно, имя которому Подага...»

Богиня, которой поставлен в городе храм, очевидно, относилась её почитателями к разряду высших божеств, в чём едва ли следует сомневаться.

Другое дело — необычное имя богини, известное нам только по этому единственному упоминанию и не встречающееся в фольклоре. Я думаю, что Подага — не столько имя, сколько один из эпитетов арханчного женского божества природы и земли: «подающая», «подательница благ», т. е. женская ипостась Дажьбога. Эта мысль о близости Подаги к Дажьбогу впервые была высказана А. Гильфердингом, но он вкладывал иное содержание в имя богини — «Поюнгающая», с чем едва ли следует соглашаться.

БОГИНЯ — ПОДАТЕЛЬНИЦА ДОЖДЯ. Балканск. В середине — грифидская гадильная чаша и выкопанный бездомный ососуд (принадлежность обряда ослиная земля, Грифиды)

Во второй группе женских божеств те, относительно которых трудно утверждать их действительную принадлежность к славянскому Олимпу.

Чешский хронист середины XIV в. Неплах упоминает славянскую богиню Zela, которую, очевидно, следует сопоставлять с Желей «Слова о полку Игореве». Желя, желение — скорбь по умершим (отсюда жалыник — могила) и даже целый комплекс погребальных обрядов. Церковь, отстаивая веру в загробный мир, стремилась провести мысль, что земная смерть не является полным исчезновением человеческой личности, а есть лишь неизбежный этап при переходе к вечной жизни. Поэтому на Руси появились специальные поучения, ограничивавшие неумеренные проявления печали. К ним относится «Слово святого Дионисия о жалеющих». «Есть ли отшедшим отселе душам, — вопрошает автор, — тамо кая полза от желения?»; «Дьявол желению учит и иным бо творит резати по мертвых, а иных в воде топится нудит и давится учить».

Здесь, очевидно, имеются в виду языческие «соумирания», которые с принятием христианства резко сократились и в археологическом материале почти не прослеживаются, но могли принять иную форму — полудобровольных самоубийств.

Если Гельмольд говорит о славянских божествах «горести и радости», то в этом смысле Желя могла получить какое-то олицетворение, но именно как второстепенное божество. Для нас важно то, что имя её встречено в разных славянских землях, и поэтому существование богини смертной печали можно возводить к значительной древности.

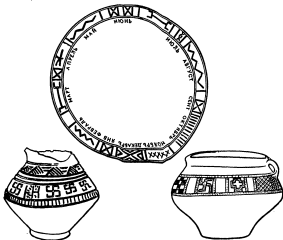
Имена таких сомнительных «божеств», как Морена, Купала, не могут обогатить славянский пантеон (как это назалось историкам XV — XVII вв.), но вводят нас в интереснейший раздел языческих представлений очень глубокой индоевропейской древности, разработанный Д. Фрэзером в его «Золотой ветви», — представлений об умирающем и воскресающем божестве растительности. Дело в том, что морены и купалы — это соломенные чучела, куклы, уничтожаемые во время обряда; их растерзывают на части, сжигают, топят, совершая обряд погребения и ритуального оплакивания. Для нас очень важно отметить широчайшую распространённость этих обрядов в славянском мире и далеко за его пределами у всех европейских народов, что говорит об их арханизме.

Предполагая подробно рассмотреть всю календарную обрядность славян в дальнейшем, здесь я останавлиюсь на самых общих соображениях, необходимых для понимания комплекса праславянских представлений.

Календарно обряд уничтожения кукол падает на два периода: по-первых, на раннюю весну (сожжение Масленицы), а во-вторых, на разгар лета, завершалась тронцыным днём, днём Ивана Купалы (24 июня) или петровым днём (29 июня).

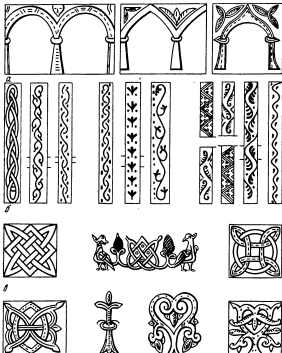
Первая, ранневесенняя группа обрядов ясна по своему смыслу: правы те этнографы, которые расценивают весёлое сожжение Масленицы и катание горящих колёс с горы в реку как символическое сожжение зимы, как встречу весны в день весеннего равноденствия, когда день начинает побеждать ночь, тепло побеждает холод. Христианский пасхально-великопостный цикл сдвинул древнюю разгульную масленицу со своего исконного места — 24 марта, в силу чего она утратила свою первоначальную связь с песней солнечной фазой, но целый ряд этнографических фактов говорит о существовании ранее связи.

Напомню восточнославянский «праздник пробуждающегося медведя» 24 марта, носящий точно такое же название, как и архаичный греческий медвежий праздник: комоедицы — комедия. Белорусы в середине XIX в., не считаясь с тем, что комоедицы могли прийти на великий пост, справляли праздник плясками в медвежьих шкурах или в вывороченных мехом вверх тулупах. Первобытная арханка даёт себя знать в этом обряде в полную силу. Ряженые медведем были обязательными участниками масленичных игр в Чехии и Словакии; в Македонии на масленицу «звали медведя на ужин».

ВРОЦЬСЬ СОСУДА ИЗ АЛМАШФЮЗНТЕ СО ЗНАКАМИ 12 МЕСЯЦЕВ И ЧЕТЫРЕХ СОЛНЕЧНЫХ ФАЗ (поверху). Сосуды с календарными знаками из Сисли (р. Гемни, Скифское время) и Балтийского Поморья (внизу)

Чучело зимы, сжигаемое на масленицу, носило название этого праздника, а сам праздник получил свой имя от того, что в неделю накануне Великого поста церковь разрешила есть молочную пищу, и в том числе масло. Никакого языческого смысла в названии соломенной куклы Масленицей, как видим, нет. Если бы какой-нибудь не очень внимательный путешественник описал праздник русской масленицы, то он мог бы сказать,

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА БРАСЛЕТАХ

а — схема небосвода; б — дома. Ветки растений; в — различные символы земли и воды, растений

что у русских есть богиня Масленица, в честь которой пекут изображения солнца (блины), а идола которой по миновании праздника сжигают. Возможно, что некоторые «божества» старых авторов примерно такого происхождения.

Второй календарный срок ритуального уничтожения или похорон кукол-чучел, названный народом зелёными святками, заполнен обрядами совершенно иного значения. Они проводились в то время, когда хлебные злаки уже созревали, когда перличное зерно, посеянное в землю, уже отдало всю свою силу новым росткам, начинавшим колоситься. Персефона сделала своё дело — дала жизнь новым колосьям, теперь она может вернуться к Аиду. Это не праздник урожая, не торжество земледельцев, собравших спелые колосья (до жатвы остается еще более месяца), а моление о том, чтобы старая вегетативная сила весеннего ярового посева перешла в новые, созревающие, но ещё не созревшие растения, передала бы им свою ярь. Поэтому во время зелёных святок наряду с женскими персонажами выступает Ярило, фаллическое чучело которого тоже хоронят.

Среди множества конкретных языческих молений (о дожде, о сохранении скотины от волков, об отращивании грозы и т. п.) ежегодные моления о передаче невидимой, неосознанной растительной силы являются наиболее абстрактными, наиболее тонкими по заложенной в них идее. Возможно, что эта идея, воплощаясь в форме культа умирающего и воскресающего божества, не была исконной и появилась не одновременно с земледелием, а лишь на каком-то этапе развития земледельческого мышления. Календарно обряды, связанные со славянским Дионисом — Ярилом, совпадали с молениями о дожде, необходимом для созревающих хлебов, и сливались с ними воедино. Поэтому на зелёные святки и в купальские дни мы видим и прославление зелени (троицкая берёзка), и похороны Морены или Ярилы, и обязательные моления воде. Не забыта и летняя кульминация солнца, отмечаемая обязательными купальскими огнями в ночь под 24 июня. Как всегда, с аграрным комплексом сливался воедино и комплекс эротически-брачный. Если зимние новогодние святки являлись заклинанием будущего, то зелёные святки были циклом обрядов, направленных на немедленное осуществление желаний и просьб, обращённых к силам природы.

Куклы-чучела, похороны которых входят в летние аграрно-магические обряды, носят разные названия:

Морена, Мара, Марена	Ярило
Купала	Горюн
Кострома	Кострубонья
Русалка	
Смерть	

Морену (Марену), известную украинцам и западным славянам, обычно сопоставляют с корнем «мор» — смерть. Это не имя бо-

жества, не название обряда, а наименование куклы, подлежащей ритуальному уничтожению. Возможно, что этнографическая кукла — отголосок исторических человеческих жертвоприношений. Об этом свидетельствуют песни, сопровождающие похороны Купалы, украинско-польского синонима Морены. В купальских песнях, приводимых А. А. Потебней по поводу утопления Купалы, поётся о девушке, утонувшей в реке у брода. Мать утонувшей Ганны считает, что её дочь как бы растворилась во всей природе:

...Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала усім наказала:
«не берите, люде, у броду води,
Що й у брода вода — то Ганнина прода,
Не ловіте, люде, у Дунаї риби,
Що в Дунаї риба — то Ганнино тило,
Не косіте, люде, по луках трави,
Що по луках трава — то Ганнина коса...»

Во многих других песнях также говорится о девушках-утопленницах, иногда утопленных умышленно.

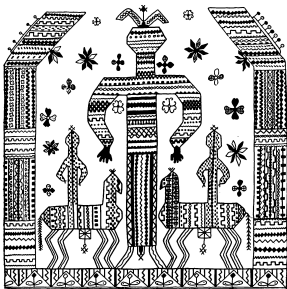
Иногда вместо чучела в обряде участвует живая «давка Купала» — обнажённая девушка, увитая цветами, которую якобы топят в реке. Наименование купалы произведено от праздника, а особого божества с этим именем не было.

У русских известны «похороны Костромы», т. е. тоже соломенной куклы, потопляемой в воде неделю спустя после летнего солнцестояния, на петров день, 29 июня. Кострому, так же как и других кукол, разрывали на части, а потом топили и оплакивали. Имя Костромы обычно связывают с понятием косматости земли, покрытой растительностью. В таком случае его, очевидно, следует расчленять так: Костро — ма, т. е. «поросшая земля». Слово это не только русское, но и украинское; там, правда, существует мужская ипостась Морены — Кострубонько, но первая половина имени тождественная с Костроной.

В терминологии, географическом размещении разных наименований, в календарной приуроченности обрядов ещё много неясного и нерешённого. Но сейчас уже можно сказать, что если у славян и не было богини Костромы, Купалы или Морены, столь же персонифицированной как греческая Персефона, то, несомненно, был очень древний и общеславянский комплекс представлений о божестве растительной силы, ежегодно рождавшейся и ежегодно умиравшей. Подробнее сущность этих представлений и выражавшей их обрядности выяснится в дальнейшем, при специальном рассмотрении годичного календарного обрядового цикла.

МАКОШЬ

Мы рассмотрели две группы славянских женских божеств, из которых одни, возможно, действительно являлись богинями высшего порядка, а другие были возведены фольклористами в ранг

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ МАКОШИ (русская эмблема, Север)

богинь неосмотрительно, вследствие путаницы в этнографической праздничной терминологии.

В особую группу выделены те мифологические персонажи, относительно которых мы располагаем большим количеством разнообразных источников, требующих каждый раз специального исследования их. Это — Макошь, Лада и рожаницы. Последовательность рассмотрения персонажей совершенно условна, и обосновать её заранее нельзя. В окончательном виде славянский или праславянский пантеон предстаёт пред нами лишь после рассмотрения всех его звеньев; тогда, в результате анализа всего материала, можно будет разместить богов и богинь в зависимости от выявленных функций и определить степень важности каждого из них.

Макошь — женское божество, оно является одним из наиболее загадочных и противоречивых. Упоминания этой богини встречаются во многих источниках, но они очень отрывочны и кратки.

Мы даже не можем ответить на вопрос о географическом диапазоне её культа, а ведь в зависимости от того или иного ответа определяется возможность опускания образа божества на праславянскую глубину: если данное божество известно многим славянским народам, то можно допустить его древнее, праславянское происхождение, если же культ божества с таким именем географически ограничен, то следует осторожнее относиться к его удревнению. Впрочем, в последнем случае следует допустить возможность позднейшего изменения имени божества при древности самой идеи.

Макошь упоминается автором «Повести временных лет» (начало XII в.) под 980 г. в составе так называемого пантеона Владимира. Имя её входит почти во все поучения против изычства XV—XIV вв. Известны этнографические записи XIX в. на русском Севере о вере в Макошь (Мокошь, Манежь, Мокуша, Макуша). За пределами восточных славян о Макоши достоверных данных нет.

Не ясна не только этимология имени Макоши, но даже его орфография. Принимая часто встречающуюся в источниках форму Макошь, это слово связывали с глаголом «мокнуть» или же с финским племенным названием «мокша», хотя у самой мордвы-мокши такого божества нет. Что же касается формы написания имени богини, то и в письменных источниках, и в этнографических записях встречаются два варианта: Мокошь и Макошь. Составитель Пискаревского летописца даёт сразу две формы: «... Макошь или Мокошь». В. И. Даль приводит поговорку, из которой исходит акающее произношение: «Бог не Манежь — чем-нибудь да потешит». Условно я буду употреблять эту, акающую, форму — Макошь, хотя она и не господствует в источниках.

Отношение исследователей к этому женскому божеству весьма различно. Одни просто уклонились от каких бы то ни было пояснений. Другие считали его близким восточной Астарте или греческой Афродите. Е. В. Аничков, опираясь на то, что в исповедальных вопросах «Мокушь» приравнена к знахарке, писал о «гадательном характере» богини, что, как увидим далее, ведет поиск по правильному пути. Н. М. Гальковский полагал, что Макошь — нечто вроде русалки, «дух умершего, скорее обитавший в воде, чем на суше»; moreover, он оговорился, что «после всех толкований слово Мокошь остаётся тёмным и необъяснённым».

Такая разногласия в мнениях учёных объясняется тем, что каждый из них обращал внимание на какой-либо из разрядов источников: в поучениях Макошь соседствует с вилами, и отсюда следовало приравнивание её к русалкам; обращение к летописи возвышало Макошь до ранга единственной, а следовательно, главной богини; сосредоточение на этнографическом материале снижало её образ до простой покровительницы женского придела. Тысячелетний диапазон между разрядами источников не учитывался.

Всё сказанное вынуждает нас к внимательному рассмотрению источников и выявлению того, на что до сих пор достаточного внимания не обращалось.

Прежде всего необходимо рассмотреть контекст, в котором упоминается Макошь в источниках XII — XIV вв. Напоминаю общезвестный текст 980 г.:

«И нача княжити Володимер в Кыеве едни. И постави кумиры на хълме вѣне двора теремьнаго: Перуна древяна, а главу его сѣребряну, а ус алат, и Хърса, и Дажьбога, и Стрибога, и Сьмарьгла, и Макошь».

Макошь поставлена здесь в самом конце перечня, после священной собаки Симаргла.

В поучениях против изычества XII — XIV вв. мы видим определённую систему в перечнях языческих богов. Макошь иногда примыкает к списку летописных богов (Перун, Хорс и др.), но чаще всего её имя оказывается в соседстве с вилами-русалками и собакой Симарглом, что составляет определённый комплекс аграрно-магических представлений, так как Симаргл был связан с семенами и всходами, а русалки — с орошением полей туманом (росой) и дождём. Надо полагать, что соседство имён в текстах поучений не случайно, а вполне осмысленно. Наиболее устойчиво соседство Макоши с вилами-русалками. Однако уравнивать богиню с ними нельзя, так как Макошь всегда пишется в единственном числе,

ЮНОША («АЛЕКСАНДР»)
С РУСАЛЬСКИМИ ЖЕЗЛАМИ.
Символы плодородия,
обращенные к земле

*ТАНЕЦ ПЛОДОРОДИЯ ЖИВОТНЫХ (Комецисты). Одна из девушек в розах и палочках
убора; другая — в костюме добола*

а вилы всегда во множественном, подобно тому, как с одним Родом связаны несколько рожаниц.

Большой интерес представляет контекст, в котором находится Макошь в «Слове об идолах»:

«... тем же богам требу владуть и творять и словесный язык: вилам, и Мокоши диве, Перуну, Хърсу...»

К сожалению, мы не можем решить вопрос о том, как понимать соседство двух слов: «Мокоши диве». Это может быть перечислением двух разных богинь — Макоши и Дивы (женской параллели Диву-Дью), но с равным правом может быть и определением — Макошь — дива, т. е. Макошь богиня.

Далее в этом источнике упоминается Геката и рядом с ней — вторично Макошь: жертвенной кровью «мажють Екатию богиню, сию же деву творять, и Мокошь чтуть...». Если в первом случае Макошь находилась в общем перечне славянских божеств, то здесь повторное нарочитое упоминание Макоши выглядит как пояснение греческой Гекаты-Екати. Образ Гекаты продолжал в античном мире сложную эволюцию от богини, повелевавшей всей Вселенной, до покровительницы человеческого благосостояния, дарующей удачу в делах и победу в состязаниях. В конце концов Геката стала восприниматься греками как мрачная богиня заклинаний и гаданий, связанная с миром мёртвых. Какую ипостась этой богини имел в виду Григорий Богослов, сказать трудно. Он был начитанным и образованным писателем, хорошо знакомым с античной литературой, и мог выбрать для своего обличения и господовскую космическую Гекату, и богиню успеха классической поры, но наиболее вероятно, что он бичевал крошечный культ Гекаты позднейшей фазы представлений о ней, когда она рисовалась людям окружённой «страшными и мрачными призраками», душами умерших и своими псами.

Русский книжник, уподобляя Макошь Гекате, не совершал ошибки, так как в его собственном тексте Макошь стояла рядом с душами умерших (вилами) и священной собакой.

Возможно, что русская Макошь отражала в какой-то мере и среднюю фазу гекатовского культа, являясь благожелательной богиней, связанной с аграрномагическим комплексом представлений: ведь русалки и Смяргл содействовали получению урожая.

Контекст, в который поставлено имя Макоши в поучениях против изычства, уже дважды помог нам приблизиться к пониманию этого образа. Есть ещё и третья группа упоминаний, где контекст раскрывает нам дополнительные черты, не противореча тому, что уже наметилось.

Некоторые поучения упрекают русских людей в том, что они слепо верят в различные предсказания и гадания, астрологические гороскопы и гадания снов. В нашем основном источнике — «Слове об идолах», связанном с именем Григория Богослова, эти суеверия перечисляются в таком порядке: «халдейская астрология и родопочитание (иже есть мартолой) и фряцкыи сны и чяры и усяча и къшь...». В более позднем «Слове от св. евангелия» упоминаются и астрология, и «еллинские кошуны», и вера «в стричю, и в кошь, и в сновидения». Один из списков данного «Слова» (Троицкий) содержит любопытный вариант: «... и в Мокошь и в сносудец...». Не исключено, что в этом случае перед нами ошибка или описка — вместо слова «кошь» поставлено «Мокошь», но сама возможность подобной ошибки уже представляет для нас интерес.

Текст, окружающий спорное место, требует специального разбора, так как уже в XVI—XVII вв. переписчикам не всё было понятно, и они «усрячу» толковали как встречу с кем-либо, а «къшь» путали с чохом. Это непонимание повлияло и на исследователей XX в. Так, Н. М. Гальковский пишет о вере «во встречу, в чох», а Нидерле признаётся в невозможности для него дать перевод таких слов, как «устряця» и «носудец». Разберём окружение слова «кошь» (вариант «Мокошь»). «Халдейская астрология» не требует пояснений. «Родопочитание» уже нуждается в правильном переводе. Это слово ни в коем случае нельзя переводить как «почитание бога Рода», так как Род вместе со своими рожаницами помещён в этом источнике в другом месте, а в контексте с астрологией и разгадыванием снов никогда не упоминается. Впрочем, сами средневековые книжники не позже XV в. уточнили понятие «родопочитание», пояснив: «родопочитание, иже есть мартолой». А мартолой определяется как астрологический гороскоп: «мартолой, рекше Остролог», в котором речь идёт о судьбе человека в зависимости от обстоятельств его рождения.

«Сносудец» — сонник, по которому разгадывают вещее значение снов.

«Усьряча» (позднее превратилась в «устряцю» — встречу) не представляет серьёзной загадки. В старых памятниках это «среша» или «сърща» — слово, не имеющее связи с встречаей, а обозначающее ворожбу, гадание, предопределение. Запрещалось «срещиа смотрити от птицъ», т. е. поступать в зависимости от того, которая из двух птиц первая подаст голос; предварительно нужно было загадать определённую птицу. «Веруем в волхвы, а ворожу... веруем в поткы... ноли где хоцемъ пойти — которая

переди поиграет, то станем послушающе, правая или левая ли? Аще ны поиграет по нашей мысли, то мы к собе глаголем: добро ны потка си, добро ны кажетъ...». Русской средневековой «среще» соответствует сербская «срећа», широко представленная в фольклоре. Среча — красивая девушка-приха, прядущая нить человеческой судьбы. Она помогает людям в сельскохозяйственных делах; в удачных забавах. Антитезой срече является несреча — седая старуха с мутным взором. Несреча — тоже приха, но придёт она слишком тонкую, лёгкую обрывающуюся нить.

В этих югославянских фольклорных образах нетрудно угадать близкую аналогию античным богиням судьбы — мойрам, прядущим нить жизни: Клото и Лахезис прядут, а Атропа обрывает нить.

Возвратимся к тому поучению, в котором в перечне различных гадательных манипуляций стоит в одном списке «кошь», а в другом — «Мокошь». Которое из этих слов соответствует общему духу сочинения и какое является опиской? Для этого мы должны определить, что означало древнерусское слово «кошь». Н. М. Гальковский почему-то пишет: «... непонятное кошь мы считаем за чо». Объяснение этого слова вовсе не так безнадёжно. Переводные памятники XI—XIII вв., привлечённые И. И. Срезневским для объяснения древнерусских слов, позволяют определить, что «къшь» означает «жеребий»; «къшение» или «кошение» — процесс жеребьёвки; «кошитися» — метать жребий; «прокъшити» — победить в жеребьёвке. Эта группа слов хорошо увязывается с иными видами гадания и испытания судьбы, известными нам по поучениям против язычества.

В упомянутом выше спорном месте предпочтительно следует отдать слову «кошь» — жребий, а не персонифицированному образу богини Макоши. Такое решение подтверждается и тем, что в наборе гадательных понятий уже есть одна персонификация — Среча. Макошь в этом контексте была бы лишней, дублирующей фигурой; её появление в единственном списке XV—XVI вв. следует считать ошибкой писца.

Однако нас должна заинтересовать несомненная близость слов, обозначающих жребий и имя богини. Учитывая глубокую индоевропейскую древность слова Ма (мать), можно представить себе «Ма-кошь» как наименование «Матери счастливого жребия», богини удачи, судьбы.

Здесь мы вступаем в область, содержащую много отличающихся незначительными оттенками, с явным противоречием авторитетному источнику, каким является автор VI в. н. э. Прокопий Кесарийский, отрицавший наличие у славян веры в судьбу:

«Судьбы они (славяне и анты) не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу...».

Отвергая веру в судьбу, Прокопий не назвал ни одну из греческих богинь, ведавших судьбой, — ни Тихе, ни Ананке, а применил слово, обозначающее предопределение, рок, т. е. наиболее

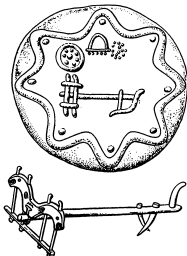
абстрогированную форму понятия судьбы; в латинском этому слову соответствует *fatum*. Славяне спустя 400—500 лет оставляли это слово без перевода, просто транскрибируя его — «имар-меня», «имарьмения», чем подтверждали своё недостаточное ананомство с самим понятием. Так оно и должно было быть: греческое общество, прошедшее тысячелетний путь развития, разработало многоступенчатую шкалу отвлечённых понятий, доведённую философами разных направлений до высокой степени совершенства. Прокопий оценивал верования славян с этой своей высоты и, естественно, не находил соответствия. Верования славян были более простыми, менее абстрактными. Это очень явно ощущается при этимологическом рассмотрении слов, выражающих в той или иной мере понятие судьбы:

Доля	Судьба	Жребий
Удел	Срећа	Кош
Участь	Рок	
Счастье		
Удача		

Я разделил их на три группы по принципу происхождения понятий. Слова первой группы относятся, по всей вероятности, к глубокой первобытности и все связаны с делением чего-то на доли, на части, с делением (у-дел, уделить), с сопричастностью к разделяемому (счастье). Это группа может восходить даже к охотничьей эпохе, к разделу добычи между охотниками, которые делили добычу, оделяли каждого соответственной долей, дачей, частью, уделяя что-то женщинам и детям. «Счастьем» было право участвовать в этом деле и получать свою долю. Всё здесь вполне конкретно, «весомо, грубо, зримо».

Точно такой же смысл могли сохранить эти слова и в земледельческом обществе с первобытным коллективным хозяйством: доли и часть означали ту долю общего урожая, которая приходилась на данную семью. Но в условиях земледелия старые слова могли приобрести новый, двойственно-противоположный смысл: когда большак первобытной задруги распределял работы между пахарями и делил пашню на участки, то одному мог достаться хороший «удел», а другому — плохой. В этих условиях слова требовали качественного определения: «хороший удел» (участок), «плохой удел». Вот здесь-то и происходило первичное зарождение отвлечённых понятий, дуалистических по существу, заключающих в самих себе разноречивые ответы.

Вторая группа слов связана с решением, постановлением, определением. Выносящим решение может быть вождь, совет старейшин, коллектив равноправных. Слово «судьба» в древних памятниках иногда означает «суд», «приговор», «решение». Такого же значение слова «рок» («постановление», «правило», «судьба», «срок», «мера»). Близок к этому и смысл слова «сре-

**ПЕРЕЖИТКИ КУЛЬТА СВЯЩЕННОГО ПЛАГА С АР-
МОМ, ОТМЕЧЕННОГО ГЕРОДОТОМ. Наверху — риту-
альный новгородный хлеб-облатка с изображением
рала и арма (Болгария). Внизу — головое армо и
рало**

ча». Оно легко объясняется такими производными, как «наре-
ченная» (суженая невеста), «обречённый» (приговорённый) и т. д.
Во всех словах этой группы ощутимо «решение», «речь», «суд»
кого-то высшего по отношению к данному человеку, того (или
тех), кто может судить, рядить, назреть, приговаривать. Слова
этой группы могут относиться и к первобытному разделу до-
бытка или урожая, но лишь как частный случай. В целом же
они выражают в своём первичном значении широкий круг слу-
чаев социальной подчинённости человека (или семьи) поле коллек-
тива или вышестоящей инстанции — старейшины рода, вescu, кня-
зю и т. д. — и могут относиться к самым различным видам соци-
альной необходимости: выполнение определённой работы, сторо-
жевая служба, выделение пахотного надела, очередности в вы-
полнении повинностей и многое другое. Вторая группа на одну
ступень выше первой, она более полисемантическая и поэтому легче
переходит в отвлечённые понятия.

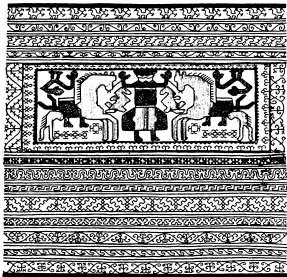

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ СОСУДЫ, УКРАШЕННЫЕ АРХАИЧНЫМ КОВРОВОМ УЗОРОМ

Третья группа может тоже восходить к первобытности, но она отражает не простой делёж и не распоряжение («речь») старейшины, а выбор определённой доли путём метания жребия. Здесь уже подразумевается некая слепая сила, которая может дать одному счастливый, а другому «худой» жребий. Синонимом жребия в древнерусском языке являлось, как мы уже знаем, слово «кошь», «кышь».

Для нас представляет значительный интерес второй семантический ряд слова «кошь»: корзина, плетёный возок для снопов (они известны со времён энеолита); «кошьница», «кошуля», «кошёлка», «кошель» — различные, обычно плетёные, ёмкости для зерна, хлеба и других продуктов; иногда — мера ёмкости. «Кошара» — плетёный хлев для овец.

В свете всего, что было сказано выше, нам понятна подобная двойственность слова: в прямом первоначальном смысле оно относилось к хозяйству, к различным приспособлениям для хранения и перемещения продуктов земледелия и к скотоводческим сооружениям. Словосочетание «мой жребий» означало тогда не что иное, как «мой воз снопов», «моя корзина зерна», «хлев моих овец» — одним словом, «мой добро», «мой благо». В этом смысле «кош» — жребий был равнозначен разобранным выше словам, выражавшим долю, часть, доставшуюся кому-то, но в то же время этот смысл неизбежно расширялся в связи с тем, что в земледельческом обществе размер каждой доли-части был в пря-

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ. В центре — Манюша с поднятыми к небу руками. На конях — женщины с солами попоны

РУССКАЯ ВЫШИВКА. БОГИНЯ МАНОШЬ И СИМВОЛЫ РАЗМНОЖЕНИЯ.
Обилие солнечных знаков украшает на «машущую лета» — праздник Купалы

мой зависимости от общего объёма урожая со всех полей данного коллектива. Отсюда на стадии матриархального земледельческого мышления только один шаг до появления представлений о покровительнице наполненных кошей, о матери урожая. Это — не богиня произрастания, не божество плодородия как такового, а богиня итогов хозяйственного года, мать урожая в его окончательной форме. Поэтому и было возможно новое осмысление простого слова, поскольку урожай при одних и тех же трудовых усилиях и молениях богам каждый год был различен, объём его в глазах первобытного земледельца определялся случаем. А отсюда слово «кош» приобретало значение «случайного», «неверного», «непостоянного», «непредвиденного», т. е. именно жребия, который мог выпасть и как счастливый и как несчастливый.

Макошь (если верно именно такое правописание) вполне может быть осмыслена как Ма-кошь — «мать хорошего урожая», «мать счастья».

В классической мифологии богиням, которые сочетали бы покровительство изобилию с влиянием на случайности человеческой судьбы, были греческая Тихе и римская Фортуна. Атрибутом обеих богинь был рог изобилия, связывавший отвлечённое понятие счастливой, удачливой судьбы с конкретным земным понятием обилия продовольствия. Такой, судя по всему, была и славянская Макошь.

В пантеоне Владимира, созданном для воинственной дружинной среды, богиня изобилия оказалась на последнем месте, но на более раннем Збручском идоле, с его сложной теологической композицией, богиня с рогом изобилия в руке изображена на главной, лицевой грани истукана, а вооружённый Перун отнесён на боковую грань по левую руку богини с рогом, которую мы с полным правом можем назвать Макошью¹.

В поучениях против язычества Макошь вместе с виллами-русалками (а иногда и с Симарглом) упоминается в общем списке богов, являясь, как и во владимирском пантеоне, единственным женским божеством. Автор «Слова об идолах», переводя с греческого обличение культа Гекаты, вспомнил Макошь с её русалками. Противоречия тому, что сказано о близости Макоши и Тихе, нет, так как Тихе и Гекату объединяет причастность к плодородию в ранней фазе развития образа и к заклинаниям судьбы, гаданиям о судьбе-доле в поздней фазе.

В XIV—XVI вв. в позднейших копиях древних поучений Макошь продолжает упоминаться, но культ её уже сильно снижен. Этнографические данные, собранные на русском Севере, рисуют нам Макошь невидимой прялкой, вмешивающейся в женские работы, тайном стригущей овец, запрещающей придевание в праздничные дни. В так называемых исповедальных «худых помонаунцах» XVI в. среди запретов разных видов гадания есть и такой вопрос:

«не ходила ли оси к Мокуши?». В Олонецких краях в XIX в. о Макоши сообщали следующее: «Овца, как не стригут шерсть, то иногда и вытрет; и говорят: Мокуша остригла овец. Иное: спят — веретено урчит. Говорят — Мокуша прыла. Выходя из дома она (Макошь) иногда подойдёт, а о брус-от, о полати-то веретеном-то и щёлкнет». Макошь наблюдает за прядущими женщинами: «Мокуша великим постом обходит дома и беспокоит прядущих женщин. Если пряжи дремлют, а веретено их вертится, то говорят, что за них прыла Мокуша».

Рассматривая крестьянские верования русского Севера в целом, мы видим, что пряха-Макошь является двойником (или, может быть, тенью) другой полухристианской, полуязыческой богини того же севера — Параскевы Пятницы. Пятница — тоже пряха, тоже следит за всеми женскими работами. Она требует неукоснительного повиновения и запрещает бабам работать в день, посвящённый ей, — в пятницу. За нарушение запрета она может истыкать виновную кудельной спицей или даже превратить её в лягушку.

Культе Пятницы, не имеющей ничего общего с христианской легендой о св. Параскеве, представлен очень широко и рельефно. Существовало множество пятничных часовен, много икон и идолообразных скульптурных изображений. Исследователи давно угадывали языческие корни культа Пятницы и сопоставляли её с Макошью. Так как Пятница почти полностью заслонила собой архангелскую Макошь, от культа которой уцелело лишь несколько поверий, то рассмотрение культа Пятницы может помочь нам в воссоздании первоосновы культа её языческой предшественницы.

В народных верованиях Пятница предстаёт перед нами не только как богиня-пряха, но и как подательница благ, покровительница плодородия: «Заменяя древнюю языческую богиню св. Пятницею и Богородицею, народ приписал им влияние на плодородие и браки. Пятницу молят о плодородии с особыми обрядами».

Параскева Пятница, как и Макошь со своими русалками, была связана с водой; она покровительствует святым целебным источникам и колодцам; известны «пятничные родники».

В. И. Чичеров, собравший в своём интересном и полном исследовании о зимнем календарном цикле много данных о культе Пятницы, пишет: «Самый комплекс изображений Параскевы включает понятие священной земной влаги. Больше того: вода земли и Параскева тождественны — об этом свидетельствуют легенды об иконах Параскевы Пятницы, неизвестно как и почему явившихся в источниках и водоёмах».

Это наблюдение Чичерова объясняет нам постоянное соседство в текстах Макоши с русалками, непосредственно связанными со «священной влагой земли». Но культ Пятницы был шире: «Наши предки молились св. Параскеве о всяком благополучии и счастье домашнем. По общему древнерусскому верованию св. Параскева признаваема была покровительницей полей и скота».

В день св. Параскевы (28 октября) «приносили в церковь для освящения разного рода плоды, которые хранились в домах как священные предметы». Эта запись середины XIX в. вполне объясняет нам рог изобилия (в античном искусстве обычно наполненный плодами) в руке Макоши на Збручском идоле. Пятнице иногда посвящали первый сжатый сноп. Спецификой Пятницы были лён и пряжа. День 28 октября (церковная дата св. Параскевы) был днём Пятницы Лыняницы, когда «простолюдияны носят в церковь отрѣпанную первину льна». Обработка льна и прядение кудели и шерсти особенно роднят в русском фольклоре Пятницу и Макошь; обе они чрезвычайно внимательно к этим женским делам. Но сводить культ богини только к этой сфере нельзя, он, как мы видим, охватывал более широкий круг.

Культ Параскевы Пятницы развился довольно рано и, по всей вероятности, уже с XII—XIII вв. начал вытеснять культ Макоши. Пятница считалась, кроме всего, указанного выше, и покровительницей торговли. В Новгороде Великом церковь Пятницы на Торгу была построена в 1207 г. На рубеже XII и XIII вв. церковь Пятницы на Торгу была создана в Чернигове. В Москве в торговом Охотном ряду существовала церковь Пятницы. Колличество примеров можно значительно умножать. Торговым, базарным днём на Руси с незапамятных времён была пятница.

Большое внимание к богине, которая оказалась заслонённой святой Параскевой, явствует из того, что ей был посвящён особый день каждой недели, и Параскева, судя по фольклорным записям, зорко следила за соблюдением законов этого дня. У других индоевропейских народов день пятницы тоже был посвящён женскому божеству — Венере (например, *vendredi* у французов) или Фрейе (например, *Freitag* — у немцев и *Friday* у англичан). Афродита-Венера несомненно первоначально была богиней плодородия и была связана с водой, с морем. Германская Фрейя, судя по Эдде, принадлежала к группе богов плодородия — «ва-нов» и сама являлась богиней плодородия и деторождения. «Младшая Эдда» называет Фрейю «славнейшей из богинь, она всех благосклоннее к людским мольбам... ей по душе любовные песни»; её называют «Дающей» слёзы её — золото; с ней как-то связаны солнце, звёзды и отчасти мир мёртвых.

Полного отождествления между Макошью и теми богинями, с которыми прямо или косвенно можно её сопоставлять, нет, но у неё много черт, роднящих её с Гематой, и с Фрейей, и с Афродитой. Всё говорит за то, что Макошь (задолго до того, как она стала лишь покровительницей женских работ) была очень важной богиней праславянского пантеона, что и отмечено скульптором Збручского идола.

Последнее, что следует отметить в трансформированном в христианское время культе Макоши-Пятницы, — это существование веры в 12 пятниц в году и особого апокрифического пятничного календаря.

Годичное распределение двенадцати пятниц по всем 52 неделям года ни разу не привлекло внимания исследователей русского народного календаря, а между тем анализ его может пролить свет на очень важные стороны Пятницы-Макоши. Оберегаемый от церковной цензуры, народный календарь лишь частично соприкасался с церковью, но нередко выдвигал свои празднества и дни молений, в которых мы можем искать следы языческой календарности. С. В. Максимов приводит любопытные данные о розыске этой апокрифической литературы во второй половине XIX в.: «Духовенство всеми мерами старается изъять из обращения эти остатки старинны...», но «переписчики тщательно прячут свою литературу... Наши корреспонденты, по крайней мере, сообщают из разных мест, что им лишь с величайшим трудом удалось достать нижеследующий текст поучения Климента о двенадцати пятницах».

Полный заголовок апокрифа таков: «Почтение, иже во святых отца нашего Климента, папы Римского о двенадесятницах». Пятницы даже не названы — им дано общее название, как и христианским двенадесатым праздникам, что создаёт впечатление особого, параллельного церковному, календаря, в котором год кончается не 31 декабря, а 6 января. Распределяются в году 12 пятниц так:

- 1-я пятница — первая неделя великого поста (скользящая пасхальная шкала);
- 2-я « » — перед благовещением (до 25 марта по ст. ст.);
- 3-я « » — страстная пятница (перед Пасхой);
- 4-я « » — перед Вознесением (пасхальная шкала);
- 5-я « » — перед Духовым днем (на следующий день после семик, тоже по пасхальной шкале);
- 6-я « » — перед днём Ивана Купалы (до 24 июня);
- 7-я « » — перед Ильиным днём (до 20 июля);
- 8-я « » — перед Успеньем (до 15 августа);
- 9-я « » — перед днём Кузьмы и Демьяна (до 1 ноября);
- 10-я « » — перед Михайловым днём (до 8 ноября);
- 11-я пятница — перед Рождеством (до 25 декабря);
- 12-я « » — перед Богоявлением (до 6 января).

Число двенадцать в календарном счёте всегда наводит на мысль о распределении по всем двенадцати месяцам. В данном случае мы имеем дело с документом, в котором строгая календарность нарушена скользящим пасхальным циклом (пятницы 1-я, 3-я, 4-я, 5-я), за которыми трудно разглядеть языческую основу. Праздники «в числе», т. е. имеющие устойчивые календарные даты, покрывают 8 месяцев из 12 (январь, март, июнь — август и октябрь — декабрь). На февраль — май приходится две пятницы пасхального цикла (1-я и 3-я) и на июль — июль — то же (4-я и 5-я). На сентябрь не приходится ни одной пятницы. Возможно, что до вторжения церковного календаря 12 пятниц равномерно распределялись по всему году и представляли собой своеобразные календы, которые оказались нарушенными такими

днями, как начало великого поста, Пасха, Вознесение, Духов день.

Если мы допустим существование языческого субстрата под христианскими наслоениями этого апокрифического календаря, то распределение пятниц будет выглядеть так (пятницы предшествуют праздникам):

- 12-я пятница — велесов день; первые дни января;
- 2-я * * — языческая масленица; комоедицы; весеннее равноденствие;
- 6-я * * — Купала; летнее солнцестояние;
- 7-я * * — Перунов день;
- 8-я * * — конец жатвы;
- 9-я * *
- 10-я * *
- 11-я * * — карачун; колда; дажьбожий день; зимнее солнцестояние

В этом годичном языческом календаре выпали весенние праздники, связанные с пахотой, севом, выгоном скота, первыми всходами (1-я и 3-я пятницы), и летние, связанные с молениями о воде и росте растений (4-я и 5-я пятницы); они смещены со своих исконных мест пасхальным циклом.

Особый интерес для изучения культа Макоши-Пятницы представляют 9-я и 10-я пятницы, около которых я поставил вопросительный знак; они считались главнейшими из всех двенадцати. «Десятая пятница считается самой старшей; вместе с девятой пятницей она приносит молитвы Богу прежде всех других пятниц...» Это указание для нас чрезвычайно драгоценно, так как определяет конкретно, на чём мы должны сосредоточить своё внимание.

9-я пятница — перед днём Кузьмы и Демьяна, 1 ноября. Она очень близка к церковному сроку памяти св. Параскевы — 28 октября, но характерно несовпадение с ним.

10-я, главная пятница празднуется перед днём архангела Михаила (8 ноября). Этот период — конец октября и первая неделя ноября — является началом нового цикла деревенских женских работ: тяжёлая страда позади. Хлеб убран, лён надёрган, вымочен и оттрепан (на это уходит октябрь-«паздерник»); с Михайлова дня, по народным приметам, должен начинаться первопуток, устойчивый санный путь, и одновременно начинались долгие зимние посиделки — коллективное прядение льна и шерсти. Во время посиделок пелись песни, рассказывались сказки, разгадывались мудрёные загадки, которые девушки загадывали парням; иногда работа перемежалась играми и танцами. Две главные пятницы стояли у начала этого интересного и весёлого сезона, они как бы открывали его. Празднества начинались тканью «обыденной пелены» (т. е. вытканной в один день) в честь 9-й пятницы. Девушки коллективно проделывали в один этот день весь годичный цикл работ: теребили лён, пряли, ткали, белили.

Это был как бы эпиграф ко всему зимнему сезону. Второй темой октябрьско-ноябрьских празднеств было сватовство и замужество.

На день Кузмы и Демьяна (Кузьминки) устраивается братчина. Организуют «ссыпку» девушки, а на готовое приглашают парней. Обрядовым кушаньем здесь являются каша и куры. Кузьминки иногда называют «куриным праздником», «курыми именинами».

В одном из списков «Слова об идолах» автор, упомянув Артемиду, сообщает, что языческим богам «молятся и куры им режут и то блутивше сами ядать... О, убогая курята, яже на жертву идолом режутся!». В поучении XIV в. жертвоприношение кур связано не с Макошью, но этнография определяет только один «куриный праздник» — девичьи кузьминки вслед за 9-й пятницей. Интервал между 9-й и 10-й пятницами равен одной неделе. Точно так же и перед Ильным днём (Перуновым днём) готовиться к празднику начинали за неделю; за неделю готовились к особым обрядам Богоявления (см. ниже).

Признание 10-й пятницы самой главной во всём году заставляет нас считать время от кузьминок до Михайлова дня неделями подготовки к празднованию в честь важного и значительного божества. Внимание к пряже, праздник Пятницы Лыняницы, девичьи кузьминки, сговоры и сватовство — всё это очень убедительно свидетельствует в пользу признания праздничной недели около 1—8 ноября неделей Пятницы-Макоши. Архангел Михаил никак не отразился в народных обрядах (как, впрочем, и греческая Параскева). Вся обрядность связана с женскими делами, началом брачного сезона и долгой поры женских работ на весёлых посиделках.

Длительность празднеств в честь Пятницы-Макоши свидетельствует о её значительной роли в славянском и праславянском пантеоне.

Мы можем теперь убрать вопросительные знаки в таблицу языческих празднеств и вписать в неё имя Макоши — богини плодородия, воды, покровительницы женских работ и девичьей судьбы, образ которой был запечатлен на главной, лицевой грани Збручского идола, а празднества в её честь проводились еженедельно, ежемесячно и особенно в осеннюю пору — на рубеже лета и зимы.

ЛАДА

Учёные, исследующие славянскую мифологию, нередко задают вопрос: была ли у славян богиня Лада? В решении этой загадки обилие исторических и фольклорных материалов столкнулось с рассудительностью учёных.

С одной стороны, мы располагаем данными о широчайшем рас-

пространении имени Лады в фольклоре всех славянских (и даже некоторых балтских) народов и сведениями историков начиная с XV в., а, с другой стороны, целый ряд крупных исследователей конца XIX — начала XX в. выразил категорическое сомнение в существовании такой богини.

Литература о Ладе велика и крайне противоречива. Точки зрения высказывались прямо противоположные.

В 1884 г. А. С. Фаминцын подвёл итоги обширному кругу этнографических материалов всех славянских стран, связанных с Ладой. Фаминцын считал, что Лада — богиня брака и веселья, славянская *Вона Деа*, связанная с весенними и свадебными обрядами. Если бы он на этом и остановился, то, возможно, последующих споров было бы меньше, так как это положение прочно базировалось на источниках, чего нельзя сказать о другом его тезисе. Фаминцын полагал, что, кроме богини Лады, существовал ещё бог Лад (или Ладо), которого он отождествлял, с одной стороны, со славянским Ярилом (?), а с другой — с Аполлоном Соранским. Источником его ошибки явилось то, что звательный падеж от имени богини «Ладо» он принял за имя мужского божества (от имени «Ладь» апелляция был бы «Ладе»), и некоторые фольклорные материалы, в которых женский род заменялся мужским лишь в силу утраты первоначального смысла. Фаминцын истолковал в пользу существования бога Лада. Впрочем, автор сам не был особенно уверен в существовании мужской ипостаси и в свой окончательный список славянских божеств он включил только богиню Ладу, но путаница в его труде вызвала неблагоприятное отношение ко всем его построениям в целом.

Продолжая исследовать весеннюю обрядность, Фаминцын в 1895 г. высказал интересную мысль о сходстве весенних и летних (купальских) обрядов с античным мифом о Деметре и Персефоне, что вскоре было значительно подробнее и на более широком материале показано Д. Фрезером в его «Золотой ветви».

Резко выступил против таких построений Е. В. Аничков, исходивший из отрицания связи обряда с мифом и из недоверия к фольклорному материалу. Считая, что в фольклоре многое уже прикрыто идеей христианского Бога, он писал: «Приподнять это церковное наложение и заглянуть в далёкое прошлое дохристианской старины только на основании этих ничтожных намёков поэтому нечего и думать». Такой пессимистический скептицизм привёл Аничкова к тому, что, дважды упомянув слово «обряд» в заглавии своей книги, он по существу обошёл эту важную тему молчанием, не раскрыв, как это ни странно, аграрной сущности весенней обрядности.

К статье Фаминцына Аничков отнёсся весьма пренебрежительно: «К такому методу (методу установления связи между древним мифом и этнографическим обрядом. — Б. Р.) достаточно приложить немного фантазии и тогда по старой канве античных рассказов о богах можно развести какие угодно мифологические

узоры». А по поводу интересующей нас Лады Аничков высказался очень категорично: «...славянский Олимп не играет никакой роли в исследовании народной обрядности. Не говоря уже о богине Весны, о разных Леллах, Ладах, Живах и пр., которые прямо были измышлены и никогда не существовали, даже такое божество, как Ярило, в существовании которого, по-видимому, нельзя усомниться, не должно вовсе останавливать на себе наше внимание».

Выдвинутый Аничковым тезис о полном отрыве народной обрядности от языческой мифологии противоречит как фактическому материалу, так и общепринятой методике изучения религиозных форм.

Польский славист А. Брюкнер в ряде работ высказался против признания Лады древнеславянской богиней, так как, по его мнению, «Ой, Ладо» или «Лада, лель-люли» являются всего-навсего бессмысленным припевом. Появление имени Лады в средневековых источниках объяснялось тем, что ксендзы-иноземцы, плохо понимавшие славянскую речь, будто бы сделали из бессмысленного припева особую богиню.

Имея дело с песенными рефренами, всегда необходимо было бы помнить об античном леане, который был и гимном-молитвой, и именем божества. В самом гипертрофированном виде «теория припева» выступает у Н. М. Гальковского: «Доказано, — пишет автор, — что божества Лада не существует... это — измышление наших книжников позднейшего времени». «Откуда взялись новые боги Лада, Лель? Полагаем, что вследствие недоразумения. Лада, лель-люли — это припевы песен... припев в форме ай-люли мог возникнуть вследствие искажения богослужебного слова «аллилуйя».

Конечно, если исследователь имеет дело со случайным единичным упоминанием того или иного имени неясного слова, то лучше воздержаться от далеко идущих выводов, но если перед нами находится устойчивый широко распространенный материал, уходящий в глубину на несколько столетий, то мы не имеем права уклоняться от его анализа даже в том случае, если это кажущийся нам простым песенный рефрен.

В связи с таким резким противостоянием защитников Лады и её отрицателей нам надлежит внимательно рассмотреть все материалы об этом загадочном персонаже славянского фольклора: во-первых, всё то, что относится к песенному припеву; во-вторых, следует выяснить географическое распространение имени Лады в славянских землях; в-третьих, — все ранние упоминания Лады в письменных источниках; в-четвёртых, — тематику песен, упоминающих Ладу; в-пятых, — календарное приурочение этих песен. Только после такого систематического разбора можно будет делать те или иные выводы и привлекать дополнительные данные.

Упоминания Лады в обрядовых песнях обычно носят характер апеллатива, обращения. Поэтому наряду с именительным падежом

«Лада» встречается часто и звательный падеж «Ладо». Решающими являются песни, в которых есть прямое обращение к Ладе как к высшему существу, дублирующие подобные песни, но с обращением к Богу или Богородице:

Благослови Боже,	Благослови, мати,
благослови, Мати,	Ой, мати, Лада, мати,
Весну закликай,	Весну закликай!..
Зиму провожати!	
Зимочка в возочку,	
Летечко в човночку...	

К таким же апеллятивным песням-молитвам относится хорватская песня (конца XVIII в.) во время летнего солнцестояния:

Красивый Иван рвёт розы
Тебе, Ладо, святое божество.
Ладо! Слушай нас, Ладо!
Песни, Лада, пойм мы тебе,
Сердца наши склоняем к тебе.
Ладо! Слушай нас, Ладо!

Здесь мы видим не только звательный падеж, но и прямое обращение к святой богине Ладе.

Известна ещё одна сербохорватская весенне-летняя песня-молитва о дожде, где Ладу называют высшим божеством:

Молимся, Лада,
Молимся вышнему богу.
Ой, Лада, ой!
Да подует, Лада,
Да подует тихий ветер,
Ой, Лада, ой!
Да ударит, Лада,
Да ударит урожайный дождь,
Ой, Лада, ой!

Всё песнопение о дожде пронизано именем Лады, но рядом с ней (вслед за ней, на втором месте) появился и «вышний бог» из христианской фразеологии. Фаминцын приводит данные о том, что «в Болгарии зывают к богине Ладе» и что, по сведениям Нарбута, в Литве «Ладу почитают великой богиней». Приведённые фольклорные примеры показывают нам, что Лада мыслилась славянскими народами или как единственное божество, к которому следует обращаться, или как соседствующее с неясным «вышним богом».

Не удивительно, что признание Лады богиней мы находим только в ранних записях, сделанных в XVIII или в первой половине XIX в., так как во второй половине XIX в. старые язы-

ческие обряды и их терминология стали исчезать с большой быстротой во всем славянском крестьянском мире. Собственное имя богини стало превращаться действительно в припев, отделившись от христианского Бога:

Благослови, Троица Богородица,
Нам в лес пойти,
Нам венки завивать!
Ай, Дидо, ай, Ладо!

Здесь соединились обращения к церковному и к языческому персонажам; языческое вынесено в конце просьбы, но зато повторяется после каждого двух коротких фраз. История превращения аппеллятива в песенный припев протекала на глазах у исследователей и должна была бы предостеречь их от пользования только её последними звеньями, но они предпочли фигуру умолчания.

Весьма существенным обстоятельством при разборе аргументов за и против Лады является степень распространённости её имени в разных славянских землях. Чем уже ареал, тем труднее обосновать исконную древность верований. Однако для Лады так вопрос не стоит. Лада известна фольклору всех славянских народов: полякам, словакам, словенцам, сербам, хорватам, далматинцам, болгарам, русским, украинцам, белорусам. А за пределами славянского мира имя Лады известно и балтийским народам — латышам и литовцам¹. Один этот географический перечень, охватывающий всю балто-славянскую группу, говорит о глубокой арханке загадочной Лады. Имя её известно от Адриатического моря до Камы и от Балкан до Балтийского моря. Никаких препятствий к признанию праславянской древности Лады нет.

Обратимся теперь к наиболее старым письменным источникам, упоминающим Ладу. Таковыми являются польские церковные запрещения языческих обрядов, относящихся к первой четверти XV в. Они опубликованы Станиславом Урбанчиком.

Начало XV в.: «Поляки ещё и посейчас около зелёных святок чествуют своих божков: Alado, Gardzyna, Iesse... Этих божкам плохие христиане оказывают большую честь, чем Богу: девушки целый год не ходят в костёл молиться истинному Богу, тогда как на чествование этих своих божков они привыкли приходить».

1423 г. (Ченстоховская рукопись Яна из Михочина): «...наши старики, старухи и девушки не молятся о том, чтобы стать достойными восприятия Святого Духа, но в эти три дня, когда надлежало бы предаваться размышлениям (Троицын день, Духов день...), сходятся старухи, женщины и девушки, но не в храм, не на молитву, а на пляски; не к Богу взывать, но к дьяволу: Izzaa, Lado, Hely, Iaya. Если таковые не покаются, то пойдут вместе с Iazza, Lado на вечные муки. 1420-е годы: «Запрещаем также пляски и песни, в которых называются имена идолов: Lado, Heli, Iazza, Tya, проводимые во время зелёных

святки, когда истинно познавшие Христа должны усердно просить Бога, чтобы им по примеру апостолов воспринять Дух Святой».

В этих документах перед нами раскрывается картина обычного средневекового двоеверия, хорошо известная по русским поучениям XI—XII вв., копировавшимся и в XIV и в XV вв. Напрасно С. Урбанчик пытается опорочить приводимые им сведения, исходя из того, что раз поляки приняли христианство в X веке, то, следовательно, язычество должно было немедленно исчезнуть. Свою уверенность в столь быстрой и окончательной победе католичества он обосновывает довольно своеобразно: «Что могли поляки знать о богах, сменённых христианским богом ещё пять веком тому назад? Разве что столько же, сколько современные нам неграмотные люди знают о династической политике Ягеллонов!» Подобное остроумие здесь неуместно, так как в источнике говорится не о том, что было пятьсот лет назад, а о той современности, которая окружала польских церковников в 1420-е годы. Обратим внимание на то, что автор источника не повествует, а запрещает языческие обряды в неделю троицына дня, обращаясь к подавляющей ему пастве своих дней, а не далёкого прошлого. С. Урбанчик не захотел понять этнографического характера приводимых им запрещений и обличений.

В приводимых источниках мы видим несколько имён: «Лада, Лель и загадочные Iazza, Iaua и Tuа. Отложим пока рассмотрение слов, окружающих имя Лады. Слово «Gardzyna» Нидерле предлагает рассматривать как эпитет Лады — «Охраняющая».

Время выполнения обрядов в честь Лады определяется этими документами одинаково: зелёные святки — одни вокруг троицына дня и духовя дня, спустя 50 дней после пасхи. Характер обрядов не ясен; упоминаются только песни и ритуальные пляски.

Подобными пережитками языческой обрядности заинтересовались польские историки XV—XVI вв., и в духе кватроченто и чинквеченто они расцвелили этнографические материалы своей современности и сочинили целый Олимп славянских богов, уподоблённых римским. Так, под пером Яна Длугоша Лада-Охранительница превратилась в Марса, а непонятный Iazza — в Юпитера. Тем же путём шёл и Матвей Меховский, упомянувший, что в честь богов поют «старинные песни Lada — Lada, Heli — Heli, Poleli, сопровождая их танцами». Но Меховский считал, что Лада — это античная Леда, мать Кастора и Полидевка. «Олимп» Длугоша подвергся достаточной критике в научной литературе, и я пропущу рассмотрение его мифологических построений, обратив внимание на источник XVI в., не носящий следов влияния ни Длугоша, ни Меховского.

Речь идёт о «Повести о построении бенедиктинского монастыря на Лысой горе». Монастырь этот увеичивает значительную возвышенность близ Келец в Польше. Само название «Лысая гора» уже говорит в пользу древнего ритуального места. В позд-

нейшие христианские времена с Лысыми горами связывали всегда предания о нечистой силе, о шабашах ведьм и ведьмаков. Известна Лысая гора под Киевом, Лысая гора близ днепровских порогов, где было найдено скифское ритуальное навершие, и др. По поводу места, на котором был поставлен во второй четверти XII в. бенедиктинский монастырь, в XVI в. была приведена такая легенда:

«На Лысой горе некогда жила некая Госпожа, о которой рассказывали, что она будто бы под этой горой победила Александра Македонского. Она требовала, чтобы её называли богиней Дняной. Однако бог её наказал — замок был разбит молнией; от него до сих пор остались груды камней.

На том самом месте был храм трёх идолов, которых звали Лада, Бода и Леля. К ним, к этим идолам, простые люди сходились в первый день мая возносить им свои мольбы и приносить жертвы.

Тогда (княгиня) Дубравка приказала построить костёл и посвятить его святой троице».

В XV в. около монастыря существовала ярмарка, где в дни «зелёных святок» производились игрища с плясками, против которых выступали монахи-бенедиктинцы. В 1468 г. Казимир Ягеллончик перенёс ярмарку со старой ритуальной горы в иное место.

Археологические обследования открыли на Лысой горе величественные остатки культового места IX—X вв.: каменный вал окружал вершину горы на пространстве 1130 м в длину и 140 м в ширину. На этом пространстве исследователь предполагает следы большого количества людей, приходивших сюда несколько раз в год со своей посудой, но здесь не живших. Вал в южной части не достроен; возможно, что это связано с утверждением христианства, превратившим постройку языческой святыни.

Археология полностью подтвердила позднюю легенду о существовании культового места на Лысой горе. Искать остатки самого копнища с тремя идолами, вероятно, бесполезно, так как обычно христианские церкви ставили на месте непосредственно языческих храмов. Отсутствие следов кострищ на вершине Лысой горы подтверждает сообщение легенды о праздновании 1 мая: в этот праздник, судя по этнографическим материалам, костры не палили.

Последним в ряду средневековых и ренессансных источников является интересное дополнение к рассказу «Повести временных лет» об идолах князя Владимира. Протооригинал рассказа, относящийся к XVII в., нам неизвестен, но он был дважды скопирован: в Киеве Иннокентием Гизелем в его «Синописисе» (1674 г.) и автором Пискарьёвского летописца.

«...Четвёртый идол — Ладо. Сего имяху бога веселия и всякого благополучия.

Жертвы ему приношаху готовящихся ко браку, помощию Лада мнящи себе добро веселие и любезно житие стяжати.

Сия же прелесть от древнейших идолослужителей произыде.

иже неких богов Леся и Полеся почитаху, их же богомерское имя и доныне по неким странам на сомищах игралищных пением Ле-люм-Полелем возглашают.

Также и мать лелеву и полелеву — Ладо, поюще: Ладо, Ладо! И того идола встхую прелесть дияволю на брачных веселях, руками плещуще и о стол бьюще, воспевают.

Рассказ об идолах Ладе, Леле, Полеле представляет для нас большой интерес как древнейшая этнографическая восточно-славянская запись о том, что «игралищные сомища» существуют, по свидетельству автора, «и поныне». Включение этого рассказа в киевский «Синопсис» связало его с Украиной, но по языку он несомненно русского, московского происхождения. Факт же копирования его на Украине без каких бы то ни было изменений и поправок может говорить о том, что подобные игрища существовали тогда и там.

Запись в известной мере распутывает существующую в фольклоре путаницу относительно женского или мужского рода Лады; автор записи называет Ладу матерью двух других богов, следовательно, считает её богиней, но в других местах он пишет «бог Ладо», «ему», «того идола» и т. д., применяя мужской род. Разгадка такого явного противоречия, вероятно, в том, что автор подразумевает средний род (что часто делаем и мы) — «божество». А в таком случае грамматически правильно применять местоимения мужского рода: «ему», «тому» (божеству).

Календарных примет в записи нет, и богиня Лада выступает здесь прежде всего в качестве покровительницы брака «и всяного благополучия».

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении исторические и историко-этнографические материалы XV—XVII вв. рисуют нам Ладу как богиню брака и благополучия, празднования в честь которой проводились весной (1 мая) и в первую половину лета («зелёные святки» в диапазоне: середина мая — середина июня). В полном согласии с этим находятся те этнографические песни XVIII — первой половины XIX вв., в которых Лада называется матерью, святым божеством или приравнивается к богу в весенних молениях о дожде и урожае. Ряд прямых обращений («слушай нас, Лада»; «песни, Лада, пойм мы тебе»; «благослови, мати Лада») не оставляют сомнений в том, что в глазах крестьянок, исполнявших песни, Лада являлась не бессмысленным песенным припевом, а обращением к четко персонифицированному божеству.

Можно согласиться с А. С. Фаминцыным, считавшим, что имя богини нередко переходило в припев, но нужно решительно отвергнуть точку зрения тех учёных, которые стремятся ограничить слово «лада» только припевом или объясняют его происхождение от церковной аллилуйи.

* * *

Органическое соединение аграрного божества и покровительницы брака наблюдается во всём обильном фольклорном мате-

риале, содержащем имя Лады. От имени Лады есть много производных:

Ладовать (Волынь) — славить свадьбу!

Ладковать * * *

Ладковать (Рязань, Тула) — сватать;

Лады (Калуга) — помолвка;

Ладины (Осташков) — стговор;

Ладкая (Зап. Украина) — свадебная песня;

Ладованье — пение весенних песен;

Ладовицы — исполнительницы весенних песен;

Ладованье — песни на юрьев день;

Ладуванье (Болгария) — гадание о женихе;

Ладино хоро (Болгария) — весенние хороводы;

Ладино коло (Болгария) — весенние хороводы.

Вне календарных рамок песни с упоминанием Лады поются или во время гаданий о замужестве (большой частью новогодних), или во время свадеб. В Болгарии девушки под новый год проводят гадание, называемое «ладуваньем». Для гадания доставали «немую воду» (т. е. взятую молча), ставили её на ночь под звёзды, а затем бросали в неё свои перстеньки. При извлечении перстней пелись песни с припевом «Тай-Ладо!»

Брачная тематика часто присутствует и в песнях календарного цикла, переплетаясь с аграрной. Таковы, например, песни сербских «кральиц» и «лазариц», исполняемые весной в Лазареву субботу, на Юрьев день (23 апреля) и около Троицына дня. Рефренами этих песен являются Ладо и Лельо. Песни аграрно-магического содержания, обращённые к Ладе или ставящие её имя в припев, как это выявлено ещё исследователями XIX в., поются только во время весенне-летнего обрядового цикла. Так как христианский календарь с его подвижной Пасхой и зависящими от неё праздниками сильно расшатал и нарушил древнюю языческую календарность, то нам теперь трудно восстановить первоначальную прикреплённость определённых обрядов и песен к тем или иным фазам солнечного и хозяйственного календаря.

Песни в честь Лады исполняются в следующие сроки (или около них):

«В числе»

По Пасхе

9 марта («сорок мучеников»)

Масленица

25 марта (благовещение)

Середина великого поста

23 апреля (Юрьев день)

Лазарева суббота

1—2 мая

Фомина неделя («красная горка»)

24 июня (Иван Купала)

Сеник

29 июня (Петров день)

Троицын день

Духов день

Иногда отмечается, что особо выделяется период с 25 мая по 25 июня, т. е. зелёные святки. В целом обряды и песни, свя-

занные с Ладой, охватывают март, апрель, май и июнь. Они не исполняются зимой (за исключением гаданий о женихе) и не исполняются в момент окончательного созревания колосьев и жатвы (июль — август). Нет их и во время урожайных празднеств. Первые песни в году с обращением к Ладе поются во время «заклипания весны». Разрашение заклипать весну испрашивали, как мы видели, у Лады, или у Богородицы, или у Бога. Образ весны, сменяющей бесплодную зиму, всегда окружён аграрными аксессуарами: зеленью, сохой, бороной.

Едить весна, едить,
 На золотом кони
 В зеленом саяни
 На сосе (сохе) содючи
 Сыру-землю аручи (вспахивая),
 Правое рукой соючи
 Да помози, божя,
 Вясну заклипати
 На тихая лето,
 На ядряно жито,
 Жито и пшаницу
 Усלאкоу пашницу.

РАСТИТЕЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ НА БРАСЛЕТАХ И В БЕЛОКАМЕННОЙ РЕЗЬБЕ (внизу по бокам), ВОСПРОИЗВОДИЩИЕ БУКВУ Ж, НАЗЫВАВШУЮСЯ В СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКЕ «ЖИВѢ» — «ЖИВИТЕ!».

Внизу буллы из надписей середины XII в. и 1961 г.

Закливание весны и пение веснянок производилось на высоких местах: люди выходили на вершины холмов, влезали на деревья, по угловым торцам влезали на крыши изб и оттуда приветствовали весну.

Все остальные обряды с исполнением песен в честь Лады неразрывно связаны с весенне-летним аграрно-магическим циклом молений о дожде, праздников зелени, первых всходов, первых колосьев и т. п. Заканчивается этот цикл периодом колошения яровых хлебов в июне. Последним сроком являются купальские празднества летнего солнцестояния; после этого молитвенные обращения к Ладе прекращаются.

Интересным примером игры-обряда, во время исполнения которой пелись песни с обязательным упоминанием Лады, может служить общезвестная игра «А мы просо сеяли», подробно проанализированная Н. Н. Тихоницкой. Здесь аграрно-магическая сущность прочно переплетается с брачной символикой, составляя единство, отражавшее как весенние полевые работы, так и весеннее свадебное время (пасхальный мясоед). Важно отметить, что игра и сопровождающие её песни распространены у всех восточных славян от Украины до Архангельской области и от Белоруссии до Сибири. Песни необычайно архаичны; в них встречаются такие слова времён «Русской Правды», как «кунны», «белая кунница», «гривна», «веверица», «орать» (пахать) и др.²

За долгую историческую жизнь классический припев «Ой-дид-Ладо» видоизменился по мере забывания первоначального смысла, получались также варианты:

Ой-дид-Ладо... (исконная форма)

Ой дид со Ладом...

Ай де младо...

Ай же младо...

Ой диди Ладо...

Диди Лада...

Та владу ладом... и др.

Н. Н. Тихоницкая, изучив всю совокупность песен, пришла к выводу, что они отражают, во-первых, магический обряд, связанный с пахотой и севом, а во-вторых, сватовство и выдачу девушек замуж.

Календарно игра «А мы просо сеяли» приурочена к «красной горке» (Фомина неделя после Пасхи) или к Троицыну дню. Вели игру раньше только девушки. Две шеренги играющих попеременно то шли навстречу одна другой, то отступали назад. Местом игры был холм («красная горка»).

Сельскохозяйственный аспект песен тоже полон архаики, как и их лексика. Здесь ярко представлено подсечное земледелие с его рощистью леса или кустарника:

А мы сечу чистили, чистили,
Ой-диди-ладу чистили, чистили!

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой-диди-ладу сеяли, сеяли!
А мы пашню пахали, пахали,
Диди-Лада пахали!
А мы нивку орали, орали,
Та в ладу ладом орали.

Иногда в песнях представлен не только весенний этап, но и весь цикл земледельческий работ:

А мы чищобу чистили, чистили,
Диди-Лада чистили!
А мы пашню пахали, пахали,
Диди-Лада пахали!
А мы просу сеяли, сеяли,
Диди-Лада сеяли!
А мы просу пололи, пололи,
Диди-Лада пололи!
А мы просу жинали, жинали,
Диди-Лада жинали!
А мы снопы вязали, вязали,
Диди-Лада вязали!

Заслугой Тихонницкой является то, что она выяснила первоначальную сущность песни, которая в своём позднейшем виде выглядела как противоборство двух играющих партий: одни пели о посеве проса, а другие о том, что «мы просо вытопчем». Но оказалось, что вытаптывание было не враждебным актом по отношению к свежим посевам а завершением всего цикла — обмоломом.

Обмолот проса производился в старину путём топтания его ногами; нередко для этой цели применялись кони: «... снопы раскладывали на гумне, потом ездили по ним вокруг на лошадях или на волах».

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой-дид-Ладо вытопчем, вытопчем.
Да чем же нам вытоптать, вытоптать?
Ой-дид-Ладо вытоптать, вытоптать.
А мы коней выпустим, выпустим...

Противопоставление двух играющих партий появилось тогда, когда аграрно-магическая сущность обряда была оттеснена второй идеей весеннего игрища — идеей сватовства и выдачи девушек замуж. Две шеренги играющих символизировали два разных рода, два села, соединённых экзогамными связями. Немного вспоминается знаменитый рассказ летописца о брачных обычаях славян, когда устраивали «игрища межю селы... и ту умыкаху жены себе...». Коней, вытоптавших просо (поздний вариант, подразумевающий посев), «перенимают», а владельцы коней хотят их выкупить. Выкуп — «девица». Сторона, сеявшая просо, выби

рает из участниц другой стороны девушку и поёт: «В нашем полку прибыло, прибыло...» Исследовательница отмечает связь игры со свадебными обрядами.

Лада или Диди-Лада (Великая Лада?) объединяет, как это мы видели и на многих других примерах, весеннюю аграрную обрядность с обрядностью брачной.

Имя Лады в большинстве случаев сопровождается дополнительными словами, за которыми, по мнению средневековых авторов, стоят особые божества, в силу чего они требуют специального рассмотрения. Известны сочетания: Дид-Лада (вариант Диво-Лада), Мати-Лада, Лель, Лель-Полель; средневековые источники добавляют загадочное имя, которое в латинской транскрипции выглядит как Iazza или Iesse, где удвоение должно соответствовать славянскому шипящему. Следовательно, фонетически это должно выглядеть примерно так «Яша» («Яжа») или «Ешо» («Еже»). Попытка Длугоша объяснить это слово как имя Юпитера-Зевса настолько отпугнула всех последующих исследователей, что они обходили его молчанием. А между тем в нашем распоряжении есть некоторые данные, позволяющие приблизиться к раскрытию смысла. Дело в том, что в Польше, Белоруссии и на Украине существовали легенды о змеях, которые, прожив дважды по семь лет, превращались в особые кровожадных существа, называемых по-польски «смоками», а по-украински — «яжами». К. Мошинский сам записал такую легенду о «яже» (jaże), пожирающем людей. Особенно много подобных легенд в окрестностях Кракова и в самом Кракове.

Теперь мы можем снова вспомнить ту детскую игру, где Яша, или Ящер, роль которого исполняет мальчик, сидит в центре хороводного круга и выбирает себе девочку-жертву. В какой связи змей или ящер упомянут рядом с Ладой, сказать трудно. Быть может, это было только локальным явлением в отрогах Карпат: ченстоховские поучения XV в. против Лады, Лели и Яжи писались всего в трёх днях пути от Кракова с его знаменитым смоком.

Дид-Ладю объяснено ещё в прошлом веке при помощи литовского языка как Великая Лада, Великое божество (Dedis Dewie).

Необходимо учесть, что русские песни с припевом «Ой, Дид-Ладю!» распространены в том широком поясе, где в праславянское время расселялись многочисленные балтские племена, позднее ассимилированные славянами. Это очень хорошо объясняет восприятие славянами архаичного балтского ритуального вогласа: «Dedis Lado!» т. е. «Великая Лада!». Идол Бода, поставленный, по легенде, на Лысой горе рядом с идолами Лады и Лели, не поддаётся истолкованию. Предполагают описку и вместо «Бода» читают «Баба». Это осмысленное, но не ясное.

Самым устойчивым и широко распространённым у всех славян является Лель или Леля как сопутствующее Ладю слово (божество?). Это слово в большей степени подвергалось «закоmu припевности» и нередко встречается с повторами: «Лель-люли»,

«Лель-попель» и др. С подобными повторами мы очень часто встречаемся в фольклорном материале: «стар-старичок», «млада-младёшенька», «горе-горькое» и т. п. Но основу всё же составляет то, что было записано поляками ещё в XV в., — *Peley* (сербское «пель», хорватское «[jel]jo», русское «лель», «Ляля», «лэля» и т. п.).

Здесь опять, как и в случае с Ладой, приходится решать вопрос о мужском или женском естестве этого персонажа. А. Н. Островский и Н. А. Римский-Корсаков своей «Снегурочкой» убедили публику в том, что Лель — юноша, однако это так же далеко от истины, как и превращение кочевников-берендеев в архангелских славян. Целый ряд записей говорит о Леле (Лёле) в женском роде. Большой интерес представляет белорусская аграрно-заклинательная песня, обращённая к Лялю:

Дай нам житцу да пшаницу,
Ляля, Ляля, наша Ляля!
В агародзе, сеножаце,
Ляля, Ляля, наша Ляля!
Ровны гряды, ровны зряды,
Ляля, Ляля, наша Ляля!

Особенно показателен обряд-игра, посвящённый только этому персонажу и подробно описанный Фаминицыным³. Обряд наблюдался у украинцев и белорусов юго-западного края России. Проводился он в канун Юрьева дня, 22 апреля; эти дни назывались «красной горкой», что отличалось от обычного наименования «красной горки» фоминной, послепасхальной недели.

Девичий праздник назывался «Ляльник». Девушки выбирали из своей среды самую красивую, и она исполняла роль Ляли. Для Ляли изготавливалась особая дерновая скамья, которая, очевидно, должна была символизировать землю с начавшей прорастать растительностью. На середину скамьи садилась увенчанная венком Ляля, а по сторонам от неё на скамью укладывались приношения: по одну сторону — хлеб, а по другую — кувшин с молоком, сыр, масло, яйца и сметана. У ног Ляли лежали сплетённые венки. Девушки водили хоровод вокруг торжественно восседавшей Ляли, прославляя её как кормилицу и подательницу урожая. По окончании хороводной пляски и ления Ляля надевала девушек венками. Этот весенний праздник с угощением Ляли продуктами земледелия и скотоводства, связанными с растительной вегетативной силой (хлеб и молочное), проводился накануне другого очень важного праздника славян — первого выгона скота в поле, обставленного множеством заклинательных обрядов, знаменитого Юрьева дня 23 апреля.

Если перед древней масленицей, когда в природе устанавливалось весеннее равноденствие и солнце побеждало зиму, люди «закликали весну», приглашали её, то в юрьевские дни, когда уже появлялась первая трава, когда распускались деревья, можно было уже праздновать приход весны, её ощутимое

присутствие. Этот весенний праздник «*primavera*», первой зелени действительно очень напоминает по своей сущности античные элевсинские мистерии, связанные с весенним возвращением Персефоны.

Персефона-Кора — дочь Деметры; второе имя подчёркивает дочерний, юный характер весенней богини. Напомню, что анонимный русский автор XVII в., сочинение которого использовал Гизель, прямо называет Ладу матерью Лели и Полеля. В этом указании на материнство Лады автор, очевидно, опирался только на современный ему этнографический материал, так как у него нет никаких параллелей с античной мифологией и он не упоминает ни Цереру, ни Прозерпину, что делали польские авторы. Мужской род детей Лады также условен. Материнство Лады явствует и из тех песен, где при заклинании весны к ней, Ладе, обращаются за разрешением: «Благослови, мати Ладо, весну закликати!» У русского этнографа XVII в. были все основания считать Ладу матерью.

Отбросим Полеля как песенное повторение, примем женский род для Лады и Лели (к чему нас обязывает фольклорный материал), и мы получим архаичную пару: мать и дочь — богини оживающей и рождающей природы. Эта пара много древнее, так сказать, исходнее, чем античные мифы или фольклорные реминисценции, и она ведёт нас к паре охотничьих рожаниц, тоже являющихся матерью и дочерью. Но здесь мы имеем дело с рожаницами уже аграрными, связанными не с приплодом зверей, а с вегетативной силой весеннего расцвета растительности вообще и хлебных злаков в частности.

Дочерняя сущность Лели-Ляли явствует из целого ряда близких к этому мифологическому имени слов: «ляля», «лялька» — ребёнок, дитя, кукла, игрушка; «лелеять» — бережно носить ребёнка; «лялька» — детская колыбель; «лелека» — аист, с которым связано поверье о том, что он приносит детей, и многое другое. «Леля», «Ляля» могло быть почти нарицательными обозначением «дочери», подобно тому как Персефона, дочь Деметры, именовалась просто «Корой», т. е. тоже «дочерью».

С праздником Лели и Лады в юрьевские дни (22 и 23 апреля), с пасхальными днями и более ранними, масленичными обрядами связано во многих местах разведение костров. Сербы разжигали огромные общесельские костры, высота которых достигала 7 м. Пепел из костра считался священным: им посыпали семена, священник в церкви мазал этим пеплом крест на лбу прихожан, ему приписывались целебные свойства. Иногда вокруг основного костра разводилось 12 малых, что означало общегодовую значимость обряда. Ритуальные костры носили интересные названия: «ляля», «олеле», «олала», «олалија».

Сербские «ляли» явно связаны с магией плодородия и со скотоводством — во время горения костра разбрасывали горящую босресту («лилу») и пели:

Лила, гори, жито, роди!
...Весело нам, лиле, горе
да нам краве добро воде!

Большие костры палили из соломы («гомило сламе»), а также жгли огни в особой решетке, высоко поднятой четырьмя мужчинами на четырёх длинных шестах. Такие же масленичные костры из целых копен соломы разжигали на высоких местах вне села и болгары, устраивая вокруг огня хороводы. В Болгарии эти костры называли также «олелии», «ойлалия». Не было ли перенесено ещё в древности название праздника в честь весенней Лели (по польским записям XV в. «ileli», «ilely») на сопровождавший праздник костёр, символизировавший разгоравшееся тепло природы?

Итак, из многообразного общеславянского фольклорного материала вычлениются две мифологические фигуры: Лада — великая богиня весене-летнего плодородия и покровительница свадеб, брачной жизни — её дочь (?) — Леля, Лёля, Ляля, олицетворяющая весну, весеннюю зелень, расцвет обновлённой природы.

А. С. Фавиницын, писавший о богине весны и сопоставивший русско-украинский фольклор с мифом о Деметре и Персефоне, во второй своей работе несколько сместил объекты внимания: он ни слова не говорит о Ладе и Леле, просто не упоминает их, а сближает с погибающей Персефой купальскую Морену, Мару, Кострому и т. п. Обряд уничтожения (растерзания, сожжения, и утопления) соломенных кукол, действительно, очень близок к мистериям, изображающим похищение Персефоны, но в славянских материалах мы совершенно не ощущаем единства весеннего божества с фигурой, трагически завершающей свой годичный путь в похоронных обрядах Купалы или Петрова дня. Нигде не хоронят ни Ладу, ни Лелю, хотя проводы последней можно видеть в приведённом выше описании гочевской «игры в Лёлю». Быть может, это связано с тем, что широко распространённое слово «морена» («тагала») означало не славянскую Персефону, а живую девушку, которую в древности приносили в жертву в момент кульминации созревания урожая?

Освобождённые от пренебрежительно-учёного критицизма, многочисленные сведения о Ладе позволяют нам считать её общеславянским божеством с функциями богини растительного плодородия (в чём она как-то соприкасается с Макошью, как Деметра соприкасалась с Геей, Артемидой и др.) и богини брака.

Исходя из такого взгляда на Ладу, мы должны снова обратить внимание на Збручского идола: там изображены две богини. Одну из них я отождествил с Макошью, верховным женским божеством, попавшим даже в великокняжеский пантеон, а вторая оставалась неразгаданной. Напомню, что атрибутом второго божества является небольшое кольцо, перстень, чётко обозначенный в рельефе. Богиня держит кольцо в правой руке и как бы

показывает его зрителю. Думаю, что у нас есть все основания признать эту вторую богиню збручской композиции Ладой⁴. Тогда вся композиция будет расшифровываться так: в центре, на главной лицевой стороне четырёхгранного идола, изображена Макошь с рогом изобилия в руке; по правую руку от неё, на соседней грани, скульптор изобразил Ладу, богиню брака, семейной жизни, символом чего является перстень в её руке. Вспомним «ладувание» (или «Дай-Лада») — обряд, во время которого в святую воду девушки бросали перстни и цветы. По левую руку главной богини на другой грани находился бог-воин с конём и мечом. Таким образом, по сторонам Макоши находились божества обеих половин рода человеческого — справа Лада, покровительница девушек и женщин и слева вооружённый Перун, бог мужей-воинов⁵.

Признание второго женского божества Ладой удревляет наши достоверные сведения об этой общеславянской богине доязыческих, дохристианских времён, так как Збручский идол датируется IX—X вв. н. э. Но, разумеется, широчайшее распространение имени Лады в славянском и литовско-латышском фольклоре заставляет нас опустить время возникновения мифологического образа и имени этой богини не только на праславянскую глубину, но и на глубину славяно-балтской близости.

* * *

Рано записанная античная мифология, представляющая по существу контаминацию множества древних локальных племенных мифов, постоянно служит неким общим мерилем, при помощи которых легче определяются и классифицируются мифы других народов. Уже Геродот использовал это мерило, приравнивая скифского Папая к Зевсу, а Гойтосира к Аполлону. Наивное уравнение славянских божеств с римскими у Яна Длугоша и у автора Густынской летописи было, вероятно, не столько желанием утвердить их действительное тождество, сколько стремлением перевести славянские мифологические образы на междunarодный язык античной мифологии.

Во многих случаях установленного сходства античные имена прикрывали собой результат конвергентного развития пересобитного мышления у разных народов, выполняя лишь эту «переводческую», истолковательную функцию. Но особый интерес представляют те мифы, которые по географическому признаку, по месту действия богов и героев связывают греческую мифологическую систему с той или иной местной, негреческой средой и иноплеменной мифологией, где сходные черты могут быть объяснены не только конвергенцией, но и общностью происхождения.

Возможно, что одним из таких случаев является культ богини Лато, так пышно представленный в крито-микенское время и вытесненный впоследствии, во-первых, культом её дочери

Артемиды, а во-вторых, культом южной пары богинь — Деметры и Персефоны.

Многократно подчёркнутая мифами связь богини Лато (позднее Лето) с северными народами обязывает нас рассмотреть сопоставительно культ греческой Лато и славяно-балтийской Лады.

Для права на такой поиск мы располагаем лишь пока двумя признаками близости: «мать Лада», богиня плодородия, выступает в паре со своей дочерью Лелей точно так же, как Лато с дочерью Артемидой, богиней плодородия; имя богини-матери у греков (Лато, Лето) и римлян (Латона) созвучно балто-славянской форме Лада, Ладо. Этих данных было бы недостаточно для утверждения о единстве происхождения мифологических образов Лато и Лады, если бы в нашем распоряжении не было сведений об ареале культа Лады у северных племен с одной стороны и устойчивых упоминаний о связи Лето с северными племенами в греческих мифах — с другой.

Необходимо детально разобрать географию этих загадочных северных народов и выяснить их взаимоотношения с областью балто-славянских поклонников «матери Лады».

Напомню ещё раз, в чём выражается связь Лато с Севером:

1. Лато происходит из земли гиперборейцев.
2. Мужем Лато некоторые мифы считают гиперборейца Описа.
3. Лато бежала от гнева Геры на о. Делос из земли гиперборейцев.
4. Сын Лато, Аполлон, ежегодно отправляется на зиму в страну гиперборейцев («аподемия»).
5. В стране гиперборейцев Аполлон хранит свои стрелы.
6. Гиперборейцы ежегодно посылают дары в делосские храмы детей Лато — Аполлона и Артемиды.

Связь с Севером, как видим, достаточно прочная и даже наследственная. Теперь всё дело сводится к уточнению понятия «гиперборейцы». Обилие различных мнений как у древних, так и у современных учёных, привело к отказу от решения этой давней загадки. В книге, названной «Знания древних о северных странах», нет разбора мнений о гиперборейцах, нет ни одного посвящённого им параграфа — автор просто объявил их мифическим, никогда не существовавшим народом.

Мне кажется, что дело обстоит не так уж безнадежно. Следует только учесть, что название «гиперборейцы» является не именем народа, а нарицательным обозначением: «самые северные». А так как граница познания Севера всё время отодвигалась всё дальше и дальше от Греции, то и народы, подпадавшие под это греческое искусственное обозначение, менялись.

В гомеровское время и вплоть до Геродота северным пределом ойкумены представлялся балтийский (южный) берег континента. Скандинавия и Британия ещё не были известны. В полном согласии с этим Геродот писал о том, что гиперборейцы заворачивали свои дары далёким южным божествам в пшеничную солому, а это

говорит о племенах, обитавших в зоне земледелия, в которую входило южное побережье Балтики и Северного моря.

Переворот в географических познаниях древних произвело плавание Питей из Массилии (современный Марсель) в северные моря, открывшего Британию и заглянувшего, по-видимому, в Балтийское море, где «за Галлией непосредственно к северу от Скифии» находился остров, богатый янтарём. Питей плывал в 330—320 гг. до н. э. После этого, когда кругозор расширился, математик Эратосфен (III в. до н. э.), исходящий из шарообразности Земли, предсказал, что «самым северным» будут считать народ, обитающий у Северного полюса.

У последующих компиляторов произошло смещение ранних рассказов о реальных северных земледельческих племенах со сведениями о жизни за Полярным кругом, куда научная мысль отодвинула «самых северных». Помпоний Мела в первой половине I в. н. э. писал, что гиперборейцы «живут на крайнем севере по ту сторону Рипейских гор, под самой Полярной звездой... День продолжается у них шесть месяцев, и столько же месяцев тянется ночь». Далее компилятор описывает плодородные земли и счастливый быт гиперборейцев, соединяя явные несовместимости. В подобных поздних сочинениях гиперборейцы выглядят не столь мифическим, сколько утопическим народом явно литературного происхождения.

Нас в связи с нашим архаичным религиозным сюжетом интересуют не тенденциозные вымыслы о счастливом северном существовании несуществующего народа, а то отдалённое время, когда греки обозначали именем «самых северных» те племена, которые жили на краю известной им тогда земли.

Географическими ориентирами для нас служат Рипейские (Рифейские) горы и некий морской берег на Севере, параллельный горам; гиперборейцы живут между Рипейским хребтом и морским побережьем, севернее гор и южнее моря. В настоящее время наука достаточно хорошо разработала географические сведения Гомера (VIII—VII вв. до н. э.) и раннего географа Гекатея Милетского (рубеж VI и V вв. до н. э.). На реконструируемых картах интересующие нас ориентиры размещаются так: Рипейские горы идут длинной грядой с запада (примерно от области Альп) на восток, проходя севернее Динарских гор и Балканского хребта, а также севернее течения Дуная, заканчиваясь на востоке близ Чёрного моря.

Достаточно одного взгляда на физическую карту Европы, чтобы в Рипейских горах древнейшего периода (как их понимают современные исследователи) признать горную цепь, образуемую Альпами и далее на восток Карпатами (с их подразделениями — Татрами, Беснидами и др.). Этот горный комплекс главенствует в Центральной Европе; значительная его часть лежит севернее Дуная, и весь он расположен севернее Динара и Балкан (древнего Хемуса).

В дальнейшем, по мере расширения географического кругозора и забвения древних названий, Рипейские горы «отодвигались» античными учёными всё дальше и дальше на северо-восток, став даже обозначением Урала, но для предгеродотовского времени они несомненно обозначали альпийско-карпатский массив, рассматривавшийся греками суммарно. В этом случае местоположение «самых северных» племён определялось пространством между этим массивом и Северным и Балтийским морями. В I тысячелетии до н. э. это пространство было заселено восточной ветвью кельтов, германцами, славянами и балтами. Ко всем этим народам в совокупности или к каждому из них порою могло быть применено наименование «самые северные» по отношению к миру Великой Греции архаического периода.

Будучи вынуждены считаться с некоторой расплывчатостью такого приурочения древних гиперборейцев, мы должны всё же предпринять попытку определения тех гиперборейцев, которые из своего северного далёка посылали дары на Делос в Эгейском море в догеродотовское время.

Переложим на географическую карту рассказ Геродота о дарах:

- 1) «гиперборейцы посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому»;
- 2) «от скифов дары принимают ближайшие соседи»;
- 3) «и каждый народ всегда передаёт их всё дальше и дальше, вплоть до Адриатического моря на крайнем западе»;
- 4) «оттуда дары отправляются на юг»;
- 5) «сначала они попадают к додонским эллинам»;
- 6) «а дальше их везут к Малийскому заливу»;
- 7) «и переправляют на Евбею»;
- 8) «здесь их перевозят из одного города в другой вплоть до Кариста»;
- 9) «однако минуют Андрос, так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос»;
- 10) «а теносцы — на Делос». (Геродот. История, IV—33)

В этом маршруте чётко ощущается рубеж между хорошо известными Геродоту греческими областями (начиная с Адриатики) и туманными представлениями о северном отрезке пути.

Начнём с определения земли «додонских эллинов». Додона находилась в Эпире на границе с иллирийскими племенами. Здесь была священная дубрава Зевса; из додонского дуба была сделана корма легендарного «Арго». Аргонавты плыли по Адриатике с севера на юг, что указывает нам на обычность того пути, о котором сообщает Геродот («оттуда дары отправляются на юг»). Следующие этапы пути дароносцев определяются без труда: Малийский залив — это залив Аталанского пролива в восточной части Греции, Евбея — известный остров восточнее Аталанского пролива. В древности здесь были города Диум, Оробия, Халкис, Эретрия, Стира и Карист. От Кариста, самого южного города Эвбеи, путь шёл морем на юго-восток, минуя остров Андрос, на

остров Тенос, близ которого и находился маленький островок Делос с храмами «летоидов» — Артемиды и Аполлона.

В своём движении от Адриатики (примерно в районе острова Керкиры) до Делоса гиперборейские дароносцы преодолевали сушей и морем путь около 700 км.

Значительно сложнее определение северного отрезка пути. При чтении Геродота мы несколько начинаем подозревать путаницу в его сведениях: путь через землю скифов никак не согласуется в нашем представлении с северным участком Адриатического моря. Однако такое подозрение было бы беспочвенным. Дело в том, что в ранних античных представлениях о северных землях не было ясной согласованности между сведениями, идущими прямо с севера, и сведениями, получаемыми из черноморского угла ойкумены. Поэтому Гекатей Милетский растянул пространство Скифии от Ирана до Кельтики; рубеж Скифии и Кельтики проходил где-то в южной Прибалтике, что между прочим, подтверждается и археологическими материалами о кельтах гальштатского времени. Возможность такого расширительного понимания Скифии была обусловлена не только неясностью представлений о соотношении земель на Севере, но, думаю, ещё и тем, что часть Скифии (и притом наиболее знакомая грекам по хлебной торговле) была заселена праславянскими племенами пахарей-земледельцев, земли которых действительно доходили до границ Кельтики в южной Прибалтике. Таким образом, «скифами», принимающими дары гиперборейцев для дальнейшей передачи, следует считать не настоящих скифов-кочевников Северного Причерноморья, а какую-то западную часть обширного праславянского массива, расположенную в сравнительной близости от Адриатики. Археологически это будет область лужицкой культуры.

Древние считали, что Истр-Дунай одним своим рукавом изливается в северный угол Адриатического моря. На создание такого представления повлияло наличие притоков Савы (приток Дуная), подходящих близко к морю в районе таких городов, как Аквилея, Теристия, Тарсатина, близ полуострова, носившего примечательное «дунайское» имя — Истрия. Таким образом, пункт на Адриатическом море, откуда дары гиперборейцев шли на юг к додонским эллинам может быть определён вполне надёжно: это место ближайшего подхода «рукава Итра» к морю, место выхода аргонавтов в Адриатику.

Исходная же точка, земля самих геродотовских гиперборейцев, должна была находиться где-то северо-восточнее западного края праславянской территории. Северо-западное направление от Адриатики исключено, так как там находилась «Кельтика», а не «Скифия», что хорошо прослеживается по археологическим материалам. Как видим, предполагаемая путаница устранена, и нас не должна удивлять передача даров через «скифов» и ряд других, более южных, племён к берегам Адриатики.

Доверие к Геродоту ещё более возрастёт, если мы полученный набросок маршрута дароносцев нанесём на карту важнейших торговых путей древности.

К этому же самому углу Адриатики уже в VI в. до н. э. выходил с севера прославленный «янтарный путь». О торговле балтийским янтарём у нас есть археологические свидетельства для бронзового века, а для античного времени очень много упоминаний в источниках. О «золоте Севера» — электроне-янтаре — писали многие авторы. Путешественники вроде упомянутого выше Питея описывали «страну янтаря». Работами ряда историков, опиравшихся на данные Плиния, и археологов «янтарный путь» от Балтики до Адриатики установлен с достаточной полнотой. Он шёл от юго-восточного берега Балтики (между устьями Вислы и Немана) на юг через следующие города римского времени:

Calisia — Калиш
Eburodunum — Брно
Vindobona — Вена
Scaurbantia — Шопрон

Postovio — Птуй
Emona — Любляна
Aguileia — близ Триеста

Аквилей находилась уже на берегу Адриатического моря. У этого пути было восточное ответвление, проходившее через верховья Вислы. Южнее Вены оба направления сливались. Как видим, начинался в исконных землях балтов, соприкасавшихся вплотную с лужицкой праславянской культурой, янтарный путь пересекал лужицкую область по самой её середине, проходил «Моравской Брамой» между острогами Альп и Татрами и, обходя Альпы с востока, приводил к Адриатике. Протяжение янтарного пути свыше 1000 км.

Вполне естественно предположить, что прибалтийские гиперборейцы догеродотовского времени, направляя свои дары в Эгейское море, использовали этот древний, хорошо известный и, как полагают, священный янтарный путь. При этом предположении соблюдены все условия геродотовского повествования о гиперборейских дароносцах.

1. Гиперборейцы живут у моря (Геродот. История, IV—13).
2. Начало янтарного пути находится в зоне земледелия, что оправдывает геродотовское упоминание пшеничной соломы (Геродот. История, IV—33).

3. Гиперборейцы, направляя дары на юг, передают их прежде всего «скифам», являющимся, как следует из этого, их южными соседями. Это вполне согласуется с античным представлением о том, что «Скифия» соприкасалась с «Кельтикой» (по археологическим данным, в бассейне Одера и Эльбы).

4. Янтарный путь, как и путь гиперборейских дароносцев, выводит к северному побережью Адриатики, известному ещё по мифу об аргонавтах.

5. По Адриатическому морю дары гиперборейцев шли на юг; для того, чтобы от конечного пункта янтарного пути достигнуть

Додоны, нужно действительно плыть на юг.

Приведённые выше материалы не решают вопроса о гиперборейцах вообще, так как переменчивая судьба этого условного географического термина много раз изменялась под влиянием учёта результатов новых плаваний и новых математических расчётов. Для греческой архаической эпохи, когда северных плаваний ещё не было и тогдашняя наука ещё не начала отодвигать гиперборейцев к Северному полюсу, «самым северным» были гиперборейцы Гекатея и Геродота, жившие за Рипейскими горами у Балтийского моря.

Под гиперборейцами Гекатея можно понимать разные племена, заселявшие это пространство: у нас нет данных для сужения этого понятия. Но гиперборейцы Геродота, помимо его воли («в существование гипербореев я вообще не верю». — IV—36), определяются по записанным им рассказам очень однозначно: это — живущие у моря северные соседи западной части праславян, т. е. прибалтийские племена I тысячелетия до н. э., область которых начиналась почти сразу за Вислой на восток и тянулась широкой полосой в глубь Восточной Европы вплоть до бассейна Оки и Клязьмы. К прибалтам принадлежали и геродотовские андрофаги на Верхнем Днепре и будины на Десне и Оке. Геродоту, как и всем его современникам, было очень трудно соединить представления о северных племенах, полученные от жителей Причерноморья, со сведениями, получаемыми балканскими греками о том, что делается за Истром и за ещё более далёкими Рипейскими горами. Не удивительно, что к этим отдалённым племенам греки применяли изобретённые ими самими (и понятные только греку) условные прозвища: «самые северные», «поедающие людей» и т. п. Поэтому добросовестный Геродот и усомнился в существовании «самых северных». Тем не менее подробно переданный им рассказ о посылке даров на Делос чётко определяет гиперборейцев IV—V вв. до н. э. как балтов.

«Мы же на предлагающее возвратимся», как писали русские летописцы, если им приходилось временно отвлечься от своего основного повествования. Вспомнив о богине Лато, ради которой и был принят весь этот экскурс о местоположении гиперборейцев.

Подведём итоги. Думаю, что теперь мы с большим правом можем сблизить Лато и Ладу. Ареал этнографического почитания «матери Лады» весьма широк: он полностью включает в себя всю землю балтов-гиперборейцев (как в латышско-литовской, так и в славянизированной великорусской части), всю территорию праславян и все области позднейшего славянского расселения. В бронзовом веке культ богини Лато дошёл до греческого Крита, где встретился с местным культом Деметры и Персефоны⁶. Возможно, что и праиталики знали культ Лато (Латоны)-Лады.

В предгеродотовское время (VI—V вв. до н. э.) сохранились мифы о тесной связи богини Лато с «самыми северными» наро-

дами, поддерживаемые ежегодной посылкой даров (очевидно, состоявших в какой-то части из плодов нового урожая). Дары приносили две девушки из земли гиперборцев, кончавшие свою жизнь в могилах у подножия Артемиды, дочери Лато.

Всё сказанное позволяет говорить о древнем, существовавшем у значительной части индоевропейских народов Центральной и Восточной Европы культе двух рожаниц, из которых старшая, роженица-мать, именовалась Лато и Лада, а имя младшей варьировало: у праславян это была Лель, Лёля, Лаля; у греков — Артемиды, сохранившая много черт архаичной охотничьей богини, хотя преобладали свойства покровительницы земледелия и плодородия.

Единство и глубокая древность культа Лато-Лады подтверждаются драгоценным свидетельством Геродота о сложной системе передачи даров от балто-славянских северных земель к священному островку в Эгейском море.

Мы рассмотрели всех основных богинь славянского пантеона, за исключением рожаниц, которые неразрывно связаны с Родом. Рассматривать рожаниц без Рода невозможно, так в источниках они почти всегда объединены. Рода же можно будет понять лишь после того, как мы познакомимся со всеми другими мужскими божествами славян и праславян. Поэтому рожаницы будут рассмотрены отдельно.

Вслед за женскими божествами перейдём к рассмотрению мужских божеств разной степени архаичности, но в большинстве своём восходящих к праславянской или даже к ещё более ранней эпохе.

МУЖСКИЕ БОЖЕСТВА

Мужские божества славянского средневековья почти все воинственны; их изначальные функции заслонены, как это и должно было быть в раннефеодальном обществе, обилием оружия, доспехов, боевых коней и знамён, которыми снабдили их почитатели-дружинники.

Рассматривая перечни славянских богов, приводимые источниками XI—XII вв., мы можем подразделить их на несколько групп: в одну группу войдут Сварог и Сварожичи (Дажьбог, Сварожич и Святovit); в другую — божества плодородия — Род, Велес, Яровит, Ярило. Вне групп окажется Перун.

Анализ данных о мужских божествах с целью выяснения древности того или иного образа крайне затруднён отрывочностью и несопоставимостью многих данных. Некоторые имена узколокальны; далеко не по всем богам есть этнографические данные. Не всегда мы можем определить первичные функции из-за отягощения образа позднейшими воинскими задачами. Нидерле начинает обзор «широко известных богов» с Перуна, правильно полагая,

СЕВЕРНОРУССКИЙ ОВНИ — место культа огня-Сварожича

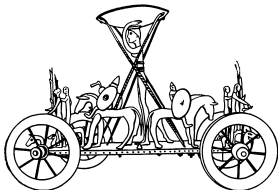
что он не был богом только одних русских и не является результатом заимствования у варягов. Культ Перуна засвидетельствован у южных славян. У полабских славян он отразился в названии дня недели четверга — «перуновым днём», что сближается с общеевропейской системой: «jeudi» (день Юпитера), «Donnerstag», «Thursday» (день Тора), т. е. дни громовержцев. Собственное славянское название дня недели много значит для понимания глубинных слоёв культа.

Общезвестно, что славянский Перун тождествен по смыслу литовско-латышскому Перкунису-Перконсу; сопоставления идут ещё дальше: индийский Парджанья, кельтский (P)erkuinio. Новейшая работа В. В. Иванова и В. Н. Топорова подтверждает известное по прежним исследованиям славяно-балтийское распространение культа Перуна; авторы приводят и ряд южноевропейских параллелей. Очевидно, Перун как бог грозы, молнии и грома почитался под сходными именами у значительной части индоевропейских племён древности, но везде ли и всегда ли он расценивался как верховное божество, как первенствующий бог языческого пантеона, мы решить не можем. Необходимо учесть мнение Е. В. Анничкова, что первенство Перуна в Киевской Руси — дело очень позднее, почти современное рождению Киевского государства.

Не подлежит сомнению, что в праславянское время культ грозного Перуна был известен, но вкладывалась ли тогда в этот культ идея бога — владыки мира, мы не знаем; вероятнее всего, что нет.

Большой интерес представляет вывод В. В. Иванова и В. Н. Топорова о времени возникновения культа Перуна-Громовержца: «Эпоху (Громовержца), видимо, можно датировать на основании таких специфических черт, как атрибуты героя мифа (копьё, колесница, оружие из бронзы при пережиточных следах каменных стрел Громовержца...). Появление этих предметов и их индоевро-

пейских названий можно датировать началом героической эпохи расселения индоевропейцев, видимо, с конца III тысячелетия до н. э.» В данном случае лингвистика сослужила хорошую службу, обратив внимание на датировку явлений. В историко-социологическом плане возникновение культа Перуна-Вонтедя мы должны отнести к протославянской эпохе и связать с культурой

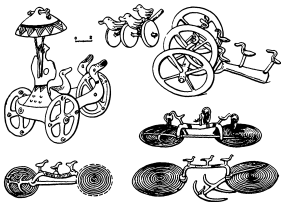
**СОЛНЕЧНАЯ КОЛЕСНИЦА ЮЖНЫХ СОСЕДЕЙ ПРАСЛАВНЫХ (Штреттвейг, Ассирия). Най-
дено в жреческой могилах VI в. до н. э. Внизу деталь — двое мужчин держатся за рога
статуи слященного оленя**

шаровых амфор, когда впервые обозначились черты военной демократии, военная напористость дружин, расселение, сопровождавшееся завоеванием и насильственным вторжением. Перун тогда был, очевидно, не столько богом оплодотворяющих туч, сколько Перуном-Грозой, грозным божеством первых племенных дружин, конных пастухов-воителей, вооружённых боевыми топорами, надолго ставшими символом бога грома.

В христианское время Перун был прочно заслонён пророком Ильёй, озявшим по небу в огненной колеснице. Судя по тому, что Ильин день (20 июля) очень торжественно праздновался по всей России, и праздновался со всеми признаками древнего языческого культа, надо полагать, что именно этот грозовой день и был исконным днём громовержца Перуна.

Этнография даёт нам много примеров кровавых жертвоприношений Ильё-Перуну. Во многих северных губерниях России к Ильину дню специально «всем миром» выкарильвали быка, которого и закалывали в день праздника. Подготовка к Ильину дню велась целую неделю, носившую название ильинской.

Совершенно особый интерес представляет летописное свидетельство о человеческих жертвоприношениях Владимира Свято-славича в 983 г. За неделю до Перунова дня в Киеве начали готовиться к мрачному жертвоприношению: «Мечем жребий на отрока и девицу: на него же падеть — того зарежем богом...». Жребий пал на варяга-христианина Фёдора, который сопротивлялся выполнению обряда, но был убит; церковь празднует его память 12 июля. Летописные сроки почти точно совпадают с эт-

СОЛНЕЧНЫЕ КОЛЕСНИЦЫ ЗАПАДНЫХ ВРАСЛАВЛИ

нографическими; и там и здесь подготовка к большому празднику в честь Перуна-Ильи начиналась за 7—8 дней.

На замечательном «глиняном календаре» черниховской культуры, найденном на Киевщине, день Перуна — 20 июля — отмечен огромным «громовым знаком», колесом с шестью спицами. Такие громовые знаки в XIX в. часто вырезали на прицепинах из-за того, чтобы предохранить их от удара молний.

Замещение Перуна Ильёй произошло ещё до крещения Руси, когда только часть киевского боярства приняла христианство: в договоре Руси с Византией 945 г. говорится о русах-язычниках, клявшихся Перуном, и о русах-христианах, приносивших присягу в соборной церкви св. Ильи.

Владимир, приняв христианство, оказал особую честь Перуну, возглавлявшему сонм русских языческих богов: идола Перуна с серебряной головой и золотым усом не изрубили и не сожгли, как других идолов, а совели с Киевской горы и с эскортом из 12 дружинников проводили по Днепру вплоть до самых порогов. Миновав пороги, Перун оказался на острове (очевидно, на Хортице), «отътоле прослу Перуна Рень, якоже и до сего днє словєть».

Следует сказать, что в поучениях против язычества Перун упоминается лишь в суммарных перечнях. Никаких сведений о широком распространении у нас нет. Быть может, это следует отнести за счёт ранней и быстрой замены Перуна христианским Ильёй.

Группа божеств, связанных с плодородием (Род, Велес, Ярило), по всей вероятности, неоднородна по своему происхождению. По месту в народной памяти самым поздним, очевидно, следует считать Ярилу-Яровита, так как фаллические обряды, связанные с ежегодными «похоронами Ярилы», дожили до XIX в. и хорошо зафиксированы этнографами, тогда как имя Рода почти забылось к XVI—XVII вв., а от культа Велеса не осталось сложных игровых обрядов и уцелел лишь обычай оставлять на поле последнюю жменю колосьев — «Волосу на бородку».

Куль Ярилы, известный в средние века и у западных славян, представляется чрезвычайно близким к античным культам умирающего и воскресающего бога плодородия, весенней «ярой» плодоносящей силы вроде культа Диониса, а следовательно, стадийно наиболее поздним. Наличие имени Ярилы и связанных с этим божеством обрядов у южных славян позволяют датировать время появления культа Ярилы-Яровита эпохой до великого расселения славян в VI в. н. э. У балтийских славян (племя гаволян) это божество известно миссионерам под именем Геровита, его символом был блестящий золотой щит. Несмотря на то, что средневековые авторы отождествляли Геровита с Марсом, исследователи правильно связывают его имя с корнем «яр», образующим значительный семантический пучок в славянских языках, и транскрибируют его имя как Яровит. Торжественный праздник в честь Яровита справлялся в XIII в. весной.

Ярило-Яровит связан с плодоносящей силой зерна-семени, поэтому весенние празднества приобретали заклинательное значение, а широко распространённые в России похороны Ярилы в дни летнего солнцестояния отражают важнейшую аграрную фазу: полное отмирание старого зерна-семени, брошенного в землю весной, и взращивание новых зёрен на колосьях. Похороны Ярилы никого из участников обряда не огорчали. Сущность была в том, что хлеба уже начинали колоситься, посеянное зерно успешно выполнило свою функцию и породило зёрна нового урожая. «Ярость», «ярь» Ярилы была уже не нужна, и кукла, изображающая старика с огромным фаллом, погребалась весело, со смехом, с непристойными шутками и притворным плачем.

Такое отвлечение плодоносящей жизненной силы от каких бы то ни было реальностей и в то же время чёткая антропоморфизация её наводят на мысль о сравнительно позднем времени возникновения подобных представлений, вероятно, к концу праславянской эпохи.

ВЕЛЕС-ВОЛОС

Сложнее обстоит дело с культом Велеса-Волоса. Летописное определение Волоса как «скотьего бога» даёт нам важнейшую сторону культа: Велес был богом богатства, скотоводства, может быть, плодovitости. Выражение идеи богатства при посредстве полисемантического слова «скот» (равнозначного латинскому «rescilia» — скот, богатство) ведёт нас в совершенно определённую историческую эпоху, когда главным богатством племени были именно скот, стада крупного рогатого скота, «говяда», т. е. в бронзовый век.

Однако помимо указания на скотоводство и богатство, имя Велеса имеет ещё один семантический оттенок — культ мёртвых, предков, душ умерших. На это указал ещё А. Н. Веселовский, приведя ряд балтийских параллелей (*welis* — литовск. — покойник, *welci* — души умерших). Без ссылок на Веселовского и Гальковского эту мысль высказали Иванов и Топоров.

Собранный лингвистами материал обилён и интересен, но нередко исследователи в увлечении вводят в круг понятий, связанных с Велесом, материалы, совершенно не относящиеся к делу, как, например, днепровский порог (будто бы «зменный вал»), Волынь, Вавель и др.

Книга В. В. Иванова и В. Н. Топорова, откуда взяты эти примеры, производит впечатление подробной картотеки, частично систематизированной, но не являющейся целостным исследованием. Отдельные суждения (о Перуне-Громовержце, о Яриле, о балтских параллелях) представляют определённый интерес, хотя и не всегда новы, но главный замысел книги, выраженный в заголовке первой части («Реконструкция фрагментов мифа о Боге

Грозы и его Противника»), решён, на мой взгляд, недостаточно солидно.

В самом деле, как можно говорить о боге грозы, не упомянув ни Сварога — бога небесного огня, ни Рода, сидящего на воздухе («родна» — молния)? Ознакомление с указателем убеждает в том, что во всей книге нет ни одного упоминания ни Сварога, ни Рода ни на одном славянском языке! Главной ошибкой двух авторов следует считать не постановку вопроса о борьбе двух начал (Громовержец и Противник), вопроса важного и интересного, а неправомерное отождествление Противника с Велесом и одновременно со Змеем-Горынычем.

Противопоставление Велеса Перуну будто бы базируется на тексте летописи, но в летописи мы видим совершенно обратное:

907. «... и кличаша оружием своим и Перуном богом своим и Волосом скотнем богом...»

971. «Да иже клятву от бога, в него же веруем и от Перуна и от Волоса скотия бога».

Единственный допустимый вывод о различии между Перуном и Волосом по этим выпискам из договоров с греками тот, что в составе русских посольств 907 и 971 гг. были как дружинники, клявшиеся грозным Перуном, так и купцы, дававшие клятву своему богу богатства Волосу. Ни о каком противопоставлении двух богов нет и речи.

Не более удачна и вторая ссылка на летопись: «Владимир... объединил в государственном пантеоне Киевской Руси бывших противников (Перуна — бога княжеской дружины и Велеса — бога всей Руси, т. е. всей страны)...». Нет, не объединял их Владимир: в 980 г. были поставлены, как известно, идолы Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Макоши. Волоса среди них нет; авторы ошиблись. Но самым уязвимым местом конструкции Иванова и Топорова является, конечно, отождествление Волоса со Змеем, ничем не доказанное и противоречащее материалам, собранным самими авторами. Авторы не показали читателю, каким образом они преодолели такое препятствие, как признание Змея-Горыныча, пожирателя людей, добрым и благожелательным божеством достатка и богатства. Указываемое авторами «местообитание противника» (море, озеро, река, источник, пещера) в равной мере не приложимо ни к скотьему богу Велесу, ни к Змею, обычно летающему и огненному. После тех интересных наблюдений, которые сделаны авторами в отношении Перуна, грозного бога вооружённых скотоводов III—II тысячелетий до н. э., крайне странно выглядит признание «скотьего бога» Велеса непримиримым противником Перуна.

Всё построение «мифа» о поединке Перуна с Велесом-Змеем мне представляется надуманным и совершенно неубедительным.

Однако собранная авторами картотека может принести пользу. Составленная ими характеристика противника наводит на мысль о каком-то хтоническом божестве, связанном с водой и нижним

подземно-подводным миром, которое было не столько противником, сколько антиподом Громовержца. Приходит на память ящер из космогонической композиции на шаманских сульде. Ящер был олицетворением и хозяином нижнего мира с его подземными и подводными пространствами. Ящер заглатывал солнце-лося на западе и изрыгал его на востоке.

В польских записях XV в. мы видели сочетание культов трёх божеств — Лады, Лели и загадочного Iesse или Iazsa, в котором можно видеть ящера. Сочетание этих трёх божеств не лишено логической связи, все они в силу приписываемых им функций связаны с возрастанием солнечного тепла, с сезоном сева и созревания: Лада и Леля олицетворяли весенне-летнее процветание природы, а Яже — ту хтоническую силу, без участия которой солнце не могло подняться над горизонтом. Всех троих идолов Лысой горы нужно было умилостивить независимо от их положительных качеств. При таком повороте темы ящер или змея могли оказаться антиподами небесных и солнечных божеств; возможно допустить и мифотворчество о борьбе небесного и солнечного начала с подземно-подводным, но только следует очень тщательно отобрать то, что действительно противоположно и враждебно небесному началу.

Материалы и наблюдения Иванова и Топорова, будучи взяты вне зависимости от их концепции, позволяют построить, разумеется гипотетически, тысячелетнюю историю образа Волоса. В глубокую охотничью архаику уходит загадочная на первый взгляд связь Волоса с медведем.

Волос — волосатый, волохатый; отсюда — волхв — тоже волохатый (может быть, одетый в медвежью шкуру? — Б. Р.). С Волосом связано созвездие Плеяд — Волосынь; сияние Волосынь предвещает удачную охоту на медведя.

Обратим внимание на то, что сведения о связи Волоса с культом медведя идут с далёкого севера славянского мира, из Ярославского Поволжья, расположенного на границе европейской тайги, где охота долгое время сохраняла своё значение.

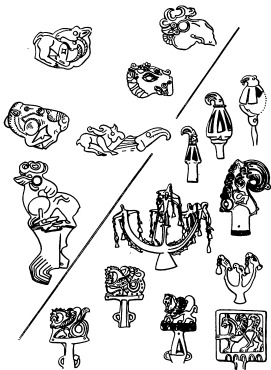
Крайне важно учесть отмеченное Ивановым и Топоровым значение корня «Vel» в значении «мёртвый»; «wael» (древнеангл.) — оставшийся на поле боя труп. Быть может именно здесь мы найдём объяснение позднейшей связи Волоса с культом мёртвых. Первоначально, в далёком охотничьем прошлом, Велес мог означать духа убитого зверя, духа охотничьей добычи, т. е. бога того единственного богатства первобытного охотника, которое олицетворялось тушей побеждённого зверя. Связь Велеса с медведем позволяет датировать (стадиально) этот культ более поздней фазой развития охотничьего общества, когда ранний культ небесных рожаниц-лосих частично вытесняется представлениями о мужском божестве, хозяине леса, выступающем обычно в виде медведя. Тогда же, на той же стадии, происходит и замена наименования созвездий: созвездие Лося становится Большой Медведицей. К со-

ЛОСЬ И ОЛЕНЬ В РУССКОЙ ВЫШИВКЕ

жалению, эта стадия трудно поддаётся абсолютной датировке. По всей вероятности, это неолит или бронзовый век в его северном охотничьем облике.

Поскольку скотоводство развилось из охоты, из отлова и выращивания дикого молодняка, то при переходе к скотоводству хозяин леса и повелитель лесного зверья мог быть переосмыслен в покровителя одомашненного зверья, стал «скотным богом в прямом смысле слова. В этом случае неизбежно должно было произойти расслоение образа: с одной стороны медведь, «лесной царь», которому приносятся просьбы о сохранности всей скотины, а с другой — Велес как покровитель скота. Кажущийся на первый

ЛЕСНЫЕ СЮЖЕТЫ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ПРАСЛАВИНСКОГО МИРА (левая половина) и птицы и грифоны диспропорционального Прованса и стел. Указанная схема

взгляд странным переход от представлений о покровителе удачной охоты к скотскому богу на самом деле не так контрастен: в обоих случаях конечный результат воспринимался как убийство и поедание животных; охотник преследовал и убивал свободного зверя; скотовод резал связанную скотину, но оба они кормили себя и своих соплеменников мясом.

В эпоху вооружённого расселения северных индоевропейцев-скотоводов к архаическому Велесу прибавился Перун, но это не создавало конфликтной ситуации: Велес оберегал и умножал стада, принадлежащие племеню, а Перун вдохновлял на захват чужих стад и новых пастбищ. Оба божества были порождением новой и в экономическом и в социальном отношении обстановки.

Переход к земледелию не требовал нового переосмысления образа «скотьего бога», так как скотоводство осталось существенным и незаменимым элементом комплексного сельскохозяйственного хозяйства. Скот обеспечивал вспашку полей, шерсть, кожу и мех для одежды, молоко, сыр, масло для стола, рог и кость для поделок. Скот по-прежнему, как и при пастушеском хозяйстве, олицетворял богатство племени, и именно ту его часть, которая в отличие от зерна могла почти неограниченно накапливаться, обмениваться, отчуждаться. Не удивительно, что вплоть до средневековья слово «скот» означало не только домашних животных, но и имущество, деньги, богатство. Слово «скотолюбие» означало корыстолюбие; «скотник» — финансовый чиновник, стоящий между посадником и старостой; «скотница» — казна.

Воздействие постепенно возрастающего земледелия могло сказаться лишь в одном: архаичная связь Велеса с убитым, мёртвым зверем, возникшая в охотничью пору, теперь осмысливалась шире — как мир мёртвых вообще. Умершие предки предавались земле; в сознании древних пахарей предки содействовали плодородию и урожаю. Угощение «дядю» на кладбище или за домашним столом носит аграрно-магический характер. Вполне допустимо, что именно по этой причине, в связи с культом предков, Велес и в земледельческом обществе сохранил связь с миром мёртвых.

Обратим внимание на то, что крестьяне-земледельцы XIX в. жертвовали Волосу не первый сноп нового урожая, обычно украшенный лентами и хранимый в избе до будущего года, а последнюю горсть колосьев, оставшуюся на сжатой ниве. Хлеб был убран, поле омертвело, земледelec сложил свою «добычу» в крестцы и лишь тогда вспомнил о Волосе, оставляя ему колосья «на бородку», завязав их узлом. Наряду с этим обычаем у некоторых славянских народов существовало почитательное отношение к последнему снопу, увозимому с поля. Его называли «дедом», «стариком», «бабой»; его зёрна считали плодовитыми и примешивали их к посевным.

Обозначение последней горсти колосьев «Волосу на бородку» известно только русским; у западных и южных славян его нет. У югославов сохранилось выражение «божья борода», но имя бога уже забыто.

Сочетание мёртвого, сжатого поля с велесовой бородой и последним снопом в какой-то мере объясняет нам связь Велеса с с миром предков, покоящихся в земле и помогающих её плодородию.

Однако дополнительные земледельческие функции божества не заслонили его основной сущности: вплоть до христианизации Руси Волос-Велес сохранил своё значение «скотьего бога» в прямом смысле слова. Только лишь в силу этого и могло произойти замещение Велеса по созвучию имён святым Власием, ставшим на русской почве покровителем скота вплоть до XIX в.

Итак, намечается следующая эволюция образа Волоса: первоначально, в охотничьем неолитическом обществе (когда культ медведя уже частично оттеснил лосих-рожаниц), Волос мог быть хозяином леса, божеством охотничьей добычи, выступавшим в медвежьем облике. Возможно, что само имя его было лишь нарицательным иносказанием, вызванным табу на подлинное имя: Волос — волохатый, косматый, как позднейший медведь — идь ведающий, как лось — сохатый, рогатый.

В представлениях переселенных охотников, очевидно, существовали две основные идеи: одна из них касалась природы вообще, изобилия объектов охоты и олицетворялась в небесных женских божествах, будто бы рождающих весь звериный приплод, а другая относилась, так сказать, к технике охотничьего дела, к получению убитого, мёртвого зверя. Волос был воплощением этой второй идеи, и трудно сказать, на каком этапе развития охотничьей магии возник этот образ косматого покровителя удачной охоты — ведь и мамонт был косматым и волохатым, и палеолитический носорог был шерстистым... Дошедшие до нас сведения о связи Волоса с культом медведя относятся к значительно более поздней поре жизни охотничьих племён, но они не исключают возможности поиска на больших глубинах.

Если верно сделанное Ивановым и Топоровым сближение слова «волхв» с тем же понятием «волохатости», «косматости», то в поисках истоков мы можем оказаться на той хронологической глубине, когда охотник маскировался в звериную шкуру, когда колдун-жрец, имитируя процесс охоты, выступал в звериной шкуре и был волохатым. Позднейшие охотники на медведей не маскировались в медвежьи шкуры, но как ритуальная одежда медвежья шкура дожила до XIX в. (медвежьи комоедницы 24 марта у белоруссов).

С развитием скотоводства функции звериного бога осложнились охраной домашних животных. Волос стал божеством всяких благ, как охотничьих, так и скотоводческих, божеством всего племенного богатства. Такую же метаморфозу испытало и охотничье оружие: рогатина стала главным магическим предметом в обрядах, сопровождавших первый выгон скота на пастбища.

Земледельце, неразрывно связанное со скотоводством, оставило Велеса «скотным богом» (во всей широте понятия «скот») и в какой-то мере воскресило архаичную связь этого божества с идеей смерти, которая теперь понималась сквозь призму аграрной магии: умершие, срезанные серпами колосья были добычей земледельца; почвенный слой земли, рождающий колосья, был вместе с

том и вместилищем праха предков. Велес, который во времена тотемизма и веры в реинкарнацию связывал первобытного охотника с миром зверей, теперь прикоснулся к культу предков и аграрному круговороту жизни и смерти, стал в какой-то мере эпихтоническим божеством, связанным с плодородием почвы, т. е. стал «скотным богом» в комплексном понимании этих слов.

Намеченная здесь эволюция Велеса подтверждается географическими наблюдениями: культ Велеса прослеживается значительно чётче на северных окраинах славянского мира, где роль охоты сохранялась дольше, чем на юге; связь Велеса с миром мёртвых тоже проступает более определённо в северной части индоевропейского (в том числе и балто-славянского) мира.

Среди языческих идолов славянского средневековья наиболее часто встречается изображение бородатого мужчины с огромным турным рогом, «рогом изобилия» в руке. Никаких атрибутов Перуна у этих идолов нет, а рог как символ благополучия и обилия является устойчивой деталью почти всех скульптур. Единственное божество, с которым можно связывать эти изображения, — это бородатый (как нам известно) «скотный бог» Велес, покровитель комплексного, земледельческо-скотоводческого хозяйства древних славян.

Несколько иную картину даёт нам композиция из пяти божеств на Збручском идоле. Четыре божества находятся, как известно, в верхней небесной сфере. Это — два женских божества, Перун и неизвестное мужское божество на задней грани идола. Плоскость земли с хороводом людей поддерживает ещё одно мужское божество, изображённое коленопреклонённым. С этим полухтоническим божеством нижнего мира естественнее всего отождествить Велеса. Существенное отличие збручской композиции состоит в том, что символ изобилия — рог здесь принадлежит не мужскому божеству, а женскому, возглавляющему всю композицию.

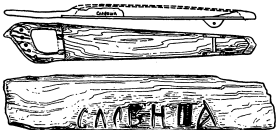
Положительная роль нижнего мужского божества выражена тем, что на нём, на его плечах, зиждется весь средний мир, мир обыкновенных людей.

Непримиримого противоречия между отдельными бородатыми идолами с рогом в руках и одним из элементов сложной теологической композиции, пожалуй, нет; в первом случае славянин изготавливал изображение бога, обеспечивающего всю полноту земных жизненных благ. Таким богом был Велес-Волос. Во втором случае умудрённый знанием скульптор решил дать всю систему представлений о богах, и на первое место он поставил мужское начало (общая фаллическая форма скульптуры), а на второе — женское (богиня на лицевой грани). Вооружённый Перун оттеснён на третий план. В одной плоскости с главной женской фигурой находится Бог, держащий на себе землю с людьми. Эта лицевая центральная грань представляла собой продуманное единство богини-матери и полухтонического (эпихтонического) бога-мужчины, благорасположенного к человечеству, каким вполне мог быть

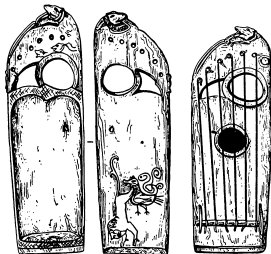
Велес. Независимо от атрибуции средневековых идолов и от предположений об охотничьих истоках сам образа Волоса-Велеса безусловно восходит к праславянской и даже к протославянской эпохе.

После принятия христианства двойников древнего Волоса-Велеса стал святой Власий Севастийский, что, конечно, произошло по созвучию имён: Волос — Влас. В Новгороде на древней Волосовой улице была поставлена в XIV в. (очевидно, на месте идола) церковь св. Власия. Но следует сказать, что церковное празднование памяти Власия Севастийского не помогает нам проникнуть в первичную, дохристианскую сущность «скотьего бога». Обряды во власьев день (11 февраля ст. ст.) сводятся к кормлению скота хлебом и поению его крещенской водой.

Большой интерес представляют сведения жития Авраамия Ростовского, повествующего о том, что в XI в. в Ростове «Чудский конец поклонялся идолу каменну, Велесу». На месте, где стоял идол Велеса, Авраамий поставил малый храм, но этот храм был не во имя Власия, а во имя Богоявления. Обычно в средневековые церкви, ставившиеся на месте свергнутых идолов, носили имя того христианского святого, который заместил собою своего языческого предшественника. Если этого нет, то мы должны обратить внимание на календарность христианского празднования, так как именно в ней может быть скрыта разгадка языческого прототипа. В данном случае перед нами праздник Богоявления-крещения, отмечаемый 6 января. Крещение — последний, завершающий день двенадцатидневных зимних святок, начинающихся в ночь с 24 на 25 декабря, включающих в себя языческий новый год (1 января) и заканчивающихся особыми русальными «бесовскими» играми 6 января. День христианского праздника Богоявления был, очевидно, настолько наполнен языческой обрядностью, что даже для общего поучения против язычества древне-

ГУСЛИ ГУСЛЯРА СЛОВИШИ (Новгород)

ГУСЛИ — ЛИЦЕВАЯ И ОБОРОТНАЯ СТОРОНЫ (Новгород).

Реконструкция

русский автор выбрал как исходную точку «Слово» Григория Богослова на Богоявление.

Отрезок святок с 1 по 6 января считался временем разгула всякой нечисти («страшные вечера»). На Крещение гадали («Раз в крещенский вечерок...»), устраивали смотрины невест, разгульные игрища с песнями и плясками.

Для нас наибольший интерес представляют некоторые ритуальные действия над скотом, производимые в день Богоявления. Приведу полностью описание обряда «освящения скота», сделанное С. В. Максимовым (Орловская губ.): «После обедни, которая на Крещение отходит рано утром, крестьяне расходятся по домам... потом один из членов семьи берёт с божницы икону с зажжённой перед ней свечой, другой — кадильницу, третий — топор, четвёртый (обыкновенно сам хозяин) надевает вывороченную наизнанку шубу и берёт миску с богоявленской водой и соломенное кропило. Вся семья отправляется на скотный двор в следующем порядке: впереди, согнувшись, несёт сын или брат домохозяина топор остриём книзу, так что он касается земли¹. За ним кто-нибудь из женщин несёт икону (по большей части воскресения Христова)

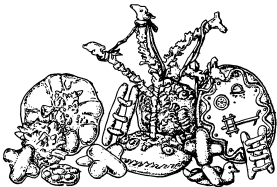
далее идут с кадильницей и, наконец, хозяин с чашею воды.

Шествие совершается торжественно, среди полной тишины, причём процессия останавливается посреди двора, где разложен особый корм для скота: печёный разломанный на куски хлеб, ржаные лепёшки, сохранившиеся для этой цели от праздника рождества и нового года, хлеб в зерне и немолочные снопы ржи, овса и других хлебных растений, оставленные к этому дню с осени (оставляют обыкновенно по шесть снопов каждого хлеба).

Когда процессия останавливается, хозяинка выпускает из хлева до тех пор запертую скотину, которая с недоумевающим видом бродит по двору и, наконец, накидывается на лакомую пищу. Между тем процессия обходит вокруг скотины с образом, причём хозяин окропляет святою водою каждую голову крупного и мелкого скота в отдельности. Этот обход делается три раза, после чего топор крестообразно перебрасывается через скот, и участники процессии направляются обратно в избу.

Глава семьи в вывороченной мехом вверх шубе, угощающий скот и заклинающий его сохранить при помощи топора, выглядит так, как должен был, очевидно, выглядеть древний волхв, жрец волохатого бога Волоса. Добавим, что именно на эти зимние праздники повсеместно пекли обрядовое печенье, изображающее скот: «коровки», «баранки», «ропки»; преобладают названия, связанные с коровами.

Вполне возможно, что моления Велесу не ограничивались только заключительным днём зимних святок, а начинались с нового года и продолжались все те шесть дней января, которые отмечены

ОБРЯДОВОЕ ПЕЧЕНЬЕ «КОРОВКИ», «РОПКИ», «КРЕСТЫ», «ЖАВОРОТКИ», «БОГАТЫ»

«разгулом нечисти». В пользу этого говорят болгарские новогодние обряды, в которых участвовали 12 «старцев», одетых в звериные и скотские маски и обвешанных по поясу коровьими бубенцами-боталами. Эти старцы — сурвакары (иногда именовали их «медведями») — сходились в ночь под новый год из разных деревень в село и начинали своё длительное и многообразное действо, состоящее из заклинательных обрядов и сражения двух партий ряженых. Среди масок есть маски медведя и быка. Второго января болгары проводили особый «воловий праздник», когда прежние сурвакары и колядники очищали стойла и хлевсы. Последним днём святок у болгар было 7 января, когда вожак колядников угощал свою дружину, явившуюся в масках; обязательной была маска медведя.

По всей вероятности, святки делились на две половины: первая (включая новогоднюю ночь) была посвящена будущему урожаю и гаданию о замужестве, а вторая (начиная с новогодней ночи) была связана со скотом и зверьём и представляла собой «велесовы дни». Велос мог выступать и в виде медведя, «лесного царя», и в виде быка-тура, представителя рогатого богатства.

Болгарские сурвакары (мне посчастливилось видеть обряд в с. Дивле Радомирской в 1946 г.) в шкурах, живописных звериных масках, со скотскими колокольчиками у пояса и с ярко-красными жезлами в руках весьма ощутимо воскрешают облик древних жрецов Велеса.

В святочной славянской обрядности имя Велеса уже не упоминается, но под новый год и на масленицу в песнях упоминался Тур; по обряду водили быка, в маскарадах участвовали рогатые маски, именуемые «туром». Не лишено вероятия, что у древнего Велеса могли быть две звериные ипостаси: более арханчная,

ПОДВЕСКИ ИЗ РАДИМИЧСКИХ КУРГАНОВ XI—XII вв. (увеличено)
Изображение обряда «Турец»: бык и семь деушек

охотничья — медведь (сохранённая на севере) и несколько более поздняя, связанная с скотоводством, — тур, встречаемая в южных славянских областях от Украины до Далмации. Введение христианства должно было наложить строгий запрет на имя популярного славянского бога и могло содействовать появлению в святочных песнях такого новообразования, как туры, турицы.

У русских и у балтов (латышей) в качестве новогоднего персонажа известен Овсен. Латыши празднуют Уснй главным образом на Юрьев день, весной. Происхождение термина спорно; может быть, о-весень (как о-лешье, о-пушка) — преддверие весны. Несмотря на календарную близость «велесовых дней» и овсеня, едва ли следует обликать их.

Случайно сохранившееся свидетельство о построении на месте идола Велеса церкви Богоявления позволило привлечь интереснейший этнографический материал, в свою очередь проливающий свет на культ Велеса. Теперь выяснился ещё один день чествования «скотьего бога» (помимо знаменитого Юрьева дня) — 6 января; велесов день завершал собою обширный цикл празднеств зимнего солнцестояния.

Связь Велеса с зимними свитками объясняет нам не только обрядовое печенье в виде домашних животных, но и ряженье, одевание звериных масок в святочные дни, пляски в вывороченных тулупах.

Старые авторы оставили нам красочное описание святочных маскараров, когда люди «на тех же своих законопротивных соборищах и некоего Тура-сатану... вспоминают и иные лица своя и всю красоту человеческую (по образу и подобию Божию сотворённую) некими харями или страшилами, на дьявольский образ пристроенный, закрывают...».

В другом поучении в более общей форме говорится: «... мы само ся от человек в звери ся прелагаем».

Устойчивая традиция святочного переряживания в различных зверей и животных и святочного выпекания «караваев» и «коровок» становится значительно более понятной после того, как её удалось связать с богоявленским освящением скота и с постройкой богоявленской церкви на месте идола Велеса.

Древний «скотий бог» занимал видное место в народной календарной обрядности.

Ряженье в звериные маски и в вывороченные тулупы производилось дважды в год — на зимние святки и на масленицу; оба срока связаны с солнечными фазами — зимним солнцестоянием и весенним равноденствием (масленица ежегодно сдвигается со своего исконного места церковным календарём). Дохристианская масленица по времени совпадала с архаичными комоедницами — праздником пробуждения медведя, когда, как уже говорилось, белорусы плясали ритуальный танец в шубах мехом наружу. Несомненная сопряжённость Велеса с медведем, установленная рядом исследователей, позволяет связать с этим «скотьем богом» и

масленичное ряжение в разнообразных зверей. Получается так, что сам обычай ритуального переряживания и на свитки и на масленицу оказывается прочно связанным с Велесом в его первичной ипостаси звериного бога, осложнённой более поздними элементами «скотьего бога».

Если Велес-Волос был объектом и центром святочико-масленичной карнавальная обрядность с её широким песенным репертуаром, то нам становится понятным упоминание Велеса в «Слове о полку Игореве». Выбирая ту или иную форму зачина своей поэмы, великий автор как бы примеривался к Бояну, пробуя те один стиль, то другой, пытаясь представить читателю, как бы мог начать поэму его предшественник Боян:

Чи ли възпети было

вещей Бояне, Велесовъ вначе...

Книжеский поэт, воспевавший Мстислава Тмутараканского и Ярослава Мудрого, назван здесь внуком Велеса.

По записям этнографов середины XIX в. известно, что под новый год, когда как бы прощались со всем старым, в деревнях исполняли целые циклы былины-старин. А новый год, судя по болгарским сурвакарам, был именно праздником Велеса. Зимние свитки являлись кульминацией праздничного песенно-танцевального творчества всех жанров, и поэтому неудивительно, что то божество, вокруг которого и ради которого всё шло, оказалось в представлении древних славян покровителем песен, сказаний, поэзии вообще. Исполнители такого рода ритуальной поэзии, как былины и сказания, вполне могли именоваться «велесовыми внуками».

Размытость культа Велеса в этнографических материалах XIX в. не позволяет полностью восстановить весь календарный цикл молений этому божеству. Предположительно он может быть представлен так.

1. Первая неделя января. Ряжение в звериные шкуры, маски тура, обряды заклинания скота.

2. Масленица. Комоедицы (24 марта). Медвежий плюсок, маски тура.

3. Юрьев день (23 апреля). Первый выгон скота. Ямческое божество заслонено св. Георгием.

4. Турницы на троицын день (у западных славян). Связь с Велесом не ясна.

5. Жатва. Оставление в поле последних колосьев «Волесу на бородку». Хранение необмолоченных снопов для обрядового кормления скота в «велесовы дни» (2 или 6 января). Изготовление соломённой бороды, помещаемой под образки.

ХОРС. СИМАРГЛ

Как видно из изложенного, славянский языческий пантеон начал формироваться в глубочайшей древности. Сдвиг в хозяйст-

ленных формах жизни человечества приводили к новым взаимоотношениям с экологией среды, с природой в целом и видоизменяли мировоззрение людей, создавая в их сознании новую картину мира и новые образы таинственных сил, влиявших, по их мнению, на судьбу человека.

Естественно, что наиболее серьезные изменения происходили по мере выдвигания производящего хозяйства на первенствующее место. Явно выраженный патриархат содействовал дальнейшей эволюции религиозных образов.

Одной из хронологических примет новых элементов в сонме древних первобытных божеств могло бы явиться наличие в славянском языческом именослове богов с иранскими именами, что справедливо связывается со скифским этапом жизни праславяно-сколотов и со скифским (иранским) воздействием. К иранскому влиянию относят Дажьбога, Стрибога, Хорса и Симаргла. Два первых божества отнесены по признаку содержания в их именах слова «бог», являющегося заимствованием из иранского. Хорса считают взятым от иранцев потому, что во многих иранских наречиях близкие по звучанию слова обозначают «солнце»; Симаргл, непонятный уже книжникам XI—XIII вв., разъяснился только после работ К. В. Тревер, сопоставившей его с иранским Санмувром.

При всей несомненности длительных славяно-скифских контактов не следует всё же отождествлять славянский пантеон со скифским. Ни одно из имён славянских божеств, считающихся иранскими, не приведено в перечне собственно скифских богов.

Сопоставим скифский пантеон Геродота с теми славянскими богами, в именах которых исследователи видят иранское воздействие. Соотнесение славянских и скифских богов по их функциям может быть сделано, разумеется, лишь приблизительно. Если Дажьбог в какой-то мере может быть сопоставлен с солнечным Аполлоном-Гейтосиром, то Стрибог остаётся в значительной мере неразъяснённым. Наиболее приемлемым представляется суждение М. Вей: Стрибог — «Бог-отец, аналогичный Юпитеру. А в таком случае слово «Стрибог» является не столько собственным именем, сколько эпитетом, определением верховного божества как отца Вселенной. Сварог («небесный»), Стрибог («Бог-отец») и, как мы увидим далее, Род («Рождающий») — все эти слова могли означать одно патриархальное мужское божество, пришедшее на смену архаичным представлениям о Небесных Владычицах¹.

Сопоставим скифский пантеон с той частью славянского, которая расценивается обычно как возникшая под скифским воздействием.

Приведение скифских божеств к общему знаменателю античной мифологии, облегчающее нам понимание их функциональной сущности, уже сделано Геродотом в процессе записи им скифских сведений. Порядок следования богов в перечне дан Геродотом.

Греческие божества	Скифские божества	Славянские божества, имена которых считаются иранскими
--------------------	-------------------	--

Гестия	Табити	
Зевс	Папай	Стрибог
Гея	Аппа	
Аполлон	Гойтосир	Дажьбог
Афродита	Аргимпаса	
Посейдон	Фагинасад	
	(только у царских скифов)	
	?	Хорс, Симарга

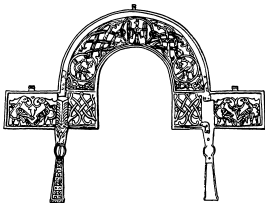
Как видим, функциональных совпадений славянского со скифским очень немного, да и те дают нам совершенно различную форму имён: Папай — Стрибог; Гойтосир — Дажьбог. Близость славянских форм к иранским наречиям ограничивается только включением слова «бог». Вполне возможно, что это произошло в эпоху славяно-скифских контактов (симбиоза) в VI—IV вв до н. э., по всей вероятности, нельзя исключать и более древних индо-иранских связей языковых предков славян.

Записанный Геродотом пантеон относится, разумеется, к скифам-кочевникам, как и всё, что историк говорит о собственно скифах. Божества скифов-пахарей, скотоводов носили другие имена, лишь частично окрашенные иранскими чертами. В скифо-кочевническом перечне богов отсутствует Хорс, божество солнца; возможно, что это вызвано вторичностью солнца: солнце — признак Белого Света («вещь бо есть солнце свету»). Белый Свет (Вселенная) так относится к солнцу, как Дажьбог (бог света и солнца) к Хорсу (богу только одного светила), как Аполлон к Гелиосу.

Несмотря на целый ряд иранских параллелей, славянское имя божества солнца — Хорс — может быть поставлено в ряд и со славянскими и с греческими словами, обозначающими «круг», «окружность», «округу». Таковы греческие: хῶρα — «округа», хорос — «круглый светильник», «хорос». В русском языке «хоро-вод» — круговое движение, «хорошудь» — круглый ритуальный пирог-курник; «хоромя» — круговая застройка (древний смысл); в болгарском: «хоро» — круговой танец. Сибилантизм лингвистическим соответствием «хору» является слово «коло», обозначающее «круг», «колесо», «круговой танец», «кружок едяпомышленников», «мирскую сходку», «обод», «обруч» и т. п.

В этот семантический ряд, не нарушая закона замены согласных к, х, с, ш (сух, сухой, сушить, «на сусе древе»), вписывается и солнце (сълньце, слъньце).

В скифское время у приднепровских праславян-земледельцев

ПУТЬ СОЛНЦА ПО НЕБОСВОДУ

(Видиж XII в.; Нижегород. губ. XIX в.) (схема)

существовали, по-видимому, обе формы обозначения солнца: производная от «хорс» (Хорс) и от «коло» (сколотский царь Колаксай, Солнце-Царь). Возможно, что у праславян, как и у современных им греков, имела место некоторая путаница: солнце как светило, как предмет, как субъект света нередко сливалось с более широким понятием светлого солнечного божества вроде Аполлона или Дажьбога, иногда олицетворяя его, иногда полностью подменяя.

В итоге мы можем наметить следующую схему проявлений солнечного культа древних славян.

1. Хорс («круглый») — божество солнца как светила. В «Слове о полку Игореве» назван «Великим Хорсом». По всей вероятности, очень древнее божество, представления о котором предшествовали идее светоносного небесного бога вроде Аполлона. Культ солнца-светила ярко проявился у земледельцев энеолита, а уже в бронзовом веке появилось представление о ночном солнце, совершающем свой подземный путь по «морю мрака». Имя Хорса сохранилось в ритуальной лексике XIX в. («хоровод», «хорощуль», «хоро»).

2. Колаксай — мифический царь сколотов-праславян. Интерпретируется как Солнце-Царь (от «коло» — круг, солнце).

3. Сколоты — приднепровские праславяне пахари, названные по имени своего царя Колаксайа. В основе самоназвания лежит тот же корень «коло» — солнце, который есть и в имени царя.

Записанная Геродотом легенда позволяет перевести слово «сколоты» как «потомки солнца».

4. Дажьбог. Божественный мифический царь, называемый иногда Солицем. Бог-податель благ. В изменении имени отразилось расширение представлений о солнечном божестве.

5. «Дажьбожьим внуком», т. е. «внуком Солнца», назван русский князь из Приднепровья, что позволяет сблизить отголоски языческих мифов, сохранившиеся до XII в. н. э., с древними мифами о потомках солнца, существовавшими в этих же местах в V в до н. э.

6. Последним дошедшим до нас отголоском древних мифологических представлений о «внуках Солнца» является раздел русских богатырских сказок «Три царства» или «Золотое царство».

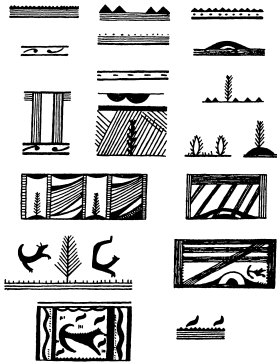
Из числа славянских божеств, упоминаемых русскими средневековыми источниками и сблизяемых с кругом иранских божеств, нам осталось рассмотреть Симаргла (Симарьгл, Съмарьгл).

В поучениях против язычества имя этого божества стоит обычно рядом с именем Макоши, «матери урожая». Для церковников XI—XII вв., да, по всей вероятности, и для всех русских людей того времени, имя этого божества было уже непонятно, писалось различно, а иногда даже делилось на части (Сим и Рьгл), что очень понравилось позднейшим исследователям, которые говорили о двух загадочных богах или же приходили к пессимистическому выводу об описках, ошибках в написании и о полной безнадёжности расшифровки. Только знаток иранской мифологии и искусства К. В. Тревер нашла решение загадки, сопоставив русского Симаргла с иранским Сямурвом.

Идя по следам К. В. Тревер, коснувшейся русских сюжетов лишь вскользь, я написал специальное исследование о Симаргле по материалам русских поучений и обильных данных прикладного искусства XI—XIII вв., дав подробные сведения о культе Симаргла. Здесь лишь коснусь основных выводов.

Симаргл (может быть правильное Съмаргл от слова «смыл»?) — божество низшего порядка; это — священный крылатый пёс, охраняющий семена и посевы. Уже в трипольской росписи встречаются псы, прыгающие и кувыркающиеся (как бы летающие) вокруг молодых растений. При изобилии в те времена мелкого рогатого зверья (косули, серны, дикие козы) охрана посевов от поедания и вытаптывания была важным делом.

Персидский Агурамазда поручал Сямурву заботу о небесном «дереве всех семян». Симаргла-Сямурва был как бы олицетворением «вооружённого добра»: при мирных аграрных функциях он был наделён когтями, зубами и ядовиток крыльями; он — защитник посевов. Позднее арханчию Симаргла стали называть Переплутом. Он был связан с корнями растений. Культ Симаргла-Переплута тесно связан с русалиями, празднествами в честь вил-русалок. Русалки, или вилы, изображавшиеся в виде сирен, красивых крылатых птиц-дев, являлись божествами орошения по-

ИЗОБРАЖЕНИЯ РАСТЕНИЙ, СЕМЯН И ДОЖДА НА ТРИАЛЕТСКИХ СОСУДАХ. Три нижних рисунка содержат изображения собак, охраняющих молодые ростки.

лей, дождями или влажными утренними туманами. Роса — не только капли охлаждённого тумана на земле и растениях, но и сам туман. Известна поговорка: «Пока солнце взойдёт — роса очи выест». Вот с этой утренней влагой, очень важной для созревающих посевов, и связаны представления о русалках. Русалки праздновались в начале и в конце зимних святок («в навечерие рождества и богоявления»), обрамляя годичные заклинания природы и судьбы молениями о воде, обязательном условии будущего урожая.

РУСАЛИИ. СИМАРГА. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ СИМАРГУ

Главным праздником в честь русалок была русальная неделя, приходившаяся, как показывает славянский календарь IV в. н. э., на 19—24 июня и завершавшаяся праздником Купалы.

Среди русских женских украшений XI—XIII вв. ярко выделяются широкие серебряные браслеты-обручи, служившие для закрепления длинных рукавов женских рубах. Во время языческих ритуальных игрниц женщины перед танцем снимали браслеты и плясали «спустя рукава», как бы превращаясь в русалок, размахивая

СИМВОЛЫ ВОДЫ, КОРНЕЙ И СОЛНЦА
НА РАЗНЫХ РИТУАЛЬНЫХ БРАСЛЕТАХ XII—XIII вв.
Наверху в арочке — бог растительности и корней — Переплут

вающих крыльями-рукавами. Это был танец плодородия, описание которого сохранилось в сказке о царевне-лягушке. На упомянутых браслетах очень часто изображались гусли, маски, чаши со

священным напитком, танцующие с распущенными рукавами девушки.

Особый интерес представляет браслет из состава Тверского клада 1906 г., где, кроме «многовертного плесания» в честь Переплута, изображена сцена жертвоприношения Симарглу-Переплуту. Девушка в длинной узорчатой рубахе и с распущенными волосами подносит кубок изображению крылатого пса. Пёс Симаргл как бы вырезан из дерева, растущего в земле (показаны его корни) и сильно изогнутого. Явно, что чеканщик изображал не животное, а скульптуру животного, идола Симаргла-Переплута.

Браслеты с изображением русалий находят в составе боярских и княжеских кладов XII—XIII вв. Наличие среди них подчёркнуто языческих сцен показывает, что боярыни и княгини эпохи «Слова о полку Игореве», очевидно, принимали участие в народных ритуальных танцах плодородия подобно тому, как Иван Грозный в молодости пахал весеннюю пашню в Коломне.

При всей близости русского Симаргла-Съмаргла к иранскому Сэнмурув следует сказать, что здесь перед нами не столько заимствование, сколько одинаковость образа. В пользу этого говорит и то, что ни один из многочисленных иранских вариантов имени Сэнмурува не совпадает с русской формой.

Возможно, что по поводу всех четырёх божеств со следами иранского влияния на форму их имён нам придётся ограничиваться признанием близости, одинаковости, но воздержаться от мысли о непосредственном скифском воздействии в VI—IV вв. до н. э.

Эта одинаковость или сходность могла возникнуть и в очень отдалённую эпоху конца земледельческого неолита, когда предки индоиранцев, славян и фракийцев впервые создавали образы патриархальных божеств неба, солнца и посевов. Скифская же эпоха с её несомненными контактами праславян с иранцами могла закрепить именно эти, близкие к иранским, формы.

КОММЕНТАРИИ

„Рождение богинь и богов“

Вступление

1. Гальновский Н. М. Бараба крастиваства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. II, с. 82. «Слово о твории». Основа его возникла в XI в., но переписывалось оно и в XIV в., не утратив своей актуальности.

2. Огонь Гестия, очевидно, не обычный огонь домашнего очага, а некой-то общественный, может быть, негасимый священный огонь города.

3. То, что Аполлон отсутствует в микенских надписях, возможно, не случайность. Обращает на себя внимание тот факт, что в списке критских богов, которым приносятся жертвы, упомянут Пайон (одно из дополнительных имён позднейшего Аполлона) как самостоятельное божество. Божеству Пайону приписалась всего-навсего одна кружка масла.

4. Идеограмма солнца во многих языковых системах представляла круг со вписанным в нем крестом. Крест этот может быть отражением связанных с солнцем простейших географических координат: полдень — юг, полночь — север, восток — восход, закат — запад. Аполлону ставили четырёхугольные колонны-обелиски, в чём могла означаться та же древняя идея всех четырёх сторон.

5. Афродита в одних мифах представлялась как дочь Зевса, а в других — как дочь Урана. Эрот оказывался сыном то Урана, то Крона, то Арея, то Гермеса. Геката могла быть дочерью Зевса и Горы, а в других мифах, дочерью титана Перса и Астерии. Даже Одиссей иногда оказывался сыном не Лаврты, а Сивифа и т. д.

6. Не очень надёжным источником является польская хроника Прокуша (XVI в.), сообщающая о большом покое храма богини Живы у Кракова: «Божеству Живе было устроено капище на горе, называвшей по её имени Живец, где в первые дни мая сходился народ испрашивать от той, которую почитал источником жизни, долговременного и благополучного здорovia. Особенно же приносился ей жертвы теми, кто слышал первое звоние кукушки. Думали, что высший владыка Вселенной, превращаясь в кукушку, сам предвещал продолжительность жизни».

Макошь

1. Более вероятно, что восточнославянская богиня должна называться Макошью, именем, неизвестным на западе славянского мира, но параллель с западной Живой должна остаться, по всей вероятности, оба эти имени обозначали одну и ту же богиню — подательницу благ.

Лада

1. По свидетельству Стрыйковского (XVI в.), литовцы приносили Ладе в жертву белого петуха и пели: «Ладо, Лада, Лада, великое наше божество». Пелись такие песни с 25 мая по 25 июня.

2. Сохранились и более поздние исторические сведения: в воронежском варианте одна партия играющих спрашивает другую: «Кто же с нами под Казанью воевать?» Речь идёт о Казанских походах 1468—1552 гг.

3. В 1939 г. в с. Гочево Курской обл. мне довелось видеть, как играли Лбюю. День игры заранее не был известен, о нём узнавали только накануне.

Под вечер на большой площади собралось несколько десятков старух, женщин и девушек (включая попростушек) в особых, хранимых для этого случая, белых одеждах. Они образовали огромный, очень торжественный хоровод и, подняв руки к небу и медленно притопывая, двигались по кругу. При этом пелись свадебные песни. Мужчин не было дано в качестве зрителей.

4. Вниз области, где был найден Збручский идол, на Буге и в Менибозье, сохранились этнографические данные о почитании «Великой Лады». Её чествовали в песнях целый месяц — с 25 мая по 25 июня.

5. Подземный бог, несущий на своих руках землю, очевидно, Волес, связанный и с плодородностью земли, и с миром умерших предков.

6. Возможно, отголоском соперничества северной (Лато—Артемида) и южной (Деметра-Персефона) пар богинь-рожаниц является миф о Триптолеме, научившем скифов земледелию. Скифский царь Лапх хотел присвоить себе славу изобретателя земледелия, но Деметра наказала его, обратив в рысь.

Волес-Волос

1. Эта деталь полностью совпадает с молитвенн. св. Георгию и Егорью день при первом выгоне скотины на луга: «Как люди уснут... возьми топор, да косача и яйца... и носи посоловь, а топор в правой руке по земле тяни, а в другой руке свечю...»

Херс. Симарга.

1. С представлением о Стрибоге как о божестве неба вполне укладывается и наименование ветров «стрибожьими внуками» («Слово о полку Игореве»).

И вот дымы, воздымаясь, текут к небу. И это означает скорбь великую для отцов, детей и матерей наших. И это означает — пришло время борьбы. И мы не смеем говорить о других делах, а только об этом. И вот пришли варяги к Днепру, и забрали землю нашу, и увели людей. И земля теперь под ними.

«Велесова Книга», фрагмент дощечки III 14

Бус
Кресень

**Белесова
книга**

Теодор Артурович Изенбек (родился в Петербурге в 1890 году) считал себя мусульманином и просил называть себя Али, но он был русским художником, волею судьбы попавшим на запад, сначала в Константинополь, потом во Францию и, наконец, в Бельгию, а в Брюссель.

Отец его был морским офицером, а дед — беком, или князем, турецкого архиепископства. По окончанию офицерского морского корпуса Али Изенбек поступил в Академию художеств, а после долгого путешествия по Туркестану (с археологической экспедицией профессора Фетисова) стал известен как художник-рисувальщик. Во время грандвешинской войны Изенбек в чине капитана командовал артиллерийскими дивизионом в полку генерала Мариона. В августе 1919 г. судьба затесала Али Изенбека в Великий Булун, именно дворян Задонских, находившиеся в южной России, в 14 км от уездного городка Волчанска в Курской губернии. Изенбек вошёл в разгромленное поместье, владельцы которого, дворяне Задонские, как позднее выяснилось, незадолго до того были зверски убиты неизвестными. Не найдя никого в комнатах, Али Изенбек направился в библиотеку. Здесь все шкафы были опустошены и книги валялись прямо на полу. Под ногами Изенбека что-то скрипнуло и, нагнувшись, он рассмотрел на полу деревянные дощечки, написанные какими-то неизвестными ему черточками.

Одни из них были начертаны чернилами, некоторые, стёрты, другие были в хорошем состоянии, но все они выглядели весьма старыми. Изенбек понял, что он нашёл что-то ценное. Он урочилал сопровождавшему его солдату снести дощечки в мешок (этот мешок назывался морским) и связать его

покрепче. Наконец, после долгих мытарств, в 1922 г. Али Изенбек вместе со своим бесцельным грузом оказался в Брюсселе, где стал зарабатывать себе на жизнь тем, что рисовал эскизы для жерновой фабрики «Тали».

На улице Беси в Юкле, в ателье Изенбека за чашкой чая журналист Юрий Петрович Миралюбов, разговаривая с художником, признался, что он хотел бы написать поэму о Святославе Хоробре, но у него-де нет материала и ему-де неведом язык эпохи.

— А зачем тебе язык эпохи! — спросил Изенбек.

— Как же? Ты пишешь, тебе нужны мотивы орнаментов Туркестана, а мне не нужен язык эпохи?

— А что тебе именно нужно?

— Ну, хотя бы какие-либо древние того времени, или близко того... Здесь даже летописей нет!

— Вон, там в углу, видишь мешок?

— Морской мешок? Там что-то есть?

«В мешке я нашёл, — вспоминал Ю. П. Миралюбов, — «дощечки», связанные ремнём, пропущенным в отверстие, посмотрел на них и онемел».

По его словам, Изенбек не проявил к ним интереса, но в слухах и них разобрался: он плохо знал русский язык, интересовался только работой и живописью, был привержен к спиртному...

Дощечки были приблизительно одного размера. В длину 38 см, в ширину — 22, в толщину — 6—10 мм. Дощечки были сильно поцарапаны и испорчены. Лак или масло, покрывающие их поверхность, потрескались.

На каждой дощечке было просверлено по две дыры для их скрепления с помощью шнуров, причём часть дощечек была скреплена как нитя, а другая — как календарь. На дощечках были нарисованы прямые параллель-

ные линии, строго под которыми были размещены буквы, как в санскрите или кириды. Письмена вдавлены в древесную острому стало и во вдавленные места втерта краска, и затем всё было покрыто чем-то вроде лака. Буквы были плотно прижаты друг к другу без интервала. Часто, если буква, которой начиналось слово, совпадала с буквой, которой начиналось следующее, т. е. как в летописях, никакого обозначения начала или конца слов или фраз на дощечках не было. Такая манера письма называется «сплошным» и вполне свойственна кириллическому письму Руси конца IX—XVII вв. Алфавит письма дощечек особый, нигде более не встречающийся: примитивная кириллица с добавленным несколько неизвестных букв. Один из учёных — С. Я. Парамонов (Лесной) — в 1957 г. дал «дощечкам» условное название «Влесова Книга», т. е. одна из дощечек была посвящена Велесу. И он предполагал, что вся языческая летопись была написана жрецами Велеса. Алфавит же Книги тот же С. Я. Парамонов предложил называть «влесовидный». В ней было 25 букв и три дифтонга.

Орфография, графика и сам язык текстов «Влесовой Книги» уникален и не принадлежит никому-то одному народу. Он имеет сходство не только с древнеславянским, но и польским, русским, украинским и даже чешским. Такое смешение лексических примет многих славянских языков говорит, впрочем, отнюдь не о великой древности памятника.

С 1925 и до 1939 г. в течение 14 лет Ю. П. Миролюбов занимался переписыванием текста с дощечек либо в присутствии хозяина, либо оставаясь в его мастерской запертым на ключ. Чтение текстов оказалось весьма затруднительным делом из-за пропусков гласных, надстрочных титлов — понача-

телей сокращений; буквы и слова сливались в один сплошной трудночитаемый ряд, причём иногда буква, кончавшая одну фразу, начинала вторую. Нередко фраза обрывалась на середине и нигде не продолжалась, и Миролюбов был вынужден переписывать букву за буквой, слово за словом, часто не понимая смысла. Это приводило к ошибкам при переписке и реконструкции первоначального текста, которые впоследствии смущали учёных и переводчиков — Курешкова, Парамонова, Сыреника, Ребиндера, Лазаревича, Качура, Соколова, Кирича, Ткачкова и других.

По мере того, как Миролюбов усваивал язык и алфавит «Влесовой Книги», работа продвигалась, и в 1939 г. он закончил снятие копий всех дощечек. Правда, некоторые стороны дощечек оказались почему-то не скопированными. Его ошибки при переписке, особенно при передаче шипящих, а также ошибки первого издателя текстов А. Курешкова, бесспорно свидетельствуют в пользу того, что ни тот ни другой не были фальсификаторами, а восходили к дефектному тексту. Убедителен пример с ошибочным чтением текста «АНИМАПАНИ-МОРОКАН», который А. Курешков принял за слова какого-то гимна из древнеиндусского языка брахми. На самом же деле, это запрещение поклоняться черному богам Мару и Мороху: «А ни Мару, ни Мороху не смеемо славить».

Копиям Миролюбова суждено было остаться единственными свидетельствами некогда существовавших подлинников — дощечек Изенбена. Когда началась Вторая мировая война, Али Изенбек тяжело заболел и скончался в своей квартире 13 августа 1941 г.

Когда Миролюбов, проживавший в Брюсселе, получил наследство, которое ему завещал Изенбек, дощечек

уже не было и в помине. Люди предполагают, что они были похищены спецслужбами СС, например, институтом Ашмербе, и уничтожены как возможные следы древней славянской культуры.

Путь «Влесовой Книги» к читателю был долгим и мучительным. Служа о существовании дощечек дошли до секретаря Музея Русского искусства в г. Сан-Франциско ассириолога А. А. Куренкова, опубликовавшего в сентябре 1953 г. письмо-обращение к читателям: не знает ли кто о дощечках с письменами? На это обращение откликнулся Ю. П. Миролюбов. В ноябре 1953 г. в одном маленьком американском журнале появилась заметка:

«Колоссальная историческая сенсация. При некотором нашем содействии — воззвании к читателям журнала в сентябрьском номере журнала — и журналиста Юрия Миролюбова отыскались в Европе древние деревянные «дощечки» V века с ценнейшими на них историческими письменами о Древней Руси. Мы получили из Бельгии фотографические снимки с некоторыми из «дощечек», и часть страниц с этих старинных улик уже переведена на современный русский язык известным учёным-этимологом А. А. Куренковым и будет напечатана в следующем, декабрьском номере нашего журнала. Редакция».

Живший в Австралии учёный-этимолог С. Я. Парамонов (бежавший с немцами из Киева в 1943 г.) вступил в середине 1950-х годов в переписку с Ю. П. Миролюбовым и, получив от него копии «Влесовой Книги», частично издал и исследовал памятники в своих книгах, изданных под псевдонимом «С. Лесной» в Париже, Мюнхене и Вильниесе. Свой доклад «О «Влесовой Книге»» С. Я. Парамонов послал V-му Международному конгрессу славистов. Были опубликованы тезисы

этого доклада. В них, в частности, говорилось следующее:

«е) Приняв во внимание резкий протест «Влесовой Книги» против приписываемого руссам человеческого жертвоприношения, мы обратились к летописям и установили, что «Влесова Книга» права: в летописях ясно сказано, что жертвоприношения людьми, кумиры и т. д. были повешены, захваченной Владимиром Великим из заморья с варягами. Всё это просуществовало на Руси только около 10 лет.

ж) Бросается в глаза своеобразие выражений и интересов летописца. Всё происходит в степях Причерноморья и сосредоточивается главным образом на скоте. О Киеве имеются только беглые упоминания, хотя в одном месте перечисляется ряд киевских князей и указывается число лет их княжения. Почти половину, если не больше, занимает описание событий, в которых главную роль играют греки, готы (готы) и гунны (гунты), а затем идёт целый ряд известных и неизвестных народов: римляне, колты, беренды, алмерцы, ити, хозары и т. д. Упоминаются известные имена: Германарих (Иеремарих), Аларих (Гварих) и вовсе неизвестные — Сах, Согеша, Балокр, Свинтояр и др. Нет ни малейшего упоминания о Средней и Северной Руси.

з) Известная нам история почти полностью игнорируется, только Аскольд, Дир и Ерик слегка затронуты летописью. Вся летопись — это сплошной вопль к единению Руси, что понятно на фоне излагаемых несчастий.

и) Заметка на осколке «...трижды Русь погибала» аставляла. Само понятие Руси гораздо шире, это не только Киевская Русь, корни Руси уходят на запад к Карпатам, Дунаю. (И это оказывается на сегодняшний день вероятной гипотезой. Так считают вслед за Историком-летописцем учёные Ю. Харринан и А. Г. Кузьмин. Кар-

патеной широтной идиоевропейских народов гордятся преемни и современные европейские учёные вроде Любора Нидерля. — Ю. Б.)

к) Вросается в глаза употребление сложных глагольных форм со «ств», «стахом», «снос», «снохом» и т. д. Остатки этого найдены нами в тевтоне гугулов на Карпатах, где они проживали 500 лет, а затем перешли на Днепр. Вот именно, что в Карпатах руссы назывались «карпами».

Суммируя всё, можно сказать, что летописец обладал огромными и глубокими познаниями в древней истории, которые были совершенно не под силу никому-нибудь фальсификатору».

С. Я. Парамонов глубоко проанализировал обе части истории руссов: в легендарную от Адама до правяща Оря, и историческую от Оря до Аския и Ерена (Рюрика).

Исследователи предполагают, что авторов «Влесовой Книги» было три; они рисуют древних руссов как скотоводов, живших от Карпат до Волги. Они рассказывают о союзниках Русн «ильмерсах», о борьбе с костобоками, готами, римлянами и гунами вплоть до основания Киева (430 г.) Киев и нияжениа там его рода: Славьрь — Веря — Сорениа до 880-х годов, когда князь Олег Вошнь стал князем нияжениа.

Однако главное богатство «Влесовой Книги» не легендарная история, а легендарная мифология, которая не идёт вразрез с нашими представлениями о язычестве древних славян. Ценными дополнениями оказались свидетельства древних руссов о трёх основных субстанциях мира: Явь, Навь и Правь. Вот что об этом пишет С. Я. Парамонов:

«Явь» — это видимый, материальный, реальный мир. «Навь» — это мир нематериальный, потусторонний мир мертвых. «Правь» — это неслыши-

мый мир Сварога, управляющий всем миром, т. е. в первую очередь Явью. После смерти душа человека, покидая Явь, переходила в мир видимый — Навь. Некоторое время она странствовала, пока не достигала Ирия, или Рая, где жил Сварог, Сварожичи и предки руссов. Душа может летать из Нави, где она пребывает в некотором состоянии сна, опять в Явь, но только по тому пути, по которому она вышла из Яви в Навь. Этим объясняется древний обычай, согласно которому тело покойного выносилось из дома не через двери, а через пролом в стене, который затем немедленно заделывался. Душа не могла вернуться в дом и бесновать живых людей, ибо через стену проникнуть не могла, а через двери или окна был уже не тот путь, которым она вышла.

Интересно, что вера эта настолько была сильна, что тело Владимира Великого, несмотря на то, что он был христианин и окружён его ирощениа, всё же было вынесено через пролом в стене.

Понятие ада не существовало. Понятие Нави должно до современности, хотя и утратило черты ясности. Мы знаем «Навий дель», т. е. дом покойников, который отмечался ещё в минувшем столетии, знаем «Навий чыры», т. е. наказания. Теперь это только пустая оболочка слов без содержания, которое уже утратилось. В противоположность общераспространённому мнению религия древних руссов была не политеистической, а монотеистической. Бог — творец мира признавался единой, всемогущей сущностью. Представление, что руссы признавали много богов, было основано на не совсем верном понимании основ религии. Наличие других богов и божков несколько не нарушало принципа монотеистичности. Как в христианстве, кроме творца, признаётся Богоматерь, ангелы,

авостоны, святые, так и у древних руссов имелись второстепенные боги и божини, отражавшие многообразие сил в природе. Но над всеми ими господствовала единая всемогущая сила — Бог, другие боги и божини были только отражением этой силы.

Интересно отметить, что идея Троицы, родившаяся в недрах арийских народов, была ясно выражена и здесь. Бог назывался также Триглав. Триглав вовсе не был, как это неверно представляют, отдельным, особым богом с тремя головами, это был единый Бог, но в трёх лицах, именно Сварог, Перун и Световид. Последние два были порождением Сварога. Имелась своего рода аналогия с Христианством («Бог один, но троичен в лицах»), вместо Троицы употреблялось слово Триглав.

Вместе с тем, религия древних руссов была и деистична. Они не отделяли богов от сил природы. Они поклонялись всем силам природы: большим, средним и малым. Всякая сила была

для них проявлением бога, бог был для них всюду. Свят, тепло, молния, дождь, речник, река, ветер, дуб, дававший им пищу, плодородные земли и т. д., всё это большое и малое, дававшее и двигающее жизнь, было проявлением бога и вместе с тем самим Богом.

Русские жили в природе, считали себя её частью и, так сказать, растворялись в ней. Это была солнечная, живая, реалистичная религия» (С. Леонков, Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси. Выпущен, 1964, с. 279—281).

Святые идеи восточно-славянского братства вдохновляли создателей «Влесовой Книги». Ради них они и создали особый язык, особое письмо, особую досчатую книгу. Драгоценные крупинцы духовности, народного мудрования Украинны, Руси мы ищем в этом бесценном творении неизвестных людей, неизвестного времени Руси.

академик Ю. К. БЕГУНОВ

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ТРИГЛАВА.

II 11a*

«И вот начните,
во-первых — главу пред Триглавом склоните!»
— так мы начинали,
великую славу Ему воспевали,
Сварога — Деда богов восхваляли,
что ожидает нас.
Сварог — старший бог Рода божьего¹
и Роду всему — вечно быющий родник,
что летом протёк от кроны,
зимой не замерзал,
живил той водою пьющих!
Живились и мы, срок пока не истёк,
пока не отправились сами к Нему
ко райским блаженным лугам!

И Громоверящу — богу Перуну,
Богу бить и борьбы
говорили:
«Ты, оживляющий явленное,
не прекращай колёса вращать!
Ты, кто вёл нас стезёю правой
к битве и тризне великой!»
О те, что пали в бою,
те, которые шли, вечно живите вы
в войске Перуновом!

И Свентовиту мы славу рекли,
он ведь восстал богом Прави и Яви!
Песни поём мы Ему,

ведь Свентовит — это Свет.
Видали мы через Него Белый Свет.
Вы посмотрите — Явь существует!

* Цифрой «I» обозначены дощечки, опубликованные С. Лосным в Канаде в 1966 г. Цифрой «II» — тексты, опубликованные Курстковым в журнале «Жар-птица», в котором Ю. П. Миролюбов был редактором. Цифрой «III» — тексты из архива Миролюбова, опубликованные Скрипником после смерти Миролюбова.

Нас Он от Нави уберёгает —
Мы восхваляем Его!
Пляшущего мы воспевали,
к нашему Богу взывали мы,
ибо тот Бог — Землю нашу носил,
звёзды держал,
Свет укреплял.

Славу творите во всём Свентовиту:
«Славу Богу нашему!»
Скорбите же сердцем нашим —
этим вы смели отречься
от злого деяния нашего,
и так притекли к добру.
Пусть обнимаются дети!
И говорите:
«Всё сотворённое
не может войти в расторгнутый ум!»
Чувствуйте это, ибо лишь это уместе,
ибо тайна та велика есть:
как Сварог и Перун —
— есть в то же время и Свентовит.
Эти двое охватывают небо,
сражаются тут Чернобог с Белобогом
и Сваргу поддерживают,
чтоб не был повержен тот бог Свентовит.
За теми двумя — Велес, Хорс и Стрибог.
Затем — Вышень, Леля, Летеница.

II 116

Затем Радогощ, Крышень и Коляда,
за ними — Удрец, Сивый Яр и Дажьбог.
А вот Белояр, Ладо, также Купала,
и Сиянич, и Житнич, и Венич,
и Зернич, Овсенич, и Просич,
и Студич, и Ледич, и Лютич.³
За ними вслед Птичич, Зверинич, и Милнич,
и Дождич, и Плодич, и Ягодиннич,
и Пчелич, Ирестич, и Кля́ннич,
Озернич, и Ветрич, Соломинч,
и Грибич, и Лович, Беседич,
и Снежич, и Странич, и Свендич,
и Радич, Свиевич, Корович,
и Красич, и Травич, и Стеблич.
За ними суть —
Родич, Масленич, и Живнич,
и Ведич, и Листавич, и Цветич,

и Водич, и Звездич, и Громич,
и Семич, и Липич, и Рыбич,
Березич, Зеленич, и Горич,
и Страдич, и Спасич, Листоврич,
и Мыслич, и Гостич, и Ратич,
и Стрипичь, и Чурич — Родич,
и тут Семаггл-Огнобог —
он чистый и яростный, быстро рождённый.
То суть — Триглавы всеобщие.

Сюда ты придёшь,
и тут же слугитель ворота откроет,
и пустит сюда —
в прекрасный сей Ирий.
Течет Ра-рена там,
та, что разделяет небесную Сваргу и Явь.
И Числособг наши дни здесь считает.
Он говорит свои числа богам,
быть дню Сварожьему, быть ли ночи.
И дни отсекает,
поскольку он — явский,
он сам в божьем дне.
В ночи ж никого нет,
лишь бог Дид-Дуб-Сноп наш.

Славься Перун — бог Огнекудрый!
Он посылает стрелы в врагов,
верных ведёт по стезе.
Он же воинам честь и суд,
праведен Он — алаторуи, милосерд!

II 7e

Как умрёшь,
ко Сварожьим лугам отойдёшь,
и слово Перуницы там обретёшь:
«То никто иной — русский воин,
вовсе он не варяг, не грек,
он славянского славного рода,
он пришёл сюда, воспевая
Матерь нашу,
Сва Матерь нашу, —
на твои дуга,
о великий Сварог!»
И Сварог небесный промолвит:
«Ты ступай-ка, сын мой,
до красы той вечной!
Там увидишь ты деда и бабу.

О как будет им радостно, весело
вдруг увидеть тебя!
До сего дня лили слёзы они,
а теперь они могут возрадоваться
о твоей вечной жизни
до конца веков!
Той красе ты ещё не внимал,
ибо все Ясуни не знали (?).
Вы же все не такие, как греки,
вы имели славу иную
и дошли до нашего Ирия,
здесь цветы увидели чудные,
и деревья, а также луга.
Вы должны тут свивать снопы,
на полях сих трудиться в жатву,
и ячмень полоть,
и пшено собирать
в закрома Сварога небесного.
Ибо то богатство многе!
На земле вы были во прахе,
и в болезнях все, и в страданиях,
ныне ж будут мирные дни».

Мы стояли на месте своём,
и с врагами бились сурово,
и когда мы пали со славою,
то пошли сюда, как и те.
И вот Матерь Сва бьёт крылами
по бокам своим с двух сторон,
как в огне вся сиял светом,
И все перья Её — иные:
красные, синие, рыже-бурые,
жёлтые, и серебряные,
золотые, и белые.
И так же сияет, как Солнце-царь,
и идёт Она близ Ясуни,
и так же сияет седьмой красой,
завещанной от богов.
И Перун, увидев Её, возгремит
громами в том небе ясном.
И вот это — наше счастье,
и мы должны
приложить все силы,
чтоб видеть,
как отсекают
жизнь старую нашу от новой,
так точно, как рассекают
дрова в домах огнищанских.

И Матерь Слава
крылами бьёт.
Идём мы под наши стяги,
и это — стяги ясуни!

Глава I

ИСХОД ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ

1) Прилёт птицы, поющей о битвах и междоусобицах.

III 8/2

Вот прилетела к нам птица, и села на дерево, и стала петь, и всякое перо её иное, и сияет цветами разными. И стало в ночи, как днём, и поёт она песни о битвах и междоусобицах.

Вспомним о том, как сражались с врагами отцы наши, которые ныне с неба синего смотрят на нас и хорошо улыбаются нам. И так мы не одни, а с отцами нашими. И мыслили мы о помощи Перуновой, и видели, как скачет по небу всадник на белом коне. И поднимает Он меч до небес, и рассекает облака, и гром гремит, и течёт вода живая на нас. И мы пьём её, ибо всё то, что от Сварога, — то и нам жизнью течёт. И это мы будем пить, ибо это — источник жизни божьей на земле.

И тут корова Земун пошла в поля синие и начала есть траву ту и давать молоко. И потекло то молоко по хлябям небесным, и звёздами засветилось над нами в ночи. И мы видим, как то молоко сияет нам, и это путь правый, и по иному мы идти не должны.

И было так — потомок, чувствуя славу свою, держал в сердце своём Русь, которая есть и пребудет землёй нашей. И её мы обороняли от врагов, и умирали за неё, как день умирает без Солнца и как Солнце гаснет. И тогда становилось темно, и приходил вечер, и вечер умирал, и наступала ночь. А в ночи Велес шёл в Сварге по молоку небесному, и шёл в чертоги свои, и к заре приводил нас до врат (Ирия). И там мы ожидали, чтобы начинать петь песни и славить Велеса от века до века, и храм Его, который блестят огнями многими, и стояли мы (пред Богом), как агнцы чистые.

Велес учил праотцов наших землю пахать, и злати сеять, и жать солому на полях страдных, и ставить сноп в жилище, и чтить Его как Отца божьего.

Отцам нашим и матерям — слава! Так как они учили нас чтить богов наших и водили за руку стезёй правой. Так мы шли, и не были нахлебниками, а были русскими славянами, которые богам славу поют и потому — суть славяне.

2) *Богумир и три мужа. Легенда о происхождении древлян, кривичей, полян, северян и русов.*

I 9a

В те времена был Богумир — муж Славы, и имел он троих дочерей и двух сыновей. Они привели скот в степи и там жили среди трав, как и во времена отцов. И были они послушны богам, и имели разум, всё схватывающий.

И там мать их, которую звали Славуня, им приготавливала всё необходимое. И сказала она Богумиру на седьмой день: «Мы должны выдать своих дочерей замуж, чтобы увидеть внуков».

Так сказала она, и запряг Богумир повозку и поехал куда глаза глядят. И доехал до дуба, стоящего в поле, и остался ночевать у костра. И увидел он в вечерних сумерках, что к нему подъезжают три мужа на конях. И сказали они:

— Здрав будь! Что ищешь ты?

И поведал им Богумир о печали своей. А они ему ответили, что сами — в походе, дабы найти себе жён. И вернулся Богумир в степи свои и привёл трёх мужей дочерям.

Отсюда начало трём родам. И соединились они, и славны были. Отсюда идут древляне, кривичи и поляне, ибо первая дочь Богумира имела имя — Древа, а другая — Скрева, а третья — Полева.

Сыновья же Богумира имели имена — Сева, и младший — Рус. От них идут северяне и русы.

Три же мужа были, все три — Утренник, Полуденник и Вечерник.

Создались роды те в Семиречье,¹ где мы обитали за морем в крае зелёном, когда были скотоводами. И было это в древности до исхода нашего к Карпатской горе. И было это за тысячу триста лет до Германареха. И в те времена была борьба великая за берега моря Готского, и там праотцы наши возводили курганы из белых камней, под коими погребли мы бояр и вождей своих, павших в сече.

3) *А до этого были отцы наши на берегах моря у Ра-реки.*

I 9b

Мы пришли из края зелёного к Готскому морю, и тут растоптали готов, которые были преткновением на нашем пути. И так мы бились за эти земли и за жизнь нашу. А до этого были отцы наши на берегах моря у Ра-реки² (Волги). И с великими трудностями для нас мы переправили своих людей и скот на сей берег, и пошли к Дону, и там готов увидели на юге и Гот-

ское море. И увидели мы против себя вооружённых готов и так были принуждены биться за жизнь и проживание своё, когда гунны шли по стопам отцов наших и, нападая на них, людей били и забирали скот.

И так род славен ушёл в земли, где солнце спит в ночи, и где много травы и тучных лугов, и где реки от рыб полны, и где никто не умирает.

Готы же были тогда в крае зелёном и немного опередили отцов наших, идущих от Ра-реки, Ра-река — великая, она отделяет нас от иных людей и течёт в море Фасисте (Каспийское).

Тут муж рода Белояру перешёл на ту сторону Ра-реки и упредил там синьских купцов, идущих к фряженцам, поскольку гунны на острове своём поджидали гостей-купцов и обирали их.

И было это за полстолетия до Алдореха. А ещё раньше, в древности, род Белояров был сильным. И от гуннов торговцы прятались за мужами Белояровыми и говорили, что дают серебро и два коня золота, чтобы пройти и избежать угрозы гуннской, и так пройти мимо готов, также суровых в битве, и дойти до Днепра. И кони у них бесчисленны, и дважды берут они дань. Из-за того купцы, стекавшиеся к нам, вернулись в Китай и не приходили уж никогда более.

4) Легенда о даровании Квасуре и Богумиру сурицы.

III 22

Также рассказан о том, как Квасура получил от богов тайну — как приготавливать сурицу. И она — есть утоление жажды, которое мы имели. И мы должны на Радогоще около богов радоваться и плясать; и венки подбрасывать к небу, и петь, славу богам творя.

Квасура был мужем сильным и от богов вразумляемым. И тут Ладо, придя к нему, повелела вылить мёд в воду и осушивать его на солнце. И вот Солнце-Сурья сотворило то, что он забродил и превратился в сурицу.³ И мы пьём её во славу божью.

И было это в века докиевские, и муж тот был во сто крат весьма выделен (богами), и передал он (тайну) отцу Богумиру (Благомиру), и тот получил поучение от Сварожича, как творить квасуру, называемую сурицей. И это (мы вспоминаем) на нашем Радогоще.

И вот когда наступают дни Освеня, мы оканчиваем жатву и радуемся этому. И если иной не удержит своего естества в этот раз и скажет безумное — то это от Чернобога. А другой получит радость — и это от Белобога.

И так мы должны искать друзей и врагов... Кую мечи наши на силу вражью, мы получаем силу божескую, чтобы поразить врагов наших с обеих сторон.

И этот Богомир сурью сотворил, когда те предrekli ему славу. И были они, и она (сурья) была, когда боги рекли хвалу... И вот установили они роды для себя, и потому боги — причина родов, и так стали иметь они родные те роды.

И так Сварог — Отец, а прочие — суть сыны Его. И мы должны были покориться Ему, так же, как покорялись Родителю, потому что Он — Отец нашего рода. И этот род — воины от Кня до князей киевских.

5) Видели Орей, по облакам ходящего.

I 5a

Вот жертва наша — это мёд Сурья о девяти силищ, людьми на Солиде-Сурье оставленный на три дня, затем сквозь шерсть процеженный. И это — есть и будет нашей жертвой богам истинной, какую суть наши праотцы (давали). Ибо мы происходим от Дажьбога, и стали славны, слава богов наших, и никогда не просили и не молили их о благе своём. И вот боги говорят нам: «Ходите по Руси и никогда к врагам!»

Мать Слав⁴ славу поёт нам, чтобы мы воспевали походы на врагов, и мы верили ей, так как эта слава (исходит) от птицы лышней, по небу России летящей от нас.

И вот князя нашего избрали, чтобы он заботился о нас. Так как перейдёт враг на границу нашу, если он её не будет оберегать, созиная рать.

А какие мы сами — то Сноп знает, так как мы молили, славу вознося, но никогда не просили Его, и никогда не требовали с Него то, что необходимо нам для жизни.

И вот смотрите на отца нашего Орея, по облакам ходящего, восходящегося силою кованья Перунова. И видел там Орей, как Перун ковал мечи на врагов. И Он говорил ему во время ковки:

«Вот мы имеем стрелы и мечи на воинов тех. И не смейте их бояться, так как повергнут они очи долу, и (число) воинов у них будет уменьшено до количества пальцев на руках, так как к земле они согнутся, и станут зверями, как поросята измазанные грязью, и сирад свой понесут по следам своим. И будут говорить о них, что они — сирадные поросята и свиньи!»

Так говоря, Перунышко ковал мечи. И Орей об этом говорил, и то Орей поведал отцам нашим. И такова была наша борьба за жизнь и бои витязей много веков назад. А ныне поверили, будто всё было не так.

6) Воспоём славу Сурье!

Мы молили Велеса, Отца нашего, чтобы Он пустил в небо коня Сурья, чтобы Сурья пошла над нами вращать вечные золотые колёса. Ибо она и есть наше Солнце, освещающее дома наши, и пред ним бледен лик очагов в наших домах.

И сему богу Огнику Семарглу говорим мы:

«Покажись и восстань на небесах и свети аж до мерцающего рассвета!»

Мы называем его по имени Огнебоже и идём трудиться. И так всякий день, сотворивши молитву и удовлетворивши тело едой, идём в поля наши трудиться, как боги велят всякому мужу, которому предназначено работать ради хлеба своего.

Даждьбоговы внуки — любимцы божеские, и, божий плуг в деснице держа, воспеваем мы славу Сурье, и думаем об этом до вечера. И пять раз в день прославляем мы богов, и выпиваем сурицу в знак благости и общности с богами, которые во Сварге также пьют за наше счастье.

Как воспойм славу Сурье, так золотой конь Сурья вскопит на небеса. А когда мы приходим домой, потрудившись, там огонь зажигаем и идём ужинать. Говорим, что есть любовь божеская к нам, и затем мы отходим ко сну, ибо день прошёл и настала тьма.

Так отдавали мы десятую часть отцам нашим и сотую — властям. И так мы пребываем славными, ибо славим богов наших, и молимся с телами, омытыми чистой водой.

7) После Богумира был Орей с сынами.

III 10

Богумиру же боги давали земные блага, и их мы не имели. И было у нас по-иному. Старшего в роде мы избирали в князя, который в старое время становился нашим вождём, нанятым в тот раз всеми. Те же князья были долгое время, пока греки не пришли и не настал этому конец, и (ныне) мы должны обеспечивать из (князьего) рода потомков, чтобы они правили нами.

А после Богумира был Орей с сынами. А когда гушны затеяли великую войну за образование своей великой земли, мы ушли вон оттуда на Русь.

Ныне пришли иные времена, и мы должны браться за гушн и тянуть вперёд. И не будет о нас сказано, что мы оставили нашу землю и взяли иные, но скажут о нас, что мы сильно бились за себя.

Борусичи не оставили грекам земли свои и бились за них. В те времена Ра-река (Волга) была границей с иными землями, и тогда возмуждали враги наши идти на нас, и должны мы были бороться за внучат наших, чтобы удержать степи наши и не от-

дать землю имым. Так же и мы должны были делать, чтобы не сжигать дубы и поля свои, а сеять на них и жать житию в полях, ибо имели мы степи травные и должны были водить скот, оберегая его от врагов.

8) Орей приказал сыновьям своим быть впереди родов.

III 26

И был в те времена осевший огнищанин. И был он благ, и боги дали ему много овец и скота, пасущегося в степях. И было (в степях) много травы, и боги давали его скоту приплод и умножали его.

И вот предстал пред его очами странник и сказал ему, чтобы его сыны пошли в землю новую в край чудесный — туда, где заходит Солнце, туда, где оно спит на золотом одре. И когда прискачет туда всадник, он скажет Солнцу:

«Иди, Солнце, в свои синие луга. Ты должно подняться в колесницу свою и взойти с Зарёй на Востоке».

И так сказав, скачет он в иные края. И вечер прискакивает вслед за ним. И этот всадник говорит:

«Солнце зашло за горы свои и покинуло свою золотую колесницу. И её ворожеи желают утаить».

И тут приближается всадник, скачущий в иные края. И так Заря идёт, и несёт искры свои, и одежды Дажьбеговы трясёт, и искры разлётаются до края небесного.

Так он сказал.

И тогда двое сыновей пошли туда, куда заходит солнце, и видели они там много чудес и злачные травы. И возвратились к отцу и сказали ему, как прекрасен тот край.

И многие племена и роды изъявили желание следовать по тропе той, и пришли они все к тому осевшему (огнищанину).

И тут приказал отец Орей сыновьям своим — быть впереди всех родов. И не захотели они делиться на этих и тех. И тогда князь единый повёл своих людей на полдень — отец Орей повёл их в край морской. И была там сушь великая и пустыня. И пошли они в горы, и там поселились на полвена, и собрали большую конницу, прежде чем идти в края чужие.

И в тех краях конны встали на их тропе, и они принудили их сражаться и были разбиты. И тогда они пошли дальше, и увидели тёплые земли, и пренебрегли ими, так как многие чужие племена там сидели. И шли они дальше.

И так боги вели их как своих людей. И добрались они до горы великой. И, повоював там с врагами, двинулись далее.

И с тех пор мы должны были помнить об этом и тянулись за своими, и так же как отцы наши очищались мольбой, омываясь, и, умываясь, мольбы творили о чистоте души своей и тела, по-

сколько это умывание установил для нас Сварог, и Купалец указывал нам на это. И мы не смели этим пренебрегать, и мыли свои тела, и умывали дух свой в чистой воде живой.

И шли мы трудиться, и всякий день мольбы творили, и сурью пили, которую прежде брали. И её пили пять раз в день и хвалили богов наших радостно, потому что сурья — молоко наше и пропитание наше, и корм, который идёт от Коровы к нам, и тем мы живём, и травы алачные варим в молоке, и принимаем каждый свою часть.

И тогда приходили мы к синей реке, стремительной, как время, а время не вечно для нас, и там видели пращуров своих и матерей, которые пашут в Сварге, и там стада свои пасут, и снопы сгибают, и жизнь имеют такую же как наша, только нет там ни гуннов, ни эллинов, и княжит там Правь. И Правь эта истинная, так как Назь сослечена ниже Яви. И это дано Свентантом, и пребудет так во веки веков³.

И это Заребог шёл в этот край и говорил нашим пращурам, которые жили на этой земле и страдали повсюду, где приходилось быть и где пережили много ала. И здесь они не имеют ала, они видят зелёные травы. И внимают шелестам по воле божьей, и это счастье для тех людей.

И так мы должны будем увидеть степи райские в небе синем. И эта сиянь идёт от бога Сварога. И Велес идёт там править стадами, и ступает по золоту и живой воде, и никому там не надо платить дань, и нет там рабов, и жертву приносят, которую неверные не знают, — дают для моления виноград, и мёд, и зерно.

И так провозглашали мы славу богам, которые суть — отцы наши, а мы — сыны их. И будем достойны их чистотой телес и душ наших, которые никогда не умрут. И не умирают они в час смерти наших тел. И падшему в поле Перуница давала выпить воду живую. И выпивший её отправлялся к Сварге на белом коне. И там Перунык его встречал и вёл в благие свои чертоги. И там он будет пребывать в это время, и достанет себе новое тело, и так станет жить, радуясь и творя молитвы за нас ныне, и присно, и от века до века.

II 12

Когда Сурья сияет, мы поём хвалу богам, а также огненному Перуну, которого называем губителем-потятичем на врагов. И провозглашаем великую славу отцам нашим и дедам, которые сейчас во Сварге. Снажем так трижды и поведём стада свои на разнотравье. А если надо вести скот в иные степи, идём, другую хвалу богам возносим. Славу поём до полудня и возглашаем великую славу Хорсу алаторунному, коловращающему Сурью. Пьём её до вечера, а вечером, если костры сложены — зажигаем их, и славу вечернюю поём Даждьбогу нашему, которого назы-

наем прадедом нашим, и идём мыться, чтобы быть чистыми, и, совершив омовение, отойдём ко сну — и там мы будем объаты великим ничто.

9) Орей и Кисек. Заселение Голуны. Борьба с ялами.

I 1a

Это беспокойная совесть наша причиной тому, что мы своими словами обличаем деяния. И так говорим во истину благое о роде нашем и не лжём!

И ту истину рассказываем о первом господине нашем — с него пошли князи избираемые и сменяемые.

Киська же тот шёл, и шёл родичей по степям со скотом своим на поддень, и туда, где солнце сияет, прибыл.

И придя к нему, отец Орей сказал:

«Мы оба имели детей, и мужей, и жён. А старшие имели войны с врагами. И так решали, чтобы племена соединяли овец своих и скот и становились племенем единым. И это же боги предлагают нам. Мы же видели доблесть их с тех пор и во веки вечные».

А когда подсчитывать стали (голоса), одни — рекли, чтобы быть едиными, другие рекли — иначе. И тогда отец Орей отвёл стада свои и людей от них. И увёл их далеко и там сказал: «Здесь мы воздвигнем град. Отныне здесь Голуна⁴ будет, которая прежде была голой степью и лесом».

И Киська ушёл прочь. И также увёл людей своих в иные места, чтобы не смешались они с людьми отца Орея.

И те предки наши, так сотворив, на землях тех осели.

И так Киська отошёл со своими людьми и создал землю иную. И там поселились они, и таким образом отделились и отмежевались, и решили быть чуждыми один другому. Все они хлеб и соль имели и не перечили друг другу.

И был Киська тот славен, и люди отца Орея славны, так как в ту пору слава текла к ним и поля знали их мечи и стрелы.

I 1b

И пришли лзи в его край, и начали забирать скотину. И тогда Кисек напал на них. Бился с ними сначала день, потом второй, и люди его бились. И грех пришёл в те места, и многие ови останки, и людей убивали мечами.

И так сказал отец Орей:

«Грешим мы с родичами своими, и потому от мёртвых черню и мертвечину едят, что мы сдерживаем себя». (?)

И стало мерзко на сердце Ориеном, и возопил он родичам:

«Поддержите Кисека и людей его! Садлайте все коней!»

И тогда бросились все на язов и бились с ними до тех пор, пока не разбили их. И тут начали ведать истину, что мы имели силу лишь когда были вместе — тогда никто не мог одолеть нас. То же истинно, что нас не одолели обоих, ибо мы — русские и себе славу получили от врагов, проклиняющих нас.

Они же, видя житей наше, искушались взять братьев наших, и серебро с наших мечей, и гончарные горшки, из которых их сыны ели бы. Но житей наше в степях до конца нашего! Нам предзнавали они мную жизнь, а сами нужды в Свете не имеют.

И эти слова наши — суть истина, а их слова ложны, ибо они ложь говорят и не внимают (истине).

I 7a

Кисек (обращался) к людям своим перед нападением, и они возненавидели врагов, и пошли на них, и победили. И это мы имели знак того могущества, которого не могла дать лъв врагам. Сами мы были слабыми — и так получили большую силу, а враги не такую большую, ибо мы — русские, а враги — нет.

И там, где пролита кровь наша, — там и земля наша. И это враги знают. И так они стремятся (захватить землю). Но их старания к смерти приведут, как это было в старину во времена отцов наших.

Говорили мы эти слова наизусть, и ни одно слово из тех слов не было утрачено. И говорили мы братьям нашим, что сила божеская будет на вас, и вы окончательно победите врагов наших, которые хотят ваших земель. И тогда они уста свои наполнят, полакав жидкой грязью, и не будут браниться.

Будьте сынами своих богов, и сила их пребудет на вас до конца!

Не имели мы хлеба, чтобы насытить наше чрево, ибо он сожжён огнём. И коровы наши страдали, так же как и мы, пока быстро мы не охватили юг сталью и не стали сильнее врагов наших.

10) Кий, Пащек и Горовато отправляются в земли, где течёт мёд и молоко.

II 4г

И тот Орей старый отец сказал:

«Идём на земли той, где наших братьев убивают. А то они и старого отца забьют, как забивают коров и зверей. Они и скотину нашу крадут, и детей убивают».

Как только старый отец это изрёк, мы ушли в иные земли, в которых течёт мёд и молоко. И эти земли искали все три сына Орея. И это были — Кий, Пащек и Горовато, от коих истекли

три славных племени. (...) сыновья были храбрыми, велили дружины, садились на коней и ехали... И за ними шли дружины юношей, скот, коровы, повозки с запряжёнными в них быками... овцы... дети, охраняемые старцами, а также больные люди.

Так шли на юг к морю и мечами разили врагов, шли до горы великой, до долины с травами, где много злаков. И там осели Кий, который начал обустривать Киев, ставший русским... вести... пренебрегли злом, и пошли туда, куда Орей говорил... коровы есть... и кровь наша просто....

Русичи, не слушайте врагов, которые говорят недоброе... отец Орей, идём...

11) Кий уселся в Киеве.

II 7з

Так говорим мы, что имеем прекрасный венец нашей веры и не должны мы принимать чужую.

И тут князь наш говорил, что мы должны идти к ясуни боярской, чтобы мы предохранили её от вражеской победы. Рано или поздно наступит время последнего конца, и пусть мы будем иметь силу нашу во степи Матери Солнца.

Она стережёт нас (?) и крылья распускает во все стороны, а тела (наши) в середине, и голова ясуни на плечах в венце славном, она не может её лишиться в сече. Голова (Матери) Сва-ясунь, и уберегали её до этого дня. И когда чехи (пошли) к занату солнца с воинами своими и хорваты забрали своих воинов, тогда некоторая часть чехов повелилась с русскими, а также их земля не отделилась, и с ними образовалась Русколань.

Кий же уселся в Киеве. И мы ему подчинились, а с ним Русь собралась воедино, а если будет с нами иная сила (?), то не пойдём на неё, потому что она с Русью.

12) Вначале были там, где заходит Солнце. Отход к Днепру. Кий берёт Киев. Борьба с алами.

II 156

Вначале мы были там, где заходит Солнце, а оттуда пошли к Солнцу до Непры-реки (к Днепру), и взял там Кий укреплённый град, в котором пребывали иные славянские роды. И там мы поселились, огни зажигая Дубу и Снопу, которые и есть Сварог — пращур наш.

И в тот раз напал на нас новый враг, который в этой сечи кровь пращуров наших пил. И рати свои устремил на них Кий, увидя вражеских воинов. И воины Перуна бросились на них, и

тратили силу до тех пор, пока те не побежали, показывая свои зады.

И вот племя изов напало на нас, и сеча была великая, и похищено было всё до последнего. И видя это, наши воины говорили:

«Боги наши прогонят врагов наших, ибо Вышень грядет на смертных!»

И говорил он нам: «Дети, огораживайте свои города от нападений, чтобы были они суровыми и крепкими! И это Сварог посылает меня к вам... чтобы сила небесная была с вами... также говорил вам... бережёт...»

13) Орей шёл перед нами... Кий умер, тридцать лет владык нами.

I 26

И вот отец Орей шёл перед нами, а Кий вёл русов, и Щек вёл свои племена, а Хорев своих хорват, и шли они из земель тех. И так было внушено богами, когда отошли Хорев и Щек отсюда, чтобы мы сели в Карпатских горах. И там были другие города, построенные иными, и назвали иные соплеменники богатство великое.

И вот враги напали на нас, и мы побежали к Киеву-граду и до Голуни, и там поселились, огни свои возжигая до Сварги и жертвы творя в благодарность богам и также себе.

И тут Кий умер, тридцать лет владык нами. А после него был Лебедян, его же называли Славей, и тот жил двадцать лет. Потом был Верен из Великограда⁷ — также двадцать. Затем Серезень — десять.

С теми львами побеждали витязи врагов, мешавшихся дикими тысячами-тысячами на сынов наших и грядущих на нас и на вас.

И тут готы пришли в степи, ало творя нам. И тогда доблесть получили праотцы наши, боясь за жизнь. И стали славянами, ибо славили богов. И так мы — от богов внуки Сварога нашего и Дажьбога. И тогда мы терпели ало, а прежде силу имели великую и защищались от нашествия готов-врагов почти шесть лет.

И тут пльмеры нас поддерживали, и мы побили вражеских витязей. И так десять царей взяли — тех, что были как волки, принявшие львиную храбрость. Когда мы на них напали, те начали хитрить: «Мол, мы — ниме!» И для иной брани они мечи сохранили, и стали менять овец и овощи, и клялись (?) самым небом.

14) Предрешено было в старые времена, чтобы мы сплотились.

Предрешиено было в старые времена, чтобы мы сплотились с иными и создали (Русколань?) великую. Рождена была Русколань наша близ Голуни, где стало у нас триста городов и сёл — дубовых домов с очагами. Там и Перун наш, и земля наша.

И вот птица Матерь Сва поёт о дне том. И мы со всеми ждали время оное, когда завращаются Сварожьи колёса у нас. Это время после (песни?) матери Сва наступит.

Говорили мы Матери Сва, когда терпели беды: «Хорошо обороняй землю нашу!» Вендов, которые ушли на запад Солнца, и там перед врагами землю пахут и шаткую веру имеют, всегда побеждают из-за иной веры. Боровии же говорил, что он силён, и люди его верят словам тем. А иные сами глупцы изумлённые и не верили в это до тех пор, пока не прозрели.

Венды! Вернитесь на земли наши в степи древние! И поглядите на вспаханные поля, которые были бедными до прихода нашего из Пятиречья (Семиречья?), пока от врагов-дасу¹ нами не были очищены.

И птица Сва говорит, когда огонь и смерть несётся к нам, превращая Голунь в погорелище: «Боги, поливайте и дождём дождите! Ибо та земля бедная, и разорённая, и конями затоптанная, так как язи забирают сыновей её, протекая на конях по земле».

Это боги сюда в степи посылают демонов-дасу, из-за того что мы пренебрегаем богами. И мы должны были их слушаться не так, как во времена антов. Те анты многих побеждали мечом, а иные погребены и лежат в домах ваших, которые чужды нам и которые строят по иному.

Глава 2

РУСИЧИ В СИРИИ И ЕГИПТЕ

1) Переселение в Сирию и Двуречье и отход к Карпатским горам. Наречены скифами.

II 15a

Принесли в жертву белых коней, ушли мы из Семиречья с гор Ирийских из Загорья и шли век. И так как пришли в Двуречье, мы разбили там всех своей конницей, и (затем) пошли в землю Сирии¹. И там остановились, а после шли горами великими, и снегами, и льдами, и притекли в степи со своими стадами. И там скифами перво-наперво были наречены наши пращурь. Правь их охраняла от Нави, ибо в великой борьбе она силы даёт отражать врагов.

И вот после этих битв мы пришли к Карпатским горам, и там поставили над собой пять князей, и города и сёла (строили), и были теснямы многими врагами.

2) Русичи из-за войн уходят из Сурожа. Русичи в Сирии под Навуходоносором-Набсуром. Поход в Египет.

II 6a

Эта земля за Явью.

Мы решили строить сто городов: Хорсунь и иные, затем возведённые. Но Русколань раздирали смуты, творившиеся на юге, а борусы на севере много претерпели. Потому что (враги) не хотели нашего породнения, чтобы русские роды соединились. А в Русколань те же два рода оборонялись в Суроже, и звали суренжане русов и борусов на битву и борьбу. И была эта... (суровой?) битва и борьба. И долгая вражда между родами раздирала Русь...

И вот праотцы наши были словно медведи с мечами. И так им в старые времена говорили: делайте железо и берите коней, которые текут от богов к нам.

И так была Русколань сильной и твёрдой. И было это из-за Перуна, поддерживавшего нас. Сколько раз мы извлекали меч и отражали врагов от себя, ибо вожди Ориевых родов были сильны, как после пьтья солнечной сурьи.

Было это в старину. В это же время мы не имели единства. И были мы как овца без Велеса... А он говорил нам, что мы должны ходить прямо, и никогда — криво, но мы его не послушали.

Напрасно мы не остерегались, и потому (нас) праотцов забрала — и были угнаны русы Набсуром. И случилось это из-за вражеских (нашествий), и напали на нас отсюда и до светлого моря, и пошли мы клонить головы свои под вражеские бичи.² И те сильные (враги) на Русь напали с трёх сторон. И наши люди пошли под Набсура-царя. А затем ушли в солнечный Египет. И долго в те годы давали мы дань. Но прошли дни, и русы убежали от Набсура! Ибо (мы) праотцы...

II 6b

...не потекли за ним, а пошли к краям нашим. И там мы сложили песни наши об Индре и Валу. И бились мы, как львы... бились вместе с богами, и к своим богам наших отцов не принуждал никто. Единственно к смеху то, что мы должны были платить подать-мыто, и никогда не смели... если дань терпели.

А князем был тогда Набсур, который нас под себя взял. И мы отдавали ему своих юношей для войны, и тогда мы претерпевали побои палками по половым органам, и чреслам, и щекам, и не могли это стерпеть.

Мы не могли так. И говорили, что это нам не по сердцу. И было это в тот день, когда случилось великое землетрясение, и земля вертелась, и многие возносились к Сварге. И тогда кони и волю метались и ревели.

И забрали мы свои стада, и бросились к северу, и спасли наши души. И так, если будем мы хранимы богами, не утратим мы своих сынов, дочерей, а также жён, и будем мы просто передавать им наследство. И не будем мы сметены, потому что не пойдём впереди рати (Набсура). И дань будет наша. Мы ходили, словно потомки псов, и могли быть горды, что не берегли себя.

И вот Магура поёт песни свои к сече. И эта птица от Индры изощла, ибо Индра был и пребудет навеки тем самым Индрой, который вместе с Перуном все брани (начинает). И было так, и вещала она правду ярую до полуночи (?). И лучше нам погибнуть, нежели быть под данью и жертвы приносить их богам!

3) Рассказ о борьбе с эллинами у Карани — возможно, наложенный на легенду о пребывании русичей в Харране и о конце Скифского царства в Передней Азии.

III 25

Были они у Карани, и это был маленький город на берегах морских русских.³ И там был князь, который повелел бить эллинов и отогнать их от Руси. И он снарядил рать и конницу, и пошёл на них, и боролся с ними. А эллины плакали о печали своей и просили, чтобы им платить дань. И собирали с них дань — овец на заклание и вино.

И тогда эллины, видя, что русичи много пьют, решили на них наброситься и побороть их.

И пришёл волхв на заклание и брат его Соловей. И они сказали русичам: «Не напивайтесь этими дарини!» Но русичи их не послушали. И вот напались. И в тот день эллины набросились на них и разбили их. И, погибель свою видя, русичи отошли в степи.

И там осели, и силы свои собрали, и пошли обратно на врагов, и победили их, ибо боги нас поддержали, и руни наши укрепили, и мы одержали победу.

И вот бьются враги и так говорят, что они расстригут овец и сам будут тем краем владеть, так как он прекрасный и они его не отдали.

И вот мы Триглаву молились великому и малому. И тот Триглав предостерегал нас, и быстро он скакал на коне, врагов поражая. И мы увидели то, что боги берут верх над врагами. И увидели, что убитые богами мертвы. И нам за ними следует убивать и видеть много мёртвых тел и то, как великая рать Перунова набросится на них и их разобьёт.

И вот Сварожичи слева идут, и принесли они нашу победу в своих руках роду славному, поддерживавшему славу отцов. И до

сего дня на поле (не могут) противостоять враги могучему (Богу).

И вот Желя жалуется над врагами, и Горыня горюет о смерти, в которую повергаются они руками божьими. И вот Карна плачет о тех мёртвых, которые стояли на тропе божьей и умерли. И поля эти заполнены мёртвыми кощунниками и отсечёнными головами, и членами, отрезанными от тел. И всё это лежит на траве, и смрад идёт от этого поля. И вороны летят сюда клевать останки мёртвых тел и есть нежное человеческое мясо.

И вот Сварог, который создал нас, сказал Орею:

«Сотворены вы из пальцев моих. И будут про вас говорить, что вы — сыны творца, и станете вы как сыны творца, и будете как дети мои, и Дажьбог будет отцом вашим. И вы его должны слушаться, и он вам скажет, что вам иметь, и о том, что вам делать, и как говорить, и что творить. И вы будете народом великим, и победите вы весь свет, и растопчите роды иные, которые извлекают свои силы из камня, и творят чудеса — повозки без коней, и делают разные чудеса без кудесников.

И тогда всякий из вас будет ходить словно кудесник, и пропитание для воинов будет создаваться с помощью заклятий. Но воины станут рабами многословия, и от многих тех словес вы лишитесь мужества, и станете рабами дани и золотых монет, и за монеты захотите продаться врагам.

И тогда вам боги скажут:

«Любите завет отца Орея! Он для вас — свет зелёный и жизнь! И любите друзей своих, и будьте мирными между родами!»

И с тех пор было семьдесят князей наших, таких как Мезислав, Боруслав, Комонебранец и Горислав. И тогда иных избирали на вече, а других на вече отлучали, если люди не хотели их.

В то время князи много трудились. И был тогда Кышек велик и мудр. И умер он, а после него были иные, и каждый творил что-нибудь хорошее. И русичи это удержат в памяти, потому что мы всегда их славим на каждой тризне. Трижды почитается память их сыновьями, и никто не смеет об этом забыть, так как получит проклятье божеское и человеческое и люди имя его охают навеки.

4) Исход русичей на восток (из Передней Азии?).

II 13

И вот, умом и храбростью окрепнув, пошли мы к восходу Солнца, с обеих сторон реки идя. И там осели, где Матерь Сва указала, и она обе стороны крыльями отвоевала, и также забрала землю ту, и оборонила её от дасу и гушнов, а также и готам обратила стрелы и мечи отточенные...

III 8/2

От морских берегов Готского моря шли мы до Днепра, и нигде не видели иных бродяг, таких же как русские, а видели свободные племена гуннов и языгов. И сами их бояр увидели, которые с нами стали воевать и раздирали нас на части.

От утра до утра мы видели зло, которое творилось на Руси, и ждали, когда придёт добро. А оно не придёт никогда, если мы силы свои не сплотим, и не дойдёт до нас одна мысль, которую глаголет нам глас праотцов. Внимайте ему — и потому ничего другого не делайте! И тогда пойдём мы в степи наши бороться за жизнь нашу, ибо мы — воины княжеские, а не скоты бессловесные, которые не ведают (что творят).

Глава 3

СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА.

1. Легенда о происхождении древлян, кривичей, полян, северян и русов.

I 9a

В те времена был Богумир — муж Славь, и имел он троих дочерей и двух сыновей. Они привели скот в степи и там жили среди трав, как и во времена отцов. И были они послушны богам, и имели разум, всё схватывающий.

И там мать их, которую звали Славуня, им приготавливала всё необходимое. И сказала она Богумиру на седьмой день: «Мы должны выдать своих дочерей замуж, чтобы увидеть внуков».

Так сказала она, и запряг Богумир повозку и поехал куда глаза глядят. И доехал до дуба, стоящего в поле, и остался ночевать у костра. И увидел он в вечерних сумерках, что к нему подъезжают три мужа на конях. И сказали они:

— Здрав будь! Что ищешь ты?

И поведал им Богумир о печали своей. А они ему ответили, что сами в походе, дабы найти себе жён. И вернулся Богумир в степи свои и привёл трёх мужей дочерям.

Отсюда начало трём родам. И соединились они и славны были. Отсюда идут древляне, кривичи и поляне, ибо первая дочь Богумира имела имя — Древа, а другая — Скрева, а третья — Полева.

Сыновья же Богумира имели имена — Сева, и младший — Рус. От них идут северяне и русы.¹

Три же мужа были, все три — Утренник, Полуденник и Вечерник.

II. Новгородские легенды о словенах.

1) Скифы и словене. Основание Новгорода. Затем о вендах и сколотах. Избрание сколотами вождя Кола (Колакся).

I 6a

И были князья Славен с братом его Скифом. И тогда узнали они о распри великой на востоке и так сказали:

«Идём в землю Ильмерскую!»

И так решили, чтобы старший сын остался у старца Ильмера. И пришли они на север, и там Славен основал свой город. А брат его Скиф был у моря, и был он стар, и имел сына своего Венда, а после него был внук, который был владельцем южных степей.

И крови много там лилось оттого, что была распри великая за посевы и пашни по обе стороны от Дона и до гор русских, и до пастбищ карпатских.

И там они начали ридить и выбрали Кола, и был он для них вождём, а также он отпор врагам творил. И поразил он их, и отбил их от них. И о том с родом своим говорил, созвав единое вече, чтобы создавалась земля наша.²

И после стояла земля та пятьсот лет, а затем началась между русскими усобица, и враждовали мы, и силу тратили, и имели между собой беспокойство и разлад.

И тогда пришли враги на отцов наших с юга и сразились с Киевской землёй за морское побережье и степи. После отошли на север и сговорились с фряжцами, которые тоже пришли на помощь врагам. И в таком положении Скифия оказалась, и сразилась с вражьей силою, и победила её. И так были гунны поправны, которые на Русь наступали, и были они в тот раз отбиты. И это был знак: мол, если будем то и ныне творить, это же будем иметь.

I 6b

Мы вернулись, чтобы хранить степные пастбища, так же как отцы наши и праотцы, которые пастбища брали, имея свои степи. И они травы свои и цветы умели хранить, кровь свою проливали. И так Голунь нашу мы оставили врагам. И та Голунь кругом (валом) была (окружена?). но враги притекли прямым путём.

И мы должны были наши грады кругами ставить (валами окружать?), так же как и отцы наши, которые в старину боролись за землю нашу. И всякий отрок-воин припадал к земле, и целовал её, и там же умирал. И на степь нашу не шли войны, потому что куда бы они не пошли — нигде не нашли бы укрытия.

И это мы говорили о том, как отцы наши боролись. И если мы были тогда повержены — Перун приходил к нам. И он вёл нас, и тогда сколько бы ни было праха на земле — столько было войны

Сварожьих. Это была помощь от рати, идущей от облаков к земле. И это дед наш Дажьбог был впереди их. И как было тогда не победить отцам нашим!

А мы не понимали, мог ли быть он впереди? И так возносили молитву богам нашим, чтобы они поспешили на помощь нам и дали победу над прагами! Молились ещё о земле нашей, которая погрязла погаными ногами вражескими. И так мы видели, как это было и как сколоты (?) потекли на оных (врагов), и окунали их в грязь, и не позаботились о ранах вражеских, пока не убили тех, которые на них нападали.

О том мы поведали вам!

2) Словене поселились среди ильмерцев, после того как Русь и Борусь были разбиты.

II 2а

Муж правый не тот, кто совершает омовения и хочет быть правым, а тот, у кого слова и деяния совпадают. Об этом было сказано в древности, чтобы мы всегда творили хорошее, также как деды наши. И мы вспахиваем полосы и будем со временем весьма славными.

Но Борусь и Русь были разбиты рукой вражеской, и творились тогда злодеяния. И князь наш был немощен, и послал он сынов своих на брань, и погибли они, сражённые врагом, ибо пренебрегли тем, что решило вече. Не уважили (решение) и потому были разбиты, и потому у нас взяли дань.

И не так ли мы решаем ныне: «Князья — суть наши, и не следует им ходить на поддень (на юг), чтобы добывать землю для нас и для наших детей».

А там (на юге) греки нападали на нас, как только Борусь от нас отделилась. И была сеча великая, и много месяцев (она продолжалась). Сто раз возрождалась Русь — и сто раз была разбита от полуночи до полудня (от севера до юга).

И так водили скот праотцы наши, и были отцом Ореєм уведены в край русский, потому что оставаясь претерпели бы многое. И кончились ранения, и не стало холода, как только дошли до сего места и поселились огнищанами на земле русской.

И вот прошли две тьмы, а за этими двумя тьмами пришли варяги и отобрали землю у хазар, на которых мы работали и кому платили дань.

И ещё был народ ильмерский, имевший от ста до двухсот краёв. Народ же наш позднее пришёл из русской земли и поселился среди ильмерцев. И были они нам братья, подобные нам. И даже если они от нас отличались, всё же охраняли нас от зла.

И не раз собиралось вече. И то, что было постановлено, то провозглашалось и принималось за истину. А что не было принято,

не должно было быть. Избирали мы ниняя от собрания и до собрания, и так мы жили и им помогали, и было так.

И много мы знали и делали в очагах сосуды гончарные, явая хорошей земля (глины), а также мы умели разводить скот, как и отцы наши.

И пришёл на нас злой род. И...

II 26

...мы были принуждены укрыться в лесах, и жили мы там охотниками и рыболовами. И там мы могли уклониться от угрозы. Так мы пережили одну тьму — и начали грады и огнищанские сёла ставить повсюду.

После другой тьмы был великий холод, и мы отправились на полдень (на юг), потому что там места злачные. И там римляне забирали наш скот по цене, которая была нам угодна, и перед нами они держали слово. И отправились мы к кожному зелено-травью и имели много скота.

3) Пошли к озеру Ильмень и основали Новгород.

II 15a

После пошли к озеру Ильмень и там основали Новгород. И отныне мы здесь пребываем. И тут Сварога — первого прашура молили среди рождающихся родняков и просили его, ибо он — источник хлеба нашего, — Сварога, который сотворил свет. Он — есть Бог Света, и Бог Прави, Яви и Нави.

И вот имели мы их вонстину, и эта истина переборет силы тёмные и приведёт к благу, так же как вела правотцов.

III. О потомках Щена.

1) Об исходе чехов к полянам и ильмерцам.

II 5a

Подробнее о начале нашем мы расскажем так.

За тысячу пятьсот лет до Дира прадеды наши дошли до Карпатской горы, и там они осели и жили спокойно, потому что роды управлялись отцами родичей, и старшим в роде был Щено из иранцев.³

И Паркун нам благоволил, и тут мы стали чехами (?) и так жили пятьсот лет, а потом ушли от чехов (?) на восход Солнца, и шли до Непры (Днепра). Река же та течёт к морю, и мы у неё уселись на севере — там, где (речка), именуемая Припятью, вте-

нает (в Днепр). И там мы поселились, и пятьсот лет вечно управлялись, и были богами хранимы от многих, называемых языгами.

И было там много ильмерцев — оседлых огнищан. И так мы скот водили в степи и там были хранимы богами. Может быть, это предвидел отец Орей — что мы будем иметь много золота и будем жить богато.

2) Об исходе чехов к ляхам. Германарех пил вино за дружбу.

II 56

И вот языцы отошли на полдень (на юг) и оставили нас одних. И так шли мы туда, куда выводят скот и быков наших. И вешали тут птицы Сирины (?), во множестве прилетая к нам. И галки, и вороны над едой летали, и было в степях много еды, так как напало на нас племя костобокых.

И открылись многие раны, и пролилась кровь. Те внезапно отсекали головы врагам своим, и их ели вороны.

И так Стрибы свистят в степях, и бури гудят до полуночи. Небезопасна была та сеча великая. Языцы и костобокые разили и со злобой утекали и воровали быков наших. И так продолжалась эта борьба двести лет.

И наши родичи тогда ушли к ляхам и там осели за сто лет до готов Германареха. А те озабочились на нас, и тут была борьба великая, и готы были потеснены и отогнаны к Дону и Дону. И Германарех пил вино за дружбу с нами после наших воевод. И так была утверждена новая жизнь.

IV. Легенды о тиверцах.

1) Легенда об отце тиверцев.

II 16

Велесову книгу сию посвящаем Богу нашему, который есть наше прибежище и сила.

В оны времена был муж, и был он благ и доблестен, и называли его отцом тиверцев. И тот муж жену и двоих дочерей имел, а также скотину, коров и множество овец. И жили они во степях, где не было мужей для дочерей его... И молил он богов о том, чтобы род его не пресекся.

И Дажьбог услышал мольбу ту и по мольбе дал ему измоленное, так как настало для того время. И вот прошёл он между ними и начал ворожить. И наворожил ясну тучу. И тут бог Велес принял отрока.

И мы пошли к Богу нашему и стали Ему возносить хвалу:

«Будь благословен, вождь наш, и ныне, и присно, и от века до века!»

Изречено это нудесиннами. Они прочь уходили и назад возвращались.

2) Поход тиверцев в Сурож.

I 56

И дошли тиверцы до синя моря и Сурожа и вам — и вам сказали:

«Как мы сами помним, в старые времена сплотились анты, от яэов (спасаясь). И тамже было много крови пролито, и на ней Русь стоит, поскольку мы кровь-руду пролили, и так навеки до конца будет. От земли нашей (пошли) славянские племена и роды. И мы славили богов, никогда не прося их, лишь славя их силу. А также величали мы прашура нашего Сварога, который был, есть и пребудет вождём нашим навеки и до конца».

V. О кравенцах: скифах, антах, русах, борусинах и сурожцах. А также о рыбоедах-костобокх, лирах, дулебах и вешдах.

II 7а

Там Перун идёт, тряся золотой головой, молнии посылая в синее небо, и оно от этого твердеет.⁴ И Матерь Слава поёт о трудах своих ратных. И мы должны её слушать и желать суровой битвы за Русь нашу и святыни наши. Матерь Слава сияет в облаках, как Солнце, и возвещает нам победы и гибель. Но мы этого не боимся, ибо имеем жизнь вечную, и мы должны радоваться о вечном, потому что земное против него — ничто. Мы сами на земле, как искра, и сгинем во тьме, будто не было нас никогда.

И так слава отцов наших придёт к Матери Славе, и пребудет в ней до конца веков земных и иной жизни. И с этим мы не боимся смерти, ибо мы — потомки Дажьбога, родившего нас через корову Земун. И потому мы — кравенцы (коровичи): скифы, анты, русы, борусины и сурожцы. Так мы стали дедами русов, и с пеннем идём во Сваргу Сварожью синюю.

В старые времена рыбоеды нас оставили, не желая идти в наши земли и говоря, что им и так хорошо. И так они погибли и не стали плодиться с нами, умерли, потому что от неплодных ничего не осталось. И неизвестно (ныне) о тех костобокх, которые ждали помощи от самой Сварги и перестали трудиться, и вышло так, что они были поглощены лирами. И тут мы сказали, что это правда, что ничего от них обоих не осталось, так как лиры были поглощены нами — и не имеем мы теперь их.

И так дулебы повернули от нас на Борусь. Мало осталось лиров, и они были наречены нами ильмерцами, потому что поселились они

возле озера. Тут венды уселись дальше, а ильмерцы остались там. И так их было мало.

И говорила Сва в поле нашем, и била крыльями Мать Сва, и пела песни к сече, и та птица не есть Солнце, она — та, из-за которой всё стало (?).

Глава 4

ВОЙНЫ С ГРЕКАМИ И РИМЛЯНАМИ.

1) Напрасно забываем мы доблесть прошедших времён... О Правн, Яви и Нави.

II 1

Напрасно забываем мы доблесть прошедших времён и идём неведомо куда. И там мы смотрим назад и говорим, будто бы мы стыдились познавать обе стороны Правн и Нави и быть думающими.

И вот Дажьбог сотворил нам это и то, что свет зари нам сияет, ибо в той бездне повесил Дажьбог землю нашу, чтобы она была удержана. И так души пращуров сияют нам зорями из Ирия...

Но греки нападают на Русь и творят злое во имя их богов. Мы же сами — мужи, не ведающие куда бежать и что делать. Ибо что положено Дажьбогом в Правн, нам неведомо.

А поскольку битва эта протекает в яви, которая творит жизнь нашу, а если мы отойдём — будет смерть. Явь — это текущее, то, что сотворено Правью. Навь же — после неё, и до неё есть Навь¹. А в Правн есть Явь.

Поучались мы древней (мудрости), вверглись душами в это, поскольку это вокруг нас сотворено силой богов. Это мы узрели в себе, и это дано нам дар богов, и это требуется нам, ибо (делать) это — значит, следовать Правн (?).

И вот души пращуров сияют нам из Ирия. И там Жали плачет о нас, и говорит нам, что мы пренебрегали Правью, Навью и Явью... Пренебрегали мы снм и были глухи к истине... И мы недостойны быть Дажьбоговыми внуками. Ибо лишь моля богов да имея чистые души и тела наши, будем иметь жизнь с праотцами нашими, в богах слившись в единую Правду. Так лишь мы будем Дажьбоговыми внуками.

Смотри, Русь, как велик ум божеский, единый с нами, и ему творите (славу), и провозглашайте её с богами воедино... Бренная есть наша жизнь, и мы сами — также, и словно коням нашим, нам придётся работать, живи на земле с тельцами и овцами в сытости и убягая от врагов на север.

И вот выделось в Нави: там Огнебог влачась уходил от причудливого Змея. И затопляя землю, текла кровь из Змея, и он лизал её.

И тут пришёл сильный муж, и рассек Змея надвое — и стало два (Змея), и рассек ещё раз — и стало четыре. И этот муж возопил богам о помощи.

И те пришли на конях с неба и того Змея убили, потому что сила его не людская, не божеская, а — чёрная.

И этот Змей — суть враги, приходящие с юга. Это босворские войны, с которыми наши деды сражались. Они хотят, чтобы земля наша отошла к грекам, но мы её не отдадим, потому что она наша, и мы не упустим её. А сотворённый тот Змей — есть погибель наша.

Мы должны сражаться и животы положить за землю нашу. Она тянется от нас до полей, и дреговичей, и русов, тянется до моря и гор, до степей полуденных. И это есть Русь. И только от Руси мы имели помощь, потому что мы — Дажьбоговы внуки. Мы молили Патара Дня, чтобы он низверг огонь, чтобы он позволил Матери Сва славу принести на крыльях своих праотцам нашим.

И ей мы песни поём воле костров вечерних, где мы рассказываем старыми словами о славе нашей, о сьлоте Семиречье нашем, где мы имели города, где отцы наши сражались. И ту землю мы покинули, идя к земле иной, где мы должны теперь удержаться. И в древности мы взяли Голунь нашу, и в этой земле сотворили и города, и сёла, и очаги.

И вот омоем телеса наши и души наши, чтобы была чистою Русская Голунь, где сильно бьются и на врагов наводят страх и изумление. Ибо от пастбищ, где овцы ходят, простирается земля на день пути от нас до иных, где творится иное, где были мы в старые времена, где одолели нас. И там мы узрели руку, угрожающую нам, и видели суровый день, который хотел крови. И мы её прольём на землю свою русскую... В русских городах канни вопиют нам, и мы решились идти и смотреть смерти (в глаза)...

Почтите сына моего, который умер за неё.

3) *В Суроже свет будет над нами.*

В Суроже свет будет над нами. И мы идём туда, где видим горящую землю... у Лукоморья всякий день обращаем взор к богам, которые есть — Свет. Его же мы называем Перун, Дажьбог, Яр и иными именами. И поём мы славу богам и живём милостью божьей, до тех пор пока жизнь имеем.

В Суроже были враги наши, которые змеями подали и грозили нам болями, и смертью, и лишением живота. И всем им явился бог сильный, и был их мечом-молнией, и они испустили дух.

И Сурья светит на нас и к нам, и все увидели сначала, как славу Сурьи застилает Дедова тень, привослиная ало, и как от той тьмы назошло злое племя демонов-дасу. И то злое племя на враждуров наших натекло, и напали они, и потому многие ушли и умерли.

4) О Квасуре и Богумире. Затем — основание Киева, Голуни и Сурожа.

III 22

Также расскажем о том, как Квасура получил от богов тайну — как приготавливать сурину. И она — есть утоление жажды, которое мы имели, и мы должны на Радогоще около богов радоваться, и плясать, и венки подбрасывать к небу, и петь, славу богам творя.

Квасура был мужем сильным и от богов вразумляемым. И тут Дядо, придя к нему, повелела вылить мёд в воду и осушивать его на Солнце. И вот Солнце-Сурья сотворило то, что он забродил и превратился в сурину. И мы пьём её во славу божью.

И было это в века доклевские, и муж тот был во сто крат весьма выделен (богами), и передал он (тайну) отцу Богумиру (Благомиру), и тот получал поучение небесное, как творить квасуру, которую называют сурини. И это (мы вспоминаем) на нашем Радогоще.

И вот когда наступают дни Осеня, мы оканчиваем жатву и радуемся этому. И если иной не удержит своего естества в этот раз и скажет безумное — то это от Чернобога. А другой получит радость — и это от Белобога.

И так мы должны искать друзей и врагов... Куя мечи наши на силу вражью, мы получаем силу божескую, чтобы поразить врагов наших с обеих сторон.

И этот Богумир сурью сотворил, когда те предрекли ему славу. И были они, и она (сурья) была, когда боги рекли ему хвалу... И вот установили они роды для себя, и потому боги — причина родов, и так стали иметь они родные те роды.

И теперь Сварог — Отец, а прочие — суть сыны его. И мы должны были покоряться ему, так же как покорялись родителю, потому что Он — Отец нашего рода. И этот род — воины от Кия до князей киевских.

И когда после готской войны обрушилась Русколань, мы её оставили, и притекли к Киеву, и уехали на земле той, где мы вступили в борьбу со степными врагами. И тут мы оборонялись от них.

И так было через тысячу триста лет после века Кия, через

триста лет после жизни в Карпатах и тысячу — после основания Киева.² Тогда одна часть ушла к Голунь и там осталась, а другая (дошла) до града Киева. И первая — это русколяны, а другая — те, которые сурень чтили, ходили за скотом и стада водили десять веков по земле нашей (т. е. сурожцы?).

И вот та Голунь была градом славным и имела триста городов сильных. А Киев-град имел меньше: десять городов на юге, немногие сёл — и всё. А до этого все роды их были в степях на юге, они селли, жали жито. И там отдавали (продукты) грекам в обмен на золотые цепи, монеты и ожерелья. И сами носили их в обмен на пиво и вино грекам и разводили овец для этого обмена.

И те русы создали на юге град сильный Сурож,³ который не создать грекам, но они его разрушили и хотели русских побить, и потому мы ходили на них и разрушали сёла греческие. Эллыны же сии — враги русколянам и враги богам нашим. В Греции ведь не богов почитают, а людей, высеченных из камня, подобных мужам. А наши боги — суть образы.

И когда бились с готами, которые надевали на головы свои воловы и коровьи рога, и ножами облезали чресла свои, и мнили этим утешить русских, тогда мы снимали свои портики, и оголи чресла свои, шли в бой, и их побороли. И с тех пор мы ходим оголёнными на сражения и побеждаем.

И также, когда греки стояли, боясь вынуть меч из ножен, они были измождены своим одеянием, и были словно жертва, которая должна пасть на землю, и та будет пить её кровь, когда из неё при умерщвлении будет исходить жизнь.

5) Греки захватывают Сурож.

III 8/3

Когда наши пращурь сотворили Сурож, начали греки приходить гостями на наши торжища. И, прибывая, всё осматривали, и, видя землю нашу, посылали к ним множество юношей, и строили дома и грады для мены и торговли.

И вдруг мы увидели воинов их с мечами и в доспехах, и скоро землю нашу они прибрали к своим рукам, и пошла иная игра. И тут мы увидели, что греки празднуют, а славяне на них работают. И так земля наша, которая четыре века была у нас, стала греческой. И мы сами оказались как псы, и выгоняли нас оттуда маленькими вон. И та земля огречилась. И теперь мы должны были снова её доставать, проливая кровь свою, чтобы она опять стала родной и богатой.

И летела в небе Перуница, и несла рог славы, и мы его выпили до дна. И витязей у нас стало в десять раз больше, чем у врагов наших. И та Перуница сказала:

«Как же вы, русские, проспали пашню свою? С этого дня вы должны бороться за неё!»

И тогда Сурья сказал:

«Идите, русские, и делайте это!»

И когда мы пришли в край свой, то ударились в (городскую) стену, и проделали в ней дыру для себя и для наших, и оказались тогда сами у себя. (И решили:)

«Кому присудил Перун, тот попадёт в рай — есть яства вечные в Сварге. Быть может, мы сегодня погибнем, но мы не имеем иных ворот к жизни. И лучше быть мёртвым, чем быть живым и рабствовать на чужих. И никогда не живёт раб лучше деспота, даже если тот ему потакает. Мы должны были слушаться князей наших и воевать за землю нашу, как они говорят нам».

И тут Индра пришёл к нам, чтобы мы сохранили свою силу в бою и стали твёрдыми, чтобы витязи наши одолели, ибо сила наша — божеская, и нам не быть побеждёнными на поле.

Принесли мы жертвы богам своим на Руси, и гадали, смотря на полёт птиц, и увидели, что враги должны быть повержены долу в прах и в кровь.

И если мы кольцо (стен) пробить осмелимся, то за ним окажутся греки, которые не имеют силы, ибо они обабились — и мечи имеют тонкие, и щиты лёгкие, и скоро они устают и на землю бросаются по слабости своей. И не успеют получить помощь от василийцев, и потому они должны будут сами встать на защиту свою.

И та Сурож нашей была — и станет нашей, и не должны мы их слушать.

Они говорили, что установили у нас их письменность, чтобы мы приняли её и утратили свою. Но вспомните о том Иларе, который хотел учить детей наших и должен был прятаться в домах наших, чтобы мы не знали, что он учит наши письма и то, как приносить жертвы богам нашим.

И я вам поведал о том, что вы победили греков. И будет так, как было, ибо я ясно видел Кня — отца нашего, и он сказал мне, что мы уничтожим их, и унижим Хорсунь — для нас постыдную мерзость, и будем великой державой с князьями нашими, городами великими, несчётным железом, и будет у нас без числа потомков, а греков уменьшится, и будут они на бывшее дивиться и качать головами.

Делайте так, ибо будут у нас и грозы многие, и громы гремящие, и два (княжества) объединятся, и встанет другое новое. И так мы победим окончательно, утвердимся навеки. Многое дадут нам боги, и ничто нас не унижит. Встаньте, как львы, — один за одного! И держитесь за князя своего. И Перун будет с вами и даст вам победу.

Слава богам нашим до конца веков! И земле той — Руси отцовской, земле нашей — всяких благ! И так будет всегда, ибо эти слова от богов.

6) В Суроже боги повержены в прах.

И вот храбрый поборол ту злую силу — обе сотни опоясанных воинов. И мы должны были сохранить порванные одежды и поставили для богов хранилище. И приходили к стене дубовой и к другой стене — и там хранили подобия наших богов.

Мы имели много хранилищ в Новгороде на реке Волхова, имели и в Киеве-граде в Божьих лесах. А также имели на Воляни дублеское хранилище и в Суроже на синем Сурожском мире.

И это великое оскорбление для нас, что в сурожских хранилищах, добытых врагами, боги наши повержены во прах и должны валяться, так как русичи не имеют сил, чтобы одолеть врагов в бою.

И мы имели рваные одежды такие же, как у странника, который ходил ночью по лесам и порвал одежду свою на куски. Также и русские имели лохмотья на теле русском. И мы не берегли одежды, лишь стремились славить богов, которые не принимают от нас жертв, потому что они раздражены нашей ленью.

И всё же птица Матерь Сва славу нам предрекла и молила нас уберечь славу отцов. Не имели мы дерзости динуться на рать и мечами своими ванть землю нашу, очистив её от врагов. И вот тысячу триста лет мы храним наши святыни, а ныне жёны наши говорят, что мы — блаженные, что мы утратили разум свой и стоим мы как агнцы перед врагами. Что не смеем пойти на брань и мечом разить врагов наших.

И вот грядёт к нам Купала и говорит нам, что мы должны стать воинами с чистыми телесами и душами нашими. И пошли мы по стопам его, который пришёл к нам и, нас охраняя, повёл к суровой битве. И там мы (погибнув) предстали б пред лицом Сварога. И так, идя к сече, мы хвалили богов наших перед бранью, как в мирные дни. И вот Купалич сказал нам, что мы достигли оное время, и будем теперь почитаемы за славу свою, и также с отцами нашими будем.

7) Не отдадим землю ни варягам, ни грекам!

II 7ж

И мы ведали, что русский род должен собираться в десятки и в сотни, чтобы напасть на врагов и спать с них головы. И тогда злые погибнут, и зверь хищные, их поев, сдохнут.

Текут реки великие по Руси, и журчат многие воды, и поют они о стародавнем. О тех боярах, что не боялись идти к полям готским, что многие лета боролись за вольность русскую, о тех, что не берегли ничего, даже жизни своей, — о них говорит Березиня.

И бьёт крыльями Матерь Сва, славу поёт та птица воинам борусинским, которые от римлян пали около Дуная возле Троянова вала.

И они на прямом пути и тризне полегли, и Стрибогову вянуки пляшут над ними, и плачут о них осенью, а студёной зимой о них причитают. И голуби дивные так говорят, что погибли они славно, и оставили земли свои не врагам, а своим сыновьям. И так мы потомки их, и не лишимся мы земли нашей, не отдадим её ни варягам, ни грекам.

И тут Заря Красная пришла к нам, как жена благая, и дала нам молоко, чтобы крепость и сила наша удвоилась. Ибо Заря возвещает Солнце. И также слышали мы, как скачет вестник на коне к солнечному закату, чтобы направить золотой чёлн к ночи, чтобы (солнечный) воз был смирными волнами влеком по синей степи. И там же Солнце ляжет спать в ночи. И когда день приходит к вечеру, другой наездник появляется и так говорит Солнцу, что воз и волны готовы и ожидают его на отмеченном пути, и что Заря пролилась в степь, и позвала Мать, чтобы Сва поспешила...

8) Пришла Красная Заря. Греки злое говорят, но мы имеем имя славы.

III 8/2

И тут пришла Красная Заря, нанизывая драгоценные камни на убранство своё. И её мы приветствовали от сердца — как русские, а не как греки, которые не знают о бogaх наших и говорят злое по невежеству.

Но мы имеем имя славы — и славу ту доказали на вражьем железе, когда приходили на их мечи. И даже медведь остановился, чтобы услышать славу ту, и скакавшие аланы остановились и потом говорили иным о русских:

«Они не начали бы убивать, если б не было пужды, — и эти русские гордятся, а греки воюют ради похоти своей. И дают хлеб они не так как греки, которые берут, а сами злобу таят на дающих».

И о славе той орлы кличут во все стороны, ибо русские воины и сильны в степях.

9) Мы имеем истинную веру, которая не требует человеческих жертв. О войнах с греками и римлянами.

II 7a

Слава богам нашим!

Мы имеем истинную веру, которая не требует человеческих жертв. Это же делается у варягов, приносящих такие жертвы и именующих Перуна — Перкуном.

И мы ему приносили жертвы, но мы смели давать лишь полевые

жертвы, и от трудов наших просо, молоко, жир. А также подкрепляли Коляду ягйином, а также во время Русалий в Ярилиа день, а также на Красную гору. Тут же мы начинали вспоминать о Карпатских горах. В то время наш род именовался — карпени. Те, которые от страха жили в лесах, именовались по названию — древици, а на полях мы назывались — поляшми.

Так вслкий, который слушает греков, скажет про нас, что мы — людоеды. Но это — ложная речь, поскольку это истину не так! Мы имели иные обычаи. Тот же, кто хочет победить другого, говорит о нём злое, и тот — глупец, кто не борется с этим, потому что и другие это начнут говорить.

И так мы долго управлялись родами, и старшие из всякого рода шли судить родичей под Перуновым деревом. И также имели мы в тот день игрища перед очами старших: и силу юноши показывали, они быстро бегали, пели и плясали. В тот день огнищане ходили на промысел и приносили дичь старцам, которые делили ее с прочими людьми. И полхвы жертву делали богам, восхваляли их и славу провозглашали.

Во время же готов, или когда появлялись варяги, набирался князь в вожди. И этот вождь вёл юношей к суровой сече.

И вот римляне, поглядев на нас, замыслили злое. И пришли со своими колесницами в железных бронях и напали на нас. И потому мы долго оборонялись от них и отваживали...

II 76

... их от нашей земли. И ромей узнали, как мы дорожим жизнью нашей, и потому оставили нас. Но тогда греки захотели биться с нами около Хорсуни.⁴ И бились мы сурово против рабства нашего, и была борьба и распря великая тридцать лет, и они оставили нас.

И тогда греки пришли на торжища наши и сказали нам: «Обменивайте коров ваших на мазь и серебро, которые требуются жёнам и детям».

Так мы меняли бороны на их снедь. После еды греки старались нас ослабить и стремились взять с нас дань. Но мы не ослабились и не отдали землю нашу, как и землю Трояню не дали ромеям. Дабы не встала Обида Дажьбоговым внукам, беспокоящимся о вооружённых врагах.

Так и сегодня мы не заслуживаем хулы, как и отцы наши, ибо мы рубились у берега Готского моря и тут одержали над ними победу.

Песнь хвалебную поёт Матерь. Она — прекрасная птица, которая несла пращурам нашим огонь в дома, а также агнца принимала.

Над готами, болью нашей, мы одерживали верх силой. И должны мы врагов рассекать и прогонять их, как псов.

Погляди, народ мой, как мы оберегли (иные) народы. И мы

не ошиблись, получая раны, и не бросились рядиться. А мы сами врагов прогоняли, и беду набыли, и имели иную жизнь, потому что сами бились за сто городов и не отходили от них. И тяжчайшее поражение было нам, но мы тысячу пятьсот лет должны были переносить многие битвы и распри, а всё же остались живы из-за святости и жертвенности юношей и воевод.

10) Греция пришла на землю ту и не заботилась о Руси. Затем — время Германареха.

III 23

И вот пришли новояры от старых пашен, где были такие же русские. И они пришли на юг и сражались в степях десять веков.

И это также русские, которые набирают своих князей. Это делалось в каждом роде, а роды давали от каждого племени своего князя, а князя набирали старшего князя. И тот был вождём в сражениях. И так мы жили в земле той до тех пор, пока враги не пришли к нам и не разбили нас.

Это Греция пришла на ту землю, и осела на ней, и не заботилась о Руси. И вот русы вынули мечи, и напали на греков, и отогнали их от своих морских берегов. И тогда греки привели рати, защищённые железными бронеями. И была сеча великая, и вороны там граяли при виде человечины, разбросанной по полю. И ели они останки, и граяли враги над врагами, и великий грай стоял в поле том. И ели они останки греческие, русские не трогая. Там они защиту имели, так как боги не желали гибели русских.

И там сражалось Солнце с Месяцем за землю ту. И Небо сражалось за поле битвы, чтобы земля та не попала в руки эллинские, а осталась русской.

И там плачет мать о детках своих, которые пролили кровь на поле сражения, и то поле стало русским. Новояры находятся там до сего дня, а земля та — наша из-за крови, пролитой мечами.

И там сказали эллины нашему старшему князю, что они не хотят ходить в землю неров (невров?), а также брать рабов аланских, ибо имеют берега морские (и этого достаточно).

И про это мы имели предсказание в наши дни — поскольку праотцы наши, умершие на поле битвы, не взяли землю у врагов наших, значит, и сегодня, согласно предсказанию, её никто не возьмёт.

И вот Германарех пришёл на север к нам, и мы должны были оборонять земли свои, а также идти на него, ибо готская земля — наша. Её белогоры селили и усевали костями своими и кровью своей поливали — и потому она наша.

И вот поёт птица Матерь Сва и славу предрекает нам: нам самим и мечам нашим. И мы пошли до святого поля, и одолели врагов полночных (северных), и отразили врагов полуденных (южных). И пошли на врагов и сошлись с ними, и были германцы повержены русскими, потому что мы — Отца нашего Перуна сыны и Дажьбога внуки.

И вот Сварог указал нам, куда ушли эллины и Германарех. И тот Германарех отошёл на север, а эллины на юг. И так мы обрели землю нашу и собрали её воедино, и не давали мы сыновей своим, ибо цены не имеют сыны наши.

И вот идёт в степи наши великое множество иных родов, и не должны мы быть мирными, и не должны просить помощи, ибо она в мышцах наших и на конце мечей, и ним мы сочём врагов.

И это поёт птица Матерь Сва нам, чтобы мы поднимали мечи свои на защиту свою. И она бьёт крыльями о землю, и прах поднимается к Сварге. И на этой земле — враги, и она бьёт их, и она сражается за нас. И их мы одолели, как она нам кричала, ибо крик её был в сердце нашем. И мы ведали, как пить сурью и идти до сечи, и там одолевали питье иное, сотворённое богами. И оно будет нам, как живая вода в последний час великой тризны, которая будет у всяного, кто умер за землю свою.

И вот Сварожич смотрит на нас от своей чудной Сварги и, видя рати наши, пересчитывает их. И если не хватает для счёта пальцев на руках, то он считает по пальцам на ногах. И ведает Праштур наш, что мы — сила великая и не могут одолеть нас враги наши.

И так мы текли на них и дожидались, пока они упадут на землю и умрут от Мары. А эту Марь мы знаем!

И вот говорили мы в сердцах наших, что не вернёмся мы к очагам своим, доколе ещё враги рыщут, доколе не бросимся телами нашими на врагов, пока ещё враги забирают земли наши. И говорим мы, что боги заботятся о нас. И если будут убиты передовые воины, то лучше детей своих бросить на копья, чем повернуть спины врагам нашим.

И вот люди наши одержали победу, и потекла земля наша к нам, чтобы мы смогли удержать её до смертного часа и узреть Мару. И чтобы Мара отступилась от нас и сказала, что я не имела силу и потому не одолела витязей русских.

И тогда слава потечёт к Сварге. И там боги скажут, что русичи — храбрые, и есть им место подле бога войны Перуна и Дажьбога — их отца.

11) Воспоминание о карпатском исходе. Далее — Бобрец привл русских в Голунь. Затем — времена Алдорека и Бравелина.

Посмотрите вокруг — увидите птицу ту на челе вашем! И та птица поведёт вас к победам над врагами, ибо вы — сыны её и потому одержите победу!

И она, красуясь перед нами, влекла нас к себе светом. И так было в иные времена, когда русские шли с вендами и те хотели унести богов своих к морю.

И мы там угнездились. И там были города и храмы-помолья, и там же были многие здания, и были мы богаты. И те помолья были украшены золотом и серебром, и мы почитали многих деревянных богов и уходили от искушений. И это было ведомо иным, которые видели это, которых это задевало и им перечило, — и потому родичи наши не имели покоя. Арабы приходили и терзались на торжищах о богатстве и дани, дающей навсегда поселившимся там отронам (рабам и воинам).

И та земля, говорят, также опротивела нам войнами и трудной жизнью. И тогда мы отошли к горам Карпатским, ища покоя, но и там также мы враждовали с злыми язычниками. Там пели мы, что мы — русские, и о славных днях тех. И имеем мы песни те от отцов наших — о прекрасном житье в степях и славе отцов.

И вот воевода Бобрец повёл русских в Голунь и обрел после смерти чин в храбром войске Перуна. Это мы не забудем никогда, ибо мы — сыны отцов наших и имеем любовь к их памяти. И мы говорили о них, так как они были силой нашей, и силы той, что шла к нам от них, даже у львов нет, а львиную мы перемогли.

Мы сказали...

...о тех, которые заботились о нас.

Мы тогда не имели молебниц и служили перед колодцами и родниками, где текла живая вода. И там волшебство есть, и волки хищные туда не заходят.

Теперь вспомним времена Алдореха. Его призвал жрец, так как мы не радели о благочестии (?) и не держали слово. И красавиц наших тогда внезапно брали и похищали — и увозили девушек. А между нами были распри из-за готов. И там мы жили, и были под готами.

А в те века мы управлялись родами и князьями. И был князь Бравлин, который отобрал у эллинов берега морские. И после битвы мы пришли жить туда, и там разводили скотину, и скифам давали попасть скотину в степях. И тогда терпели беду они, потому что греки снова сидели в Голуни, а когда приходили в города — злобствовали на нас. В те времена мы ушли прочь на север, и там были двести лет, и там мы остались с тех пор и доныне.

И сейчас мы имеем другого князя Бравляна, правнука своего деда, который говорил:

«Идите на юг, на греческую Голуну! Ибо греки между эллинами — племя особое, и продают они нас, поймав в степях, и скотину нашу хотят взять задаром. Это мы имели от них. Страхните же их в море и гоните в свой край, так как земля та — русская, и там русская кровь лилась вниз на землю, и та пила кровь нашу. На нас надейтесь! И мы будем её защищать во все дни, как и ранее хотели».

Глава 5

БОРЬБА С ГОТАМИ И ГУННАМИ

1) Матерь Сва обороняет землю нашу от дасу и гуннов.

II 13

И вот, умом и храбростью окрепнув, пошли мы к восходу Солнца, с обеих сторон реки идя. И там ждали, где Матерь Сва сказала, и она обе стороны крыльями отсоедала, и также забрала землю ту и оборонила её от дасу и гуннов,¹ а также к готам² обратила стрелы свои и мечи отточенные...

2) Кий ушёл от нас — и притекла беда... Готы усилились.

III 8/1

И тут родичи начали делить — кому быть старшим. Кий отошёл к отцам и праотцам умершим. Кий ушёл от нас — и притекла беда. И тут великая свара одолела русских, которые принялись биться за разделение — и разделились. И тут греки от своих земель жать стали. А мы на битву не имели сил, чтобы сойтись в круг и по крыльям. И всякий был сам по себе, поглядывая на соседей своих. И от того веры не имели, что мужи, идя к сече и идя обратно, принимались браниться — мол, при походах Кия было лучше, при Кие с вечера заранее шла речь о победе. И тогда пели о походах отцов своих, о том, что когда Русколань пала ниц из-за сражений с готами и гуннами, тогда содалась Киевская Русь и Антия, и готы этого устрашились и ушли вон к своему краю. И мы ведали про два края — один вендов, а другой — готов. И тут готы пришли к нам, и готы эти усилились, а венды ослабели. А вокруг нас была чужь, а также была литва, и они назывались ильмами, а от нас они были наречены ильмерцами.

3) Германарех пришёл к нам.

От Орея — это общий наш отец с борусами — от Ра-реки (Волги) до Непры (Днепра) роды управлялись родичами (старейшинами) и вѣчом. Всякий род назначал себе родича, который был суть правящим. А когда мы пошли к горе, тогда (избрали) князя, воеводу над людьми, чтобы он воевал с врагами во славу Перуна.

И это Дажьбогова помощь возвратилась к нам! Так земля та стала русской из-за борьбы русов и борусов. И великая непрестанная битва шла во всякий час. И многие были в то время убиты, но вражий натиск был в то время окончательно сокрушён.

И тут Германарех³ пришёл к нам и напал на нас. И так нас сровняли с землёй, когда мы бились. И пришлось нам из-за готов между двух огней тлеть и воспламеняться. И тут пришла великая беда, и живнво наше было спалено, и не осталось селения, где бы не было дыма и пепелища.

И тут прилетела к нам птица божеская и сказала:

«Идите на полночь и набросьтесь на тех, которые приходят к сѣлам нашим и пашням (?)».

И так сотворили мы — ушли на полночь, и постарались (бороться) с ними. И в этой распрѣ мы их победили. И так пришли мы к ним, и встали станом на реке Дон — там, где были римляне (?), и так набросились на них и бились много. Тут некоторые хотели нас быстро опростоволосить — и вместо этого сами опростоволосились. И тут была тьма опростоволошенных воинов. Великие шли снега, голод мучил наших людей, оставшихся у реки и лишившихся всего. В тот раз волки страдали, потому что не могли заглатывать тварей (лесных)...

II 6б

Так сто двадцать лет (продолжалась) война. Готы пришли «на плечах» гуннов, и (отошли) на полночь, и осели между Ра-рекой (Волгой) и Двиной.

Германарех и Гуларех привели их в новые земли, ибо гунны с бредущими быками своими стали станом в том краю. Там было много коней и быков, трава злачная, вода живая. И тут Гуларех привёл новые силы свои и отразил главные силы (?) гуннов, многие из которых текли на нас.

И тут родичи собрались на конях идти на них. И была суровая сеча там тридцать дней. И русы пустили готов в свои земли. И от этого злые пошли времена.

Напали на нас римляне... ополчились (?) и готы с севера и с юга. И тогда великая кровь лилась (?)... И там борьба была... Там много травы полегло, угодной богам и людям.

И вот не могли мы ни к чему иному прибегнуть, кроме как выбрать князя из вождей, который был бы от осени до весны и которому мы платили бы дань от полюды.

А в старые времена мы водили стада свои и обрабатывали землю. И была такой наша жизнь сто десять лет, и творили мы всякий день борьбу с гуннами. И... пришёл (Сах?)... и ничего не взял. И вот мы стали иметь князя Саха, и был он премудрый... в ладах с русами, и был нашим другом...

4) Германарех отступил за малую Калку.

I 3а

Это бьёт крыльями птица мать Сва, когда тягости новые идут на нас. И враги раздвигают щель (на границе) и начинают, и прорываясь, нападают на нас. И вот течёт печаль великая в крае нашем, будто дым степной, виденный нами, который поднимается к Сварге.

Когда Жаля плачет о нас и кличет мать Сва к Всевышнему, посылающему ветер лесам и огонь очагам нашим, тогда Он приходит на помощь, и вместе с ним отцы наши бьются с врагами.

И вот Германарех отступил, и готы ушли за малую Калку и уткнули к берегу моря. И так земля освободилась до Дона и по ту сторону Дона-реки. И это Калка великая — есть граница между нами и прочими племенами. И там готы бились четыреста лет со своими врагами.

И тогда мы начали засевать землю нашу, начали пахать спокойно землю для аллимов, торговать с ними — совершать обмен скота, шкур и сала на серебряные и золотые монеты, и питьё, и яства всяческие. И жизнь наша после того была спокойная и мирная.

И вот готы напали на нас ещё раз. И была распря десять лет. И мы удержали землю нашу. Также мы имели брань от врагов, уклоняющихся от святых волхвований. А те святые приходят к нам. И первый святой — Колада, а другие — Яр и Красная гора, и Овсень великий и малый. И идут те святые, как муж от града до села огнищанского, и с этим на землю мир грядет от нас к иным и от других к нам.

I 3б

Сотенайтесь и идите, братья наши, племя с племенем, род с родом, и сражайтесь — как это и надлежит нам — за себя на землях наших. И никогда не должно быть по-иному! Ибо мы — русские, славящие богов наших песнями нашими и плясками, и арелищами, которые мы устраиваем во славу богов.

И вот мы осели на землях и начали перстами прикладывать её к ранам своим и толочь её. И после смерти представляли перед Марморою, которая рекла нам: «Я не буду видеть того, кто наполнен землёй, и не могу его отделить от неё». И боги,

находящиеся там, после неё говорили: «Оттого ты русич и останешься им, что набрал землю в свои раны и пришёл ей в Навь».

В те времена, пока князей избирали, многие вожди и князи были. И всякое то княжение на вече утверждалось простыми мужиками. И так постановляли: «Землю пашите — себе, а князь пусть, согласно решению, защищает людей». А хлеб, и еду, и всё, что нужно для жизни, он от своих людей каждый день имел. (Ныне же) ныне князи и подати берут, и сынам своим власть дают от отца к сыну и также от деда к правнуку.

5) Борьба с Гуларехом.

II 6д

И так жрец сказал, что демоны-дасу умножились. И от них спасения не было б ныне, если б мы не имели наших воинов.

Так мы окончательно узнали — откуда мы. И это был боярин Гордыня, который был готов Триедора. И было это через десять столетий и три года после Карпатского исхода. И он, как и Триедор, шёл без страха на них. А боярин Сегеня, который убил сына Гермалареха и отрока Гулареха, пошёл к Воронежцу.

Там осталась Русь Борусская и Русколянь. И так нам придётся стыдиться из-за слов врагов наших, если мы их получили, но не смогли возратить вдесятеро за всякое слово, сказанное нам.

И вот Заря светит нам, и Утро идёт к нам, и так мы имеем вестника, скачущего по Сварге. И рекли мы хвалу и славу богам!

И вот Сурож «огречилась», и не будет она теперь русской. И там боги греческие. Но жизнь в степи — к благу нашему, получили мы от неё твёрдость и крепость, дабы враги отвёдали, что есть истина.

И Гуларех пошёл на новые земли.

6) Гуларех напад с полночи, а гунны — с полдня.

II 7а

Тогда не было иных гостей, а ныне прибывают и беспокоят нас. Тогда мы могли отразить врагов. И ежедневно так и отражали, и брали (в плен) и этих, и тех.

Сначала мы звали под стяги вождей наших, которые ещё не обабилась, а были воинами... Приходили эти воины на площади и говорили, что не будет по-иному — и мы должны идти на греков, как постановило вече.

И просили мы в Ясуни, и Индра шла за нами, как шёл за отцами нашими на ромеев в Тройной земле. И ничего не было

бы, если б варяги вели наших воинов на Троянову землю, так как мы могли и сами их вести.

Тысячу лет мы отбивались от ромеев и готов. И Сурью антскую, которая была с нами, мы никогда не забудем, и то, как готы соединились с гуннами против нас.

И Гуларех напал с полночи, а гунны — с полдня. И тут заплакала Русколань, Борусия, потому что гунны соединились (соелились) с готами. Тут Русь поднялась своей силою и отразила гуннов, сотворив Край Аятов⁵ и Скуфь Киевскую.⁶

И до сего дня из-за сражений сердце наше обливается кровью от утра до вечера. И ходили мы, и роняли слёзы о судьбе нашей жизни. И не были мы немы (?) в час тот, и ведали, что придёт время, когда мы должны будем идти на сечу с врагами — будь то греки либо гунны. И только если нас охомутать (?) и охранить, тогда лишь не будет у нас врагов, которые — мерзость перед очами нашими.

Гуларех же заплатил за то, и должны мы принудить Хорсунь заплатить за слёзы дочерей наших уведённых и сынов, взятых как дань. И плата та же — не серебром и не золотом, поскольку следует отсекать их головы и «рубать их в щепу» (!).

7) Пришёл Германарех, внук Отореха. Войны с варягами и языгами.

III 14

И вот другой враг Германарех пришёл на нас с севера. Он внучатый внук Отореха. Новые враги с рогами на лбах на нас напали. А варяги говорят нам, чтобы мы шли на них. Но мы не станем носить на оба поля, ведь (и варяги, и готы) — враги, и мы не можем разделить между ними — кто из них первый.

И вот языги пришли на нас с Танаиса (Дона) и Тмутаракани с сильной конницей и бесчисленной ратью. И тьма за тьмой потекла и продолжала течь на нас. И не имели мы иной помощи, кроме как от богов. Боги повелели нам — и удесятерились силы, и потекли мы на них.

Это Белобог повёл наши рати и конницу. И тут мы увидели бывших в лесах волшебников, пришедших к рати и взявших мечи. И видели мы кудесников, творящих великое чудо, как из рстов, поднятых к небу, встают рати небесные. И текут они на врагов и ввергают их в могилу. И тут мы видели птиц великих, летящих к нам.

И бросается на врагов, бьёт крыльями мать Сва и кличет нам, чтобы мы шли за землю нашу, и бились за очаги нашего племени, ибо мы — русичи.

Собирайтесь и теките, братья наши, — племя за племенем, род за родом! И боритесь с врагами на земле нашей, как и

падлежит нам и никогда иным. Здесь и умрите, но не поворачивайте назад! И ничто вас не устранист, и ничего с вами не случится, потому что вы в руках Сварожьих. И он поведёт вас во всякий день к схваткам и сражениям многим.

И каждый раз, когда приходил враг на нас, мы сами брали мечи и одерживали победы.

Было возведено от Матери Сва, что будущее наше — славно. И мы притекали к смерти, как к празднику. Было предсказано это нам в старые времена, когда у нас были храмы свои в Карпатах, когда мы принимали купцов — арабов и иных. И те гости почитали Радогощ, и мы брали в те дни пошлину и собирали её честно, потому что чтим богов. И нам было повелено чтить их. И мы имели на то указание в наше время, чтобы мы не принимали шаткую (веру) и отцам нашим почести воздавали, а не просто от безделья приходили к деревьям.

И будут руни наши утруждены не от плуга, а от тяжёлых мечей, так как нам повелено идти к границам нашим и стеречь их от врагов.

И вот дымы, воздымаясь, текут к небу. И это означает скорбь великую для отцов, детей и матерей наших. И это означает — пришло время борьбы. И мы не смеем говорить о других делах, а только об этом. И вот пришли варяги к Днепру, и забрали землю нашу, и увели людей. И земля теперь под ними.

Не угоняйте людей! А если не согласитесь на это, испробуете наши мечи. Отвадите Рюрика от земель наших, гоните его с глаз долой туда, откуда пришёл.

И вот границы наши врагами сокрушены, и землю нашу посягает враг. И это обязанность наша (защищать землю), и мы не желаем иной рати.

8) Воспоминание о приходе к Готскому морю. О Белояре, жившем за полстолетия до Аддореха.

I 96

Готы же были тогда в крае зелёном и немного опередили отцов наших, идущих о Ра-реки. Ра-река великая отделяет нас от иных людей и течёт в море Фасисте (Каспийское).

Тут муж рода Белояру перешёл на ту сторону Ра-реки и упредил там синьских купцов, идущих к фряженцам, поскольку гунны на острове своём поджидали гостей-купцов и обирали их.

И было это за полстолетия до Аддореха. А ещё раньше этого был род Белояров сильным. И от гуннов торговцы прятались за мужами Белояровыми и говорили, что дают серебро и два коня золота, чтобы пройти и избежать угрозы гуннской, и так пройти мимо готов, также суровых в битве, и дойти до Днепра. И кони у них бесчисленны, и дважды они берут дань. И потому после купцы, стекавшиеся к нам, вернулись в Китай и не пришли больше никогда.

АВАРСКОЕ ИГО, ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ И ПРИХОД
ВАРЯГОВ

I. Аварское иго.

1) О борьбе с готами, гуннами и обрами... Обрь пришли и князя нашего убили.

I 4a

И вот грядет с силами многими Дажьбот на помощь людям своим. И не имеем мы страха, поскольку издревле, как и сейчас, он печётся о тех, о ком заботился, когда хотел того. И так мы ожидали дня своего — того, о котором имели (предвестие?).

И вот был Воронежцем местом, где готы усилились. А Русь там билась, и в том граде нас было мало. И так после битвы, сожегши его в прах, и пепел ветрами развеявши во все стороны по полям, (готы) место сие оставили.

Не благословляйте ту землю русскую! Не озирайтесь на неё, но и не забывайте её!

Там же кровь отцов наших лилась, и потому мы по праву приходили туда. И от этого Воронежца слава течёт по Руси, и её Сварог имеет.

Берите её всеми силами, возвратите её со своими князьями, освободите блаженную русскую землю! Ибо это прекрасные пашни, которые могут дать пропитание — ругу для князей и для огнищан — их слуг. (Сделаем так, чтобы) от неё имели те, кто освободит её в сече, ругу особую — еду и питьё, которую будут давать от своего времени и до смерти.

И полегли они. И так многие сложили кости свои на равнине, и мы получили урок также, как анты во времена Мезенимира. И мы, славу поющие богам, так и называемся славянами, мы никогда не просили ничего, лишь славу пели. И когда молешие творили, омывали тела наши и рекли славу, а также...

I 4b

...пили сурью — напиток во славу (богов), пять раз в день огонь зажигали (в святилищах) — жгли Дуб. И также Сноп величали и говорили хвалу ему, ибо мы — Дажьбоговы внуки и не смели противиться славе своей.

А несколько веков тому назад мы были антами на русской равнине, а в древности были русами — и ныне пребываем ими.

...вот на Волянъ пришли и приди бились с врагами, так как мы — храбрые. Та Волянъ — (место) первейшего Рода. И тогда осерчали зои, и анты Мезенимира одержали победу над готами, развеяли их на все стороны.

А за ними потекли гунны, жаждущие славных коров, и была борьба с ними суровой. И тут готы соединились с гуннами, и с ними на отцов наших напали, и были разбиты нами и уничтожены.

Затем пришли обры и князь нашего убили. И так сие море отошло от Руси.

Боги русские не берут ни жертв людских, ни животных, только плоды, овощи, цветы и зёрна, молоко, питную сурью, на травах забродившую, и мёд, и никогда живую птицу, рыб. И это варяги и эллины дают богам жертву иную и страшную — человеческую. Мы же не желали делать это, так как мы сами — Дажьбоговы внуки и не стремились красться по стопам чужеземцев.

II. Хазарский каганат.

1) *Боярин Скотень.*

II 4a

И был в степи боярин Скотень, живший своим трудом, и не попал он под власть хазар. И потому что был он иранцем, он попросил помощь у иранцев. И они прислали конницу и разбили (хазар). Рассказывают, что некоторые русичи остались под хазарами, а некоторые добрались до града Киева и там поселились. Те же русичи, кто не хотел ходить под хазарами, пошли к Скотеню.

И так Русь собралась на равнине (?). Иранцы издревле с нас не брали дань, а также разрешали русским жить по-русски. А хазары русичей брали на работы, возмали с нас дань, и брали и детей, и жён, и очень зло били, и творили зло.

И тут готы пришли и напали на Русь, а Скотень был рядом... И он препопсался мечом, и пращурьы наши выступили против них, и тогда иранская конница потекла к ним и разбила готов. И были готы рассеяны и бежали с поля, ибо кровь тут лилась русская, черемная. И землю ту мы забрали. Растеклась Русь в готской земле, и мечами мы уничтожили всякого, и земля их себе присвоили.

И тут хазары напали на нас, утративших вече, и «поили» нас. И тут русичи ринулись в битву, как львы, говоря: «Мы пропали, если о нас не позаботится Перун». И он помог нам. И готы были побеждены, а до них первыми — хазары были низвержены в прах и рассеяны. И тут Русь затихла, но говорили мы: это ли ещё будет...

Хазары же убежали до Волги, Дона и Донца. И там срам они понесли, и повергли мечи свои в землю, и потекли куда глаза глядят.

И в тот раз готы переместились, и отошли на север, и там нагнали язов, идя далее, ибо Русь устроилась на их земле, залитой и реками русской крови полнотой.

Мы пришли, чтобы говорить, и сказали мы придя о милости божеской. И хвалим мы Дажьбога нашего и Перуна за то, что они были с нами. И так впервые воспели мы славу богам на той земле, которую нарекли затем Русколань.

И на той земле мы имели большие заботы, и была утверждена земля наша. И хазары боялись подходить к земле той и никогда не нападали на Русколань, опасаясь, что утвердятся готы.

2) Хазары обратились к Скотеню, но он это отверг. Далее о походе Криворога на Сурож.

II 4в

Русь же узрела землю ту. До этого времени пришли в Киев варяги с торговцами и побили хазар. Хазары же обратились к Скотеню, чтобы он оказал им помощь. Но Скотень это отверг и сказал, что вы сами себе поможете, а также то, что им в Русколани нечего делать около нас.

Тогда вражья сила пришла на земли Воронежца. В древности Воронежец этот много веков строился и был ограждён от окрестных нападений. (И тогда) варяжцы приходили к Воронежцу брать его, и так стала Русь отгороженной от запада Солнца. И те которые пошли к Сурье на юг отвоевывать Сурож-град... у моря, где греки имели укрепленный град Сурожь.

Белояр Криворог был в то время русским князем и белого голубя выпускал. Куда тот летит, туда идти. А полетел он к грекам, и Криворог напал на них и разбил их. Тут греки, как лисы, стали вертеть хвостом, давая Криворогу золотое руно и коней серебряных. И тот Криворог остался в Сурожки. Греки же были в Голуни, а Криворог (не?) догадался, что Русь открыта там. И тогда греки напустили на нас воинов в железных бронях и побили нас. Много было пролито крови русичей вниз на землю, и не было числа стенаниям русским.

Ильмерцы говорили, что мы — глупцы, они бы прибежали к нам на помощь... Так почтём же память тех, которые полегли в землю русскую и удобрили её и стали своими для наших старцев-праотцов, тех, которые отдали силы свои Руси. На сечах с врагами их кровь удобряла землю нашу. Они же суть те, которые с Перуном ковали на наковальне мечи на врагов наших. Мы же им помолимся, и они нам помогут.

3) Явился каган...

II 4б

Многие воины с мечами шли с нами, и также они потрудились, и от того мы стали вольными и грозными, как и француры наши.

И Велес научил их землю пахать, а также сеять зерно, ибо хотели наши пращуры стать огнищанами и быть земледельцами.

Говорим же это, как говорят в нашей земле, но не как греки, жаждущие русской земли из корысти.

Булгары (?) начали... должны свой скот водить в полях алачных. И должны были избирать старшего из рода в род, и так было бы правильно. (Но) за десять веков забыли мы кто-свои, и потому роды стали жить особыми племенами, так образовались поляне, а на севере — древляне, они же все русичи из Русколани, которые разделились как безумные. И из-за того пришла на Русь усобица.

А в другое тысячелетие мы подверглись разделению, и тогда убывло самостоятельности и пришлось отрабатывать чужим дань; вначале — готам, которые крепко нас обдирали, а затем — хазарам, которые убивали.

Явился каган, и он не радел о нас. Вначале он пришёл с купцами на Русь, и были они велеречивы, а потом стали злы и стали русичей притеснять.

И мы стали говорить: «Куда мы пойдём от них? Где будем мы вольными? Мы сиры весна, и рука божеская от нас отратилась, ибо тысячу двадцать лет не могли мы сотворить Русь, и потому к нам пришли варяги и забрали у нас эти места».

Мы — сыновья великой Руси, которая создавалась от севера, так как не было у нас иной возможности. Мы собрались в лесах ильмерских, куда пришла небольшая часть людей из Киева, ибо в нём уселись варяги, которые суть — хищники, повесившие Свентояров. И сделали они это, чтобы увидели мы тело боярина Гордыни нашего, который поразил готов вместе со Скотичем. И было это славное деяние после прихода славянских людей на Русь после десяти столетий и трёх лет, ибо, наглей и грабя, они на нас напали.

И было это, когда Свентояр, один из князей, которого выбрали борусичи в Русколани, взял русколан, и (алан?), и борусов, и вооружил их, и пошёл на готов из Воронежца, и было их десять тысяч отборных конных воинов и ни одного пешего. И так набросился на них, и была сеча злой и краткой. И она становилась всё суровой к вечеру, и готы были поражены.

III. Приход варягов.

1) После тысячи трёхсот лет от Карпатского исхода Аскольд злой пришёл к нам.

II 7г

И так вели мы роды, куда говорила птица. Греческая лиса хитростями отвернула нас от трав наших, объяснив нам, что солнце нам вредит. Но и тут количество (народа) у нас умножилось, а не уменьшилось.

И вот после тысячи трёхсот лет от Карпатского исхода Аскольд злой пришёл к нам. Тут согнулся народ мой от ладони его (?), и сделал он так, что любой пошёл под стаги наши. Захвачены врагами мы можем быть на Руси, но Сварог — Бог наш, а не иные боги, а без Сварога мы не имеем ничего, кроме смерти. А она не страшилась нас, коль мы на неё были обречены, ибо Сварог знал нас, и мы шли к нему.

И вот мы шли, ибо Матерь Сва пела песнь ратную, и должны мы были её слушать, чтобы не пришлось отдавать грекам наши травы и скот наш. А они нам каменья дают грызть, потому что у нас зубы очень твёрдые и острые.

Это нам говорят сами враги, что мы страшно рычали по ночам на людей, которые суть греки. И спрашивали нас народы: кто есть мы? И мы отвечали им, что мы — люди, не имеющие края и правит нами греки и варяги.¹ И что же мы поведаем детям нашим, которые нам будут плевать в глаза — и будут правы?

И вот дружина собралась под наши стаги, и скажем мы всякому, что не должны мы есть, будучи на поле брани, чтобы мы отбирали греческую еду, а не брали то, что не съедим (с собой). Ибо Матерь Сва поёт над нами, и должны мы стагам нашим дать трепетать на ветру, а коням нашим — скакать по степям.

И подняли мы прах военный за собой и дали врагам вдохнуть его. И в тот первый день сечи имели мы двести убитых за Русь. Вечная им слава! И приходили к нам люди, но не имели мы бояр, чтобы прийти...

II 7д

... и справить тризну славную по врагам.

Налетим соколами на Хорсунь, чтобы взять еду, и добро, и скот, но не будем греков похищать. Они же нас знают как злых, но мы — добрые на Руси. И не будет с нами тот, кто, взяв чужое, говорит, что делает добро. И не будем мы такими, как они, ведь нас ведёт наша Ясунь, и потому постараемся трудами нашими победить всех врагов до единого.

Словно соколы нападём на них и бросимся в грозную битву, ибо Матерь Сва поёт во Сварге о подвигах ратных. Мы ушли от своего дома и потекли мы на врагов, и дали им отведать русского меча, (я увидели они) как секут ясунь.

Не говорите же, что мы не могли ничего иного делать, а только идти вперёд. Не должны мы это говорить, ибо не могли мы повернуть вспять перед (Матерью) Сва. И быстро мы шли, а кто быстро идёт, тот имеет славу, а кто идёт потише, на того вороны каркают и куры клочут. Но мы не быки, а русы чистые.

И это иним наученные, они теперь будут знать, что Правь в союзе с нами, а Нави мы не боялись, потому что Навь не имеет силы против нас. И потому мы должны были стараться и молить богов о помощи в трудах ратных наших.

И вот Матерь Сва бьёт крылами о подвигах ратных и о славе воинов, которые испили воды живой от Перуницы в крутой сече. И эта Перуница прилетала к нам, и она давала рог, полный воды жизни вечной, (любому) воину нашему, пораженному мечом и потерявшему буйную годову. И так смерть мы не имели, но имели жизнь вечную, и братья-вожди трудились для братьев.

2) Аскольд и Рюрик по Днепру ходят.

III 8/1

И вот мы покорились иным, потому что был голод и мы были сирыми и нищими. Те же железо наточили, чтобы наши животы вспороть. От этого всё и произошло, и потому были сирыми и нищими. Аскольд и Рюрик² по Днепру ходят и людей наших вымывают на бой. Но так как мы Дира имели у себя, мы не хотели сами идти к ним.

И это будет нам уроком, чтобы мы осознали наши ошибки, чтобы всё было иначе в наше время.

И вот Аскольд воинов своих посадил на ладьи и пошёл грабить в другие места. И стало так, и пошёл он на греков, чтобы уничтожить города их и приносить жертвы богам в их землях. Но нам не следует делать так, ибо Аскольд не русич, а варяг, и хочет он поправить мощь русскую, но погибнет, делая зло. И Рюрик не русич, потому что он, как лис, рыскал с хитростью в степи и убивал купцов, которые ему доверялись.

Мы на старые погребалища ходили и там размышляли, где лежат наши пращуры под травой зелёной. И теперь мы поняли, как быть и за кем идти.

3) Отвадите Рюрика от земель наших!

III 14

Было возвещено от Матери Сва, что будущее наше — славно. И мы притекали к смерти, как к празднику. Было предсказано это нам в старые времена, когда у нас были храмы свои в Карпатах, когда мы принимали купцов — арабов иных. И те гости почитали Радогощ, и мы брали в те дни пошлину и собирали её честно, потому что чтили богов. И нам было повелено чтить их. И мы имели на то указание в наше время, чтобы мы не принимали шаткую (веру) и отцам нашим почести воздавали, а не просто от безделья приходили к деревьям.

И будут руки наши утруждены не от плута, а от тяжёлых мечей, так как нам повелено идти к границам нашим и стеречь их от врагов.

И вот дымь, воздымаюся, текут к небу. И это означает скорбь великую для отцов, детей и матерей наших. И это означает — пришло время борьбы. И мы не смеем говорить о других делах, а только об этом. И вот пришли варяги к Днепру, и забрали землю нашу, и увели людей. И земля теперь под ними.

Не уговяйте людей! А если не согласитесь на это, испробуйте наши мечи. Отвадьте Рюрика от земель наших, гоните его с глаз долой (?) туда, откуда пришёл.

И вот границы наши врагами сокрушены, и землю нашу попирает враг. И это обязанность наша (защищать землю), и мы не желаем иной рати.

4) Аскольд и Дир уселись как непрошенные князья. Греки хотят нас окрестить.

II 6а

Время было весьма спокойное, дни же те были ясные, и сушь была у нас суровая. И потому жатва та не уродилась, и мы ушли в иную землю и там задержались.

Русь была растоптана греками и римлянами, которые шли по берегам морским до Сурожи. И там создали они суроженский край, ибо там был град Сурожь, подданный Киеву. И было это создание не добрым, а злым, потому что из-за него начались битвы.

И тут впервые варяги пришли на Русь. Аскольд силою разгромил нашего князя и победил его. Аскольд, а после него — Дир уселись у нас как непрошенные князья. И они начали княжить над нами и стали вождями самого Огнебога, очаги хранящего. И потому отвратил он лик свой от нас, что мы имели князя, крещённого греками. Аскольд — тёмный воин и так сегодня греками просвещён, что никаких русов нет, а есть варвары.³ Но мы это могли осмыслить, так как были же кимры, также наши отцы, и они римлян потрясали, а греков разметали, как испуганных поросят!

II 6а

Тот вождь предлагал каждому по его потребности. Но тут наступала или засуха, или иная беда. А этот Аскольд приносил жертвы чужим богам, а не богам нашим, как было заведено отцами нашими — и не должно быть по-иному!

А греки хотят нас окрестить, чтобы мы забыли богов наших и так обратились к ним, чтобы стричь с нас дань, подобно пастырям, стеножащимся в Скифию.

Не позволяйте волкам похищать агнцев, которые суть дети Славян!

Трава зелёная — это знак божеский. Мы должны собирать её в сосуд для осушивания, дабы на собраниях наших воспевать богов в мерцающем небе и отцу нашему Даждьбогу жертву творить. А она в Ирии уже священна во сто крат.

Прославление великого Триглава

1. *Сварог* — небесный бог, дед богов, старший бог Рода божьего, он — родник всему Роду. Родом древние славяне называли всю Вселенную, включающую в себя всех богов — и небесных и земных. Род выступал в двух ипостасях: как бог Вселенной, и как домашний бог-предок, прашур. В обеих своих ипостасях он упоминается и в Велесовой книге. Род — отец и мать всех богов, в сущности — это сама Вселенная. Род редко выступал как личность, и потому славяли не его, а *Сварога* — мужское воплощение Рода.

Древние славяне верили в единого небесного Бога, Вседержителя, но называли его разными именами: *Сварогом*, *Перуном*, *Святовитом* — и, наконец, *Триглавом*, то есть — *Троицей*. Значит, *Сварог* — Бог отец, *Перун* — сын, *Святовит* — святой дух. Они составляют дохристианскую Троицу. Велесова книга говорит о «великой тайне» триединства *Перуна*, *Сварога* и *Святовита*. Остальные боги подчиняются Небесному Вседержителю — *Триглаву*.

2. *Белояр*, *Лад*, *Кулава*, *Семич*, *Житич*, *Венич*, *Зернич*, *Овсенич*, *Просич*, *Студич*, *Лядич*, *Лютич* — названия месяцев и имена приходящих в эти месяцы богов. Далее в тексте дощечки перечисляются боги, совершающие различные виды деятельности, явлениям природы.

Исход из Семиречья

1. *Семиречье* — историко-географическая область между озерами Балхаш, Сасыколь, Алаколь и Джунгарским Алау. Название происходит от семи рек, впадающих в Балхаш. Несмотря на неоднозначность рассказа об исходе из Семиречья, срок исхода назван точно: «было это за тысячу триста лет до Германарета». Если учитывать, что жил Германарет в середине IV века н. э., то время исхода определяется серединой IX века до н. э. Этот срок совпадает со сроком, определенным археологами. В это время киммерийская (ираноиндийская) культура северного Причерноморья уступила место скифской (срубной), бывшей ранее в Средней Азии, что свидетельствует о переселении скифов в Причерноморье.

2. Скифы до того, как они начали продвижение к Карпатам, жили не только в Семиречье, но и в низовьях Волги. Судя по данному тексту, по пути к Карпатам они сталкиваются с «готами» у Чёрного моря. Видимо, под «готами» здесь следует понимать киммерийцев.

3. *Сурица* — священный напиток, подобный иранской хоме и индийской соме. Имя его происходит от индоевропейского слова «сурья» — солнце. В Риг-ведах бог *Сом* (он же одновременно и напиток) выступает в качестве жениха *Сурьи*, в данном случае дочери Солнца. Этот миф можно интерпретировать и как символическое описание процесса приготовления священного напитка при помощи *Хмели-Хомы-Сомы* и мёда, который оставляют на Солнце-Сурье, чтобы он забродил. Также в состав сурицы входило коровье молоко.

4. *Матерь Сва* — священная птица, ипостась Великой Матери. В санскрите «сва» — означает «самосущий», т. е. *Матерь Сва* значит «Сама Матерь, Сущая Матерь».

5. Прославление ушли из «прародины», чтобы попасть в земной рай. Возможно, стремление переселиться в то место, где никто не умирает, туда,

куда уходит продак после смерти, и было причиною исхода из Смирны. Какая поэзия!

6. *Галун* — согласно Велесовой книге, называвшие местности и города в Скифских степях. Видимо, идентичен геродотовскому Галону — «большому деревянному городу в земле будинов», в котором во времена Геродота жило скифское племя гелон, говоривших на греческом и скифском языках и поклонявшихся Дионису. Археологи считают, что этот город — и есть обнаруженное ими так называемое Белыское городище, расположенное на реке Ворскла — притоке Днепра. Площадь городища — 4400 га, оно обнесено валом в виде треугольника, обращенного основанием на север, а вершиной на юг. Вал имеет длину 28 675 метров и высоту 3—4 метра, глубокое, ныне зарывшееся рвы. Военниковское городище археологи относят к началу скифского завоевания Причерноморья, или к концу кimmerийской эпохи.

7. *Великоград* — вероятно, Велеград, столица Великоморавского государства VII—IX века н. э.

8. *Дасу* — от «даса», «дасью» (санскр. «dasa»). В Ригведех — обозначение врагов Индры, демонов и представителей индрийских племен, так же и в Велесовой книге.

Русачи в Сирии и Египте

1. В середине второго тысячелетия до н. э. в Сирии жили так называемые «иттаитийские армии», которые имели много общих черт в религии и в культуре с армией ведийскими, появившимися затем в Индии. Главой итаитов итаитийских армий был Индра. У их соседей — аринов, судя по всему, Индра был демоном. Армии появлялись в Сирии и позже — в VIII веке до н. э. Тогда они пришли сюда из северного Причерноморья, куда их вытеснили саяи и массагеты из Средней Азии. Таким образом, эта дощечка повествует одновременно о нескольких волнах миграции древних армий.

2. *Геродот* — единственный автор, на которого мог бы опереться гипотетический фальсификатор, но оставляет пропуск между вторжением скифов в северное Причерноморье и походом их в Переднюю Азию. Но согласно данным археологии (см. кн. М. И. Артамонова) между этими событиями прошло 200—300 лет. Об этом же говорит и данный текст Велесовой книги. Геродот опирался на легенды, дошедшие в его время до Греции, эти легенды оправдывают схематичность его рассказа. Но фальсификатор, у которого кроме трудов Геродота ничего под рукой не было, не мог предоставить археологические открытия самого последнего времени. Значит, Велесова книга — подлинник.

3. *Карань* — небольшой город вблизи Палтиканиса (совр. Керчь). Ни Геродот, ни Страбон, подробношим образом описавшие черноморское побережье, о нем не упоминают. Имя этого городка встречается только один раз в «Историях гетов» Иордана. Он помещал поселение Каран между Феодосией и Мирмекием. Второй раз это имя появляется уже в XV веке, в труде Леопольда Халкокондила, рассказывающего о том, как татары перенесли черкесов в Босфор, в Каран. Возможно, существует переименование в названии: Карань — Каран — Керань — Керчь.

Но значимость повествования и некоторые исторические совпадения позволяют предположить, что перед нами поэзия, переделанная более древней легендой о трагедии, случившейся в Передней Азии, в Харране. Приспособление древних легенд для описания недавних событий — общепринятая практика для литературы того (и даже более позднего) времени. Например, «Задонщина» создавалась на основе «Слова о полку Игореве».

Одной из причин переделки явилось созвучие имен Карань и Харран. В девятom веке название передвизантского города Харран, покинутого скифами более тысячи лет назад, уже ничего не говорило новгородским воинам, Харран — второй по величине город Ассирии. Этот город скифы взяли штурмом в 610 году до н. э. По-видимому, в первоначальном варианте, в этой легенде повествовалось о трагическом событии сирийского периода истории скифов, повлекшем

за собой гибель Скифского царства и исход скифов из Передней Азии. Согласно Геродоту («Клино», 196), по прошествии 28 лет владычества скифов над Передней Азией, «Клиносар и медики, приглашенные в гости и пировать, перебили их (скифских царей), и таким образом спасли свой владычество и овладели тем же, чем и раньше». Лишившись вождей, скифы были вынуждены покинуть Переднюю Азию. Возможно, князь Кышан, упоминаемый в Велесовой Книге, — это Клиносар, роль которого через века стала великой — он превратился в некоего мудрого князя.

Славянские племена

1. Под названием «русы» скрывается одно из славянских племён. По мнению историка В. В. Седова («Восточные славяне в VI—XIII веках», М., 1982), это племя — скифо-сарматского, иранского происхождения. Велесова книга подтверждает этот вывод, основанный на исторических и топонимических последованиях. Таким образом, полностью опровергается норманнская версия о происхождении этнонима «русы», берущая начало в «Повести временных лет» («...идоша за море на варягома, и руси... и от этих варяг прозвашася Русская земля»). По всей видимости, Нестор, выполнявший заказ великих князей Рюриковичей, потомков варяга — Рюрика, был вынужден вставить эту сентенцию, которую и тому же неверно помнил, — поскольку Рюрик был варягом-бодричем, а не норманном.

2. Эта легенда во многом совпадает с легендой, приведённой в Мазуринском летописце (Поли. собр. русских летописей, т. 31, Л., 1968). Видимо, летописец опирался на одну из существовавших тогда Велесовых книг. Может быть, такая книга хранилась в монастырской библиотеке?

«Лета 3099 (2891 до н. э.) Словен и Рус с роды своими отлучашася от Емпиноонта (Чёрного моря) и от роду своего и от братья и коюдзху по странам вселашася, аки крылатия орла прелеташу пустыни многие, ищуще себе места на селение; и во многих местах починающе мещею ид, и надыи же во обретоша себе селения. 14 лет пустыни места и страны обходяху, дондемо дошедша езера некоего великого, Момска зовомаго, послади Ирмер проименовася во имя сестры их Ирмеры. Тогда волнование повеле им наследование места того быти. И старейший Словен с родом своим и со всем, име под руком аго, седе на реке, зовомой тогда Муртвал, послади же Волхов проименовася во имя старейшаго сына Словенова, Волхова зовома.

Лета 3113 (2578 до н. э.) великий князь Словен поставиша град и именоваша его по имени своим Словенск, име имже зовётся Великий Новгород, от устья великого езера Ильмира до реке Волхову поутретья поприща. И от того времени новопришедшии скифы начали именуватися славяни (...).

О Словене и брате его Скифе упоминает и Иоанновская летопись, о содержании которой мы можем судить по пересказу Татищева:

«Словен з братом Скифом, имея войны многие на востоде идомы к западу, многа земли о Чёрном моря и на Дунае себе домериша... И от старшего брата проимашася славяне (...) Словен князь (...) аде и полуношася и град великий созда, во свое имя Словенск нарече. А Скиф остаи у Полта и Меотиса в пустынях обитати, шитался от скот и грабительства и прозвася страна та Скифа Великая. По устройнии Великого града умре Словен князь, а во нём владяху сынове его и шуми много сот лет. И бе князь Вандал, владея славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многи земли на вскрай моря поимена и нареды себе покори, возвратися во град Великий. А Вандал (...) вся земля их от моря до моря себе покори (...).

Здесь же говорится, что потомками Словена были новгородские князья, ведущие свой род от сына Словена — Вандала (так Иоанкин именует Ванда).

Видимо, Иоанкин не случайно буквально цитирует Велесову Книгу. Он — первый новгородский летописец, он вместе с Добрыней и Путитой встал над Новгородом. Он — культурный и грамотный человек, знавший греческий язык, учававшийся в знаменитых, разбиравший там рукописи греческих математических философов и поэтов. Только он и мог спасти Велесову Книгу во время устройства Добрыней погрома, собрать священные дощечки из разорванных античных грамот и

образующую евангелическую библиотеку. Это очень достоверно и психологически: только он, Иоанн, правдиво описал разгром и резню в Новгороде — в нем же летописях крещение описывалось как долгожданное и радостное действие. Только он по-христиански терпимо относился к языческой религии.

3. В этой дощечке называется срок Карпатского исхода: за 1500 лет до Дира (прибл. 850 г. н.э.), то есть — VIII век до н.э., что достаточно точно соответствует данным истории и археологии. Также можно провести и иной расчёт: На Карпатах они сидели 300 лет, потом ушли к Киеву и здесь управлялись почти ещё 300 лет. Потом 200 лет воевали с киммерами и костононами. Потом ушли и легли за 100 лет до Германареха (прибл. 350 г. н.э.). После простого подсчёта мы получаем время Карпатского исхода — IX век до н.э. Удивительная точность для определения столь давней даты! Это говорит о непрерывавшейся культурной традиции достаточно высокого уровня.

4. Славяне разделяли общее для всех древних народов убеждение, что небо — это «твёрдь».

Войны с греками и римлянами

1. В этой дощечке местность вблизи Босфора Киммерийского сравнивается с Навью. Видимо, пеньное царство — Навь, славянский Анд, праславяне, подобно Гомеру в «Одиссее», помещали вблизи современного Керченского пролива.

2. Здесь утверждается, что Киев был основан одновременно с Голубью и Суроном. Археологических подтверждений этого сейчас нет. Возможно, тогда был основан город авестийского Кия Кавуса около Эльбруса. Тем более что в этой же дощечке говорится, что от времени Кия до основания Киева (здесь уми — на Днепре) прошло триста лет. Так или иначе, но основание Киева на Днепре теснее отодвигается в глубокую древность, — он современник таврского города Сурома (арх. данные IV в. до н.э.) и города будинов Гелона — Голуби (скифское и киммерийское время).

3. Суром — в IV веке до н.э. поселения тавров. Славян греческие и римские авторы часто называли тавроскифами. С III века до н.э. по XIV век н.э. Суром становится греческим городом Сутдеей. В XIII веке н.э. его разрушают монголо-татары. В сохранившихся древнерусских документах и летописях Суром упоминается с XIII века, здесь же Чёрное море часто именуется Суромским морем.

4. Хорсунь (Хорсомес, Херсон, Корсунь) — древнегреческая колония в Крыму на территории совр. Севастополя. В Велесовой Книге утверждается, что основан он славянами. Возможно, что здесь либо рядом некогда было поселение тавров. Например, Одиссей, согласно поэме Гомера (XIII—VIII век до н.э.), заходит в Балаклавскую бухту и там обнаруживает город тавролестригонов. Согласно данным истории, этот город основан около 422 г. до н.э. выходцами из Гераклеи Понтийской и с острова Далос. Просуществовал до XII века н.э., был разрушен татаро-монголами.

Борьба с готами и гуннами

1. Гунны — народ, образовавшийся во II—IV вв. н.э. в результате смешения тюркоязычных хунну, в 155—160 гг. пришедших из Джунгарии и угорских племён Приуралья и Поволжья.

2. Готы — племена восточных германцев. В начале нашей эры жили на южном побережье Балтийского моря. В конце II в. н.э. в союзе с карпами (карпами Велесовой книги) и другими совершили набег на Римскую империю, в Данию, Мезию, Малую Азию. С IV в. н.э. они стали христианами-арианами, у них был епископ — Ульфилас. Тогда же сложился союз племён во главе с конунгом Германарехом.

3. Германарех — король остготов из рода Амалов, возглавлявший союз

германских племен в 351—376 гг. н.э. Основатель так называемой «империи Германареха». Готский историк Иордан утверждал, что его сравняли с Александром Македонским, и что его держава простиралась от Балтийского до Черного моря. Погиб в битве с гуннами в 375/376 г. н.э.

4. *Воронежск* — возможно, это совр. пос. Воронеж в Шосткинском районе Сумской области (не следует его смешивать с областным центром — Воронежем, основанным в 1386 г.). Древнее поселение с таким же названием здесь существовало, согласно данным летописей, с 1177 года. До сих пор сохранился древний вал, окружающий центральную часть городка. Видимо, основан этот город был раньше, согласно Белосовой Книге — не позднее III—IV века н.э.

5. *Край Антов* — край славянского племени антов; Антиа. Согласно Иордану, «могущественнейшие из антов живут близ лукоморья Понта от Днестра до Днепра». Византиец Прокопий Кесарийский (VI в. н.э.) писал о «бесчисленных антских народах». Согласно данным истории, анты в VI в. н.э. проживали на территории от северо-восточного склона Карпат до Дона, северная граница их неизвестна. Считалось, что анты занимали и Киевскую Землю, но Белосова Книга называет Скуфы Киевскую — землю, отличную от края антов.

6. *Скуфы Киевская* — Киевская Земля. В названии видна преимущество между Скифией и Киевской Землей.

Аварское иго, Хазарский каганат и приход варягов

1. *Варяги* — воины-наемники, разбойничьи дружины, состояли в основном из представителей скандинавских народов — норвежцев, шведов, финнов, датчан, а также из народов, живших на побережье Балтийского моря: литовцев, эстов, пруссов и балтийских славян. Они приглашались на службу в славянскими князьями, и византийскими императорами; нередко воины различных национальностей служили вместе (этим можно, кстати, объяснить дружбу болгарыч Рюрика и норвежца Олега).

2. *Рюрик* — основатель династии Рюриковичей. Гипотезы о нём зачастую противоречат друг другу (см. кн. Е. А. Рыдловой «Древняя Русь и Скандинавия»). Изложу свою точку зрения на этот вопрос.

Прототипом Рюрика приверженцы «норманнской теории» считали многих норвежских и шведских конунгов, но, видимо, это не так. Как яствует из текста дощечки, о происхождении Рюрика начали спорить ещё при его жизни. Новгородские волхвы называли его Эриком, подчёркивая то, что он — иностранец. «Эрик не русич!» — эти слова волхвы обращали к варяжским. Заметим, что ни о Германарехе, ни о ком-либо ещё волхвы так не говорили: то, что они — не русичи, было понятно без слов.

Очевидно, Рюрик, претендовавший на княжение в Новгороде, утверждал, что он — русич. И не просто русич, а прямой потомок Славяна — первого новгородского князя. Для этого у него была основания: во всех списках «Повести временных лет» Рюрика и его спутников называют варягами-русь — «Скоже бо зазвучу ты варяги-русь, яко же дружини зовутся сие (шведы), дружини же оурманн (норманны), илиа и готы (готы)».

Почему же волхвы выступали против Рюрика? Для чего им понадобилось говорить, что он — не русич, и притом — не по крови, а потому, что он нарушает обычай — убивает купцов?

Волхвы, судя по Белосовой Книге, всегда выступали за древнее вечное демократическое правление, а следовательно — против неограниченной власти князя, потому они и вступали с ним в борьбу. Кстати, не следует понимать вещь как переворот родового строя, и не нужно верить летописям, в которых вещь описывалась как некое шумное собрание, нередко кончавшееся кровопролитием. Летописцы были пристрастны, как правило, они выполняли заказ князей, борющихся против вечевой власти.

Но это не значит, что вечевое правление и княжеская власть всегда противостояли. Вещь — сложный институт народовластия, напоминающий современную конституционную монархию. Княжеская власть в Новгороде периода

налась по последству, но была ограничена ничем. Князья стремились упрочить свою власть, но им препятствовало ниче, мешала и религия, осанщавшая такой род правления. Именно поэтому они впоследствии приняли христианскую веру и стали искоренять в народе ведическую веру с её демократическими идеалами. Христианизация Руси была необходима для установления абсолютной монархии.

Один из эпизодов этой истории — борьба волжских с Рюриком. Тогда, воспользовавшись смелой династией, они хотели укрепить свой князиз, а власть князя ещё более ограничить. Именно поэтому они представляли Рюрика не законным наследником, а — незаконным законотворцем. Рюрик сам давал повод этому: и говорил-то, наконец, по-русски с трудом, и в жёны взял Ефанду из рода норвежских королей. К власти приходил, свергнув власть выборных посадников, с помощью норвежской дружины «звезного» Олега (в сагах — Олда) — брата Ефанды. Да и варянская дружина его, в которую, конечно, входили не только бодричи, но и норвежцы, мало отличалась от норвежских и шведских варяжских дружин.

И всё же Рюрик не был нормантом. Он действительно был законным наследником новгородского князя Гостомысла, а через него — и потомком прародителя Славена.

Согласно Иоанновской летописи, написанной первым новгородским епископом Иоанном, происходили следующие события. Гостомысл, оставшись без наследника, погибшего в борьбе с варягами, незадолго до смерти выдал сон. Ему приснилось, как «из древа средние дочери его Умилы» выросло чудесное дерево. Волхвы объясняли ему значение сна: «от сынов её иметь наследника ему, и земля убожится (гобантис — богатеть) княземъ еяго».

Таким образом, Рюрик — это сын Умилы и внук Гостомысла, потомок Славена. Он — ближайший родственник, который и должен наследовать княжеский престол. Не исключено, конечно, и то, что он — самозванец, но это маловероятно. Иоанновская летопись, на которую опирается гипотеза о бодричском происхождении Рюрика, мне представляется наиболее беспристрастной. Иоанн — грек; ему незначало приписывать славянское происхождение Рюрику, он писал смело, без оглядки на княжеских князей.

Впрочем, есть и иные свидетельства. По летописи, приведённой в книге К. Марье, «Письма о Севере», Рюрик — это сын Годослава, князя бодритой, — славянского племени, жившего на побережье Балтийского моря. На это сказание обратил внимание писатель Чкаловский в книге «Память». Видимо, Гостомысл выдал свою дочь за Годослава, и она родила Рюрика. Рюрик — варяг, но «варяжство» — это род занятий, а не имя этнической группы, т. е. он не норман, а бодрич — славянин, «варяг-русь». Кстати, и имя его происходит от имени тотема западных славян-бодритов сокола Ророга, ипостазии Огнебога Семаргла.

Права Рюрика на престол обосновывались тем, что он — внук Гостомысла и потомок Славена, а значит его власть осанщена самим богом. Рассмотрим его мифологическую родословную.

Иоанновская летопись подробно описывает происхождение Гостомысла от прародителя Славена. Она рассказывает о потомке Славена Вараде (Вараде), о трёх его сыновьях — Язоре, Владимире и Столпосвете. Потомком Владимира Древнего в девятом поколении называется Буризов, который и был отцом Гостомысла.

В Велесовой Книге в дощечке I ба и в Иоанновской летописи Славян называется братом Скифа, прародителя скифов и вендов: «И были князья Славян с братом его — Скифом».

Теперь обратимся к «Историям» Геродота. Согласно скифским легендам, пересказанным Геродотом, Скифа и его братьев родила полуженщина-полузмея от связи с сыном Зевса — Тарганом. В другом варианте генеалогической легенды, приведённой Геродотом, рассказывается о том, что дочь реки Борисфена (Днепра) и Зевс родили Тарганта, а тот родил прародителя скифов — Колакса.

Рассуждаем клубок этих легенд. По всей видимости, от Реси (дочери Борисфена-Днепра) и Перуна (Зевса) в славянском варианте мифа был рождён Тарх Дажьбог (он же — скифский Таргант, малова. Аполлон Таргант и т. п.). И уже Дажьбог, сын Перуна (у Геродота: Герант, сын Зевса), родил Скифа и Славяна (у Геродота: Скифа, Агафирса и Телона). Родились они от связи Дажьбога и полуженщины-полузмеи, то есть — от Марены.

От Дажьбога и Живы, согласно реконструкции «Песни птиц Ганжон», родились Насен и Орей, отец Кня, Шака и Хорина.

Во времена Рюрика потомков Дажьбога и Живы — князей полян, чехов и хорват уже не было. Киев был подчинён Хазарам, хорваты были под Византией, чехи заломго до этого переехали многих завоевателей. Да и княжение у бодритей прервалось на отца Рюрика Годослава, убитом Готфридом Датским.

Гостомысл был последним потомком славянских князей из древнего рода, берущего начало от самого Дажьбога и Марены. Смена династии тогда ещё не привела к пресечению рода, поскольку Рюрик, пусть не по мужской линии, но всё же — внук Гостомысла. Этот род, существовавший, согласно древним легендам, около трёх тысяч лет, а согласно данным летописей — с VI—VII века н. э., преёбнл только в XVI веке в «смутное время», когда династия Рюриковичей сменилась династией Романовых. Но и сегодня живут прямые потомки Рюриковичей — Шуйские.

3. «Повесть временных лет» ничего не говорит о крещении Аскольда, и это понятно, так как крещёного Аскольда убил некрещённый Олег и в результате пришёл к власти Игорь Рюрикович — также некрещённый, но — основатель княтеской династии. Очевидно, по политическим причинам нельзя было Нестору признать Аскольда христианским мучеником, убитым Олегом при приходе к власти династии Рюриковичей. Тем не менее в ряде византийских источниках сохранились свидетельства о крещении Аскольда и Дара константинопольским патриархом Фотием во время царствования императора Михаила, так называемое «фотиево крещение славянорусов».

Кстати, Олег — «воинова Рюрика», убийство Аскольда и Дара оправдывал тем, что так он восстановил правление русских князей, потомков Рюрика, внука Гостомысла, имеющих право на киевский престол, поскольку он пустовал после подчинения Киева хазарам, а затем — варягам.

В Киеве не было наследников князя Кня — потомков Дажьбога и Живы, потому князьяне признали новых князей, потомков Дажьбога и Марены, и тому же — одновременно с ними, некрещёных. Вероятно, всё добро, которое потом простекало от князей новой династии, они объясняли влиянием Дажьбога, а всё зло, в том числе и насильственное принятие новой веры, оправдывали влиянием Марены.

Комментарии к «Велесовой Книге» —
Александра Игоревича АСОВА (Буся Кресека)

БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ О ДРЕВНЕЙ РУСИ

Начнём с главного, — с неприемлемости для русской истории, для уважительного отношения к древней русской культуре положения Д. С. Лихачёва о 988 годе как изначальной дате для всей русской и восточнославянской культуры:

«Сама по себе культура не имеет начальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты вглубь времён? Нужна ли нам дата двухтысячелетия или полуторатысячелетия? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусства вряд ли такая дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие. Остальное лишь предполагаемые ценности» («Новый мир», № 6, 1988, с. 257).

Чтобы подкрепить столь переломный, значительный и преобразующий характер даты акта христианизации, далее Лихачёвым рисуется картина устрашающей дохристианской славянской убогости:

«Между тем стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одичалости среди редконаселённых лесов, болот и степей, страх покинутости, болезнь грозных явлений природы заставляли людей искать объединения. Кругом были «немцы», т. е. люди, не говорившие на доступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь «из невесты», а граничившая с Русью степная полоса — это «страна неизвестная...» (там же, с. 249).

Очень знакомый конгломерат идей! Не подобные ли тезисы громил в своё время М. В. Ломоносов, борясь с идеями «внесения» государственности извне и славянском варварстве? —

«Сие так чудно, что ежели бы господин Мишлер умел изобразить живым стилем, то он бы Россию сделал толь бедным народом, каким ещё ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен». («Избранные философские произведения.» ГИПЛ. 1950, с. 468). И далее: *«Что словенский народ был в нынешних российских пределах ещё прежде рождения Христова, то неспоримо доказать можно».*

Насколько это не соответствует взглядам Д. С. Лихачёва, видно из его утверждения, что *«...в I веке восточных славян ещё не существовало — они не оформились в единый народ».* Между тем ещё в XVIII веке один автор замечал, «что они (славяне) древнее Нестора письменность имели, да оные утра-

чены или ещё не отысканы и потому до нас не дошли. Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели». Этот автор — Екатерина II / «Записки касательно русской истории».).

Не рассматривая вопросы формирования праславян в первом тысячелетии до н. э., можно со всей определенностью сказать, что единый народ славянский в I веке был, причём не разделённый ещё на западных, восточных и южных, а единый этнос венедов-славян, называвшихся так по культу Венеры—Лады и оставивший по всей Европе топонимические следы от нашей Ладоги до швейцарских «ладинов»: Вена, Венев, Венгрия, Венеция, Вентспилья, Женева, Генуя, Мена, Вевери, Венессен, Венло, Ладога, Ладенбург, Венето, Венсеня, а в русском языке — «венюк, венед, венчанье, жена, женщина», обряд «веню», венчик. Именно под этим именем — «венеды» — как раз в I веке — упоминает славян римский историк Плиний, не разделяя пока их на западных — «венедов» и восточных славян античности — «антов». Более того, Венера в Древнем Риме почиталась как прародительница Римского народа, а Рим основал сын Венеры — троянец Эней, спасшийся после разгрома Трои. Слог Aen в латинском написании Энея — Aenea правильно читается как Ven (Ven), и мы получим для Энея прочтение «Веней», для энейцев — Венеды (Aeneadae) а для поэмы Вергилия «Энеида» — «Венеида». Аналогично слово «храм» прозвучит как «ведес» (aedes), «воздух» будет «веер» (aer), а знаменитый латинский «эфир» (aether) — окажется «ветер». И нас не будет уже удивлять, почему по «древнеримски» (!) — «топор» будет «секира» (от глагола «сечь»), а «пастух» будет «пастор», от глагола «пасти», латинский «окулист» — от слова «око», а «юстиция» — от слова «установить, устав, уста». Станет понятным, почему абсолютно идентично с русским языком звучат латинские глаголы: «вертеть», «волить», «видеть», «орати» (пахать) и т. д.

Предвижу привычное раздражение оппонентов: «Опять Россия — родина слонов!» — зашумят они. Ну, что же, — ответим мы, — очень даже может быть и ...слонов! Не исключено: в старорусском речении лось назывался «слон сохата», т. е. эдакое большое животное, прямо как слон, но с сохой на голове. Представьте себе изумление наших пра-предков, пришедших с юга, где приходилось воевать, ставя «за-слоны» за слонами, которые могут «слоняться» и на которых можно опереться «прислонившись», представьте себе их изумление при виде такой диковины, как лось с его великолепными рогами. Нет, дорогие наши оппоненты, этому слову — «СЛОН» — в нашем языке не тысячи лет, не две и даже не три, а значительно больше! И таких слов русская лексика знает много: «веды», «дева», «колдун», «рада», «сыть» и другие. Да что там лексика! Когда мы сопоставляем «архаичный ковровый узор» энеолита протославян (5-е тысячелетие до н. э.) из превосходных по глубине и изяществу трудов академика Б. А. Рыбакова по нашему язычеству — с рим-

ским орнаментом, «чуждым в своей лаковой выразительности», и видим их полную идентичность; или когда мы сопоставляем римскую и славянскую традиции хранения урн с прахом предков в святом углу дома, и также видим полное совпадение этого обряда вплоть до ритуала почитания, — у нас не возникает сомнения в том, что это не результат заимствования у соседей и не случайность, а доказательство глубокого культового и этнического ЕДИНСТВА ПРОИСХОЖДЕНИЯ двух народов, что и должно быть осознано соответствующим образом, как основополагающий исток.

Так как же тогда расценивать распространение Д. С. Лихачёвым этого «живилку в лесе» на всех славян, да ещё и во времена Киевской Руси?

Для Руси и её государственности исторически достоверной следует признать мысль Ю. Горева (журнал «Знание — сила», №№ 8, 9 за 1988 г.), что первичным государственно-организующим началом для русов и вообще для славян было «земледелие», а окончательно укрепились Русь как могучая держава в результате монополизации пути «на варяг — в греки». И произошло, заметьте, такое укрепление ДО принятия христианства, что вообще делает ненужной гипотезу о «внесении» государственности какой-либо формой религии. Что касается «авторитета» для «варварской» страны, «введения» в Европу и т. д., то Европа терпела и Митру под Царыградом, и мусульман — в Будапеште и на Пиринях (была бы военная и экономическая сила!); и принимали «с почтением», без кичливости, отдавая своих дочерей всяким там Митридатам...

Итак, искусственность противопоставления «глупого многобожия» и «умного единобожия», да ещё и «правильно выбранного», — это дань «истинности» собственной религии, и эта искусственность наиболее очевидна как раз при анализе термина «варварство». Ведь этот термин возник для обозначения народов, исповадовавших религиозные системы, отличные от греческого и римского языческих пантеонов. Поэтому в категорию «варваров» попали христиане на начальном этапе их развития, и очень тщательно продуманная система египетская, и славянский пантеон, более полный и первичный, чем «синтетические» ромейские. Более того, греки называли «варварскими» язык пеласгов, на которого процентов на 80 состоял их собственный язык.

Во-вторых, многобожные религиозные системы зачастую являются «хаотическими» лишь в представлении некоторых авторов, в то время как во многих случаях являются отражением довольно сложных космогонических представлений и иерархий, а также обладают довольно стройной системой в государственном масштабе, в которой существует строгое высокоорганизованное разделение труда между куклами на функциональной основе.

Христианство часто сохранило функции местных богов, давал

им статус святых: Перун — Зевс — Юпитер отождествляются с Ильёй-Пророком, Афина стала Софией, Николай-угодник заменил Посейдона (или ведического Варуна), а Велес стал Власием. Поэтому нет оснований в яром противопоставления «языческого поганства» — «истинной вере» при таком явном взаимопропихивании. И совершенно уж нет оснований считать, что «хаотическая совокупность верований, культов» могла препятствовать государственности.

Основная особенность славянского пантеона — полная его идентичность общиндоевропейскому, древнегреческому и древнеримскому, достаточно проследить хотя бы линии Перун — Зевс — Юпитер — Торр (Тар) или Венера — Лада — Афродита — Прайя (Фрея). У литовцев, сохранивших частично древнюю славянскую лексику, Перкунас (Перун) был единым громовержцем и верховным богом. Перун был также верховным богом и у варягов — руси. Князья даже посвящали верховенство Перуна. А почему? С какой стати, коли он в виде третьестепенного громовержца уже был в пантеоне русичей? Ведь если бы речь шла о «хаотической совокупности» и «вороте объектов», воцарение Перуна прошло бы так же гладко, как в Великом Риме и Древней Греции — Юпитера и Зевса? Это важный, переломный момент для понимания особенности славянского пантеона. И здесь мы должны согласиться с академиком Б. Рыбаковым, который, анализируя смену арийского (иранского) речения имени бога Семарьгла у русов на славянское имя Перелута (сын Деметры, он же — древнегреческий Плутос — бог богатства и сельскохозяйственного изобилия), писал:

«Новое обозначение не явилось неологизмом, т. к. это слово, по всей вероятности, восходит к очень давней энеолитической общности индоевропейских племён (ещё не разделённых на позднейшие ветви)» (Рыбаков Б. А. «Язычество Древней Руси», Наука, М., 1988, с. 419).

Другими словами, у славян мог сохраниться более ранний индоевропейский пантеон с первичными космологическими связями, не обременённый историческим обожествлением событий и собственных героев, где трон ещё не захвачен громовержцами, как в Риме и Греции. И действительно, такие следы мы находим:

«По свидетельству летописей Прокопия Кесарийского..., Гемольда и биографа Оттона..., древнейшие славяне верили в ЕДИНОВОГО БОГА, называя его «Верховным», «Небесным Богом», «Богом Богов». Из Нестора также видно, что славяне русские имели понятие о высшем существе, нарицаемом преимущественно «Богом», «Богом ВСЕДЕРЖИТЕЛЕМ» и отличали его от бога Перуна и других второстепенных божеств. Славяне чтили в нём Отца Природы и Господина Мира, воля которого правит судьбами Мира, промысл которого удерживает всё, его почитали «Владыкою Неба», источником божественной силы и называли ВЕЛИКИМ Богом, СТАРЫМ Богом или ПРАВОГОМ. Другие боги были, по

верованиям славян, как от верховного Бога — происхождение существа, Его произведениями, властями, от него зависящими, между НИМ и МИРОМ, сильными ЕГО силою, и то — не все одинаково святы.

Из всего пересмотра баснословных существ славянских выходит, что славяне признавали единого бога «Вседержителя», Творца и Отца Творения, который своею премудрою, всетворною любовью (ЛАДОЮ) «создал первоначальное бытие».

То бытие заключало в себе и противоположность мужской и женской природы: «первое выражалось светлым (Духом), второе — материей...»

Ближайшее к Богу существо есть СВЕТЛО. Существо «Светло» явилось на Землю и воплотилось в роде человеческом». («Очерк Старославянского Баснословия или Мифологии». Львов, 1860 г.).

Далее в источнике есть ссылка на Ипатьевскую летопись, дающая возможность наметить некоторые связи в русском пантеоне: «СВАРОГ (Соварог) — отец Света», его сын ДАЖДЬБОГ — ежи нарицается Солнце», «почитаемый на Руси под именем Даждьбога, Хорса или Солнца», («Сварожич»), «Svarg», «Suag» — Солнце по Ведам, т. е. эти индоиранские речения восходят к IX—VI векам до н. э. — как раз те самые 1500 лет, которые нам, оказывается, «не нужно искать!».

А почему? Чтобы сложную космологическую систему, не уступающую Древнему Египту, Греции и Великому Риму выдать за «хаотическое» нагромождение культов и идолов? Пантеон единобожия, в котором другие боги есть проявления высшего (почитая которые, чтить Верховного) — представить как суеверия лесных папуасов, забывшихся от страха, «боязни грозных явлений природы», в лес?

Причём, по сравнению с другими известными системами, в Русском пантеоне воскрешается Дух Света как божья ипостась (которая встречается разве что в арийском Иране и в первичных Ведах), возрождая ТРИЕДИНСТВО: Бога — Отца — Творца Вселенной, Его Сына и Духа Свята.

* * *

Отсюда следуют два вывода:

Во-первых, Праздник Тысячелетия христианства нужно рассматривать как более высокий культурный рубикон, как праздник возврата к изначальному Единобожию, частично утраченному в битвах, трагедиях и скитаниях. Как праздник ВОЗРОЖДЕНИЯ триединства; во вновь возвращённой форме, а не как праздник приобщения к вере заблудших среди идолов, прячущихся в лесах дикарей.

Во-вторых, миф и религия — это не только форма восприятия мироздания, но и мостик, который связывает древнее единобожие славянских воззрений, их Солнечный пантеон с системой христианских идей. В древнем мире христианство было подлинной

революцией, восстановившей не просто единобожие, но совсем другого Бога — Бога Добра, Света и Равенства.

* * *

Перейдём теперь к исторической обстановке, предшествующей 988 году, поворотному в культурной истории России. Начнём с исторического окружения и соседей. Цитирую Д. С. Лихачёва: «Кругом были „немцы“, т. е. люди, не говорившие на доступном пониманию языке, праги, приходившие на Русь „из невесты“, а граничившая с Русью степная полоса — это „страна незнаемая“» («Н. М.» № 6, 88 г, с. 249).

«Были немцы» — и ведь пишется это об эпохе, когда вплоть до границ нынешней Франции разливалось славянское «море», — море единого этноса, говорившего на почти едином языке, не испорченном ещё немецкими, турецкими, угоро-джунгарскими (т. е. монгольскими), арабскими и другими завоевателями!

«Славянский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от какого другого не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времён, и многочисленные оные славянские народы говорили славянским языком ещё прежде рождения Христова» (М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. ГИПЛ. 1950, с. 468).

Лейпциг в те времена назывался Липском и был центром славянской области лужичан, потомки которых живут там и поныне. Дрезден был Дроздянами, Мейсен Мишнами, Мерзебург — Межибором, а населяли все эти земли нишпаны, мильчаны, седличаны, дечаны и хутичи, а на севере знаменитый Бранденбург величался Бранибором — центром обширных славянских княжеств, которые были завоеваны немцами лишь в середине 12 века. Это всё в границах нынешней Германии, не говоря уже о Польше. А далее на юг, вплоть до Червоной (Красной) Руси, вошедшей в состав государства Русь в 981 году, простиралась Велико-моравская Держава славян, объединённых Пражским княжеством. Ещё южнее были земли Угорских славян, которые до сих пор украинцами называются Угорщиной. А тогда на берегу Дуная стояли Вышеград и Новгород, Печи (современный Пешт). Эта область Венгрии вплоть до 1400—1600 годов называлась НОВОГРАДОМ. Хунгары (Джунгары, уйгуры) завоевали и стали поработать эту страну только в X-м веке. А ещё южнее была Валахия и Болгарское царство. Даже Австрия (Острия!), ещё не подвергшаяся к тому времени глубокой германизации, управлялась славянскими князьями с городами Виндебож (Вена), Светла (Цетль), Ракоусы и др.

Но, может быть, русы тогда не знали, «в страхе покинутости» прячась за деревьями в результате «угнетающего воздействия одиночества», что вокруг братья-славяне, а не «немцы»? Или «боязнь грозных явлений природы» мешала им выйти из «редконаселённых лесов, болот и степей»?

История свидетельствует: картина была совсем иной, чем та, которую рисуют для нас известные сказочники.

Послушаем лучше, что говорят письмены наших предков: «В лето 6477 (969 г.). Рече Святослав к матери своей и к боярам своим: *«Не любо ми есть в Києве быти, хочу жити в Переславци на Дунаи, яко то есть середѣ земли моеи, яко ту еси бабагая сходятся: от Грек злато, поволоки, вина и овошечыя разночиныя, из Чех же, из Угоръ сребро и конюи...»*

Это написано в «Повести временных лет», — источнике достоверном. Значит, знали в Русском государстве и о Валикоморавской державе, и об Угорщине! Торговали и общались, а не прятались по лесам.

Сказочка о «немцах» не проходит.

Даже четыре века спустя, уже после углубления расслоения славянских языков, запорожцы, находясь под литовско-польской оккупацией, отправляли в Чехию войсковые дружины на помощь гуситам в борьбе с закованным в броню рыцарством «всей просвещённой Европы».

Теперь поговорим о «неизвестной» «невесте». В те времена на просторах «границившей с Русью степной полосы» кочевниками дирижировали две крупнейшие державы: Византия и Хазария. Это Хазария направила сюда орды печенегов и натравила их на перекочевавших в этот район хунгар, вытеснив последних в Европу. Арабы называли хунгар — баджгард, т. е. башкирами, отсюда долго кочевавшая в литературе легенда о приуральском и приволжском происхождении угоро-финских племён. Это Хазария сообщала арабскому Халифату, что защищает мусульманский мир от русов, и неоднократно насылала кочевые орды на русские города. Иосиф сообщал, к примеру, что Каганат контролирует речные пути — задерживает русов, «прибывающих на кораблях» по Волге.

По-видимому, разобравшись с этой «неизвестностью», пройдя через «невесту», в 965 году Святослав наносит смертельный удар по Каганату. В летописи читаем:

В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша с князем своим Каганом и сступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козарам и град их и Белу Вежю взя.

Духовное состояние русского народа и государства перед принятием христианства было совершенно подготовлено всей его предшествующей историей, что и определило совершенно однозначно политические и культурные последствия этого шага. Да, именно государства, ибо была уже сложившаяся государственность к этому времени, что бы там ни говорили. Да и сам акт этот тоже был государственным.

Вот именно с этих позиций и возрастает значение христианизации Руси как духовного праздника:

ВОЗВРАТ ВЕРЫ, СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ДУХОВНОМУ МИРОСОЗЕРЦАНИЮ РУССКОГО НАРОДА, ПРОКЛЯТИЕ СВОЕКОРЫСТИЮ И СТЯЖАТЕЛЬСТВУ, ОБЪЯВЛЕНИЕ ЭТИХ СВОЙСТВ УЩЕРБНЫХ ДУШ ФОРМОЙ ДУХОВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАРАЕМОГО НЕБЕСАМИ, ГИМН БРАТСКОЙ ОБЩНОСТИ И ЕДИНОЙ ЦЕЛИ — УСТАНОВЛЕНИЮ СПРАВЕДЛИВОГО ЦАРСТВА БОЖИЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ НА ЗЕМЛЕ, В ПРОТИВОВЕС БЕЗЫСХОДНОЙ РАЗОБЩЕННОЙ БЕЗЗАЩИТНОСТИ, НАСАЖДАЕМОЙ СИЛАМИ ЗЛА, ИДЕИ ИСТИННОСТИ ДОБРА С ВСЕВЫШНЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Для становления и единения общества — всё это важнейшие положения.

* * *

Да, отгремели салюты в честь Тысячелетия, возродившие интерес к истинной истории народа и его духовной жизни. Предстоит период осмысления и обсуждения исторических, культурных, нравственных аспектов, пересмотра и нового понимания положений и «заблуждений, застрявших в общих курсах истории СССР и других, полуофициальных, изданиях», как правильно пишет академик Д. С. Лихачёв.

Только вот главное заблуждение, которое там застряло-таки, это положение Д. С. Лихачёва о предхристианской славянской дикости и «варварстве», неустанно повторяемой многоголосым хором наших домероженных литературных эпигонов.

Это и миф, противопоставляющий «просвещённую» уже Европу варварскому азнатству славян, это и сказки, что культура нам была, мол, привнесена в готовой совершенной форме, а не наоборот — СЛАВЯНСКАЯ культура положила фундамент всей европейской цивилизации, как это было и есть на самом деле.

И надо же понимать, что критикуемые нами в этой работе широко распространённые ложные положения унижают не только наш народ, но и христианскую церковь, как одну из форм его миросозерцания, вселенская жертвенная форма которого наиболее соответствует русскому национальному характеру.

Вот с целью прояснения некоторых «мифических установок» и написана эта статья.

Надеюсь, что в рамках предложенной Д. С. Лихачёвым дискуссии, она поможет читателям в процессе обсуждения установить так необходимую сейчас нашему народу опору на своё далёкое-далёкое прошлое. Прошлое светлое и достойное. Прошлое, у которого нет пределов древности для установления юбилейных дат.

Прошлое, которое каждый русский человек должен знать и которым вправе гордиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абеига русских суверей. М., 1786.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи с народами сопредельных стран. Л., 1971.
- Азодовский М. К. История русской фольклористики. Т. 1 — 2. М., 1958—1963.
- Академические школы в русском литературоведении. М., 1975.
- Аничков Е. В. Весенняя обрядовая поэзия на Западе и у славян. Ч. 1—2. СПб., 1903—1905.
- Аничков Е. В. Язычество в Древняя Русь. СПб., 1914.
- Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1861.
- Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Казань, 1914.
- Барсов Н. П. Очерки русской истории географии. Варшава, 1873.
- Бахтия М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Белинский В. Г. Литературные мечтания. Полн. собр. соч. М., 1953.
- Богданович А. Е. Пережитки древнего мировоззрения у белоруссов. Гродна, 1895.
- Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве. Советская этнография, 1954, № 4.
- Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1—2. СПб., 1861.
- Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1880.
- Василенко В. М. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X—XX вв. М., 1974.
- Велецкий Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- Востокнов А. К. Словарь церковно-славянского языка. Т. 1—2. СПб., 1858—1861.
- Гдеонов С. А. Варяги в Русь. Ч. 1—2. СПб., 1878.
- Герцов А. И. Письма издалена. М., 1881.
- Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1855.
- Гильфердинг А. Ф. Овенские былины. М. — Л., 1949—1951.
- Глинка Г. А. Древняя религия славян. Материалы, 1804.
- Голейзовский Н. Я. Образы русской народной хореографии. М., 1964.
- Головацкий Я. Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878.
- Григорьев А. Д. Архангельские былины. Т. 1. М., 1904; т. 2 Прага, 1939; т. 3 СПб., 1910.

- Грешинко М. М. Трудные традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.
- Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1935.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1895.
- Добролюбов Н. А. Избранные статьи. М., 1980.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршию Давыдовым. М. — Л., 1958.
- Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах. Т. 1—4. СПб., 1902—1905.
- Ефименко П. С. Малорусские заклинания. М., 1874.
- Забывши М. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1918.
- Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. — Л., 1937.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Кайсаров А. С. Славянская и российская мифология. М., 1810.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники М., 1977.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1—2. М., 1903.
- Касторский М. И. Начертание славянской мифологии. СПб., 1841.
- Клибаков А. И. Народная социальная утопия. Кн. 1—2. М., 1977—1978.
- Книга Марко Поло. М., 1956.
- Коньярс Джузеппе. История фольклористики в Европе. М., 1960.
- Корнифский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1911.
- Костомаров Н. И. Славянская мифология. Киев, 1847.
- Котляревский А. А. Сочинения. Т. 1—4. СПб., 1889—1895.
- Кратковский Ю. Ф. Быт западнорусского славянина. М., 1874.
- Леже Л. Славянская мифология. Воронеж, 1908.
- Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч., 5-я изд., т. 26.
- Липова Е. Э. Великорусские песни в народной гармонизации. Т. 1—2, 1904—1909.
- Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1978.
- Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973.
- Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1896.
- Ломоносов М. В. Древняя российская история. Ч. 1—2. СПб., 1766.
- Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Майков Л. О былинах Владимира цикла. СПб., 1863.
- Мансинов С. В. Куль хлеба. М., 1982.
- Мансинов С. В. Нецистая, изведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Маслова Г. С. Русский народный орнамент как историко-этнографический источник. М., 1977.
- Материалы для терминологического словаря Древней России. Сост. Г. Е. Ночин. М. — Л., 1937.

- Миллер В. Ф. *Очерки русской народной словесности*. М., 1897—1924.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1—2. М., 1980, 1982.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1958.
- Нестеров Ф. Ф. *Связь армии. Опыт исторической публицистики*. М., 1980.
- Никитинский Н. Я. Простонародные приметы и поверья. Витебск, 1897.
- Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975.
- Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
- Овсянко Н. Р. Ближний Восток и славянство. СПб., 1913.
- Пассек В. *Очерки России*. Кн. 1—5. М., 1838—1842.
- Парновский Н. И. Славяне, их взаимные отношения и язык. Т. 1—3. Варшава, 1886—1893.
- Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1—4. М., Петроград — СПб., 1881—1887.
- Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Попов М. М. Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей. СПб., 1768.
- Потебня А. А. *Эстетика и поэтика*. М., 1976.
- Примечания. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1960.
- Пропл В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- Путешествия в восточные страны Елиза Каролина и Г. Рубрума. М., 1957.
- Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 1—2. СПб., 1894.
- Пыпин А. Н. История славянской литературы. Т. 1—2. СПб., 1879—1881.
- Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.—Л., 1944.
- Рукописное наследие Древний Русь. Л., 1972.
- Русские. Историко-этнографический атлас. Замладана. Крестьянская школа. Крестьянская одежда. М., 1967.
- Русский народный и свадебный обряд. Л., 1973.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Селиванов В. В. Год русского замладана. Сочинения. Т. 2. Владимир, 1902.
- Славяне русского народа, собранные И. П. Саваровым. Народный древний. Праздники и обычаи. СПб., 1885.
- Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
- Славянский и балтийский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981.
- Славянский и балтийский фольклор. Генезис. Архива. Традиция. М., 1978.
- Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1973.
- Снегирев Н. М. Русские в своих пословицах. Кн. 1—4. М., 1834—1834.
- Снегирев Н. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1—4. М., 1837—1839.
- Собрание разных песен. Издал М. Чулков, части 1—3 с прил. СПб., 1770—1773.
- Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.
- Средневековый Н. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

- Стогави. СПб., 1863.
- Строев П. Краткое обозрение анфелогии славян российских. М., 1815.
- Сунцов Н. Ф. Культурные пережитки. Киев, 1880.
- Сухачев И. В. Обычаи, традиции и современность поколений. М., 1976.
- Терещенко А. В. Быт русского народа. Вып. 1—8. М., 1847—1848.
- Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.
- Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
- Флорянский Т. Д. Славянское племя. Киев, 1907.
- Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.
- Фольклор и этнография. Сказки фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1978.
- Фрозер Д. Золотая ветвь. Вып. 1—4. М.— Л., 1931.
- Халаевский М. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.
- Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М., 1979.
- Шафарик П. Я. Славянские древности. Т. 1—2. М., 1837—1848.
- Штейн П. В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями. СПб., 1874.
- Штейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, легендах и т. д. СПб., 1898.
- Шеншиг Д. О. Мафы славянского язычества. М., 1848. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1—5, 10—12. СПб.— Л., 1908—1929.
- Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Солнечные боги славян	3
С любовью к Отечеству	18
А. Кайсаров. Славянская и российская мифология . .	23
«Глинка из Глинки»	87
Г. Глинка. Древняя религия славян	89
История языческой Руси	143
Б. Рыбаков. Рождение богинь и богов	146
Обретение «Велесовой Книги»	247
Велесова Книга	252
Л. Рыжков. Были и небылицы о Древней Руси . .	308
Библиография	316

От составителей:

Сердечно благодарим преподавателя Саратовского государственного университета Ларису Михайловну Лукьянову за помощь в переводах иностранных текстов А. С. Кайсарова, а Людмилу Евгеньевну Зайцеву из Самары за предоставленный текст книги Г. А. Глинки.

В книге использованы рисунки художников Б. И. Астафьева и Е. И. Басова, Г. И. Кадымова

Андрей Сергеевич Кайсаров

Григорий Андреевич Глинка

Борис Александрович Рыбаков

МИФЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН. ВЕЛЕСОВА КНИГА

Редактор *Т. Е. Вардугина*

Художественный редактор *В. К. Бутенко*

Технический редактор *Л. А. Богкина*

Корректор *Т. Е. Никольская*

Сдано в набор 14.06.93. Подписано в печать 17.11.93. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная новая. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 18,7.
Тираж 100 000. Заказ 757.

«Надежда»

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации. 410004, Саратов,
ул. Чернышевского, 59

THE DOG ADOX CARPETS

Плифы древних славян

Плифы
древних
славян